

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТОМАН

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Приключенческие повести

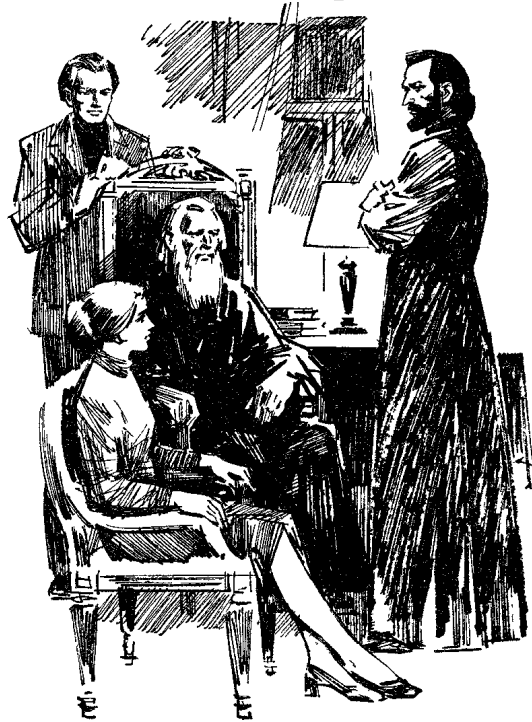
Рисунки Л. Гольдберга

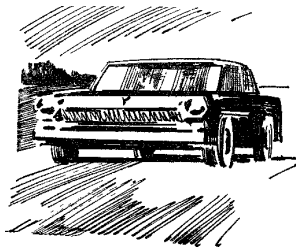
«Детская литература»

Москва 1980

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
МАГИСТРА
ТРАВИЦКОГО

Если бы Травицкий знал, что сестра покойного архиерея, ведавшего местной епархией, окажется такой упрямой старухой, он бы, пожалуй, отказался от встречи с ее внуком, кандидатом физико-математических наук Ярославом Куравлевым. Даже когда Травицкий сообщил ей, что он магистр богословия и преподает в местной духовной семинарии, это не смягчило ее.

– Пока вы не скажете, зачем вам мой внук, я не пущу вас к нему, – твердо стоит она на своем. – Он не совсем здоров. Врачи предписали ему полный покой, и я должна знать, о чем будет разговор.

– Это мне трудно объяснить...

У Травицкого уже не остается никаких сомнений – она не пустит его к внуку. Но тут появляется сам Куравлев.

– Вы так громко разговаривали, что я все слышал, – обращается он к Травицкому. – Раздавайтесь, пожалуйста.

– Но ведь тебе нельзя, Слава... – пытается протестовать бабушка.

– Нет, лучше уж я с ним поговорю, – перебивает ее Куравлев, – буду знать, зачем к нам пожаловал магистр богословия.

– Ну, как знаешь...

Травицкий снимает пальто и идет вслед за Куравлевым.

– Садитесь, – кивает Куравлев на кресло в углу одной из комнат просторного архиерейского дома, – и рассказывайте, что вас ко мне привело.

– Я читал вашу статью в «Журнале Московской патриархии». В ней говорилось о возможности экспериментального, так сказать, общения со всевышним...

– Да, но ведь я опубликовал ее почти год назад.

– Дело, видите ли, в том, что нашу семинарию посетил недавно подмосковный священник отец Никанор...

– Пожалуйста, покороче.

– Извините, но я и так лишь о самом главном... Из случайно услышанного мною разговора этого священника с его племянником-семинаристом я узнал, что похожий эксперимент замышляется еще какими-то физиками. Возможно ли это, однако?

– А какой эксперимент? – заметно оживляется Куравлев. – Физический или математический?

– Кажется, физический, ибо с помощью какой-то аппаратуры.

– А они не шарлатаны, эти физики?

– Отец Никанор уверяет, что они порядочные люди, искренне верящие в бога. Вот и хотелось бы знать ваше мнение, осуществимы ли их замыслы?

– Не знаю.

– Но ведь вы писали...

– Да, я писал, но о математическом эксперименте. Вернее, о математической модели всевышнего. Для людей, далеких от современной науки, наверное, это звучит кощунственно...

– Простите, пожалуйста, что я перебиваю вас, но я смыслю кое-что в современной науке. До духовной академии учился в университете. Слежу и теперь за развитием естественных наук.

– Боюсь, что вам все равно меня не понять.

– Почему же...

– Для вас ведь математика всего лишь наука о количестве, – почти с нескрываемой досадой перебивает его Куравлев. – А на самом деле ни одно значительное исследование современной математики просто невозможно выразить через понятие количества. Математика потому и покорила физику, что давно уже стала неколичественной и неметрической. С ее помощью я берусь доказать все, что угодно. В том числе и существование всевышнего...

– А без математики?..

– Едва ли... Одними логическими рассуждениями сделать это вообще невыносимо. Тут мы упрямся в такие парадоксы, которые ничего от могущества всевышнего не оставят.

– Даже так?

– Ну вот возьмите хотя бы такое: может ли всевышний создать камень, который сам не сумеет поднять?

– Этот парадокс мне известен, – улыбается Травицкий. – К счастью, наши семинаристы не задают нам пока таких вопросов. А то что же получается: если всевышний не сможет создать такого камня, значит, он не всемогущ? А если создаст, то не сможет поднять, то тоже ведь не всемогущ?

– А между прочим, этот парадокс лишь один из многих, связанных с математическим понятием бесконечности.

– Я имею некоторое представление и об этом, – не без самодовольства замечает Травицкий. – И такие понятия математической бесконечности, как деление нуля на ноль и бесконечности на бесконечность, не кажутся мне нелепыми. Ну, а вы не потеряли еще охоты поставить свой эксперимент?

– Надеюсь его поставить, – убежденно заявляет Куравлев.

Но в это время слышится строгий голос бабушки:

– Ярослав!

– Ну, я не буду вас больше беспокоить, – поспешно поднимается со своего кресла Травицкий. – Извините, ради бога...

Магистр богословия Стефан Травицкий действительно учился когда-то в университете и покинул его, усомнившись в возможности постичь абсолютную истину. А знакомство молодого Травицкого с богословами соблазнило его возможностью «богопознания». Вот он и оказался в духовной академии. Немалую роль в этом сыграл и дядя его, доктор богословия.

Познать бога оказалось, однако, еще труднее, чем проникнуть в тайны природы. О том свидетельствовали не только католические, но и православные богословы. Один из них признался даже: «Бог столько познается нами, сколько может кто увидеть безбрежного моря, стоя на краю его ночью с малою в руках зажженной свечою».

Стефан Травинский и прежде не верил, тем более не верит теперь в того примитивного бога, о котором повествуют Библия и другие священные книги. Для него не существует ни иудейского Яхве-Иеговы, ни исламского Аллаха, ни христианской троицы. В этих вопросах он вполне разделяет точку зрения атеистов, считающих, что люди создали богов по образу своему и подобию.

В откровенных беседах со своим дядей, правоверным православным богословом, он признался, что верит лишь в высшую нематериальную силу, будто бы сотворившую мир, давшую ему определенное устройство и управляющую им. Но сам дядя не был уверен в искренности и этой его веры. В глубине души он считал своего племянника приспособленцем, специализирующемся на модернизации обветшалых религиозных догматов.

В богословских статьях, которые он теперь все чаще посылал в «Журнал Московской патриархии», Травицкий стал сначала осторожно, а затем все более уверенно высказывать свои идеи. Вдохновляли его на это эксперименты ватиканских коллег, смело осуществляющих «адджорнаменто» – осовременивание католической церкви.

Магистр Травицкий внимательно читал все, что сообщалось о ватиканских соборах и его сессиях. Ему особенно запомнилось выступление индийского епископа Соуза, заявившего, что церковь всегда опаздывала, когда речь шла о проблемах науки. В самом деле – сколько же можно плестись за наукой, за ее новыми открытиями, чтобы потом истолковывать их в религиозном духе. Не пора ли переходить в контратаку и самим открывать или хотя бы

предсказывать новые явления природы? А еще бы лучше – поставить какой-нибудь эксперимент. Такой, например, как «общение со всевышним», предложенный Куравлевым.

Сообщение отца Никанора о каких-то физиках, уже поставивших или собирающихся ставить почти такой же эксперимент, тоже может пригодиться. Подобная идея могла возникнуть, скорее всего, у авантюристов, но весьма возможно, что они и не мошенники вовсе, а люди, свихнувшиеся на религиозной почве. В противном случае они обратились бы за помощью не к подмосковному священнику, а в синод или к самому патриарху.

Нужно бы найти поскорее этих людей и поговорить с ними. А потом, если только они окажутся достаточно вменяемыми и действительно сведущими в науках, связать их с Куравлевым и помочь всем необходимым для их эксперимента. И независимо от его исхода сообщить об этом не только в «Журнал Московской патриархии», но и в заграничную католическую прессу.

Магистр так вдохновлен этой идеей, что готов действовать немедленно. Надо бы сразу к главе епархии, но лучше сначала к ректору семинарии, к отцу Арсению, хотя его не так-то просто вдохновить на такое дело. Он типичный традиционалист, отвергающий не только аллегорическое толкование Библии, но и частичную ее модернизацию.

При всем своем традиционализме отец Арсений, однако же, не глуп и понимает, что без этого теперь нельзя, не та ныне паства. Должен, значит, уразуметь, как важно подкрепить библейские тексты научным экспериментом.

– Как упустить такой случай, отец Арсений? – спрашивает его Травицкий, изложив свой план розыска экспериментаторов. – Представляете, как укрепится вера, если удастся принять какой-нибудь знак всевышнего?

– Да, заманчиво, конечно, – без особого энтузиазма соглашается с ним ректор, а сам думает: «Гордыня в нем это... Жажда славы... Разве ж бог и без того не подает нам вести о себе любым творением своим, кои зрим вокруг...»

Отец Арсений далеко не молод. Он окончил духовную академию еще в ту пору, когда всех этих новых веяний не было и в помине. А теперь, вслед за папами римскими да кардиналами католическими и наши православные богословы стали почитать научные книги и даже сочинения Маркса. Отсюда и сомнения во всевышнем и потребность в доказательстве его существования. Американский богослов Чарльз Генри заявил даже, будто наука управляет центром человеческой культуры, а религия влачит существование перемещенного беженца...

Надо было бы сказать этому честолюбивому богослову все, что он о нем думает, предостеречь его от соблазна, а он опасается, что будет это расценено магистром как дремучее его невежество.

– Решить этого сам я не властен, – молвит наконец ректор после долгого раздумья. – Надобно посоветоваться с главой епархии.

В тот же день он отправляется к викарному епископу – помощнику епархиального архиерея. А несколько дней спустя приходит указание – откомандировать Травицкого в распоряжение епархии.

Архиерей, прежде чем начать разговор с магистром, пристально всматривается в его лицо.

– Так вы, значит, полагаете, что экспериментаторы, о коих поведал вам подмосковный священник, не шарлатаны? – спрашивает он Травицкого и, не ожидая ответа, продолжает: – Допустим, что это так. А что же далее?

– Они, видимо, без средств, и им надо бы...

– Согласен, им надобно помочь. А как? Привезти сюда? Но как же быть с синодом? Без его ведома сие негоже... Ну, а если доложить, могут и не нам это поручить. Там у них под боком духовная академия с докторами богословия. Я бы и сам на их месте именно так и распорядился. Однако ж жаль упускать такое... У нас в семинарии тоже есть люди мыслящие, образованные – вы, Дионисий Десницын, внук его Андрей. Конечно, средств может не хватить. Неизвестно ведь, во сколько все это обойдется.

У Травицкого есть свои соображения на этот счет, но архиерей не дает ему их высказать.

Сделав знак магистру, чтобы тот помолчал, он некоторое время прохаживается по своему просторному кабинету.

– Вот что давайте предпримем, – решает он наконец. – Найдем сначала этих экспериментаторов, а там видно будет. А пока об этом никому ни слова. У вас есть где остановиться в Москве?

– Сестра у меня там.

– Вот и поедете в столицу к родной сестре в гости.

2

В Москву Травицкий прибывает ранним утром. Добравшись на такси до квартиры сестры и позавтракав, магистр в тот же день пригородным поездом едет в Тимофеевку. Отца Никанора застает он в церкви в обществе дьякона Епифания. Судя по всему, они готовят храм к вечерне.

Отец Никанор тотчас же узнает Травицкого и спешит к нему с таким радушием, какого магистр явно не ожидал. И вообще по всему видно, что он не только рад, но и крайне польщен визитом богослова.

Не дав Травицкому возможности объяснить причину столь неожиданного посещения, отец Никанор торопится познакомить его с дьяконом. Потом ведет к иконостасу, ибо от своего племянника-семинариста знает, что магистр большой знаток старинной иконописи.

«Похоже, что этот молодой и, видимо, недалекий священник по-настоящему счастлив и вполне доволен своей судьбой, – думает магистр. – Он, конечно, и рясу свою носит не без гордости и все службы совершает самозабвенно...»

Надолго ли только хватит этого рвения? Хоть он и глуп, но рано или поздно возникнет же и перед ним вопрос: есть ли все-таки тот бог, которому так преданно он служит? А чтобы подобным простакам не искать ответа на такие вопросы, он, мыслящий и многое постигший богослов Травицкий, должен сделать все возможное, чтобы укрепить их в этой вере. И если это ему удастся, православная церковь не останется перед ним в долгу...

– А экспериментаторам, о которых вы племяннику своему рассказывали, какие же иконы подарили? – как бы между прочим, спрашивает Травицкий отца Никанора, все еще любясь иконостасом.

– Да, пришлось им помочь, – вздыхает отец Никанор, и в тоне его улавливает Травицкий нотки тревоги. – Полагая замысел их делом богоугодным, подарил я им несколько иконок, кои обратили они на приобретение научной аппаратуры...

– Вы напрасно оправдываетесь, отец Никанор, – спешит успокоить его Травицкий. – Я не вижу в этом ничего не дозволенного и вспомнил-то о них так просто, глядя на этот чудесный иконостас. Ну, а экспериментаторы-то добились ли чего?

– О том не ведаю, – снова вздыхает отец Никанор.

«Видно, не очень удачно повел я разговор, – досадует на себя Травицкий. – Похоже, что побаивается он ответственности за разбазаривание церковного имущества, дорожит местом...»

– Вы говорили, будто один из них реставратором у вас работал? – снова обращается он к отцу Никанору.

– Действительно работал, а теперь не является не только в храм мой, но и в соседний, в коем получил большой заказ на роспись стен.

– Заболел, может быть?

– Право, не ведаю...

– Могло и случиться что-нибудь.

– А что же? Бог если только покарал? Всевышнему могло и не понравиться вмешательство в его дела...

– Это, конечно, не исключено, – соглашается с ним богослов. – Поинтересоваться их судьбой нужно бы, однако. Вы знаете, где они живут?

– У художника Лаврецкого был однажды.

– А адрес физика вам разве не известен?

– К сожалению, неведом. Я с ним у Лаврентьева встречался, на Трифоновской улице, в доме не то двадцать один, квартира тринадцать, не то тринадцать, квартира двадцать один.

Травицкому уже ничего более не нужно от отца Никанора, и он лишь подыскивает благодный предлог, чтобы распрощаться. А спустя полтора часа магистр нажимает кнопку звонка у дверей квартиры Михаила Лаврентьева.

Открывает ему худенькая старушка в черном платье. Она представляется Дарьей Петровной Лаврентьевой – матерью Михаила.

– А вы по какому же поводу к нему? – впуская Травицкого, настороженно спрашивает она, близоруко всматриваясь в его холеное лицо с аккуратной бородкой.

Осмотревшись и заметив в углу комнаты старинный киот с иконами, Травицкий решает назвать себя:

– Я, матушка Дарья Петровна, богослов, преподаватель духовной семинарии...

– А, к Мише, наверно, насчет заказа? – живо перебивает его старушка. – Не в пору, однако. Выслан Миша из Москвы, а ведь какой мастер был святые лики писать!

– Как – выслан? Неужели...

– Да нет, батюшка, – перебивает его Дарья Петровна, – не за ремесло свое, а из-за приятелей своих. Тех и вовсе свободы лишили, а мой выслан только.

– За что же, однако?

– Ох, не ведаю я того, – тяжело вздыхает старушка, осеня себя крестным знаменем. – Изобрели они вроде что-то да и запродали чуть ли не за границу...

– А что же именно изобрели, не знаете?

– Миша мне ничего об этом не рассказывал. Видно, не велено было. Но, кажется, придумали аппарат какой-то для общения аж с самим господом богом... Это я случайно услышала, когда его приятель, инженер какой-то или, кажется, физик, на квартире тут у нас в прошлом году с тимофеевским батюшкой отцом Никанором разговаривал. Уж потом Миша сам мне рассказал, что забрали того физика и еще какого-то их компаньона за общение уже не с господом, а с иностранцами. Видно, продали они им аппарат свой для переговоров со всевышним. Может, бог их за то и покарал...

Спустя два дня магистр Травицкий докладывает о результатах своей поездки епархиальному архиерею.

– Как вы думаете, продали они свою аппаратуру иностранцам или нет? – озабоченно спрашивает его архиерей.

– Думаю, что это им не удалось, раз в дело вмешалась госбезопасность...

– Ну, а если все-таки они ее продали, а уже потом попались? Тогда этот эксперимент там, на Западе, непременно поставят.

– Вне всяких сомнений. Потому и надо бы поторопиться, чтобы их опередить...

– Опередить?

– Да, с помощью Куравлева. Раз подобная идея родилась почти одновременно у разных людей, значит...

– Теперь в этом не может быть сомнений. Нужно действовать.

3

На улице уже темно, но Андрей сразу же узнает Настю Боярскую. Она идет впереди него с небольшим чемоданчиком в руках, видимо тоже только что вернулась из Москвы. Она теперь часто приезжает к своим родителям. В одном поезде, значит, ехали. Он, правда, не из Москвы, а из областного центра, но все равно мог бы оказаться с нею в одном вагоне. Ну, а что, если бы даже ехал он с нею вместе? Теперь они при встречах лишь кланяются друг другу, а то, что живут по соседству, имело значение только в детстве, когда ходили в одну и ту же школу. Их разделяет большее, чем сближает...

И все-таки поездка в одном вагоне с Настей была бы ему приятна, и он досадует на себя за упущенную возможность посидеть с нею рядом.

Конечно, теперь смешно вспомнить это, а ведь мальчишкой он пытался как-то объяснить ей в любви... Она не красавица, но энергичные черты ее лица, почти геометрически

точный излом бровей, шея, чем-то напоминающая шею Нефертити, – все это по-прежнему представляется Андрею прекрасным, но почти таким же далеким, как сама египетская царица Нефертити. Разошлись их пути, и значительно: она окончила аспирантуру и работает теперь над темой, посвященной философским вопросам современного естествознания, а он кандидат богословия, преподаватель местной духовной семинарии.

Как, однако, слабо освещены улицы. Если бы не снег, Настю уже нельзя было бы различить. А что, если догнать ее и поздороваться?

Неудобно, пожалуй... Вон к тому же подходят к ней какие-то парни – знакомые, наверно. Но нет, не похожи что-то на знакомых. Да и держатся вроде не очень твердо. Уж не пьяные ли? Ну да, конечно, пьяные!

Настя сильно толкает одного из них, и он летит в сугроб. А другой...

Но Андрею уже некогда дожидаться, что предпримет другой. Он торопливо бежит к Насте. Молодой богослов никогда не занимался никаким спортом, но от отца и деда унаследовал такую физическую силу, что ему не страшна встреча даже с настоящими боксерами, а тут всего лишь подвыпившие парни. Один из них все еще барахтается в глубоком снегу, второго Андрей хватает за шиворот и с размаху швыряет в еще более глубокий сугроб.

– Спасибо вам, товарищ... – не узнав Андрея, взволнованно благодарит Настя, но, взглядев знакомое лицо, обрадованно восклицает: – Ах, это ты, Андрей? Прости, не знаю даже, как мне теперь тебя называть? Отцом Андреем, может быть?.. Так ведь мы ровесники, – смеется Настя.

– Называй, как прежде... – смущенно улыбается Андрей. – Вместе ведь когда-то в школу бегали...

– Если уж как прежде, то и меня зови Настей. Ладно?

– Ладно, – живо откликается Андрей. – Я часто вспоминаю это «прежде»...

Но Насте не хочется, наверное, продолжать этот разговор, и она снова перебивает его:

– Вовремя ты на помощь мне подоспел, а то бы эти пьянчуги меня...

– Судя по тому, как ты с первым расправилась, – смеется Андрей, – второго ждала та же участь.

– Все равно спасибо! Ну, а как ты живешь? Деда я твоего недавно встретила. Он сообщил, будто ты уже кандидат богословия.

– Да, удостоился подобного звания, – с заметной иронией произносит Андрей. – Ты, конечно, осуждаешь меня за это?..

– Почему же? Ты из кастового духовенства, и не удивительно, что избрал этот путь. Хотя, если по деду твоему судить, мог бы и по-иному... Мы ведь с Денисом Дорофеевичем чаще чем с тобой встречаемся и о многом беседуем. И хоть он профессор духовной академии...

– Был таковым, а теперь уже не преподает.

– Годы, наверное? Сколько ему?

– Восьмой десяток.

– Выглядит он, однако, прямо-таки былинным богатырем. К тому же, как я поняла с его слов, он все еще при семинарии.

– Да, кое-что исполняет там по поручению ректора.

– А голова у него светлая – мог бы, наверное, и преподавать. Не усомнился ли в чем? Извини ты меня, однако, за такие вопросы! Я их потому задаю, что он мне не очень благочестивые мысли высказывал... Шутил, наверное. Он всегда ведь был шутником.

– При его сане доктора богословия такое вольнодумство не положено, конечно, – смущенно признается Андрей, – но за ним это водится... Однако ж шутки его даже сам ректор прощает.

– Православие очень уж строго к своим богословам, – замечает Настя. – Не то что у католиков. Они в своих журналах и папских энцикликах все чаще выражают стремление к диалогу с миром, в котором живут современные верующие. В том числе и с коммунистами... Но вот мы и пришли.

Протянув руку Андрею, Настя снова благодарит его.

– А ты не зашла бы к нам как-нибудь для продолжения диалога философа-марксиста с

православными богословами? – полушутя, полусерьезно спрашивает Андрей, не выпуская Настиной руки.

– Охотно принимаю твое предложение. Я теперь часто буду к родителям приезжать. Мои занятия в аспирантуре закончились, тружусь над кандидатской... Ну, всего тебе доброго!

Настя еще раз пожимает руку Андрею и направляется к своему дому. Но перед тем как войти в калитку, замечает, как из дома Десницыных выходят двое мужчин. Один среднего роста, длиннолицый, с небольшой темной бородкой. И хотя по одежде нельзя определить принадлежность его к духовенству, Настя почти не сомневается, что он духовного звания. Лицо его спутника кажется Насте знакомым, будто она уже видела его где-то.

И даже дома, расцеловавшись с родителями и выслушав их упреки за то, что не сообщила о своем приезде, Настя продолжает думать об этом человеке, и ей кажется, что она вот-вот вспомнит наконец, где же видела его. Но ей это так и не удается.

4

В последнее время Андрею Десницыну все труднее понять, когда дед его Дионисий шутит, а когда говорит серьезно. Наделенный чувством юмора, он всегда пользовался любовью у воспитанников семинарии. Терпимо относились к его остротам и преподаватели. Да и юмор его был, в общем, безобидным. Лишь дома, среди близких, подшучивал он и над несообразностями священного писания. А теперь, перестав преподавать, острит уже не так безобидно. Да и читает не столько боговдохновенные сочинения, сколько философские.

На иронический вопрос Андрея, не записался ли он в атеисты, бывший профессор богословия ответил:

– Я стар, внук мой, и мне давно уже пора думать о смерти. А так как я не был таким уж бесспорным праведником и позволял себе слишком часто и притом во многом сомневаться, то и не уверен, куда меня причислят на том свете. Вот и хочу теперь убедить себя, что никакого «того света» нет. Риск, конечно, немалый – а вдруг все-таки есть! За одни только мысли эти знаешь что мне будет? А ты не смущайся, не закрывай ушей, а слушай. Если в тебе есть истинная вера, тебя ничто не разуверит. Только я и сам не знаю, что оно такое – истинная вера. Может быть, отсутствие разума... А что же мне делать с моим разумом, коли он противится несурзностям? Вышибать его постом, телесными истязаниями, принять великую схиму?... Разве ж в человеческих силах подавить его? А бог не идет мне на помощь...

– Конечно, лучше бы мне не читать философских сочинений, – признался он как-то. – Но что же это тогда за вера такая, если ее так просто опровергнуть разумом? Задумывался ты когда-нибудь над этим?

Да, Андрей задумывался, конечно, и не только над этим. Он думал и над тем, почему отец его согласился быть ректором духовной семинарии чуть ли не на другом конце страны, отказавшись от такого же предложения местной епархии. Не боязнь ли поддаться сомнениям своего отца Дионисия побудила его к этому? И как быть теперь ему, Андрею: оставаться тут в семинарии или принять священнический сан и уехать к отцу?

Мысль эта кажется ему соблазнительной по многим причинам. Главным же образом потому, что хочется утешать слабых, нуждающихся в слове божьем, а не вдалбливать в головы семинаристам основы богословия. Но как же оставить тут деда одного? Он, правда, еще очень крепок и держится с духовенством вполне достойно, но ведь может же сорваться и наговорить бог знает что...

Нет, он не оставит его одного! К тому же для посвящения в сан ему необходимо жениться, а жениться он хотел бы только на одной девушке, которая, если бы даже и любила его, ни за что не пойдет за священника...

Все эти мысли торопливо и беспорядочно проносятся в его мозгу, пока он стоит на улице, глядя вслед уходящим гостям деда. А когда заходит в дом, застает Дионисия в крайней задумчивости. Он вроде и не замечает прихода внука. Подперев голову руками и вперив взгляд в какие-то исписанные цифрами и формулами листки, неподвижно сидит он за своим огромным дубовым столом. Лишь спустя несколько минут спрашивает Андрея, будто очнувшись от дремоты:

– Ты встретил их?

Он не поясняет, кого именно, но Андрей и так догадывается.

– Встретил. Кто это был с Травицким?

– Автор наделавшей много шума статьи в «Журнале Московской патриархии» Куравлев.

– Который предлагал доказать существование всевышнего с помощью математики? Он что, ученый какой-то?

– Чуть ли не доктор наук, а на меня произвел впечатление сумасшедшего. Говорил так быстро, что я почти ничего не понял. И писал. Всю бумагу, которая была у меня на столе, исписал вот этими цифрами и формулами... Может быть, и в самом деле какой-нибудь гениальный физик? Говорят, что они все немного сумасшедшие.

– А магистр Травицкий как себя держал?

– Он у нас, как ты и сам знаешь, одержим идеей модернизации Библии, но, в общем, говорил довольно правильные вещи. Что не в том суть, какой бог существует – христианский или мусульманский, – а в том, чтобы средствами современной науки доказать его существование. Но как он говорил? Он говорил, как средневековый фанатик, с той только разницей, что не призывал к крестовому походу против атеистов, а требовал... Да, именно требовал, чтобы церковь... «Хорошо бы, говорит, чтобы все церкви мира объединили свои средства на постановку любого эксперимента, доказывающего существование всевышнего. Ибо, говорит, в наш практический век никто уже не верит никаким проповедям и священным книгам».

– Выходит, что они с Куравлевым единомышленники?

– И не только они. Похоже, что и из высшего духовенства кое-кто поддержал бы идею задуманного ими эксперимента.

– А зачем? В свое время в «Журнале Московской патриархии» было ведь сказано: «Бог есть неведомая, недоступная, непостижимая, неизреченная тайна... Всякая попытка изложить эту тайну в обычных человеческих понятиях, измерить пучину божества, безнадежна».

– Я им привел гораздо больше аргументов в защиту этих мыслей. Напомнил даже слова папы Пия Двенадцатого, адресованные ученым: «Пусть они всеми своими силами отдаются прогрессу науки, но да остерегаются переходить границы, которые мы установили для защиты истинности веры». А Травицкий мне в ответ – высказывания того же Пия Двенадцатого о человеческом разуме, который может с уверенностью доказать существование бога путем умозаключений, выведенных из изучения природы.

– Но ведь эти высказывания Пия противоречат друг другу!

– Да, противоречат, так же как все наши священные книги противоречат не только здравому смыслу, но и друг другу. Разве не следует из этого, что все они писались не богами, а людьми?

– Как вы любите все осложнять! – укоризненно качает головой Андрей.

– Ну хорошо, не будем сейчас об этом. Послушай лучше, что они мне сказали. Даже этот физик, который помалкивал сначала, спросил вдруг: «А то, что нынешний папа Павел Шестой, отправляясь на Международный евхаристический конгресс в Бомбей, сделал и себе и своей свите противооспенные прививки, доверие это или недоверие к науке? Да и не пешком они направились туда, как в доброе старое время пилигримы, а на реактивном лайнере «Боинг-707». Ну, а что касается безнадежности всякой попытки изложить тайну существования бога обычными человеческими понятиями, то и на это был у них ответ.

Оказывается, не простыми человеческими словами, а вот этими письменами намерены они доказывать существование всевышнего.

Дионисий Десницын разбрасывает по столу страницы, пестрящие не столько цифрами, сколько латинскими и греческими буквами, знаками плюс и минус, скобками разных форм, корнями, знаками бесконечности и вездесущей постоянной Планка.

– Вот язык, на котором изъясняются сегодняшние ученые. Они называют его «божественной латынью» современной теоретической физики. Куравлев говорил тут об исчислении бесконечно малых, о теории множеств, локально-выпуклых и ядерных пространствах, об алгебраической топологии, алгебре Ли и расслоении пространства. Травицкий все время ему поддакивал, будто тоже разбирается в этом...

- Вы полагаете, что он невежествен в таких вопросах?
- Да ведь чтобы во всем этом разбираться, не духовную академию надобно кончать, а университет, да, пожалуй, еще и аспирантуру.
- Ну, а что же говорили они о самом эксперименте общения со всевышним? Реально ли это?
- Травицкий уверял, что такой эксперимент был уже будто бы поставлен в прошлом году другими физиками.
- Тогда их бы и нужно было пригласить...
- Пригласили уже, оказывается, – смеется Дионисий. – Органы госбезопасности пригласили. Травицкий утверждает, правда, что за то будто бы только, что продали они свою аппаратуру американцам.
- Со вздохом поднявшись со своего места, Дионисий тяжело шагает по комнате. Деревянные половицы с нудным скрипом проседают под тяжестью его грузного тела. А у Андрея все тоскливее становится на душе.
- Ты не встречаешь дочку соседа нашего, доктора Боярского? – неожиданно остановившись, спрашивает его дед. – Она теперь часто к родителям приезжает.
- Настю? – заметно смутившись, переспрашивает Андрей.
- Да, Анастасию. Она ведь философский факультет окончила.
- Теперь уже и аспирантуру тоже, – уточняет Андрей. – Только что встретился с нею по пути со станции. Вместе, оказывается, ехали, только в разных вагонах...
- Да, не повезло тебе, – понимающе улыбается Дионисий. – Хороша она! А ты какого мнения? Ну ладно, ладно, не хмурься, и без того знаю о давней твоей симпатии к ней. Хоть ты и не в рясе и выглядишь молодцом, но все равно, видно, не судьба... Беседовали мы с нею как-то о естественных науках, а точнее, о микромире. И знаешь, она в этом разбирается не хуже какого-нибудь маститого ученого. Догадываешься, к чему я об этом?
- Нет, не догадываюсь, – все еще хмуро отзывается Андрей.
- Пригласить бы ее нужно да листки эти показать, – кивает Дионисий на бумагу, испсанную Куравлевым. – Пусть посмотрит.
- Так ведь она не математик...
- Она философскими вопросами естественных наук занимается, значит, должна знать. Случайно, думаешь, магистр с этим физиком ко мне заглянули? Оказывается, сам ректор посоветовал Травицкому зайти с ним ко мне. Завтра я ему должен буду свои соображения о Куравлеве выложить. Ректор наш, сам знаешь, человек здравомыслящий и осторожный. А о том, что я в физике более других богословов сведущ, ему известно. С мнением моим он, конечно, посчитается, а мне не хотелось бы его подвести. Но тут такой случай, что без помощи Анастасии мне не обойтись.

5

Насте плохо спится в эту ночь. Снятся сначала пьяные шалопаи, от которых спас ее Андрей. А потом и сам Андрей в образе Христа и в таком виде, в каком изобразил Иисуса Крамской в своей знаменитой картине «Христос в пустыне». В слиянии двух этих образов она не видит ничего сверхъестественного. Христос Крамского и наяву представлялся ведь ей не богом, а человеком, погруженным в глубокое раздумье...

Проснувшись среди ночи, она уже не может больше заснуть. Так и лежит с открытыми глазами до того часа, когда обычно просыпается по утрам. И все пытается вспомнить хотя бы одно слово из того, что говорила во сне Андрею, но так и не может.

Размышляя об Андрее, она вспоминает и тех двух мужчин, которые вышли вчера вечером из дома его деда. Особенно того, который был постарше. Где же все-таки она видела его?

Потом ей вспомнилась спешка перед отъездом из Москвы, и ее охватывает чувство досады на себя за то, что так и не успела побывать у больного профессора Кречетова, консультирующего ее по атомной физике. И как только вспоминает о Кречетове, сразу же всплывает в памяти конференц-зал университета, переполненный молодыми учеными и студентами. А на

трибуне тот самый человек, которого видела она вчера возле дома Десницыных.

Вспоминает это Настя и сама не хочет верить. Он защищал тогда докторскую диссертацию, тему которой она не помнит, но что-то из области квантовой физики. Профессор Кречетов был его оппонентом и основательно раскритиковал за отрицание принципа причинности в микромире.

Несмотря на то что критика профессора была очень деликатной, докторант пришел почти в бешенство, назвал Кречетова консерватором и вообще наговорил ему таких грубостей, что ученый совет прекратил обсуждение диссертации и потребовал от докторанта немедленных извинений. Претендент на докторское звание этого не сделал, и ученый совет лишил его права защиты диссертации на какой-то срок...

Сразу же после завтрака Настя решает зайти к Десницыным и попытаться узнать, что за человек был у них вчера вечером.

Дверь ей открывает Андрей.

– Ах, как хорошо, что ты пришла! Мы с Дионисием Дорощеевичем вспоминали тебя только что... Заходи, пожалуйста!

Навстречу ей из старинного кожаного кресла с высокой спинкой поднимается могучая фигура Дионисия в широченном подряснике.

– Вот уж действительно легка на помине, – протягивает он руку Насте. – Садитесь, пожалуйста, очень надобно с вами посоветоваться по вопросам физики.

– Я не физик, а философ.

– Но ведь с физикой знакомы?

– С ее философскими проблемами.

– Ну, а как обстоит у вас дело с математикой?

– Кое-что смыслю...

– Да что вы ее экзаменуете? – подает голос Андрей. – Показывайте, а уж она как-нибудь сама разберется.

– А ты помолчи, – хмурит густые брови Дионисий. – Квантовая физика – это тебе не богословский трактат, тут без математики не обойтись. Вы не удивляйтесь моим вопросам, Анастасия Ивановна, я ведь, кроме богословских, еще и кое-какие научные книги почитываю. Это, кстати, у нас теперь не возбраняется.

– Я об этом давно догадываюсь, – улыбается Настя, почувствовав себя в этом доме почти так же непринужденно, как когда-то в детстве. Она часто бывала у Десницыных, когда училась в одной школе с Андреем.

Насте вообще приятно смотреть на этих богатырски сложенных людей. Пожалуй, их предки тоже были духовными лицами или просто крепостными крестьянами, проживавшими во владениях здешнего монастыря. Были, наверно, среди них и мастера-иконописцы, ученики или предшественники Андрея Рублева. А может быть, были Десницыны резчиками по дереву, серебряниками и ювелирами, работы которых и сейчас еще можно увидеть в местных церквах и ризницах монастыря.

– Читала я трактаты католических богословов и кое-какие сочинения ваших коллег в «Журнале Московской патриархии», – продолжает Настя, глядя на Дионисия и удивляясь густоте его бороды, почти не тронутой сединой. – Также проявляют интерес к проблемам современной науки.

– А мы с Андреем не пишем, мы только почитываем, – добродушно посмеивается бывший профессор богословия. – Не о том речь, однако. Мы хотели показать вам расчеты одного физика, нашедшего способ общения со всевышним посредством математического моделирования. Сам он до этого дошел или господь бог его на это надоумил, сие нам неведомо, только он похвалялся, будто в состоянии смоделировать с помощью математики чуть ли не самого господа бога.

Хотя от Насти не ускользает ирония, таящаяся в словах старого богослова, она не без любопытства всматривается в математические формулы и какие-то геометрические фигуры, начертанные на листках, протянутых ей Десницыным.

– Разбираетесь, что тут у него такое? – щуриет глаза, спрашивает Дионисий. – Не бессмыс-

лица ли какая?

– Да нет, не бессмыслица, – задумчиво произносит Настя. – Однако объяснить вам, что тут такое, я не смогу.

– Ну да это сейчас не так важно, главное, чтобы не было белиберды, выдаваемой за высокую премудрость.

– Похоже, что это написано человеком действительно сведущим в физике элементарных частиц. О чем он тут с вами говорил? – спрашивает Настя, теперь уже почти не сомневаясь, что это тот самый физик, на защите диссертации которого она присутствовала.

– Да обо всем. Так и сыпал всяческими новшествами из области микромира. А смысл его разглагольствований сводился, насколько я понял, к тому, что в мире этом не действительны почти все существующие ныне законы физики...

– Ну, положим, далеко не все, – усмехается Настя.

– Но главные. Закон причинности, например, – снова лукаво щурит глаза старый богослов. – По его утверждению выходит, что причинностью обусловлены там не все явления. В соотношении неопределенностей, например, вы и сами допускаете некоторое нарушение причинности, ибо не в состоянии с достаточной убедительностью объяснить, почему микро-частица не может одновременно иметь строго определенную, координату и импульс.

Заметив удивленный взгляд внука, Дионисий посмеивается.

– Он все никак не может примириться с тем, что мне, богослову, известны эти премудрости современной физики. Но это и тебе надобно знать, ибо это для нас, богословов, не только лазейка, как уверяют атеисты, а настоящая брешь в стройной системе материалистической науки.

Доктор богословия Дионисий Десницын говорит об этом легко, свободно и даже с каким-то удовольствием, будто он преподавал всю жизнь не богословие, а диалектический материализм. И Настя думает: «Вот ведь что современная наука делает с отцами православия!»

Со все возрастающим любопытством всматривается она в лицо Дионисия – что-то он еще скажет, к чему клонит?

– Но соотношение неопределенностей Гейзенберга, в общем-то, понятно. Об этом много писалось, – продолжает Десницын-старший. – А есть ведь и новые данные о капризах микромира. Как с ними быть?

– Какие же именно новые данные? – любопытствует Настя.

– Да то хотя бы, что в микромире течение времени оказывается обратимым. Что течет оно не только от прошлого к настоящему, но и от настоящего к прошлому.

– Ну, это лишь предположение некоторых теоретиков, и весьма спорные притом.

– Потому что не доказаны экспериментально или это вообще «запрещено» марксистской теорией? – лукаво усмехается старый богослов.

– Почему же запрещено? – удивляется Настя. – Просто нет ничего удивительного в том, что в некоторых, отдельно взятых элементарных уровнях материи кое-кем из ученых допускается обратимость времени. Разве это не может быть следствием неразличимости в столь малых масштабах субатомного мира, какое из происходящих в нем событий более раннее, а какое более позднее? Во всяком случае, на современном этапе исследований вовсе не исключена подобная неточность.

Хотя такое объяснение, видимо, удовлетворяет Дионисия, он все еще не хочет сдаваться. Наверное, посетивший его физик вселил в него немалые сомнения по вопросу незыблемости принципа причинности.

– Может быть, в данном случае вы и правы, – не очень уверенно говорит он. – Однако тут очень уж все туманно... В этом субатомном мире часть, оказывается, может быть больше целого. Это правда?

– Да, правда, – утвердительно кивает Настя. – Каждая элементарная частица состоит там как бы сразу из всех элементарных частиц. Элементарность субатомного мира – это ведь не дробление мелкого на еще более мелкое...

– Имею некоторое представление об этом. Более того, вполне согласен с Гегелем и Энгельсом о «дурной» бесконечности. Это в том смысле, что элементарные частицы не «состо-

ят из...», а «превращаются в...». Не так ли?

– Конечно. Неисчерпаемость тут понимается не в количественном отношении. Она включает в себя качественные скачки и переходы к совершенно новым типам отношений и даже, пожалуй, перевоплощений.

– Ну, а если элементарная частица может быть и сама собой и состоять из других, даже больших, чем она сама, то ведь и идея триединого бога: бога-отца, бога-сына и бога – духа святого – не так уж нелепа, хотя атеисты считают представление об этом единстве ниже всякой критики.

– Но ведь, кажется, еще Лев Толстой...

– Вот именно! – живо перебивает ее Дионисий. – Именно он утверждал, что догмат о святой троице не может быть принят разумом, так как часть будто бы не может быть равна целому. Но ему это простительно – тогда не только он, но и вся мировая наука ничего не знала о каверзах микромира.

– А не обидно для всемогущего бога сравнение его с микрочастицей? – улыбаясь, спрашивает Настя. – Ведь в «Православном катехизисе» сказано, что «бог-отец не рождается и не исходит от другого лица. Им из ничего созданы небо и земля, видимый мир и невидимый. Он есть дух вечный, неизменяемый»...

– «Всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вседовольный и всеблаженный», – продолжает за нее Дионисий. – И, будучи столь всемогущим, ему ничего не стоит, наверно, перевоплотиться во что угодно, в том числе и в микрочастицу. Идея эта не мне, однако, пришла в голову. Ее подсказал нашим богословам тот самый физик, который исписал своими формулами всю эту бумагу. Он вообще убежден, что микромир – это та область, которая подвластна лишь всевышнему...

– Он просто шарлатан, этот ваш физик! – возмущается Настя. – Он бесчестно спекулирует временными затруднениями субатомной физики.

– У нас есть сведения, что он имеет ученую степень. К тому же ссылается на авторитет западных ученых. А по их данным в микромире нарушен даже такой священный закон материализма, как закон сохранения энергии.

– Такая возможность лишь допускается, и только потому, как остроумно заметил один тоже западный физик, что природа охотно закрывает глаза на эти нарушения, если они происходят в достаточно короткое время. В течение секстильонной доли секунды, например.

– Субатомный мир, значит, действительно полон загадок?

– Да, тут мы еще не все знаем, так как не умеем пока достаточно точно решать уравнения современной теории элементарных частиц.

– Ну, а если бы нашелся математик, который решил бы их точно? Мог бы он средствами одной только математики, без эксперимента, разгадать тайну субатомного мира?

– Я лично не очень в этом уверена, – задумчиво покачивает головой Настя. – Но, с другой стороны, математическое моделирование явлений природы играет в теории значительную роль. Некоторые ученые даже утверждают, что современная теоретическая физика вообще развивается преимущественно методом математических гипотез.

– Так полагают только математики?

– Не только они.

– Ну, а вы?

– Я просто не могу не считаться с фактами. А факты подтверждают справедливость этих утверждений. Многие открытия действительно были сделаны «на кончике пера» математиков.

– Вы не отрицаете, значит, что одним лишь математическим моделированием можно сделать фундаментальное открытие?

– Видимо, можно. Но имейте в виду, что существует еще и «математический идеализм», отрывающий математические абстракции от отображаемых ими реальных предметов и процессов окружающего нас мира.

– Вот вы и помогите нам в этом разобраться, – протягивает ей Дионисий собранные со стола листки с математическими формулами. – Покажите их кому-нибудь более вас сведу-

щему в математике.

Андрей, не участвуя в беседе, слушает деда и Настю с большим вниманием, дивясь не столько познаниям Дионисия в области естественных наук, сколько спокойствию Насти. Конечно, она могла бы не раз поставить его в тупик или с помощью своей философской науки опровергнуть какие-нибудь богословские догматы, но она даже не попыталась сделать это.

А Дионисий Десницын, прощаясь с Настей, уже совсем по-мирски трясет ее руку и, посмеиваясь, спрашивает:

– Так вы не отрицаете, значит, что еще многое вам, материалистам, неведомо?

– Мы не были бы материалистами, если бы отрицали это.

– И уж вы нас извините, Анастасия Ивановна, за то, что столько времени у вас отняли. Но кто знает, – задумчиво и на сей раз вполне серьезно добавляет он, – может быть, беседой этой оказали вы если не всей православной церкви, то нашей духовной семинарии большую услугу. А фамилия физика, формулы которого мы вам передали, Куравлев Ярослав Ефимович.

6

Оставшись одни, дед и внук некоторое время молча смотрят друг на друга.

– Я бы на вашем месте последовал примеру бывшего профессора Ленинградской духовной академии Александра Осипова... – негромко говорит Андрей.

– Помышлял уже об этом, – без обычной своей иронической улыбки признается Дионисий Десницын. – Но ведь он сделал это в сорок восемь лет, а мне уже восьмой десяток. Поздновато. Да и привык я к своей рясе. Ходишь в ней и дома, и по улице, как в домашнем халате. Ну кто еще, кроме нас, может позволить себе такое?..

Андрей молчит. Он знает, что спорить с дедом бесполезно. Видно, он и в самом деле окончательно разуверился во всевышнем, а не отрекается от него публично лишь потому, что не хочет ставить в затруднительное положение сына и внука.

Никогда еще не хотелось так Андрею побыть одному, собраться с мыслями. И он уходит из дома, не предупредив об этом деда. Уж очень тревожно сегодня у него на сердце, а в мыслях такой разнобой...

Вот уже более получаса бродит он по улицам, выбирая самые малолюдные. Сейчас бы ему не по родному городу бродить, а по пустыне, по дикому, безлюдному краю, и чтобы вокруг ни одного живого существа, а лишь один он да бог. Может же он вмешаться в его судьбу, подать какой-нибудь знак, зародить хотя бы чувство уверенности в самом себе. Почему вмешательство его может сказываться только в микромире? Ведь он великий, всемогущий бог, ему все подвластно, все вокруг – его творение. Отчего же тогда общаться с людьми может он лишь в самых мизерных пределах им же созданной материи?

Но даже если это и так, то проникнуть в микромир смогут ведь только ученые, а не те, кто служит ему, богу, кто жаждет общения с ним, кто хочет понять его полнее и глубже, чтобы затем рассказать об этом людям.

Андрей упорно думает об этом и наконец решает, что, может быть, всевышний именно через людей науки, через этих безбожников собирается поведать о своем существовании. И если именно они оповестят об этом человечество, их словам, как это ни прискорбно сознавать, будет, конечно, больше веры, чем лицам духовного звания, и без того утверждающим существование творца всего сущего.

Это успокаивает, но ненадолго. Другие мысли и сомнения с новой силой начинают одолевать его.

Зачем богу вообще подавать какие-то признаки своего присутствия где бы то ни было? Если он не вмешивался в судьбы мира в страшнейшие периоды истории земного человечества, зачем ему это сейчас? Потому только, что раньше люди не могли проникнуть в его обитель в микромире, а теперь проникают и он вынужден отвечать на их вопросы?

Нет, тут что-то не то, что-то лишнее всякой логики. Наверно, всевышнему просто нет никакого дела до человечества, в противном случае он не мог бы не вмешаться и не покарать тех, кто этого заслужил. Такими Андрей считает вовсе не безбожников, а жестоких священ-

нослужителей, ибо не находит оправдания ни средневековой инквизиции, ни многочисленным крестовым походам, ни тем более порочности римских пап.

И ему невольно приходят на память слова таких великих безбожников, как Вольтер и Дидро. Один из них сказал ведь, что со времени смерти сына пресвятой девы не было, вероятно, ни одного дня, в который кто-либо не оказался бы убитым во имя его.

А не справедливо разве замечание Дидро? Конечно, он издевался над священнослужителями, но если действительно на одного спасенного приходится сто тысяч погибших, то, значит, дьявол в самом деле остался в выигрыше, даже не послав на смерть своего сына?

А православная церковь, разве она была менее жестокой? Разве не были в свое время утоплены в Волхове псковитяне, обвиненные в ереси? Не требовал разве церковный собор по настоянию подавляющего большинства высшего духовенства сожжения русских еретиков? И их жгли. А жестокое подавление старообрядцев? Их казнили, отрезали им языки, ссылали чуть ли не на край света. И все во имя веры в бога. Зачем ему такая вера?

Вот за что нужно было покарать служителей церкви, и это укрепило бы веру более, чем их жестокость. Достойна кары и любовь к низкопоклонству служителей господина. Разве не сплошное богохульство титулатура епископата? Все эти звания блаженнейших, святейших, преосвященнейших, высокопреосвященнейших и святых владык? А полный титул папы римского? Викарий Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный священник вселенской церкви, восточный патриарх, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх Ватикана.

Все это давно уже вызывало в Андрее досаду. Какое-то время его утешала «Исповедь» Льва Толстого и другие его сочинения на религиозные темы, но такого смятения, как сейчас, он не испытывал еще ни разу. Более же всего смущает его теперь предстоящий эксперимент. И не потому, что он может не удался. Неудача, пожалуй, не очень бы его огорчила. Ее можно было бы истолковать нежеланием всевышнего вмешиваться в судьбы земного человечества. Ну, а если он все-таки вмешается и даст чем-нибудь знать о себе?..

Это-то и страшит более всего Андрея. Если он отзовется сейчас на вмешательство экспериментаторов, пусть даже гневно, почему же тогда молчал целую вечность, имея гораздо большие причины для вмешательства и гнева?

7

Ректор духовной семинарии слушает Травицкого с заметным удивлением. Его раздражает слишком громкий голос магистра, возбужденная жестикуляция, хотя говорит он такое, с чем нельзя не считаться. Он почти дословно приводит высказывания профессора Московской духовной академии Глаголева. Давно, более полувека назад, было сказано это, а и ныне справедливо.

Он говорил, что научное исследование направляет людей не по пути к церкви, а уводит от нее, ибо между положениями науки и тезисами веры существуют противоречия. И хотя конфликт между религией и наукой по многим пунктам в ту пору удавалось устранить, он прекрасно понимал, что развитие научных знаний будет непрестанно выдвигать все новые пункты для столкновений. «На ком лежит забота об их устранении? – вопрошал профессор Глаголев и сам же отвечал на этот вопрос: – Конечно, на нас с вами, господина!»

– Эта речь профессора Глаголева была произнесена в Московской духовной академии еще в тысяча восемьсот девяносто девятом году, а что сделано нами за это время? – спрашивает Травицкий с едва сдерживаемым раздражением. – Да, мы искали возможности примирения науки с религиозными представлениями. Даже находили, как нам казалось, достаточно убедительные аргументы их непротиворечивости. Но ведь это были лишь слова, чисто логические операции, которые материалисты относят к софистике. А у них имелись факты, неоспоримые данные экспериментов. И они правы, говоря, что всякий раз, когда наука делает шаг вперед, бог отступает на шаг назад.

– А вы хотите, чтобы всевышний явил нам чудо? – спрашивает ректор, злясь на себя, что не находит должных слов, чтобы поставить на место этого слишком дерзкого магистра. – И думаете, что атеисты уверуют после этого в бога?

– Ему бы следовало помочь нам доказать свое существование с помощью достаточно убедительных фактов, а еще лучше – экспериментов. Тогда уже никто не упрекнул бы нас в том, будто атеисты появляются потому, что наши доказательства существования бога ничего не стоят и хороши лишь для тех, кто и без того в него верует.

– Именно это мы и собираемся сделать с помощью Куравлева.

– А каким же образом? С помощью одних только никому не понятных математических формул?

– Их поймут ученые...

– А нам нужно, чтобы поняли это и простые люди, которые привыкли верить фактам. Потому-то и надо ставить физический эксперимент, не жалея средств.

– Однако со слов Куравлева я понял, что он не намерен ставить физических экспериментов, полагая, что и одних только математических расчетов будет вполне достаточно.

– Нет, этого будет явно недостаточно! – уже не сдерживая себя, восклицает Травицкий. – От него нужно требовать физического эксперимента! Раз он способен доказать что-то теоретически – должен, значит, подтвердить это и экспериментом. Ему нужно прямо сказать, что за средствами дело не станет. И если вы меня уполномочите, я сообщу ему об этом.

– Нет, – твердо стоит на своем ректор, – мы ограничимся пока только математическими его расчетами. Такова воля главы епархии.

А если бы была на то его личная воля, он бы вообще отказался от любого эксперимента. Но раз пожелал того епархиальный архиерей, он не вправе ему перечить. Да и риск в данном случае невелик. Пусть себе выводит свои формулы этот Куравлев. Если они и не укрепят веру, то и не пошатнут ее. А общение с ним надо бы поручить не Травицкому, а Десницину. Он и уравновешенней, и в науке более его смыслит.

8

Пробыв у родителей около недели, Настя снова уезжает в Москву на консультацию. Дионисий Десницин снабжает ее к тому времени еще кое-какими расчетами Куравлева.

Дверь ей открывает сам профессор Кречетов. У него на перевязи левая рука, но выглядит он вполне здоровым.

– Что смотрите на меня такими удивленными глазами? – шутливо спрашивает он. – Ходят, наверно, слухи, что я отдаю концы?

– Ну что вы, Леонид Александрович! – восклицает Настя. – Кто станет распускать такие слухи? Но то, что вы нездоровы, – ни для кого не секрет.

– Ну, а что все-таки говорят о моей болезни? – продолжает допытываться Кречетов. – Не удивляются: такой здоровяк – и вдруг в постели?

– Не знаю, как другие, а я удивилась, – чистосердечно признается Настя. – Но мало ли что может приключиться даже со здоровяком? Вот и пришла навестить... Толком ведь никто не знает, чем вы больны. Поговаривали, будто вы упали и сломали руку. Это правда?

– Это наиболее вероятная версия, – смеется профессор. – Видите, рука действительно на перевязи.

– Ну, а на самом деле? Вы же спортсмен, как же так неудачно упали?

– Падают и спортсмены, тем более что я не такой уж молодой спортсмен, – посмеивается Кречетов.

– Вы так меня заинтриговали, Леонид Александрович... Но если не находите нужным...

– Да, лучше не будем больше касаться этой темы. Она мне не очень приятна. К тому же я почти здоров. Ну, а у вас как идут дела? Скоро ли можно будет познакомиться с вашей диссертацией?

– Теперь скоро, только страшно уж очень, – вздыхает Настя. – А я, знаете, еще к вам зачем? Расспросить хотела о том физике, на защиту докторской диссертации которого вы меня приглашали...

Кречетов заметно мрачнеет.

– Лучше бы вы не спрашивали меня о нем, – устало говорит он после довольно продолжительного молчания. – Но уж раз спросили, я отвечу. Помните, как я расстроился в тот

день? Но не потому, что он меня оскорбил. Просто досадовал на самого себя. Думал, что, может, слишком требователен был к этому докторанту. Решил даже познакомиться с другими его работами и готов был сам перед ним извиниться, если бы обнаружил в них какие-нибудь новые, интересные мысли. Но обнаружилась необычайная противоречивость его высказываний по многим фундаментальным вопросам субатомной физики. И даже просто ошибочные, антиматериалистические положения. Он допускает, например, что в микромире существуют явления, происходящие вне времени и пространства.

– Допускает это не только он, но и кое-кто из довольно известных ученых на Западе, – осторожно замечает Настя.

– Да, американский физик Чу, например, и некоторые другие сторонники феноменологического направления в физике элементарных частиц. Что дает повод для подобных утверждений? Главным образом современные затруднения, связанные с пространственно-временным описанием внутренней структуры этих частиц.

– А как вам кажется, на этом не смогли бы спекулировать богословы?

– За это давно уже ухватились фидеисты всех мастей. Это теперь их главное направление в борьбе с материалистами. Помните их утверждения о «свободе воли» электрона? Или спекуляцию «соотношением неопределенности» Гейзенберга? Ну, а теперь сторонники физического идеализма и откровенные фидеисты стали утверждать, будто принцип причинности, обусловленности явлений не распространяется на область внутриатомных процессов.

– В нарушении принципа причинности в микромире богословы видят чуть ли не вмешательство всевышнего...

– Не чуть ли, а самым серьезным образом! – восклицает Кречетов. – Они утверждают даже, что существуют абсолютные, непреодолимые границы познания и что область веры начинается будто бы там, где кончается область знаний. – И, усмехаясь каким-то своим мыслям, профессор, как бы между прочим, добавляет: – Убеждение в существовании такой границы познания вдохновило одного свихнувшегося физика попытаться поставить эксперимент общения со всевышним.

– Уж не того ли, который столь неудачно претендовал на докторскую степень?! – невольно восклицает Настя.

– А как это вы догадались? – удивляется Кречетов.

– Такая уж я догадливая, – улыбается Настя. – А вам откуда это известно? Не консультировался же он с вами?

– Представьте себе, консультировался.

– После всего того, что между вами произошло?

– А может быть, как раз именно поэтому. Наверное, я все-таки убедил его тогда, что немного разбираюсь в механике субатомных миров, и ему захотелось узнать мое мнение о возможности такого эксперимента. Но он, конечно, не пришел ко мне сам, а прислал довольно объемистый трактат, подписанный вымышленной фамилией.

– А как же вы догадались, что это именно он?

– Это следовало из всего того, что я прочел в других его работах.

– Ну, и что же вы ему ответили?

– Разобрал этот новый его трактат с такой же основательностью, как и диссертацию.

– И он уже получил ваши замечания?

– Получил, наверное. И кажется, именно по этой причине пострадала моя рука... Не понимаете?

Настя отрицательно качает головой.

– Пришел он ко мне среди бела дня и, как только я открыл ему дверь, выхватил что-то похожее на пистолет. Но пистолет его дал осечку, а может быть, я успел вовремя дверь захлопнуть, только выстрела не произошло. Но, торопясь захлопнуть дверь, я поскользнулся, упал и сломал руку. Вот, собственно, и все. Весьма возможно, впрочем, что это был совсем не он.

– А вы разве не видели его лица?

– Он был в надвинутой на глаза меховой шапке и с поднятым воротником. К тому же у

нас на лестничной клетке темновато. Я, однако, почти не сомневаюсь, что это мог быть только он. По моим расчетам, это произошло как раз в тот день, когда он должен был получить мой ответ. По его просьбе мое письмо было послано ему до востребования.

– Да, пожалуй, это действительно мог быть он, – подумав немного, произносит Настя. – А вы заявили об этом в милицию?

– Нет, в милицию я не заявлял и вас очень прошу об этом происшествии никому ни слова. По-моему, психически он не вполне здоров, и мне не хотелось бы привлекать его к ответственности.

– Но его же нужно в сумасшедший дом! – возмущается Настя. – Он ведь снова может прийти...

– Не волнуйтесь, Настенька, – успокаивает ее Кречетов, – больше он стрелять в меня не будет. Да и потом, нет ведь полной уверенности, что это он. А если рассказать все милиции, они непременно арестуют именно его, ибо против него больше всего улики. А если потом окажется что это не он, представляете, как я буду выглядеть? Лишил его докторской степени да еще обвинил в покушении на убийство...

Но Настю все эти доводы Кречетова ни в чем не убеждают, и она просто не находит слов от возмущения. Лишь успокоившись немного, она спрашивает:

– Ну, а если это действительно был кто-то другой?

– Кто-то другой покушаться на меня не мог. Так покушаться мог только явно сумасшедший. А единственный мой знакомый, производящий впечатление сумасшедшего, это он. И не будем больше об этом, если вы хоть немного меня уважаете.

– Извините меня, пожалуйста, Леонид Александрович! Я не знала, что этот разговор так вас расстроит... Мне вообще давно пора дать вам возможность отдохнуть. Еще только один вопрос: как поживает ваша племянница Варя? Навещает она вас?

– С тех пор как заболел, приходит почти ежедневно, хотя теперь она не только работает, но и учится в заводском техникуме.

– А замуж все еще не собирается?

– Претендентов на ее руку, по имеющимся у меня сведениям, достаточно, – улыбается Леонид Александрович, – но она одержима почти фанатической идеей – перевоспитать одного сбившегося с пути парня. «Сделаю, говорит, из него настоящего человека». И чует мое сердце, добьется своего и именно ему отдаст, наверное, свою руку и слишком уж доброе сердце.

9

В тот день Настя так и не решилась показать профессору расчеты Куравлева. Она приходит с ними спустя неделю. На ее расспросы о здоровье Леонид Александрович лишь шутит, и вообще по всему чувствуется, что он в хорошем настроении. Да она и не помнит такого случая, чтобы он хоть когда-нибудь был не в духе. Зная, что профессор не молод и обременен множеством дел (хватает, наверное, и неприятностей), она всегда восхищается его оптимизмом.

– Что, холодновато? – спрашивает он Настю. – Ишь как раскраснелась с мороза! А я вас сейчас чайком погрею. Проходите, пожалуйста. Мы, холостяки, народ расторопный, мастера на все руки.

Он поспешно уходит на кухню. Вернувшись, устраивается в своем любимом кресле.

– Ну-с, а теперь к делу. Слушаю вас.

Настя торопливо расстегивает свой портфель, извлекает несколько страниц, исписанных Куравлевым, и протягивает их профессору.

– Вот, посмотрите эти формулы, пожалуйста.

Кречетов с интересом всматривается в неровные строки, написанные торопливой рукой, негромко приговаривая:

– Любопытно, любопытно... Да и почерк чем-то знаком...

«Неужели он узнает руку Куравлева?.. – тревожится Настя. – Тогда придется все ему рассказать. А может быть, лучше и не таить ничего, не ждать, пока сам догадается, чьи это

формулы?...»

– Черт побери! – прерывая мысли Насти, восклицает Кречетов. – Да ведь это же почерк Куравлева! И некоторые формулы мне уже знакомы... Откуда это у вас?

Настя молчит.

– Конечно, тут все очень сумбурно, но я помню, каким был математический аппарат предлагаемого им вторжения в «область Икс», в это «пристанище всевышнего». Выкладывайте-ка, откуда это у вас?

И Насте приходится рассказать все, что она знает о Куравлеве и богословах Десницных.

– А теперь объясните мне, пожалуйста, – внимательно выслушав Настю, спрашивает Кречетов, – почему вы сами не решились мне все это рассказать?

Настя даже краснеет невольно.

– Видите ли... – запинаясь, начинает она. – У вас ведь с Куравлевым такие отношения...

– Боялись, что я буду необъективен в их оценке? – кивает профессор на листки с формулами.

– Как вы могли подумать такое, Леонид Александрович! Я бы тогда вообще не стала вам этого показывать. Отнесла бы кому-нибудь еще...

– Ну ладно, ладно! Будем считать, что я просто неудачно пошутил. Ну, а как к Куравлеву ваши богословы относятся?

– Настороженно. Опасаются шарлатанства с его стороны.

– Это они напрасно. Он человек, может быть, и свихнувшийся, но не шарлатан. К тому же талантлив как математик. Бредовость у него лишь в одном пункте – он убежден в возможности общения со всевышним. А под всевышним имеет он в виду вовсе не библейского боженьку, а высшую нематериальную силу, сотворившую мир, что, в общем-то, не противоречит гегелевской «абсолютной идее» и «мировому разуму». Вы, пожалуйста, объясните все это вашим батюшкам...

– А им этого не требуется. Батюшки, с которыми я имею дело, сами это знают не хуже нас с вами. Они грамотные. Дионисий Десницын вообще, по-моему, больше материалист, чем теолог. Вы бы только на них, на Десницных этих, посмотрели. Внешне они настоящие русские богатыри. Что дед, что внук. А дед вообще колоритнейшая фигура! За свою долгую жизнь он, наверное, прочел не только всю богословскую литературу, но и многие марксистские труды.

– Да откуда вам все это известно? – удивляется Кречетов. – Что он сам, что ли, признался вам в этом?

– Зачем же признаваться? Об этом и самой нетрудно было догадаться. Послушали бы вы только с каким удовольствием говорит он на научные темы!

– Так посылал бы он тогда к черту духовную семинарию и последовал бы примеру профессора богословии Осипова! – невольно вырывается у Кречетова.

– Он, пожалуй, и сделал бы это, – задумчиво произносит Настя, – но у него ведь сын богослов и внук – кандидат богословия.

– Ну, а внук тверд ли в вере?

– Похоже, что на распутье. Он еще молод – мой ровесник. Вместе когда-то в школу бегали. У него такой же живой ум, как и у деда, и вообще многое от него. Но дед, кажется, не хочет разрушать его веру, дает возможность самому до всего дойти.

– Да и вы, наверное, поможете, – усмехается Кречетов.

– Честно вам признаться – очень хотела бы. Думается мне, что и эксперимент Куравлева сыграет в этом существенную роль. Похоже, что Десницын-младший возлагает какие-то надежды на этот эксперимент. Результат его разрешит, наверное, многие сомнения Андрея...

– Ну, а руководство духовной семинарии и ее ректор, они тоже возлагают какие-то надежды на эксперимент Куравлева? – любопытствует Кречетов.

– Конечно! Представляете себе, что бы это им дало в случае успеха?

– Но о каком же успехе может быть речь! Они же не фанатики?

– Нет, не фанатики, а довольно трезвые люди. Особенно ректор. И не случайно, по-

моему, поручил он Дионисию Десницыну «курировать», так сказать, проведение этого эксперимента. На тот случай, наверное, если Куравлев начнет мудрить. Известно ему, пожалуй, и то, что Десницын со мной консультируется. Но есть среди богословов и фанатик – это магистр Травицкий. Судя по всему, именно он особенно рьяный поборник экспериментов Куравлева. И скорее всего, потому, что ему каким-то образом стало известно, будто подобный эксперимент хотели поставить еще какие-то физики. Вы ничего не знаете об этом?

– Впервые слышу, – удивленно пожимает плечами профессор Кречетов. – И откуда такое поветрие? За границей полно всяческих спиритов и мистиков, но у нас?.. Ну, а чем же закончились эксперименты конкурентов Куравлева? Не завершились разве полным провалом?

– Дело гораздо хуже... Да, да, Леонид Александрович, я не шучу! Поставь они этот эксперимент, он бы с треском провалился и, уж во всяком случае, не дал бы никаких положительных результатов. Но, повторяю, дело обстоит гораздо хуже – им не дали осуществить этого эксперимента.

– То есть как это, не дали?

– Из-за отсутствия необходимых средств они вынуждены были передать все свои расчеты за границу. За что и были будто бы арестованы работниками госбезопасности. Обо всем этом разведал каким-то образом магистр Травицкий.

– А не выдумка это Травицкого?

– Дионисий Десницын уверяет, что не выдумка. Ими это как-то проверялось.

Профессор Кречетов молча ходит некоторое время по комнате, потом вдруг обрадованно восклицает:

– Знаете, я, кажется, смогу уточнить все это у более компетентного лица!

10

Настя хотя и сообщила своим родителям, когда приедет, но просила не встречать ее – от станции до дома ведь недалеко. А теперь, сидя в поезде, с тревогой думает, что прибудет в родной город поздно вечером. Раньше это ее никогда не пугало, но с тех пор как на нее напали пьяные хулиганы, она стала побаиваться ходить вечерами одна.

Настя гонит от себя эти тревожные мысли, стараясь думать о чем-нибудь ином. Ей вспоминается, что Дионисий Десницын почему-то с беспокойством рассказывал о недовольстве Травицкого тем, что Куравлев намеревается «моделировать» идею всевышнего с помощью одних лишь математических формул. Как он собирается это сделать, очень непонятно, но еще менее понятна тревога Дионисия, а она, видимо, не беспричинна.

В принципе, конечно, такой подход Куравлева к решению проблемы вполне обоснован. Насте даже вспоминаются слова какого-то физика-теоретика, что поскольку речь идет о микромире, невоспринимаемом чувственно-наглядно, то необходимая для его понимания единая теория частиц и полей должна быть абстрактно-математической моделью. Видимо, такую математическую модель и собирается построить Куравлев, а это вряд ли может устроить богословов. Им нужны не формулы, доказывающие возможность общения с творцом, а сам факт такого общения.

Их устроило бы вообще любое физическое явление, не объяснимое ни одной из существующих научных теорий. Тогда это можно было бы преподнести как чудо. А о чуде церковь мечтала на протяжении всей своей истории.

Время летит незаметно. Вот и последняя остановка. За окнами вагона уже совсем темно. На сердце у Насти снова тревожно. Она спешит к выходу, стараясь идти вместе с остальными пассажирами. Но они постепенно разбредаются в разные стороны, а вечерняя тьма и поднявшаяся метель скрывают от Насти тех, кто идет в одном с нею направлении. Дрожь пробегает по ее телу, когда перед ней вырастает чья-то огромная фигура. Она даже шарахается в сторону, но слышит вдруг знакомый голос:

– Не пугайся, это я, Андрей Десницын.

Настя хочет спросить его, каким же образом он снова так чудесно оказался ее попутчиком, но Андрей опережает ее вопрос:

– Я заходил к твоему отцу и узнал, что ты должна сегодня приехать. Так как Иван Арсе-

ньевич очень тревожился и хотел идти на станцию, я пообещал ему встретить тебя.

– Ну, раз уж сам напросился в провожатые, – весело говорит Настя, – то возьми меня под руку – видишь, какая пурга.

– А к нам ты зачем заходил? – немного погодя спрашивает его Настя.

– Дионисий Дорофеевич посылал спросить, когда ты приедешь. Не терпится ему узнать, что твой профессор сказал о формулах Куравлева. Не мистификация ли это?

– Нет, не мистификация. Все формулы строго научные. Оказалось также, что профессор Кречетов, к которому я обращалась за консультацией, знает Куравлева. Он считает его способным математиком.

«Стоит ли сообщать Андрею о предполагаемой болезни Куравлева или подождать, пока это станет известно точно? – думает Настя. – Нет, пожалуй, не стоит, нужно сначала с отцом посоветоваться...»

А Андрей просит:

– Не зашла бы ты к нам? Сама бы рассказала Дионисию Дорофеевичу, что профессор Кречетов о Куравлеве говорил.

Настя, очень уставшая за эти дни, всю дорогу мечтала лишь об одном – поскорее бы добраться до дома, до своего любимого дивана, но ей не хочется огорчать Андрея, и она обещает:

– Сначала забегу домой, а потом зайду.

11

В просторной комнате Десницына-старшего, кроме его внука, еще какой-то мужчина. Присмотревшись, Настя узнает в нем того самого человека, которого видела недавно возле дома Десницыных вместе с Куравлевым.

– Вот, познакомьтесь, пожалуйста, Анастасия Ивановна, – обращается к ней Десницын, – это наш коллега, магистр Стефан Антонович Травицкий. Прежде чем стать богословом, учился на физико-математическом во Львовском университете. Вам, наверное, интересно будет с ним побеседовать.

– Учился я там, правда, всего два года, но интереса к естественным наукам не потерял, – солидным баском произносит Травицкий, самодовольно поглаживая свою холеную бородку. – Продолжаю и теперь следить за их развитием по доступной мне литературе. А вы, значит, философ?

– Да, готовлюсь к защите кандидатской диссертации, – отвечает Настя.

– Внук сообщил мне, что ваш профессор одобрил вычисления Куравлева, – снова вступает в разговор Дионисий Десницын. – Правильно он вас понял?

– Не совсем, пожалуй, – улыбается Настя, обернувшись в сторону Андрея. – Профессор ничего не одобрял, а засвидетельствовал только, что формулы достаточно грамотны и что в них есть некоторый смысл.

– Было еще сказано, кажется, что он неплохой математик?

– Да, это профессор Кречетов действительно сказал, – подтверждает Настя, – хотя Куравлев незаслуженно оскорбил его при защите своей докторской диссертации.

– Ах, так это, значит, тот самый Кречетов! – восклицает Травицкий.

– Что вы имеете в виду под «тем самым»? – невольно хмурится Настя.

– Ну, а вы, конечно, разделяете точку зрения своего профессора о незыблемости принципов причинности? – спрашивает Травицкий, пропуская мимо ушей вопрос Насти. – Я читал недавно его статью в каком-то из научных журналов. Однако другие ученые не отрицают того, что причинность не только нарушается, но и вовсе отсутствует в субатомном мире.

– Утверждают это главным образом западные ученые, – замечает Настя, – сторонники физического идеализма, отрицающие объективность познания. Во всяком случае, отсутствие причинности в микромире никем пока не доказано экспериментально.

– Весьма вероятно, что скоро это будет доказано, – многозначительно произносит Травицкий, видимо имея в виду эксперименты Куравлева. – И тогда в таинственной области микромира обнаружатся совсем иные закономерности.

– Какие же? – едва заметно улыбается Настя.

– Подвластные только всевышнему, – с фанатической убежденностью произносит Травицкий. Продолговатое лицо его напоминает теперь Насте суровый облик средневекового иезуита. – И, кто знает, может быть, всевышнему не очень-то понравится это вторжение, – мрачно заключает Травицкий.

Десницыны, прислушиваясь к этому спору, смотрят на Настю: один – с восхищением, другой – с любопытством.

– Почему вы думаете, что всевышний может разгневаться? – спрашивает Настя Травицкого. – Разве его может шокировать то обстоятельство, что станет известно наконец, где именно находится его обитель?

Дионисий с трудом скрывает улыбку, а Травицкий, делая вид, что не замечает иронии Насти, спокойно отвечает:

– Для всевышнего нет различия между великим и ничтожным. Он может пребывать как в космосе, так и в антикосмосе, то есть в микромире.

– Тогда уж лучше искать его в космосе, – простодушно предлагает Настя. – Тем более, что и там тоже обнаруживается нарушение некоторых фундаментальных законов природы. Академик Амбарцумян сообщает, например, что из ядер некоторых галактик наблюдается такое мощное истечение сгустков материи, которому нет пока удовлетворительных объяснений. Он допускает даже, что данные подобного рода могут привести к противоречию с законом сохранения энергии и вещества. Почему бы тогда не допустить пребывание всевышнего именно в этих таинственных ядрах галактик? Для всевышнего это ведь куда более достойная обитель.

Травицкий смотрит на Настю с удивлением. Видно, эти данные ему неизвестны. Но он не теряет присутствия духа и довольно бодро заявляет:

– Я не вижу в этом никаких противоречий. Напротив – это лучшее подтверждение того, что для всевышнего действительно нет разницы между великим и ничтожным.

– Досадно только, – как бы между прочим замечает Дионисий Десницын, – что факты эти обнаружил не какой-нибудь верующий в бога астроном, вроде аббата Леметра, а явный безбожник, активный пропагандист атеизма Амбарцумян.

Заметив хмурый взгляд Травицкого, он поясняет:

– Я это потому промолвил, отец Стефан, что вспомнил трактат папы Пия Двенадцатого «Доказательство существования бога в свете современной науки», прочитанный им на заседании Ватиканской академии наук. В этом трактате он провозгласил истинными учеными лишь тех, которые не только проникают в тайны природы и тем указывают человечеству путь к целесообразному использованию естественных сил, но и демонстрируют языком чисел, формул и экспериментов бесконечную гармонию всемогущего бога.

– А «язык чисел, формул и экспериментов» – это вольный ваш пересказ изречения папы или подлинные его слова? – с нескрываемой заинтересованностью спрашивает Десницына Травицкий.

– Подлинные его слова, отец Стефан, – утвердительно кивает головой старый богослов. – Я процитировал их дословно.

– Значит, все-таки не только цифры, но и эксперименты? – задумчиво, будто рассуждая вслух, произносит магистр.

– Засиделась я у вас, – говорит Настя и, попрощавшись с Травицким и Десницыными, направляется к двери.

Андрей выходит вместе с нею и, несмотря на ее протесты, провожает до дому.

Совещание у ректора духовной семинарии назначается на десять утра. В его кабинете Дионисий Десницын, Стефан Травицкий, Ярослав Куравлев и еще несколько преподавателей семинарии. Должен был приехать и глава епархии, но его задержали какие-то неотложные дела, и он поручил ректору провести совещание без него. Весьма возможно, впрочем, что не приехал он и по каким-то иным причинам.

Ректор еще не дал слова Куравлеву, а тот уже ходит по кабинету, заложив руки за спину, будто он тут совсем один. Но даже после того, как ректор просит его изложить свою идею, он, словно по инерции, продолжает некоторое время молча шагать перед собравшимися богословами. Потом останавливается и, не убирая рук из-за спины, произносит глухим, простуженным голосом:

– Мне известно, что все вы или почти все не одобряете моего намерения моделировать мою идею с помощью одной только математики, это не будет достаточно эффективно. Но что касается эффекта, то в этом вы убедитесь сразу же после того, как опубликуете результаты моих вычислений хотя бы в «Журнале Московской патриархии». Можете не сомневаться – их тотчас же перепечатают вся мировая пресса. Ученые с мировыми именами засвидетельствуют тогда доказанность существования всевышнего.

Травицкому стоит большого труда сдерживать себя от замечания, что укреплять в вере нужно сейчас простой народ, а не интеллигенцию.

– Ну, а если вы сомневаетесь в могуществе математики, – все еще раздраженно продолжает Куравлев, – то я приведу вам некоторые исторические примеры. Поль Дирак, как известно, чисто теоретическим путем создал свою знаменитую релятивистскую теорию электрона. Теория предсказала существование позитрона и обосновала возможность существования целого семейства античастиц. Все это подтвердилось экспериментами.

«Вот видите, все-таки экспериментами!» – так и хочется выкрикнуть Травицкому.

– А волны вещества разве не были предсказаны де Бройлем еще в тысяча девятьсот двадцать третьем году?

Куравлев будто чертит в воздухе какие-то математические знаки. Была бы тут доска, он мигом бы, наверное, всю ее исписал. Да, похоже, что он и в самом деле незаурядный математик, во всяком случае, явно одержим математикой.

Куравлев говорит еще довольно долго, то с энтузиазмом, то каким-то расслабленным голосом, будто отвечая на чьи-то нелепые вопросы, хотя никто ему их не задает. А когда кончает, наконец, свою речь, неожиданно сникает и направляется к выходу.

– Вы тут посоветуйтесь о моем предложении, а я не буду вам мешать, – бросает он на ходу.

Никто не произносит ни слова. Тогда ректор, нервно теребя свой наперсный золотой крест, обращается к Травицкому:

– Все это время мне приходилось сдерживать вас, отец Стефан. Теперь вы можете высказаться.

– Куравлев произнес блестящую речь в защиту математических методов исследования. Но вы представляете, как все это будет выглядеть, если ему удастся осуществить свой замысел? Кто сможет в этом разобраться? Напечатать все его формулы в «Журнале Московской патриархии» будет ведь просто невозможно.

– Но не отказываться же нам от его услуг? – произносит ректор. – Доверие к науке сейчас почти безгранично, и мы не можем упустить возможности с ее помощью подкрепить Библию математическими расчетами.

«Ого, как заговорил? – мелькает в голове Травицкого. – Но это уж не без влияния главы епархии».

– Не мешает вспомнить и слова Декарта, – замечает кто-то из преподавателей семинарии. – Он сказал: «Бог создал натуральные числа, все прочее – дело рук человеческих». Из этого следует, что все истинные идеи вложены в наш разум всемогущим богом с помощью математики.

– А верующим нужен не разум, все чаще склоняющий их к ереси, – вступает в разговор еще кто-то из богословов, – им нужно чудо, ибо всякое чудо есть свидетельство существования бога, имеющего неограниченную власть исполнить то, о чем просят его верующие в своих молитвах.

– Благодарю вас, отец Александр, – почтительно кланяется в его сторону Травицкий. – Нам, конечно, более всего не хватает сейчас именно современного чуда, так как вера в библейские чудеса меркнет. И такое чудо возможно. Вот послушайте, что говорит об этом като-

лический богослов Лелотт в своей книге «Решение Проблемы жизни».

Травицкий достает записную книжку и, торопливо полистав ее, читает:

– «Современная наука приходит к отрицанию строгой причинности законов и признает в их действии некоторую область случайности – область, в которой разыгрываются исключения из закономерности. В таком понимании чудо совершалось бы именно в этой области, расширяя ее или, наоборот, сужая. Чудо оказалось бы тогда вмешательством божьим, действующим на долю случайности в естественных законах с тем, чтобы повлиять на наши умы». Ну, скажите же, духовные отцы, разве не прямое отношение имеет это к задуманному Куравлевым? И разве не следует из этого, что нам нужен именно физический эксперимент, а не теоретические изыскания?

Слова эти производят на всех заметное впечатление, однако перечить ректору никто не решается.

– Ну, а вы чего так упорно молчите, отец Дионисий? – обращается ректор к Десницину.

Старый богослов действительно не проронил еще ни слова, но слушал Травицкого с большим вниманием. Ему все еще непонятно, почему он с таким упорством настаивает на физическом эксперименте? Вообще-то эксперимент, конечно, убедительнее любых теоретических расчетов. Он подтверждает их и закрепляет. Но как же мыслит себе такой эксперимент здесь, в стенах духовной семинарии, магистр Травицкий?

Не нравится Десницину и мысль о возможном вмешательстве божьем. Что под этим имеет в виду Травицкий? Нет, уж пусть лучше Куравлев занимается математическим моделированием.

– Я все слушаю, – отвечает Дионисий ректору. – Слушаю и размышляю. Конечно, не худо бы поставить физический эксперимент, но для этого придется попросить в аренду один из ускорителей в Дубне или Серпухове. Без их помощи не проникнешь ведь в субатомные пространства. Поэтому я за математический эксперимент, предлагаемый Куравлевым.

– В самом ли деле в этом таинственном атомном мире открытия делали математики? – спрашивает Дионисия ректор.

– Не все, конечно, но многие действительно были ими предсказаны на основании методов математической физики, – подтверждает Десницин.

Совещание у ректора длится еще некоторое время и кончается после того, как большинство высказывается за математический вариант вторжения Куравлева в предполагаемую обитель всевышнего.

А когда ректор докладывает о принятом решении архиерею, главу епархии оно вполне удовлетворяет. При всем его желании укрепить веру каким-нибудь современным экспериментом, он ведь не за всякий эксперимент. Скорее, даже он против эксперимента, таящего в себе элемент риска. А увенчается математическое моделирование Куравлева успехом или потерпит неудачу – ни вера, ни его, епархиального архиерея, репутация от этого не пострадают.

Похоже, что и обойдется это недорого. Во всяком случае, Куравлев даже не заикается пока о вознаграждении. Весьма возможно, что он и не попросит ничего, ибо, несмотря на свою ученую степень, Куравлев, конечно, и сам искренне верит во всевышнего, ставя веру выше разума, подобно некоторым ученым Запада. Без этого, наверное, и помышлять нельзя о подобном эксперименте.

Вчера к профессору Кречетову приходила его племянница Варя. С тех пор как Леонид Александрович повредил себе руку, она навещала его почти каждый день. Хотела даже вообще перебраться к нему, пока его больная рука на перевязи.

– Но ведь у тебя отец болен, – напомнил ей Кречетов, – и посерьезнее моего...

Варя не любила говорить о своем отце – в последнее время он принес ей много горя.

– Если бы только он не пил, – тяжело вздохнула она, – давно бы, пожалуй, выздоровел. Какое все-таки ужасное злодейство это пьянство!

Профессор хотел было поправить свою племянницу, но, подумав, решил, что, может

быть, она права, употребив вместо слова «зло» – «злодейство». В конце концов зло, принятое водкой, – результат злодейства по отношению к самому себе.

– Ну, а у самой-то как у тебя? – спросил он Варю. – Пишет ли Вадим?

При упоминании имени Вадима она так и засветилась вся. Ей особенно приятно было, что ее Вадимом интересуется дядя Ленья, недолголюбивавший его.

– Пишет Вадим, пишет, дядя Ленья! До самых мельчайших подробностей жизнь свою описывает.

– Представляю себе, какая там у него жизнь...

– Такая же, как и у многих других, а может быть, и посодержательнее, чем у некоторых, – обиженно произнесла Варя, имея в виду кое-кого из своих знакомых, не знающих, чем убить время. – Работает, учится, повышает свою рабочую квалификацию. Лекальщиком решил стать. Знаете, что это такое?

– Имею представление, – улыбнулся Леонид Александрович.

– А мне пришлось книгу взять в нашей технической библиотеке – не знала я толком, что это такое. Хоть это, в общем-то, слесарное дело, но требует, оказывается, не только мастерства, но и большой грамотности. Не ниже десятилетки. Посмотрела я, какие сложные чертежи приходится им читать (в книге даже сказано «свободно читать») и какие сложные фигуры вычерчивать, в том числе и так называемые кривые второго порядка, сразу же прониклась уважением к этому лекальному делу и большое письмо Вадиму написала.

– Он что, сейчас только этим загорелся?

– Почему же сейчас только! Он и прежде считался на своем заводе неплохим слесарем. А теперь с моей поддержкой постарается еще и хорошим лекальщиком стать.

– Твоя поддержка, Варюша, сейчас, по-моему, самое главное для него. Когда будешь ему писать, передай привет от меня.

– Это правда, дядя Ленья? – радостно воскликнула Варя. – Знаете, как он вас уважает!

– Откровенно говоря, что-то я этого не заметил, – усмехнулся Леонид Александрович и, чтобы не огорчать племянницу, добавил: – Правда, был я тогда предубежден против него и потому, наверное...

– Вы имели тогда все основания так к нему относиться. Он и сам знает как свое прошлое осуждает?..

– Ладно, не будем больше об этом! – махнул рукой Леонид Александрович. – Расскажи лучше, как живешь, что дома?

– Да все так же, что у нас может быть нового? Ну, а когда вам разрешат снять перевязь с руки?

– Теперь скоро, может быть даже завтра.

В тот же день, как только хирург разрешает Кречетову снять руку с перевязи, Леонид Александрович звонит своему старому знакомому, полковнику государственной безопасности Уралову, и просит принять его.

– Рад вас видеть, уважаемый Леонид Александрович, – радушно приветствует профессора полковник в своем кабинете. – Говорили, будто вы захворали?

– Сейчас это уже позади, – беспечно машет рукой Кречетов. – А к вам я вот по какому делу. Не знаете ли вы что-нибудь о передаче или попытке передачи за границу методики эксперимента, с помощью которого предполагалось осуществить нечто вроде «общения со всевышним»?

– Впервые слышу о таком, – удивленно пожимает плечами Уралов.

– Я так и думал. Скорее всего, богословы сами сочинили это для большего доверия к своим замыслам. Они ведь уверяют, будто физиков, затеявших такой эксперимент, арестовали. Остался, однако, какой-то подмосковный батюшка, с которым они имели дело. Он помог им в приобретении необходимой для их эксперимента аппаратуры.

– А батюшку этого не отцом ли Никанором звать? – восклицает вдруг полковник. – У него приход в Тимофеевке?

– Да, кажется, – не очень уверенно подтверждает Кречетов.

Корректный, сдержанный Уралов начинает хохотать так заразительно, что даже профес-

сор невольно улыбается, хотя понятия не имеет, чем он так развеселил полковника государственной безопасности.

– Да это же, наверное, наши с вами старые знакомые! – снова восклицает Уралов. – Корнелий Телушкин и Вадим Маврин. Они действительно облапошили тимофеевского батюшку, отца Никанора, заполучив у него бесплатно несколько старинных икон для того будто бы, чтобы выменять их у иностранцев на нужную им аппаратуру. Но ведь это же была сплошная афера, ибо ни о каком общении со всевышним эти мошенники даже и не помышляли. А арестовали их, как вам известно, за общение не с господом богом, а с иностранными агентами, занимавшимися научно-техническим шпионажем.

Побеседовав с полковником Ураловым еще некоторое время, профессор Кречетов возвращается домой, но Куравлев со своим экспериментом долго не выходит у него из головы.

А что, если позвонить кому-нибудь из сослуживцев Куравлева по научно-исследовательскому институту, в котором он работает? Дружит же он там с кем-нибудь?

И Леонид Александрович вспоминает кандидата физико-математических наук, бывшего своего ученика, работающего как раз в этом институте. Найдя в записной книжке его служебный телефон, Кречетов торопливо набирает нужный номер.

Терпеливо выслушав довольно обстоятельную информацию Проклова о его успехах, Кречетов, как бы между прочим, спрашивает:

– Да, вот что, Юра: вместе с вами, кажется, работает Ярослав Куравлев? М-да!.. Исчез в неизвестном направлении? Даже при драматических обстоятельствах? Это любопытно. Расскажите-ка об этом поподробнее.

– Только об этом ничего пока не известно. Мудрил он что-то у себя дома. Замыслил нечто вроде экспериментальной проверки одной своей идеи. На какой аппаратуре?.. В этом-то и загадка. Но факт остается фактом – взорвалось у него там что-то, и сам он чуть не отдал богу душу.

– А насчет бога это вы так или бог имел к этому какое-то отношение?

– Пожалуй, имел... Чудил в последнее время Куравлев. Стал вдруг одержим идеей общения со всевышним. Написал даже по этому поводу статью в «Журнал Московской патриархии». Ну, а потом стал экспериментировать – и угодил в больницу. Случилось это примерно месяц назад.

– Да, печальная судьба... – вздыхает Кречетов. – Но что же все-таки могло там у него взорваться?

– Это просто непостижимо. Он способный ученый, и его иногда осеняли оригинальные идеи. Говорят, что смастерил какое-то портативное электронно-вычислительное устройство собственной конструкции для производства своих расчетов.

– А что же в этом устройстве могло взорваться?

– Может быть, и не взорвалось. Достоверно известно только, что был пожар.

Несколько часов спустя Кречетов сообщил Насте Боярской о своем разговоре с полковником Ураловым и Прокловым.

Иван Арсеньевич Боярский – отец Насти – не взялся бы за подобное поручение, если бы в поликлинике Академии наук не работал его приятель психиатр. Вот к нему-то и решает он обратиться за справкой.

– Вот уж никак не ожидал, что тебя может интересовать этот параноик! – удивляется приятель. – Хотя постой, постой – ты ведь в Благове, а именно туда уехал Куравлев по совету своего лечащего врача.

– Не был пока. А узнал я о нем от дочери. Он что, действительно параноик?

– Недавно даже в психиатрической больнице побывал. Экспериментировал тайком от всех у себя на квартире и чуть было не угодил на тот свет.

– Что же это был за эксперимент?

– Что-то вроде попытки общения с самим господом богом. Бредовые идеи для параноиков характерны.

– Ну, а каковы умственные способности Куравлева?

– У параноиков, как ты и сам знаешь, не отмечается снижения интеллекта. Не страдают они и расстройством восприятия. И вообще во всем, что не относится к их бредовым идеям, остаются они достаточно полноценными. Куравлева, кстати, считают даже талантливым математиком. А с помощью своего эксперимента он пытался проникнуть... Забыл, как у него называется эта область...

– «Область Икс», – подсказывает Боярский. – Фидеисты уверяют, что она начинается там, где кончается область знания. В эти тонкости Настя меня посвятила. Она ведь у меня философ. Насколько мне известно, для таких больных, как он, характерны не только бредовые идеи, но и идеи преследования.

– Об этом мне ничего пока не известно. Знаю только, что Куравлев находится под наблюдением психиатров и ему рекомендовали изменить условия жизни. Он взял длительный отпуск в институте, в котором работал, и уехал к своим родным в Благов.

Ты вот что еще имей в виду: в психиатрической больнице, в которой он лечился, навел о нем справки кто-то из Благовской духовной семинарии. И, между прочим, интересовался не столько состоянием его здоровья, сколько подробностями эксперимента, в результате которого Куравлев чуть было не оказался по ту сторону бытия.

Всю дорогу с тревогой думает Боярский о дочери. Обязательно нужно предостеречь ее от общения с Куравлевым. А если он какой-нибудь аферист, богословы и сами с ним справятся, они народ неглупый. Это он знает по многолетнему общению с Дионисием Десницным.

15

...Не спится сегодня Андрею. Все думает о своей угасающей вере. Страшась этого, он в то же время испытывает смутное чувство какого-то облегчения, освобождения от чего-то для него непосильного.

У деда тоже горит еще свет, значит, и он не спит, хотя для него сомнения эти давно уже позади. Но он стар, и мысли о смерти не могут не тревожить его. Ведь если бог все-таки есть, каково ему будет там, на том свете?

А может быть, ему просто плохо – сердечный приступ или еще что-нибудь?..

Андрей осторожно приоткрывает дверь.

– Это ты, Андрей? – окликает его дед. – Ну входи, входи. Я не сплю. Садись и поведай, какими сомнениями томим. Или заглянул просто так, из любопытства – не отдал ли дед богу душу?

Андрей молчит, насупясь: не любит он эти грубоватые шутки деда.

– Представляю, какой из тебя проповедник будет, если решишься, наконец, принять сан иерея, – смеется Дионисий. – Что скажешь прихожанам, чем утетишь слабых духом?

Не дождавшись ответа, Дионисий продолжает:

– А умирать ох как неохота! Умереть, однако, придется, ибо о смерти знаешь как ученые говорят? «Смерть – это цена, которую мы вынуждены платить за нашу высокую организацию, за огромную сложность организма, приобретенную в процессе эволюции». Это значит, что никакого извечного совершенства ни нам, ни вообще ничему живому бог не дал. Оно обреталось в жестокой борьбе за существование, часто вслепую, методом проб и ошибок, как говорят кибернетики. А ты чего морщишься? Противны тебе столь кощунственные речи? Иди тогда спать.

– Что это Травицкий привез вчера в лавку? – спрашивает Андрей.

– Электронную вычислительную машину Куравлева. Ректор, однако, не хочет оставлять ее в стенах семинарии. Велел мне подыскать для нее другое помещение. Ломаю теперь голову над этим.

– А Травицкий примирился, значит, эксперимент Куравлева будет только математическим?

– Не знаю... Не очень уверен, что примирился. Все еще спорит с ним о чем-то.

Помолчав, Дионисий продолжает с тяжелым вздохом:

– Не нравится мне еще и то, что Травицкий всячески пытается отстранить меня от Куравлева. А ректор, кажется, не очень ему доверяет и хочет, чтобы я присматривал за ним... Ну, а теперь иди спать.

16

Настя редко выходит из дома по вечерам, но сегодня она весь день сидела над диссертацией и ей просто необходимо проветриться. Она уже четверть часа прогуливается по своей тихой, малолюдной улице, проходя мимо тускло освещенных окон дома Десницыных, с обидой думает:

«Неужели Андрей не видит, что гуляю одна?..»

Но тут кто-то подходит к ней сзади и осторожно берет ее руку. Настя не сомневается, что это может быть только Андрей.

– Не пугайтесь, пожалуйста, Анастасия Ивановна, это Травицкий, – слышит вдруг она голос магистра. – Очень хорошо, что я вас тут встретил – нужно поговорить с вами с глазу на глаз.

Он отпускает руку Насти и идет теперь рядом.

– Известно ли вам, Анастасия Ивановна, – продолжает магистр, – что Куравлев не совсем здоров и находится на учете у психиатра?

– Какое имеет значение, известно или не известно мне это? – настороженно спрашивает Настя. – А вот как вы-то можете полагаться на такого человека?

– Его болезнь не связана с утратой или понижением интеллекта, – поспешно отвечает магистр. – Не контролируются лишь его симпатии и антипатии. Антипатия его к профессору Кречетову, например, переросла в ненависть...

– К чему, однако, вы говорите мне все это? – снова спрашивает Настя.

– К тому, что вы ученица профессора Кречетова и Куравлеву это известно. Мало того – ему ведь кажется, что по заданию Кречетова вы настраиваете против него местных богословов. Мой совет вам в связи с этим: оставьте вы в покое Десницыных, особенно Андрея, не калечьте его духовной карьеры.

– А если я этого не сделаю? – с вызовом спрашивает Настя, резко повернувшись в его сторону.

– Для вас это плохо кончится! – уже с нескрываемой угрозой произносит магистр и исчезает в темноте.

Настя имела уже некоторое представление о Травицком, однако такой явной угрозы от него не ожидала. Но она еще не успевает осмыслить того, что произошло, как из дома Десницыных выходит Андрей и торопливо идет к ней навстречу.

– Что он говорил тебе? – возбужденно спрашивает он. – Я видел из окна, как он к тебе подошел и сказал что-то...

«Что ему ответить? – лихорадочно думает Настя. – Не стоит, пожалуй, тревожить... Может быть, Травицкий только припугнул меня, а у Андрея и без того могут быть неприятности из-за меня...»

– Ничего особенного, – стараясь придать своему голосу беспечный тон, произносит Настя.

– Он сказал тебе что-то неприятное?

«Лучше, пожалуй, рассказать ему все», – решает вдруг Настя.

– Надеюсь, ты не испугалась его угроз? – с тревогой спрашивает Андрей, выслушав ее рассказ.

– Нет, испугалась...

– А что он может тебе сделать? – спрашивает Андрей.

– Думаю, что ничего, – взяв наконец себя в руки, спокойно произносит Настя. – Припугнуть хотел, наверное, но я ведь не из пугливых. Сама не понимаю, чего вдруг оробела? – Посмеиваясь, добавляет: – Да и чего мне бояться, когда у меня такая защита, как ты с Дионисием Дорофеевичем! Ну, а теперь мне пора домой... Да, чуть не забыла... Я завтра в Москву собираюсь, так что несколько дней меня не будет.

Попрощавшись с Настей, Андрей возвращается домой. Раздевшись, заглядывает в комнату деда:

– Можно к вам?

– Заходи, заходи, – отзывается Дионисий. – Ты куда это уходил, ничего мне не сказав?

– Да так, пройтись немного... А вы о чем тут с Травицким беседовали?

– Интересовался он, куда мы машину Куравлева поместим.

– Куда же?

– В домик покойного Мирославского. С тех пор как скончался проректор, дом его пустует ведь.

– И все?

– Нет, не все. Травицкий сообщил мне кое-что о вычислительной машине Куравлева. Говорит, что ее и машиной-то нельзя называть.

– Почему?

– По той причине, что машина готова к выполнению своих функций сразу же после ее постройки, а устройства, перерабатывающие информацию, нуждаются в обучении. Такое обучение электронное устройство Куравлева будто бы уже прошло.

– Может, он считает, что оно способно мыслить?

– Почти не сомневается в этом. Современные электронно-вычислительные устройства способны ведь моделировать даже человеческие эмоции: грустить, улыбаться, испытывать страх, гнев, агрессию. За границей уже построили несколько машин, которые называются «личностями». «Личность Олдос», например, созданная Лоуэллином. Есть нечто подобное и у нас.

– И с этими «личностями» можно вести беседу?

– С «личностью Олдос», как я понимаю, едва ли. Она еще довольно примитивна. А с той, которую создал Куравлев, пожалуй. Травицкий сказал мне, что она у него называется «личность Всевышнего».

– И он надеется, что эта электронная «личность» ответит на его вопросы за всевышнего?

– Как будто бы. Но не словами, а цифрами, которые один только Куравлев и сможет истолковать.

– Или как захочет их истолковать?

– Уж это само собой. Во всяком случае, он убедил Травицкого, что ему удалось математически смоделировать идею всевышнего. Эта модель запрограммирована в его электронном устройстве эвристическим методом. Методом догадок, стало быть.

– Замысловато это для меня, – вздыхает Андрей. – А может, и вообще безумно? Вы бы сообщили главе епархии, что Куравлев не совсем здоров, что он наводится на учете у психиатра.

– Откуда тебе это известно?

– Сообщила только что Настя Боярская.

Дионисий отправляется к епархиальному архиерею. Сообщение Десницына его тревожит.

– Не знаю, право, как теперь и быть... Я ведь поведал синоду об этом эксперименте. Негоже было таить такое. Неужто прекращать теперь затеянное? Как там посмотрят на это? Обвинят, пожалуй, в несерьезности. А что касается современных ученых, то ведь у них чем безумнее идея, тем выше ей цена.

– Тут, однако, не то безумие, – невесело усмехается Дионисий.

– Не будем все же прерывать замышленного, ибо я не представляю себе, чем Куравлев может быть нам опасен. Вы, однако ж, присматривайте за ним.

Леонид Александрович уже не сомневается более, что это именно Куравлев хотел в него выстрелить. А раз так, то он может учинить расправу и еще над кем-нибудь. Над Настей, например, если она вздумает помешать его замыслам. Даже если ему такое лишь покажется.

И не только Настя – могут и другие пострадать от его безумной идеи. Кто знает, что за-

тевает он там, за стенами духовной семинарии? Только ли математический эксперимент? Пока не известно ведь, почему взорвалась его вычислительная машина.

И он снова звонит Проклову:

– Вы уж извините, Юра, я опять по тому же вопросу. Вы сообщили мне, что Куравлев сконструировал какую-то вычислительную машину. Но он не специалист в области электроники, как же ему это удалось?

– Мы и сами удивляемся, Леонид Александрович.

– А нельзя узнать, не помогал ли ему кто-нибудь?..

Кречетов ждет ответного звонка весь день. А в начале седьмого Юрий приходит к нему сам.

– Все выполнено, Леонид Александрович. Оказывается, Куравлеву помогал конструировать электронно-вычислительное устройство сотрудник нашего института инженер-электроник Бурдянский.

– Я так и полагал, что без посторонней помощи ему не обойтись. Вы разговаривали с этим Бурдянским?

– Да, разговаривал.

– Ну, и что же вам Бурдянский рассказал?

– Говорит, что Куравлев предложил чертовски оригинальную идею и она буквально захватила Бурдянского. На основе эвристического программирования они создали нечто вроде «кибернетической личности».

– Но для этого им понадобился бы психолог.

– Бурдянский опытный кибернетик, он хорошо знаком с работами академика Анохина. Работал даже некоторое время в его институте. К тому же Бурдянский уверяет, что им удалось сконструировать устройство, не копирующее переработку информации человека, а основанное на других принципах искусственного мышления.

– Допустим, что все это именно так, – задумчиво произносит Кречетов. – Во всяком случае, я могу как-то представить себе такое устройство. Непонятно мне другое: неужели Бурдянский разделяет бредовые религиозные идеи Куравлева? Не знает он разве, с какой целью создается это электронное устройство?

– Спрашивал я его, а он говорит: «Мне важны куравлевские идеи эвристического программирования, его математическая интуиция и познания в области физики, а не то, с кем он собирается общаться». Ведь с помощью такого устройства, Леонид Александрович, если только они его создадут, можно будет общаться с любой инопланетной цивилизацией, в том числе и с самим господом богом, если только таковой обнаружится...

– В какой стадии их работа?

– Бурдянский считает, что они на полпути.

– Ну, а почему у Куравлева произошел взрыв? Что там у него могло взорваться?

– Да никакого взрыва и не было, оказывается. Произошел просто пожар, от короткого замыкания и еще каких-то неполадок. Сам Куравлев при этом был обнаружен на полу без чувств. А когда его привели в сознание, понес такое... Похоже, что он на самом деле свихнулся на идее общения со всевышним.

Как только Настя приезжает в Москву, она тотчас же звонит Кречетову:

– Это я, Леонид Александрович, Настя Боярская.

– Очень рад вас слышать, Настенька. Ну, что у вас нового?

– Магистр Травицкий привез в Благов машину Куравлева. Приводят теперь ее в порядок с помощью какого-то специалиста по электронике.

– Как его фамилия?

– Не знаю. Забыла спросить.

Леонид Александрович почти не сомневается, что приводит в порядок электронную машину тот самый инженер, вместе с которым Куравлев конструировал ее. И он снова звонит Проклову:

- Вы уж меня простите, пожалуйста, Юра, что я вам так надоедаю...
- Да что вы, Леонид Александрович! Я всегда рад сделать для вас все, что только в моих силах.
- Ну, спасибо вам! Узнайте тогда, пожалуйста, не просил ли Куравлев или кто-нибудь от его имени инженера Бурдянского помочь ему восстановить электронную машину после пожара.
- Проклов звонит Кречетову поздно вечером, когда профессор уже и не ждет его звонка.
- Все узнал, Леонид Александрович, – докладывает он. – Извините только, что так поздно, – пришлось домой к Бурдянскому съездить. Заболел он, оказывается, а с машиной возит-ся его помощник, телевизионный техник по фамилии Серко.
- Почему телевизионный? – удивляется Кречетов.
- Бурдянский говорит, что у него золотые руки и по монтажу мельчайших деталей любых конструкций он просто незаменим. По словам Бурдянского, этот Серко далеко бы пошел, если бы не пил. Его за это из телевизионного ателье выставили. А Бурдянский пожалел и взял себе в помощники. Работает теперь у них за скромное вознаграждение и пока вроде не пьет.
- Бурдянский знает о том, что их машина уже в Благове?
- Знает. Куравлев сообщил ему об этом. Сказал, что духовенство будет оплачивать все расходы.
- А приезжал за нею сам Куравлев?
- Нет, какой-то сотрудник духовной семинарии.
- Травицкий?
- Да, кажется, он.
- «Что-то тут неладно, – прохаживаясь по кабинету, думает Кречетов. – Чего было им спешить с перевозкой машины? Могли бы дождаться, когда Бурдянский выздоровеет. Да и что за человек этот телетехник? Не проходимец ли какой? А что, если посоветоваться со старым моим знакомым, полковником милиции Ивакиным?..»
- Не раздумывая более, профессор Кречетов набирает телефон Ивакина и рассказывает полковнику все, что ему известно о подготовке к эксперименту Куравлева.
- Магистр Травицкий, судя по всему, человек с размахом. Он может и маленькое свето-преставление учинить, дабы доказать существование всевышнего. Боюсь даже, как бы стены духовной семинарии не рухнули от звука электронного органа Куравлева, подобно стенам Иерихона. Надо бы предупредить об этом тамошние власти. Пусть они пожарную команду держат наготове.
- Сегодня же свяжусь с их Управлением внутренних дел, – обещает полковник Ивакин.

Как ни старается Травицкий разными путями удалить Дионисия Десницына из того домика, в котором поселился теперь Куравлев, Дионисий довольно часто бывает там. Он все более убеждается, что Куравлев не проявляет заметного интереса к своей машине. Похоже даже, что у него нет в ней пока особой нужды. Он устроился в одной из комнат и уже начал свои расчеты, вполне обходясь обыкновенной авторучкой и логарифмической линейкой. А телевизионный техник копается в его электронной машине один.

Техник этот тоже не очень нравится Дионисию. От него пахнет спиртным, хотя по поведению его не заметно, чтобы он был нетрезв. Похоже также, что в электронике он неплохо разбирается, ибо в вычислительной машине Куравлева начинают появляться какие-то признаки жизни – мигают лампочки на пульте управления, пощелкивает что-то в блоках долговременной и ассоциативной памяти.

Иногда Куравлев вступал в разговор с Дионисием, излагая ему теорию английского физика-идеалиста Хойла о «непрерывности творения материи из ничего». И никакие доводы Десницына о том, что Хойл не делал из этого религиозных выводов, ни в чем его не убеждали.

- Хойл высмеивал ведь библейскую космогонию, – говорил Десницын. – Называл ее

«простой мазней» и «самообманом». К тому же, насколько мне известно, он теперь не только подверг основательной ревизии свою теорию, но и отказался от основных ее положений.

– Не знаю, не знаю, – меланхолически покачивал головой Куравлев. – Папа Пий Двенадцатый, например, не был ее противником. Она позволяла ему утверждать, что за каждой дверью, открываемой наукой, все яснее обнаруживается присутствие бога.

А старый богослов Десницын, слушая все это, лишь усмехался про себя. Он-то хорошо знает, как богословы хватаются за все новые достижения науки. Ему вспоминается речь профессора теологической физики Каулсона, произнесенная им на традиционном годовом собрании Британской ассоциации. Вселенная, по Каулсону и другим модернизаторам Библии, в том числе и папы Пия XII, оказывается созданной уже не из ничего, как должно бы быть в соответствии с основными религиозными догматами, а из «атома-отца», который существовал будто бы вечно. Ну, а почему всевышний, целую вечность не испытывавший потребности в творении, вспомнил вдруг об «атоме-отце» и повелел ему расширяться до масштабов современной Вселенной, на это ни Библия, ни почтенный профессор теологической физики Каулсон, ни папа Пий XII не дали ответа.

Рассказав Андрею о всех этих ухищрениях Каулсона за обеденной трапезой, Дионисий спрашивает его, пряча в бороду лукавую усмешку:

– А тебя, Андрей, не интересует разве, чем же был занят всевышний до сотворения мира? Такой вопрос могут ведь задать слушатели духовной семинарии, если ты останешься тут преподавателем. А в священники пойдешь – могут спросить об этом прихожане. Что ты им ответишь? Что не задумывался над этим? Зато Августин Блаженный, когда ему задали такой вопрос, не растерялся. Он ответил, что бог до сотворения неба и земли трудился над созданием ада, чтобы отправлять туда людей, задающих подобные вопросы.

– Но если оставить в покое акт творения Вселенной и то, какими делами был занят до этого творец, чем же объяснить, что Вселенная расширяется и в настоящее время? – спрашивает Андрей. – Ведь это факт, установленный наукой.

– Из этого не следует, однако, что Вселенная была когда-то сотворена. Расширение ее обусловлено свойствами самого пространства, нестационарностью его, как говорят астрофизики. К тому же расширение Вселенной через какой-то период может смениться сжатием и уплотнением космической материи.

– Снова до масштабов «атома-отца»?

– Философы-материалисты называют такое состояние бесконечной плотностью всех видов материи. А попеременное то сжатие, то расширение носит у них название «пульсирующей Вселенной».

– И кому-нибудь известно, сколько времени длится каждый период этих, наверное, катастрофических пульсаций? – с явным недоверием спрашивает Андрей, хотя он несколько не сомневается, что все, сказанное дедом, не его выдумка. Он, конечно, добросовестнейшим образом вычитал все это из научных и философских книг.

– Да приблизительно известно, – отвечает внуку Дионисий. – Около двадцати миллиардов лет. Поговорим, однако, и о земных проблемах. Ты заметил, что Куравлев пытается изменить тему своего эксперимента?

– Чем же это объяснить?

– Психической неуравновешенностью его, а может быть, каким-то инстинктивным страхом. Мне даже кажется, что страх этот, сам того не желая, внушил ему Травицкий, беспрепятственно намекая на возможность вмешательства всевышнего в ход его эксперимента. Кто знает, может быть, даже пожар, происшедший на его квартире, представляется ему теперь таким вмешательством.

– А что, если и в самом деле?..

– Я вижу: нагнал на вас страха этот магистр! – смеется Дионисий. – Ну, а какое впечатление производит на тебя телетехник, который все еще ковыряется в машине Куравлева?

– Хитрый мужичок.

– Начал, значит, разбираться в людях, – хвалит внука Дионисий. – Зачем Травицкому столь срочный ремонт этой электронной машины, если у Куравлева нет пока желания на ней

работать?

Андрей не знает, что ответить деду, хотя ему тоже все это кажется странным. А Дионисий, помолчав немного и, видимо, все еще размышляя о Травицком, задумчиво произносит:

– Ну, а что касается угроз его Насте, в это я не верю что-то. Наверное, просто припугнуть хотел, чтобы не вмешивалась не в свои дела.

– А я нисколько не сомневаюсь, что он может осуществить свои угрозы, – убежденно говорит Андрей, и в голосе его слышится тревога.

Волнение его еще более возрастает, когда он узнает, что Травицкий уехал зачем-то в Москву. Ведь там Настя, не случилось бы с ней чего?..

– Ну что с ней может случиться? – успокаивает его Дионисий. – Она не маленькая, к тому же живет у своих родных, и они, в случае чего, немедленно позвонят ее отцу. А у Травицкого мало ли какие могут быть дела в столице. Да он и не один поехал, а с телетехником Серко.

20

Полковник милиции Ивакин наводит справки о телевизионном технике Семене Серко. Выясняется, что, до того как приобрел Семен Серко специальность техника по телевизионной аппаратуре, работал он взрывником, а потом электротехником в «Желдорвзрывпроме». Старший брат его, Михаил Серко, и сейчас заведует складом взрывчатых веществ подмосковного железнодорожного карьера.

Хотя прямой связи между этими фактами пока нет, это настораживает Ивакина, знакомого, со слов Кречетова, с ситуацией, сложившейся в духовной семинарии. Сняв трубку с телефонного аппарата, он набирает номер одного из сослуживцев, сведущего во взрывных работах.

– Сергей Сергеевич? Ивакин тебя приветствует! Скажи, пожалуйста, на складах железнодорожных карьерных хозяйств какая взрывчатка?

– Всякая, – отвечает Сергей Сергеевич. – В основном аммониты разных характеристик.

– Эти вещества, кажется, не большой мощности?

– Да, бризантные, пониженной мощности, для внутренних зарядов.

– А что же применяется для наружных при карьерных работах?

– Тротил и пластит. Эти помощнее.

– Каковы их вес и форма?

– Аммониты бывают в бумажной таре, примерно по сорок килограммов в каждом мешке. Но есть и патронированные, по двести и триста граммов в патроне.

– Из тех, что можно достать на обычном складе, самые высокие взрывные свойства, насколько я понимаю, у тротила?

– Да, его бризантность примерно в два раза выше, чем у аммонитов.

– Спасибо тебе, Сергей Сергеевич, – благодарит полковник.

Потом он набирает номер телефона одного из заместителей начальника Управления железнодорожной милиции и просит его узнать, что собою представляет Серко-старший, работающий завскладом взрывчатых веществ подмосковного железнодорожного карьера.

Спустя полчаса ему сообщают:

– Михаил Семенович Серко работает заведующим складом взрывчатки около пяти лет и находится на самом лучшем счету. Неоднократно премирован. Недавно проходившая ревизия его склада отметила отличное состояние имущества и систему учета.

– Ну, а в каком состоянии его отношения с младшим братом, это вам, наверно, неизвестно? – полушутя, полусерьезно спрашивает Ивакин.

– Да, это нам неизвестно.

Подозрение, зародившееся было у Ивакина, лишается теперь почвы. Нужно было бы, однако, осмотреть электронную машину Куравлева кому-нибудь из специалистов, чтобы точно знать, что там делает с нею Серко-младший, но как это осуществить?.. А что, если попросить съездить туда инженера Бурдянского, который, по словам профессора Кречетова, помогал Куравлеву конструировать его машину?

И полковник Ивакин снова берется за телефон. Он звонит директору института, в котором работает Бурдянский. Но и тут полковника постигает неудача. Бурдянский, оказывается, все еще болен и лежит в постели.

«Прямо-таки не знаю теперь, с какого же конца подобраться к этой злосчастной машине!..» – вздыхает Ивакин.

На всякий случай он звонит профессору Кречетову, в надежде узнать у него что-нибудь новое о подготовке к эксперименту Куравлева или, может быть, уже о ходе этого эксперимента.

– Здравствуйте, Леонид Александрович! Это Ивакин вас беспокоит. Ну, что у вас новенького? Как там богословы поживают? Дал уже им знать о себе «всевышний»?

– Куравлев пытается пока наладить связь с ним «вручную», с помощью авторучки и логарифмической линейки, – смеется профессор Кречетов. – Но главная надежда возлагается, видимо, на электронную машину, и не столько Куравлевым, сколько Травицким.

– Анастасия Боярская сможет ли и в дальнейшем информировать вас о действиях Травицкого и Куравлева?

– У нее скоро защита кандидатской, и теперь она не скоро поедет в Благов.

– А нам теперь особенно важно знать, что там происходит. Похоже, что у них развернутся скоро серьезные, может быть, даже трагические события.

– Есть, значит, основание опасаться этого? Учтите тогда и то обстоятельство, что благовский магистр Травицкий был вчера в Москве и заходил к инженеру Бурдянскому. Известно мне это со слов бывшего моего ученика Проклова. Он сообщил мне также, что Травицкий интересовался, много ли времени понадобится для завершения конструкции электронного устройства Куравлева.

– А как относится Бурдянский к религиозным идеям Куравлева?

– Его они не волнуют. Он человек трезвого мышления, интересуется лишь техническими проблемами конструирования электронного устройства на принципах эвристического программирования.

Едва Ивакин опускает трубку, как раздается звонок из Управления железнодорожной милиции.

– Здравствуйте, товарищ полковник! Это капитан Мухин. Я по поводу вчерашнего нашего разговора о Семене Серко. Один из наших сотрудников заметил его сегодня возле склада, которым заведует его брат.

– Разве доступ туда свободен?

– Ну, для брата-то он, наверное, пропуск оформил. Это ведь не военный, а гражданский склад взрывчатки.

– И у него было что-нибудь в руках?

– Нет, ничего не было.

– Спасибо вам за эти сведения, товарищ Мухин, может быть, они нам и пригодятся.

То, что у Семена Серко ничего не было в руках, не успокаивает полковника Ивакина. Не мог он разве положить в карман пальто не только детонирующий шнур и электродетонатор, но и патрон аммонита или заряд тротила?

Чем больше думает об этом полковник Ивакин, тем тревожнее становится у него на душе. Он почти зримо представляет себе, как с помощью электродетонаторов и тротила можно было бы организовать «вмешательство всевышнего» в эксперимент Куравлева. Достаточно лишь включить его электронно-вычислительное устройство, пусть даже не вполне исправное, чтобы оно вместе с Куравлевым взлетело на воздух. А Травицкий потом объявит все это «гневом всевышнего...».

За Настей полковник Ивакин заезжает рано утром. Они договорились о встрече еще вчера. Выслушав полковника, Настя решает:

– Я должна туда поехать!

– Мы не сомневались, что вы примете такое решение. Сколько вам нужно времени, что-

бы собраться?

– Я готова хоть сейчас.

На улице их уже ждут две машины. В одной сидит только шофер. Во второй, кроме шофера, еще двое в пальто и меховых шапках. Один из них представляется Насте капитаном Антоновым, другой – старшим лейтенантом Пушкиковым.

– Ну, желаю удачи! – кивает им полковник.

Шофер включает газ, и машина на большой скорости направляется к Варшавскому шоссе.

– Обстановка не из легких, – обернувшись к Насте, говорит капитан. – Точно мы ничего пока не знаем, поэтому действовать официально не имеем возможности. Вся надежда на вашу помощь.

– А может быть, уже поздно? – с тревогой спрашивает Настя.

– Не думаю, – отвечает ей капитан, включая рацию. – Как там у вас? – спрашивает он кого-то. – Все по-прежнему? Ну, добро. Мы уже выехали. Рацию будем все время держать на приеме... Наши люди следят за домом, в котором находятся Куравлев с Травицким.

Машина мчит на предельной скорости. Лишь когда до Благова остается всего несколько километров, из динамика рации слышатся позывные:

– Говорит «Бета», говорит «Бета»... «Тау» вышел только что со своей базы. Вышел поспешно. Похоже, что очень чем-то взволнован.

Насте уже известно, что оперативная группа, возглавляемая капитаном Антоновым, и все участники сегодняшней операции зашифрованы греческими буквами. Сам Антонов – «Альфа», ведущий наблюдение за домом Куравлева – «Бета», Десницыны – «Дельта», а Травицкий – «Тау». Значит, из дома, в котором установлена электронная машина Куравлева, вышел Травицкий.

– Его сопровождает кто-нибудь из наших? – спрашивает капитан своего коллегу, зашифрованного буквой «Бета».

– Да, сопровождают. Кажется, «Тау» встревожило прибытие в Благов представителя синода.

– Этот представитель уже пришел к ним?

– Нет, пока у ректора семинарии.

Машина влетает в город и сбавляет скорость.

Как только она останавливается на углу Овражной улицы, к ней сразу же подходит какой-то мужчина.

– Ну, как тут у вас, товарищ лейтенант? – спрашивает его капитан.

– К Куравлеву только что прибыло духовное начальство из синода в сопровождении ректора семинарии.

– Тогда нам нужно спешить!

– Теперь едва ли что-нибудь произойдет, товарищ капитан, – успокаивает Антонова лейтенант.

– Почему? – удивляется Антонов.

– Мы выключили ток по всей Овражной улице, и в машине Куравлева не работает теперь никакой электродетонатор, если только он вообще там установлен.

– Молодцы! Приняли правильное решение. – И, обернувшись к Насте, Антонов спрашивает: – Вам все ясно, Анастасия Ивановна?

– Я хотела бы только знать, там ли Десницыны?

– Да, они там, – отвечает ей лейтенант.

Настя выходит из машины и в сопровождении лейтенанта идет вдоль Овражной улицы, застроенной небольшими деревянными зданиями. У высокого глухого забора лейтенант останавливается.

– Нужный нам дом в глубине этого двора, – говорит он Насте. – А калитка тут все время на запоре, но я помогу вам ее открыть.

– А может быть, лучше постучать или позвонить? Открывать ее пойдет, наверное, кто-нибудь из Десницыных.

– Да, пожалуй, так будет лучше.

– Только придется стучать, ток ведь выключен, и электрический звонок, конечно, не работает. Дайте-ка стукну я, нужно погромче, чтобы услышали.

Ударив несколько раз кулаком в гулкие доски калитки, лейтенант шепчет Насте:

– Я буду все время поблизости...

– Не думаю, чтобы вы понадобились, раз там Десницыны.

Не без волнения, однако, всматривается Настя через щели калитки в двустворчатые двери особняка. Ей видна еще и серая «Волга», стоящая неподалеку от входа в жилище бывшего проректора духовной семинарии. Это на ней, наверное, прибыло сюда духовное начальство из столицы.

«А что, если калитку откроет шофер машины?..» – тревожно думает Настя. Но вот распахивается дверь особняка, и во двор выходит Андрей Десницын в накинутой на плечи шубе деда.

– Это ты?.. – удивляется он, распахнув калитку.

Настя в двух словах объясняет ему, зачем пришла сюда, и просит проводить ее к машине Куравлева.

– А ему я что скажу? – растерянно спрашивает Андрей.

– Что я специалистка по электронике, что меня сам Травицкий прислал. Его ведь нет тут сейчас?

– Да, ушел куда-то... Как только ему сообщили, что сюда должны прийти ректор с приехавшими из Москвы представителями синода, он сразу же засуетился. Отодвинул зачем-то машину Куравлева и стал в ней копать...

– А она не была разве подключена к электрической сети?

– Не знаю... Нет, наверное. Куравлев не спешил ее включать, хотя Травицкий торопил его.

– А где был в это время техник Серко?

– Он сегодня с самого утра навеселе. Покрутился тут немного и исчез. Я слышал, как Травицкий звал его, когда отодвигал машину. Потом выругался и побежал куда-то. Может быть, искать Серко... Пока их нет, нужно бы проскочить туда поскорее.

Миновав двор, они входят сначала в темный коридор, а потом в прихожую с большим шкафом и вешалкой. Здесь висят добротные шубы духовного начальства. Одна дверь из прихожей ведет направо, другая налево. Из той, что направо, слышны голоса.

– Они там с Куравлевым беседуют, – шепчет Андрей. – А машина его вот в этой комнате. Идем скорее!

Он помогает Насте раздеться и ведет в просторное помещение, одну из стен которого занимает электронное устройство Куравлева. Оно состоит из пульта управления с многочисленными кнопками и нескольких шкафов, заполненных немислимым переплетением проводов и триггерных реле. Пока Настя проверяет, включена ли машина в электрическую сеть, в комнату торопливо входит Дионисий Десницын.

– Оправдались, значит, наши опасения? – с трудом сдерживая волнение, спрашивает он.

– Да, похоже на то, – отвечает ему Настя.

– Но какой же тут может быть сюрприз?

– Скорее всего, электродетонатор и патрон тротила или аммонита.

– А вы в этом разбираетесь?

– Мне объяснили, как они выглядят.

– Андрей, – обращается Дионисий к внуку, – помоги-ка мне отодвинуть эту адскую машину.

Вдвоем они осторожно поворачивают шкафы с электронной аппаратурой поближе к окну.

Теперь, при свете, падающем из окна, хорошо видна вся внутренность электронного устройства.

– Вот он – электродетонатор! – восклицает Настя. – Значит, где-то тут должна быть и тротиловая шашка...

– Для «вмешательства всевышнего» все, значит, было наготове? – усмехается Десницын-старший. – Но вы ничего тут не трогайте и не отключайте. Я позову сейчас ректора и представителя синода, он, кстати, вообще не очень доволен этой затеей. Пусть полюбуются работой магистра Травицкого, которому атеистка Боярская помешала обрушить гнев господний на несчастного Куравлева, дерзнувшего потревожить всевышнего.

...На следующий день утром, перед тем как уехать в Москву, Настя заходит к Десницыным. Дверь ей открывает Андрей:

– Я тут один, проходи. Дед ушел в магазин. Он у нас сам ведет все хозяйство.

– Я зашла попрощаться. Вернусь уже после защиты диссертации. Но теперь у меня спокойно на сердце. Если что и тревожит, то только твоя судьба...

– А у нас с дедом все уже решено, – улыбается Андрей.

Весь он сейчас какой-то другой, чем прежде. Все в нем иное – блеск глаз, голос, улыбка. Богатырская его фигура всегда бросалась в глаза, а теперь он будто еще шире стал в плечах.

– Конечно, нелегко начинать все сначала, – вздыхает он, но без особой печали, – да, видно, надо. Я всю ночь сегодня провел без сна, все думал... Нет, не о том, как быть и во что теперь верить, это решилось как-то само собой... И вовсе не злосчастный эксперимент этот мне помог. Просто почувствовал вдруг с какой-то удивительной ясностью всю нелепость существования всевышнего. Дед мой тоже решил окончательно порвать с богословием и семинарией. Он сделал бы это и раньше, да не хотел ломать мою духовную карьеру. Пусть тут делают себе карьеру такие фанатики, как Травицкий...

– А по-моему, он и не фанатик вовсе, – замечает Настя, – а самый настоящий авантюрист. Надеялся, наверное, что удастся выставить Куравлева и тебя с дедом во двор, а самому укрыться где-нибудь от взрыва. Ну, а если бы и пострадал немного, так прослыл бы, пожалуй, за великомученика. К тому же, может быть, и не было бы никакого взрыва – я ведь не нашла взрывчатку. А от электродетонатора могло произойти лишь короткое замыкание и пожар, что тоже можно было бы приписать персту божьему. Не знаешь, собирается синод расследовать это или решил замять?

– Не знаю, – равнодушно отвечает Андрей. – Меня это теперь не интересует...

А когда Настя, попрощавшись с ним, уходит, он без пальто и шапки долго стоит в распахнутых дверях на крепком утреннем морозе, сожалея лишь о том, что так и не решился сказать ей самого главного. Но она, наверное, и сама об этом давно уже догадалась...

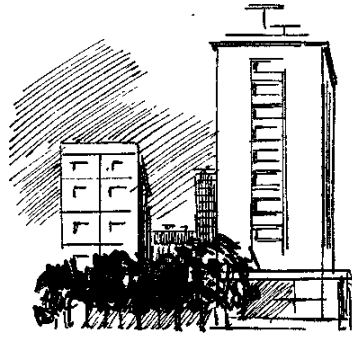
Москва, Переделкино.

1967г.

...Если ДАЖЕ
ПРИДЕТСЯ
ПОГИБНУТЬ

Дежурная по штабу заводской народной дружины Валентина Куницына удивленно смотрит на раскрасневшееся, мокрое от пота лицо Анатолия Ямщикова.

– Ты жив и невредим?.. – произносит она наконец, не сводя с Анатолия восторженного взгляда.

– Как видишь.

– Но ведь их было трое...

– А ты откуда знаешь?

– Марина позвонила.

– Какая Марина?

– Грачева.

– Ей-то откуда известно, что их было трое?

– Сначала она действительно не знала, но когда ты схватился с ними, позвонила во второй раз из телефона-автомата.

– Как – во второй? Выходит, что и первый звонок был ее? Почему же ты сразу не сказала?

– Какое это имело значение? – пожимает плечами Валентина. – Да ты и не дал мне договорить, выскочил из штаба как сумасшедший. И вообще...

– Что вообще?

– Очень нервным стал.

– Зато те, что по главным улицам патрулируют, слишком уж спокойные. И происшествий никаких, и у людей, особенно у знакомых девочек, на виду. А в темных переулках, где захмелевшие юнцы бесчинствуют, что-то я их ни разу не видел...

– Ну зачем ты так обо всех, Толя? Скажи лучше, кого имеешь в виду?

– Твоего Серегина хотя бы.

– Это ты о сегодняшнем случае? Но ведь когда позвонила Марина, он уже кончил дежурство...

– А я не кончил?

– И ты кончил.

– И тоже, стало быть, имел право отказаться?

– А Серегин разве отказался?

– Формально не отказался, но не забыл напомнить, что он сегодня уже...

– Зато ты сорвался как угорелый. Как же ты все-таки с ними один?

– Может быть, и не очень деликатно, но дал им понять, что с дружинниками не шутят. Теперь-то могу я наконец пойти домой?

– Ты давно уже мог.

– Это Серегин мог! – снова вспыхивает Анатолий. – А я не мог... Ну да ладно, будь здорова!

– А ты не изувечил их, Толя? – встревоженно хватает его за руку Валентина. – Ты ведь когда разгорячишься...

– Что значит разгорячишься? Я, если хочешь знать, был разъярен! Эта сволочь напрохожих с бутылками, как с гранатами. Один из них и меня тоже поллитровкой по голове... Вот ему-то я и заехал по всем правилам профессионального бокса.

– Они действительно юнцы?

– Двое – пожалуй. А третий, тот, что бутылкой меня, далеко не юнец. И, между прочим, пригрозил: «Погоди, милицейский холуй, мы с Тузом с тобой еще посчитаемся». Припоминается мне, что кличку эту – «Туз» – я уже слышал где-то...

– Так ведь это кличка бандита, бежавшего из исправительно-трудовой колонии особого режима! Забыл разве, что нам о нем рассказывала инспектор уголовного розыска Татьяна Петровна Грунина?

– Видно, все-таки как следует огрели меня бутылкой – совсем память отшибло, – смеется Анатолий, ощупывая голову руками. – Выходит, что этот Туз где-то тут, в нашем районе?

– Нам потому и рассказали о нем... А тебе нужно бы к врачу. Дай-ка я посмотрю, что там у тебя такое...

– Э, да ничего серьезного! – отмахивается от Валентины Анатолий. – Я успел присесть, и бутылка лишь задела меня слегка. Даже шишки пока нет... Ну, я пошел! Будь здорова!

В голове Анатолия, однако, все еще шумит от удара, и шишка уже нащупывается. Но сильнее боли возмущение скотским поведением одуревших от водки парней. Они озверело бросались на прохожих, как же было их не проучить? И он проучил. Да и можно ли было по-другому, если он один, а их трое? К тому же у того, которого он сбил с ног, была, видимо, финка, только он не успел ею воспользоваться...

Анатолий, правда, попытался было вразумить пьяных парней словами, призвать к порядку, почти не сомневаясь, однако, что все это явно впустую, но так полагалось, и он не хотел отступать от правила.

А вот Олег Рудаков нашел бы, пожалуй, способ, как обойтись без драки. Он спокойнее, рассудительнее, у него железная система, которая держит его, как корсет...

О том, что жестко продуманная система поведения и строгое следование этой системе держат человека в равновесии, как корсет дряблое тело, Анатолий узнал из книги учителя одной из ленинградских вечерних школ Владимира Ярмачева «Время нашей зрелости». Он взял ее у Олега на несколько дней и выписал понравившиеся ему мысли.

«Мне нужны были правила, – писал в своей книге учитель русского языка и литературы, – они держали меня, как корсет. Нарушая их, я страдал».

Наверное, страдает и Олег Рудаков, нарушая свою систему поведения. Пригодился бы и ему, Ямщикову, такой корсет для обуздания своего темперамента, но по душе ему пришлось не столько это сравнение, сколько восклицание Ярмачева: «Ждать счастья – надеяться, что лодку к берегу волной прибьет. Гребни, сукин сын!»

Да, да, нужно грести, и изо всех сил... А лодку к берегу волной если и прибьет, то, скорее всего, не к тому. Грести тоже ведь нужно, зная к какому. И тут, пожалуй, нужна не столько жесткая система поведения, сколько твердые убеждения. Они подталкивают или сдерживают не хуже любой системы. Во всяком случае, так кажется Ямщикову.

«А позвонила в штаб дружины, значит, Марина Грачева? – возвращаются мысли его к только что пережитому. – Вот кого нужно было бы в дружинники, хотя ее брат и отбывает наказание в исправительно-трудовой...»

И тотчас же образ Марины почти зримо возникает перед глазами Анатолия. Загорелое, открытое лицо, густые черные, очень подвижные брови и копна темно-каштановых волос, будто все время развеваемых ветром. Да и вся она в непрерывном движении. Анатолий не помнит случая, чтобы она сидела задумавшись, не шевелила бы руками, не вскидывала бы головы при разговоре. Все ее интересовало, до всего было дело, во все хотела вмешаться, всем помочь. Школьные подруги о ней говорят: «Нет у нас прямее и честнее ее никого!» Да и сам Анатолий ни разу в этом не усомнился. Но как же выросла она такой рядом с преступным братом? У нее ведь, кроме него, – никого. Отец с матерью умерли, когда она была совсем маленькой.

Где же, однако, была Марина, когда он схватился с хулиганами? Случилось ведь в скверике это, и вроде вокруг ни души. Дикие вопли пьяниц вынуждали прохожих обходить его подальше.

И вдруг, вспоминается, крикнул кто-то: «Что же вы, негодяи, трое на одного?»

Конечно же, это могла быть только Марина! Анатолий не обратил тогда внимания на этот крик (было не до того) и не узнал ее голоса, но теперь ни секунды не сомневается, что это была она. В темноте, пожалуй, и Марина не разглядела, на кого набросились эти подонки, главное – их было трое против одного, значит, нужно было снова бежать к телефону, звонить в штаб дружины, просить подмоги. А в первый раз она, наверное, позвонила, как только увидела, что пьяные хулиганы пристают к прохожим.

Тренер Анатолия всегда хвалил его за чувство дистанции в бою. Считал, что у него выработаны точные двигательные рефлексy на пространственные раздражители и даже будто бы хорошо развиты «пространственно-различительные функции психофизиологических анализаторов». И еще что-то о вестибулярном аппарате. Да, вестибулярный аппарат у него неплох. Это Анатолий и сам чувствует, а во всем остальном сомневается. Скорее всего, срабатывают инстинкт и интуиция.

Он, правда, внимательно прислушивается ко всем советам своего наставника и на тренировках аккуратно им следует. Но как только начинается не тренировочный, а настоящий бой, начисто все забывает и действует механически. Твердо помнит он лишь одно – свое явное преимущество в бою на длинных дистанциях.

Все это очень пригодилось ему сегодня в схватке с пьяными хулиганами. Сначала он хотел было покончить с ними миром и сказал как можно дружелюбнее:

– Ну, вот что, юные герои, пошумели и давайте-ка по домам!

Но в ответ на его мирное предложение один из них разразился грязной бранью, а другой замахнулся бутылкой, и если бы Анатолий не владел такими приемами защиты, как «уход», «уклон» и «нырок вниз с приседанием», худо бы ему пришлось.

Взывать к благоразумию было уже бессмысленно. Мгновенно приняв боевую стойку, он нанес серию прямых ударов левой по корпусу ближайшего к нему противника, а затем свой неотвратимый, посылающий в нокдаун удар правой. Тот, кто замахнулся на него бутылкой, тяжело рухнул на тротуар. А Анатолий снова вернулся в боевую стойку и, не дав двум другим противникам опомниться, отбросил сначала в сторону того, который был ближе к нему, знаменитым «свингом» – ударом с размаху с дальней дистанции выпрямленной рукой. А так как третий хулиган, нетвердо державшийся на ногах, неловко наклонился в его сторону, создав тем самым почти классическую ситуацию для удара снизу, Анатолий не замедлил этим воспользоваться.

И вот тогда старший из хулиганов, все еще лежавший на земле, и полез за финкой, но либо там ее не оказалось, либо он раздумал ею воспользоваться – рука его так и застряла в кармане. А Анатолий поспешил закрепить свою победу грозным окриком:

– Эй вы, скоты, забирайте-ка своего атамана – и марш по домам!

– Поднимите же меня, заразы! – закричал и тот, что лежал на земле. Он, видимо, и в самом деле был у них за главного.

Парни поспешно склонились над ним.

Тут-то он и крикнул:

– погоди, милицейский холуй, мы с Тузом еще с тобой рассчитаемся.

Анатолий не обратил тогда внимания на эти слова – разбитому наголову противнику ничего ведь и не оставалось, как отводить душу угрозами. Это уж потом, в разговоре с Валею Куницыной, вспомнил он, что Туз – беглый рецидивист, которого разыскивает милиция. Старший из нападавших был, видимо, как-то с ним связан. Жаль, что в темноте не удалось как следует его рассмотреть.

Победа далась Анатолию, однако, нелегко. Она отняла много сил, и он мечтал теперь лишь об одном – добраться поскорее до дома. Подставить под холодные жесткие струи душа все еще разгоряченное тело – и в постель!

Старший инспектор районного отдела Министерства внутренних дел Грунина очень спешит. От метро до места ее работы теперь уже недалеко – всего пять минут ходьбы, но и времени в обрез, а ей сегодня нужно быть ровно в девять. Она так торопится, что на нее

начинают обращать внимание прохожие.

Но вот наконец и подъезд райотдела! Она распахивает тяжелую дверь и, минуя просторный вестибюль с книжным киоском, поднимается на третий этаж. Теперь по длинному коридору поскорее в свою комнату. Хорошо хоть, что не видно никого из знакомых – не нужно тратить время на приветствия и разговоры. Лишь у дверей начальника паспортного стола ее внимание привлекает небольшая очередь посетителей – человек пять-шесть. Проходя мимо, Грунина невольно задерживает взгляд на средних лет мужчине в выгоревшей военной гимнастерке. Где-то она уже видела его... Рыжий, плечистый, широколицый, с мясистым носом. Очень знакомая физиономия!

Хоть ей сейчас и не до воспоминаний, Татьяна, однако, все еще силится припомнить, где же видела она этого человека? Одно лишь ясно – в обстоятельствах необычных. И вдруг ее осеняет – Грачев!

Да, это он, слесарь Павел Грачев, осужденный за тайное изготовление крестиков в заводском цеху, которые кто-то из его сообщников сбывал служителям культа одной из подмосковных церквей. Дело это вел другой следователь, а Грунина ездила к Грачеву в исправительно-трудовую колонию и допрашивала его там как свидетеля по совершенно иному поводу.

Когда же это было? Год назад, кажется... Да, около года. Он тогда уже отсидел большую половину срока. А теперь, значит, освобожден и собирается, наверное, прописаться по прежнему месту жительства? Проживал он, помнится, по Конюховской улице... Кто же там у него остался? Сестра как будто... Да, сестра-школьница, мать и отец умерли вскоре после войны.

Досадуя на себя, Татьяна встряхивает головой – не время сейчас думать об этом! Нужно идти к начальнику с докладом. Он поручил ей провести опрос своих подчиненных и теперь ждет результатов ее работы. Похоже, что собирается выступать на предстоящем совещании в городском Управлении внутренних дел.

Давно бы пора разобраться, на что уходит рабочее время инспекторов. Получается ведь, что почти десять процентов его расходуется на писанину. Разве не могли бы выполнять все это технические работники или сами же инспектора с помощью так называемой малой механизации управленческого труда?..

Размышления Татьяны прерывает звонок. Она поспешно снимает трубку. Это начальник. – Слушаю вас, Евгений Николаевич. Да, все готово. Иду!

Собрав в папку отпечатанные на машинке страницы своего доклада и записи, сделанные от руки, которые могут ей пригодиться, Грунина спешит в кабинет начальника. Проходя мимо дверей паспортного стола, снова бросает взгляд на Грачева.

На этот раз, кажется, и он обращает на нее внимание. Случайно или узнал?..

– Вы все хорошеете, Танечка, – встречает ее Евгений Николаевич Лазарев банальной фразой.

Грунина едва заметно хмурится – не любит она комплиментов да и Танечкой называть себя никому не разрешает. Евгений Николаевич знает это и лишь наедине с нею позволяет себе такую вольность.

– И не надо дуться, – все еще улыбается Евгений Николаевич. («С чего это у него такое хорошее настроение?») – Я ведь не из ловеласов, однако вам всегда почему-то хочется сказать что-нибудь приятное.

– Но ведь вы же знаете, Евгений Николаевич...

– Да, да, знаю, что вы терпеть этого не можете, но что поделаешь – само срывается с языка. А у вас только поэтому испортилось настроение?

– Есть и иные причины.

– Ну, тогда докладывайте все по порядку.

– О результате моих бесед с коллегами прочтите лучше сами – это займет меньше времени, – протягивает свой доклад Лазареву Татьяна.

«Ну и характер», – без особого раздражения думает о ней Евгений Николаевич. Но, в общем-то, характер ее ему нравится. Одному из своих коллег, сокрушавшемуся по поводу «норова» Груниной, он даже заметил как-то: «А ведь это, дорогой мой, и не норов вовсе, а

система самообороны, способ сохранения собственного достоинства. Она серьезный и к тому же талантливый оперативный работник, а мы рассыпаемся перед ней в комплиментах, будто перед примадонной...»

Вспомнился подполковнику Лазареву и другой разговор. Он произошел спустя примерно год после того, как Грунина пришла в его отдел. К тому времени он имел возможность оценить и характер ее, и деловые качества. Ничто уже не составляло для него загадки, все было ясно, поэтому он не задал ей вопроса: почему пошла она на оперативную работу в органы дознания, а не в следственный аппарат? Спросил ее о другом:

– Скажите, Татьяна Петровна, как родители отнеслись к вашему решению работать инспектором?

– Это вы потому, что работа в органах дознания – не женское вроде дело? – усмехнулась Татьяна.

– Не совсем. Работа следователя тоже ведь не очень женская...

– Однако интеллигентнее вроде, – досказала за него Татьяна.

– Я этого не считаю... – попытался возразить ей Лазарев.

Но она снова перебила его:

– Мои родители тоже этого не считали. Их беспокоило другое, особенно маму, – справлюсь ли я с этим «не очень женским делом?» Но мне даже отвечать ей не пришлось. За меня ответил папа. «Как вот я представляю себе работу теперешних органов дознания, – сказал он маме. – Для них, по-моему, важна не столько мускулатура, сколько хорошая голова. Я бы даже сказал – спокойная, трезвая голова, умеющая быстро все схватить, взвесить и рассудить. Так ведь все это у нашей Тани есть. А схватываться с преступниками врукопашную ей вряд ли придется. Ты же читаешь иногда Жоржа Сименона, запомнил ли тебе хоть один случай, чтобы его прославленный комиссар Мегрэ боролся или хотя бы стрелял в кого-нибудь?..» – «Но ведь пистолет-то ей, наверное, выдадут?» – перебила отца мама. «Выдадут, но лишь на всякий пожарный случай, как говорится», – рассмеялся папа».

Вспомнив теперь этот давний разговор, подполковник Лазарев невольно улыбается, прикрывая лицо страничками доклада Груниной. Торопливо прочитав сжато изложенные соображения Татьяны, он сдержанно хвалит ее и спрашивает:

– А о применении на допросах диктофона почему не упомянули?

– Об этом вы сами высказали много интересных мыслей, и я полагала...

– Э, какие там интересные мысли! – пренебрежительно машет рукой Лазарев. – Эти мысли, как говорится, витают в воздухе. Ну да ладно, это я сам потом добавлю. Теперь о причине вашего плохого настроения...

– А точнее, озабоченности, – поправляет его Татьяна. – Вы помните дело об избиении Глафиры Бурляевой?

– Дознание по которому производили вы? Но ведь оно завершено, и муж Бурляевой осужден.

– Однако я, как вам известно, не была убеждена, что последнее избиение, в результате которого Бурляева попала в психиатрическую больницу, – дело рук ее мужа. Да, он бил Глафиру, это засвидетельствовано ее соседями по квартире, но так зверски избить ее он все-таки не мог.

– Опять вы за своё...

– Да, я опять за своё, Евгений Николаевич! Называйте это как угодно – хоть «чистой интуицией», но я убеждена, что избил Глафиру не Бурляев, а кто-то другой.

– В его присутствии?

– Да, скорее всего, в его присутствии.

– Почему же тогда Бурляев взял всю вину на себя?

– Потому, видимо, что того, кто избивал в этот вечер его жену, и он, и сама Глафира, и некоторые другие свидетели до смерти боятся.

– А кого вы имеете в виду под другими свидетелями.

– Их соседа Павла Грачева, например.

– Того самого Грачева, допрашивать которого вы ездили в исправительно-трудовую ко-

лонию? Но, насколько мне помнится, он показал, что был в тот день пьян и не слышал, что творилось у Бурляевых.

– Все это действительно записано в протоколе допроса. Однако он не отрицал, что часто слышал, как Бурляев «учил свою супругу уму-разуму». Но ведь пьян-то он бывал почти ежедневно, так почему же прежде слышал, а когда избиение соседки носило совсем уже зверский характер и она, видимо, кричала или стонала громче прежнего, не услышал ничего?

– Вы не допускаете разве, что в тот вечер был он пьян более обыкновенного?

– Вот этого-то как раз и не было! – энергично встряхивает головой Татьяна. – Именно потому, что Грачев бывал пьян постоянно, соседка по их общей квартире, открывавшая ему входную дверь, обратила внимание, что был он в тот вечер совершенно трезв. Я ведь вам, Евгений Николаевич, все это уже докладывала в свое время.

– Да, да, докладывали, припоминаю. Помнится даже, что приехали вы от Грачева с убежденностью, будто ему известен подлинный виновник увечья Глафиры Бурляевой.

– Я вам еще сказала, что Грачев не просто мелкий предприниматель, делавший из заводских материалов крестики для верующих, он законченный, убежденный стяжатель со своей тлетворной стяжательской философией.

– Будем надеяться в таком случае, что Грачев не так скоро вернется...

– Он уже вернулся, Евгений Николаевич! Я только что видела его в очереди к начальнику нашего паспортного стола.

– Так вот, значит, в чем причина вашей сегодняшней озабоченности?

– Да, в этом. Он ведь не только снова будет жить в нашем районе, но и вернется, наверное, на тот же завод.

– Ну, во-первых, это еще неизвестно. А во-вторых, не вижу в этом ничего страшного. Он работал на экспериментальном? Так там у них лучшая в районе народная дружина и комсомольский оперативный отряд. Они не выпустят его из своего поля зрения...

– Я не очень уверена в этом, Евгений Николаевич. Едва ли Грачев внушит кому-нибудь подозрение. Такой усыпит бдительность и более опытных людей. Когда я ездила в колонию, начальник ее отзывался о нем, как о самом дисциплинированном и трудолюбивом.

– Кстати, какая репутация была у него на заводе до ареста?

– Он и на заводе числился чуть ли не в передовиках. А вот убеждения у него...

– Каким, однако, образом, стали они вам известны? – иронически усмехается Лазарев. – Мне помнится, в колонии вы с ним беседовали не более получаса.

– Совершенно верно, но Грачев позволил себе в эти короткие полчаса «раскрыться», откинуть, так сказать, забрало и высказать свое «кредо».

– Смел, стало быть.

– Скорее, нагл.

– И знаете почему? Внешность ваша спровоцировала его на такую откровенность. Вы ведь в штатском были? Вот он и решил пооткровенничать с интересной женщиной, да еще и посоветовал, наверное, с вашими внешними данными попытать счастья в кино. Угадал?

– Что-то в этом роде, – смущенно улыбается Татьяна. – Но опасность возвращения Грачева на завод нельзя недооценивать. Я по-прежнему убеждена, что он как-то связан с тем, кто изувечил жену его соседа.

– Дело Грачева вел, кажется, Биленко?

– Да, Биленко. Но что сейчас говорить об этом. Он теперь в Киевском управлении Министерства внутренних дел. К тому же формально к нему вроде и не придерешься...

– А вы считаете, что придраться было к чему?

– К сожалению, я познакомилась с делом Грачева уже после того, как он был осужден. Но мне кажется, Биленко не должен был верить его заявлению, будто изготовленные им крестики сбывал он через служителей церкви, фамилии которых не мог назвать. Скорее всего, занимался этим кто-то из его сообщников. И если теперь Грачева снова примут на тот же завод...

– Да почему вы решили, что на тот же! – с едва заметным раздражением восклицает подполковник. – Я позвоню сейчас начальнику паспортного стола, и мы узнаем...

- Именно об этом я и хотела вас попросить, – обрадовалась Татьяна.
Лазарев снимает трубку внутреннего телефона и торопливо набирает нужный номер.
- Товарищ Бирюков? Здравствуйте, Иван Иванович! Это Лазарев. У вас там на приеме должен быть некто Грачев... Уже был! Ну и как вы решили вопрос с его пропиской? Понятно. А работать он где же собирается? Так-так... Спасибо за справку.
- Положив трубку, Евгений Николаевич смущенно улыбается:
- Вы как в воду глядели, Татьяна Петровна. Грачев, оказывается, прекрасно вел себя в заключении и вернулся в Москву с отличной характеристикой и ходатайством исправительно-трудовой колонии о зачислении его на прежнее место работы...
- А сердобольные администраторы завода, конечно, согласились принять его в свою семью, – нетерпеливо перебивает его Татьяна. – Но ведь он там снова...
- Почему же снова?
- Да потому, Евгений Николаевич, что таких, как Грачев, никакая колония не исправит. В связи с этим нужно бы подумать и о тех, кто будет работать с ним рядом. Предупредить, предостеречь...
- Вы же шефствуете над народной дружиной этого завода. Вам, как говорится, и карты в руки. Предупредите прежде всего штаб заводской дружины.
- О том, что к ним возвращается Грачев, их и без меня, наверное, уже поставили в известность. Он слесарь-инструментальщик, значит, снова вернется в инструментальный цех, а там много молодежи, пришедшей на завод уже после ареста Грачева. Вот их-то и нужно предостеречь.
- А члены штаба заводской дружины Рудаков и Ямщиков разве не инструментальщики?
- Инструментальщики, и мне бы хотелось побывать у них сегодня во время обеденного перерыва.
- Боюсь, что это не удастся. Я хочу поручить вам дело Тимохина, занимающегося спекуляцией автопокрышками. Его нужно сегодня же допросить. А Рудакову или Ямщикову вы можете позвонить или встретиться с ними завтра.

3

- Позвонить Рудакову Татьяне удастся только в конце рабочего дня, да и то не ему лично, а комсоргу цеха. И лишь минут десять спустя звонит ей уже сам Рудаков:
- Здравствуйте, Татьяна Петровна! Это Рудаков...
- Вы очень нужны мне, Олег! – обрадованно восклицает Татьяна. – Только это, как говорится, не телефонный разговор... Где бы нам с вами встретиться? Подскажите.
- Могу к вам в райотдел...
- Я говорю с вами не из райотдела и больше там сегодня не буду... Приезжайте-ка тогда лучше ко мне домой!
- С удовольствием! Надо бы только заехать переодеться...
- Я ведь вас не на ужин приглашаю, а по делу, и притом очень серьезному, – смеется Татьяна.
- Давайте адрес, приеду к вам сразу же после работы.
- Рудаков, однако, заезжает все-таки домой. На нем теперь новый, ладно сидящий черный костюм, хотя на улице и сейчас еще около двадцати пяти. Скорее всего, и сорочка была с галстуком – он, наверное, в кармане пиджака, который заметно топорщится. Да и сам Олег чувствует себя у Татьяны неловко, скованно как-то – впервые ведь.
- Вы бы сняли пиджак, – предлагает Татьяна.
- Да, пожалуй...
- Он вешает пиджак на спинку стула, а Татьяна решает не легкий для себя вопрос: как сесть – рядом с ним или напротив?
- Конечно, естественнее было бы напротив, но эти дурацкие мини-юбки ужасно все осложняют. Сидишь все время со сжатыми коленками, и твой собеседник смотрит только на твое лицо, не решаясь опустить глаза... Чертовски все глупо! Наверное, средневековые дамы в своих замысловатых костюмах чувствовали себя гораздо естественнее и свободнее.

Но ничего не поделаешь, нужно садиться напротив Олега: так удобнее вести беседу. Не за письменным же столом, стоящим у окна? Это уж будет не дружеский разговор, а «прием по делу».

– Помните вы слесаря-инструментальщика Грачева? – после небольшой заминки спрашивает Олега Татьяна.

– Которого посадили?

– Да, того самого. Ну, так он уже вернулся. Скоро снова явится к вам на завод и, видимо, в ваш инструментальный цех.

– Это-то не обязательно.

– А я все-таки думаю, что Грачев попросится именно в ваш цех. Он и в исправительно-трудовой колонии инструментальщиком работал. Мало того – квалификацию свою там повысил.

– И как таких на квалифицированную работу ставят! – возмущается Олег. – Я бы их всех на заготовку леса в какие-нибудь дебри...

– У него был иной режим, да и не в этом сейчас дело. Боюсь, что он там ничему не научился, если не считать слесарного мастерства. Теперь только поосторожнее будет. Но это тоже не самое главное. Подозреваю я, что связан он с более крупным хищником. С таким, который ни перед чем не остановится. Вы имейте это в виду, но пока, кроме комсорга цеха, никого о моих соображениях в известность не ставьте. Даже Ямщикову не сообщайте.

– Вы думаете, что ему это...

– Нет, нет, я ничего такого о нем не думаю! – Поспешно перебивает его Татьяна. – Просто в этом нет пока нужды. Но вы за Грачевым поглядывайте. Не сомневаюсь, что он постарается сблизиться с теми, кто ему потом сможет пригодиться. С Мавриным, например.

– А вы Маврину, значит, не доверяете?

– Просто Маврин может ему показаться подходящим.

– Я за Маврина ручаюсь! Он только с виду простачок, и его вроде на любое дело можно подбить. Но, во-первых, он уже проучен, а во-вторых, и это главное, очень любит одну девушку и очень дорожит ее уважением.

– Знаю, знаю я эту девушку! – смеется Татьяна. – Варя Кречетова из технического отдела – угадала? Известно мне и то, что это она из него человека сделала. Но ведь Грачев-то этого не знает да и не поверит... Не в состоянии поверить, что такое вообще возможно.

– Варя сейчас уже на втором курсе заочного института. Она и Маврина заставила закончить вечернюю школу взрослых. Он тоже собирается в заочный.

– Знаю я и это, – улыбается Татьяна, дивясь непривычному для Олега тону голоса. На заводе он всегда громкоголос, энергичен, даже, пожалуй, властен, а тут у нее сдержан, мягок и даже робок, пожалуй, хотя этого она от него никак не ожидала.

С нею он, правда, всегда вежлив и почтителен, но в споре так повышает голос, что потом сам же просит извинения. И все-таки он кажется ей совсем мальчишкой, хотя сама она всего лишь на три или четыре года старше его.

– Знаю я еще и то, – продолжает Татьяна, – что Варя Кречетова не давала покоя Вадиму Маврину до тех пор, пока он не добился права быть принятым в вашу бригаду. И не из-за того вовсе, что у вас там самые высокие заработки.

– Да, бригада наша славится не столько заработками, сколько строгими правилами, – довольно улыбается Олег. – Мы не называем их никакими там высокими словами, а просто считаем эти правила совершенно необходимыми для настоящего рабочего человека. Хотя ребята у нас, сами знаете, совсем не святые, но мы пока довольно успешно противостояем всяческим соблазнам...

– Я полагаю, что труднее всех у вас Анатолию, – перебивает Олега Татьяна, вызывая в своей памяти образ рослого красавца Ямщикова.

– Да, он горяч и вспыльчив, – соглашается Олег.

– И не только это. По-моему, он подвержен соблазнам больше, пожалуй, чем все вы, вместе взятые, и я очень боюсь, как бы он однажды...

– А я за него, как за себя, ручаюсь!.. – теперь так же громко, как и на заводе, восклицает

Олег.

Но в это время в комнату Татьяны заглядывает ее мать, очень еще молодая на вид и такая же красивая, как дочь.

– Может быть, вы чаю выпьете, молодые люди? – спрашивает она.

– В самом деле, Олег, почему бы нам не выпить чаю в компании с моими родителями? Они у меня люди гостеприимные и простые.

Олег знает, что отец Груниной доктор технических наук, а мать преподает в Художественном институте имени Сурикова. Пить с ними чай он, конечно, не рассчитывал. Отказываться, однако, неудобно, и Олег встает, хватаясь за пиджак.

– Зачем он вам? – смеется Татьяна. – Чай ведь горячий, наверное?

– Нет, нет, – протестует Олег, – без пиджака я не пойду.

– Считаете, что не совсем прилично? – все еще улыбается Татьяна. – Ну и рабочий класс пошел! Ладно уж, идите в пиджаке, только без галстука. Он ведь у вас в кармане, правда?

– Да, пришлось снять, – смущенно признается Олег. – Повязал не очень удачно...

За чаем, вопреки опасениям Татьяны, Олег чувствует себя гораздо свободнее, чем во время разговора в ее комнате. Он толково отвечает на расспросы, делится впечатлениями о недавно прочитанной книге Жана Ренуара об его отце, знаменитом художнике Огюсте Ренуаре.

– А вы знаете, – говорит Олегу отец Татьяны, – я ведь тоже начинал когда-то с профессии слесаря-лекальщика. Работал и учился, так что мы с вами почти коллеги. Сейчас, правда, я уже не занимаюсь инструментальным делом, но слесарей-лекальщиков высоко ценю. Вы к тому же учитесь в каком-то институте? Не в станкостроительном ли?

– Нет, папа, – отвечает за Олега Татьяна, – он на заочном отделении философского факультета.

– Философского? – удивленно поднимает брови Грунин. – Хотя, в общем-то, это и не удивительно – у слесарей-лекальщиков я давно подметил философский склад ума.

– Как у часовщиков, – посмеивается Олег. – Тонкий ручной труд вообще предрасполагает к философскому осмыслению действительности.

– А вы на ручной работе? – спрашивает Грунин.

– Слесаря, по-моему, вообще только на ручной, – замечает Татьяна.

– Плохо ты знаешь современное слесарное дело, – усмехается отец. – У них теперь разнообразные плоскошлифовальные, оптические профишлифовальные и координатно-расточные станки. Даже такие тончайшие приборы, как измерительные плитки, знаменитые «плитки Иогансона», которые долгое время вся Европа делала вручную, теперь изготавливаются на станках. А история этих плиток – целая поэма с драматическими эпизодами!..

– Ты нам как-то рассказывал о них, папа, – перебивает отца Татьяна. – Это те самые прямоугольные стальные брусочки, которыми измеряют особо точные изделия, да? История этих плиток показалась мне не столько поэмой, сколько своеобразным техническим детективом – все ведь было сплошной тайной.

– Да, тайн у «плиток Иогансона» хватало! Шведский инженер Иогансон скрывал их секрет не только от посторонних, но и от своих рабочих. Лишь несколько специалистов, которым он вынужден был довериться, знали весь процесс их изготовления в целом...

– Но ведь и мы научились их делать, – снова перебивает отца Татьяна.

– Да, научились. Первым стал их изготавливать русский слесарь Николай Васильевич Кушников. А станок для механического их производства изобрел другой слесарь – Дмитрий Семенов. Делать их вручную теперь, наверное, мало кто умеет.

– У нас на заводе только Ямщиков да я, – с почти нескрываемой гордостью произносит Олег. – Вообще-то их у нас главным образом ремонтируют.

– Притиркой и доводкой?

– Да, абразивно-притирочными материалами.

– Знаменитой пастой ГОИ! – восклицает Грунин, которому приятно вспомнить свою молодость и те годы? когда он работал инструментальщиком. – А ты знаешь, что такое ГОИ? – обращается он к дочери.

– Я знаю, что такое ГАИ, – смеется Татьяна.
– А ГОИ – это притирочная паста, составленная по рецепту академика Гребенщикова в Государственном оптическом институте для зеркальной доводки металлов. Отсюда и ГОИ. Вы, наверное, выводите с плиток только забоины и коррозию? – спрашивает Олега Грунин.
– Лично я восстанавливаю их параллельность и снижение номинальных размеров.
– О, это ювелирная работа!
– Я видела его в цехе. Все там в белых халатах, как в хирургической клинике, – замечает Татьяна.
– Ты не шути, – бросает на нее строгий взгляд отец. – Это, может быть, еще и потоньше хирургии. У них там не должно быть ни единой пылинки, а температура ровно плюс двадцать по Цельсию. Ни на полградуса меньше или больше. Обрабатываемые детали они ведь проверяют с помощью микроскопов.
– Универсальными микроскопами, – тихо говорит Олег. – И еще оптиметрами. Методом интерференции света. Точность обработки у нас до микрона, до тысячных долей миллиметра. Я засиделся у вас, однако! – спохватывается вдруг Рудаков, вставая из-за стола. – Извините, пожалуйста...
– Очень рад знакомству с вами, – крепко пожимает ему руку Грунин.
– Заходите почаще, – приглашает Олега мать Татьяны.
– Спасибо!
– Я пройду с ним немного, – говорит Татьяна родителям. – Провожу до метро.

4

– Ну, как вам показались мои старики? – спрашивает Татьяна Олега, как только они выходят на улицу.
– Классные старики, как сказал бы Вадим Маврин.
– А вы?
– Очень симпатичные.
– Особенно папа?
– Почему же? И мама тоже...
– Ну, ее-то вы пока не в состоянии оценить. Она почти весь вечер помалкивала, приглядываясь к вам. Думаю, однако, что вы ей понравились.
Олегу очень хочется спросить: «А вам-то нравлюсь я хоть немного»? Но вместо этого вопроса он робко произносит:
– Если я скажу вам, что чувствую себя сейчас очень счастливым, вы мне, наверное, не поверите...
Татьяне тоже хочется уточнить: «Отчего?», но она не задает ему этого вопроса.
– А знаете, кто сегодня был у нас на заводе? – после небольшой паузы спрашивает ее Рудаков. – Пронский! Виталий Сергеевич. Назвался хорошим вашим знакомым.
– Так и сказал: «Хороший знакомый»? – переспрашивает Татьяна.
– Примерно так. Почему вы этому удивились?
– Не ожидала, что он так себя отрекомендует. Да и вообще, зачем было говорить о знакомстве со мной? Какое это имеет значение?
– Большое. К нам сейчас проявляют интерес многие, и мы стали зазнаваться, – усмехается Олег. – Ямщиков шепнул мне даже: «Если бы не Татьяны Петровны знакомый, послал бы я его...» Вы же знаете, какой у него характер.
– Ну, а то, что он хорошим моим знакомым представился, разве не показалось вам странным? Не вам лично, а Толе Ямщикову, например?
– Я-то ничего странного в этом не увидел, но Анатолий почему-то решил, что он ваш ухажер. Чего молчите – угадал, значит?
– Какой там ухажер! – смеется Татьяна. – Просто старый знакомый. Вернее, школьный товарищ, вместе в средней школе учились. Ну и что же он от вас хотел?
– Говорит, что много хорошего слышал от вас о нашем общественном конструкторском бюро. С ваших слов ему известно, что мы собираемся соорудить для заводского штаба нашей

народной дружины свою систему непрерывного оперативного планирования, кратко именуемую СНОПом. Приоритет создания такой системы принадлежит, как вы знаете, штабу первого оперативного отряда дружинников Первомайского района Москвы. «Вы что, – спросил нас Пронский, – точную копию ее собираетесь сделать?» – «Зачем же копию, отвечаем, есть и свои идеи. Сделаем наш СНОП полностью автоматическим». Потом он стал расспрашивать, как у нас обстоит дело со специалистами по электронике. Мы объяснили, что завербовали недавно в наше конструкторское бюро инженера-электроника. «Так зачем же вам тогда на это, в общем-то, примитивное дело силы тратить? – удивился Пронский. – У меня есть проект посерьезнее...»

– И предложил сконструировать электронную ищейку? – нетерпеливо перебивает Олега Татьяна.

– Да, что-то вроде механического пса из романа знаменитого американского фантаста Брэдбери «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту».

– Ну, та жуткая собака не столько ищейка, сколько убийца, – невольно вздрагивает Татьяна. – И потом – это же чистейшая химера!

– А нашим ребятам идея Пронского понравилась.

– Они, наверное, не читали романа Брэдбери...

– В том-то и дело, что читали. И знаете, кто больше всех загорелся этой идеей? Толя Ямщиков!

– Вот уж не ожидала!

– Я, признаться, тоже удивился, но и обрадовался за него. Он у нас неумный, а эта идея его надолго займет.

– Но ведь нереально же все! О желании сконструировать такую собаку Виталий мне давно уже говорил, но я лично считаю подобный замысел типичной идефикс.

– Ребят моих, однако, Пронский каким-то образом убедил...

– А вас?

– Откровенно говоря, я лично не очень в это верю, но Толя Ямщиков и даже наш инженер-электроник прямо-таки зажглись. Почему бы, в самом деле, не попробовать? Тем более, что и сам Пронский показался нам очень сведущим в кибернетике. Он ведь кандидат наук. Хороший специалист.

– Да, Виталий талантлив, – почему-то задумчиво замечает Татьяна. – Папа говорит, что он далеко пойдет. А вот мы с вами уже пришли к станции метро. Вам отсюда без пересадок почти до самого вашего дома. До свидания, Олег! – протягивает она руку Рудакову. – Теперь я буду у вас не так скоро – начальство поручило мне одно срочное дело, а вы не забывайте того, что я вам сообщила о Грачеве.

– Об этом вы не беспокойтесь!

...Вернувшись домой, Татьяна, не отвечая на вопросы родителей, идет к телефону. Торопливо набирает номер Пронского и облегченно вздыхает, услышав его голос.

– Ты себе представить не можешь, как я рада, что застала тебя дома, Виталий! – восклицает она.

– С чего это вдруг такая радость? – искренне удивляется Пронский. – Никогда что-то прежде не радовалась так.

– Это потому, что никогда еще не была на тебя так зла.

– Ну, знаешь ли...

– Сейчас и ты узнаешь. Чего это ты вздумал морочить голову инструментальщикам бредовой идеей кибернетической ищейки?

– Ну, во-первых, идея не такая уж бредовая. А во-вторых, с твоими вундеркиндами ее, конечно, не осуществить. Так что все это впустую...

– Это почему же?

– Сероваты они для этого. Особенно удручающее впечатление произвел на меня Ямщиков. Ни одного кибернетического термина не мог выговорить. Да и в русских словах у него такие удареньица!..

Услышав это, Татьяна начинает так хохотать, что прибегает из кухни мама. Отбросив га-

зету, испуганно вскакивает с дивана и доктор технических наук. А Татьяна, не обращая на них внимания, весело кричит в трубку:

– Он же тебя разыгрывал, неужели не догадался? Ямщиков, оказывается, ни одного термина не смог грамотно произнести! Да ведь он окончил среднюю школу, в которой преподавание велось на английском языке... Когда они с Рудаковым были в Швеции на выставке наших измерительных инструментов, так их там за инженеров принимали. Ямщиков давал объяснения по-английски, а Рудаков неплохо владеет немецким. И потом, они там не только демонстрировали наши измерительные инструменты и приборы, но и объясняли их устройство с помощью математических расчетов и формул. И не думай, что это они сами мне сообщили, об этом мне директор их завода рассказал. К тому же не то в «Комсомольской правде», не то в «Московском комсомольце» целая статья была напечатана об их поездке в Швецию.

– Ну, опять ты их начала...

– Ничего я не начала! Они действительно такие, а вот ты не смог в них разобраться. Да и вообще незачем было голову им морочить.

– Почему же – морочить? Я им это всерьез. И кто знает, может быть...

– А по-моему, ты все это зря затеял.

– У тебя просто нет воображения, и ты не можешь себе представить...

– Да и не в этом вовсе дело! Отвлекаешь ты ребят от их реальных задач. Они райкому комсомола слово дали, что соорудят у себя на заводе систему непрерывного оперативного планирования, которая облегчит им получение информации и автоматизирует анализ оперативной обстановки.

– Я им помогу сделать и это...

– Имей тогда в виду – это в первую очередь! И будь здоров, как говорится.

– И это все?

– А что же еще?

– Нужно ведь серьезно поговорить...

– Я уезжаю завтра утром в срочную командировку, и надолго. Приеду – позвоню. Привет родителям!

Татьяна с облегченным вздохом кладет трубку.

– Что ты сегодня с ним так? – укоризненно замечает мама.

– Я с ним так всегда, – усмехается Татьяна. – Он уже привык. А вот вы, мои родители, скажите-ка мне лучше, какое впечатление на вас произвел Олег Рудаков?

– Не знаю, – уклончиво отвечает мама. – Не разобралась пока...

– А мне показалось, что он тебе понравился. – Татьяна испытующе смотрит на мать.

– Как же я могу о нем судить, если ни о чем серьезном не успела поговорить? Это папа твой весь вечер с ним философствовал, вот у него и спрашивай. Да, кстати, почему же это он на философский поступил? Зачем ему это?

– Я знаю одного слесаря, который уже окончил философский.

– И по-прежнему на заводе слесарит?

– По-прежнему.

– Ну, знаешь ли, не очень мне это понятно.

– А что же тут непонятного? – вступает в разговор папа. – Захотелось, значит, всерьез осмыслить мир, в котором живет. Именно о таком образованном широко мыслящем рабочем классе мечтали Маркс и Ленин.

Долго не может заснуть в эту ночь Татьяна. Надо бы продумать тактику допроса свидетелей спекуляции автопокрышками, а из головы не выходят воспоминания о прошлогодней поездке в исправительно-трудовую колонию к Грачеву...

Было это в полдень, во время обеденного перерыва в том цеху, где работал Грачев. В комнату, предоставленную Груниной начальником колонии для допроса, Грачев вошел очень спокойно. На нем была синяя, застиранная, но не грязная спецовка. Руки тоже были

чистые, будто он не слесарем работал, а администратором. Смотрел нагло, самоуверенно.

– Здравствуйте, гражданин инспектор, – сказал почти весело. И тут же добавил: – Извините – старший инспектор. Так ведь, кажется? Велено вот явиться к вам на допрос. Грачев я, Павел Макарович. Разрешите присесть?

Она кивнула ему на стул перед столиком, за которым сидела. Усевшись, Грачев бесцеремонно стал разглядывать ее, дивясь чему-то.

– Сколько же можно допрашивать меня? – спросил он прежде, чем Татьяна успела сообщить ему, с какой целью вызвала его. – Я уже получил свое и отбываю положенное, так что же вы меня снова? Это не по закону...

– У меня разговор с вами будет не о том, за что вы осуждены, – прервала его Грунина. – Я к вам по делу об избиении Глафиры Бурляевой.

Лицо Грачева оставалось таким же спокойным, хотя Татьяна внимательно наблюдала за ним. Он лишь переспросил:

– Это вы мою соседку по квартире имеете в виду? Ну, так тут я совсем ни при чем. Даже в свидетели негож. В тот день, когда Глафиру «поучал» ее супруг, я хоть и находился дома, но был, как говорится, во хмелю и не очень прислушивался, что там у них творилось. Тем более, что такие потасовки случались у Бурляевых чуть ли не каждый день.

– И вы ни разу не вмешались?

– А чего мне лезть в чужую жизнь? Да и за дело, в общем-то, лупцевал Глафиру ее супруг. Глупая она баба...

– Но в тот день он не просто избил Глафиру, а изувечил. Ее ведь с сотрясением мозга в больницу доставили, а потом она около года в психиатрическом отделении пролежала. От таких побоев Бурляева, наверно, не только кричала, а прямо-таки вопила. Как же вы могли?..

– А что я, – впервые слегка повысил голос Грачев, – всеобщий заступник, что ли? Дружинник или еще какой-нибудь деятель? Супруг-то ее, сами знаете, какой верзила! Пришиб бы заодно с ней и меня...

– Ну хорошо, допускаю, что вы струсили, но почему же не позвали кого-нибудь на помощь? Или в милицию позвонили бы...

– Скажете тоже, в милицию! Да я и сам этой милиции боялся как черт ладана. Бизнес мой с крестиками для православных засекли уже к тому времени... Да и вообще непонятно мне, к чему вы это дело опять ворошите? Семен Бурляев получил ведь свое, чистосердечно во всем признавшись.

– У нас нет теперь уверенности в его чистосердечии. Похоже, что взял он на себя вину другого.

– То есть как это другого? Уж не я ли тогда жену его изуродовал?

– Нет, не вы, но тот, кто это сделал, вам, видимо, известен. Не один Семен Бурляев был в тот вечер в их комнате, и вы не могли этого не знать.

– Как же я мог через стенку-то увидеть, кто там еще?

– Увидеть действительно не могли. А услышать?

– Он мог и молча... И потом, почему он, а не Семен?

– Так вы, значит, слышали все-таки, что там был еще кто-то?

– Ничего я не слышал, и вы меня в это, гражданочка... извиняюсь, гражданин старший инспектор, не впутывайте.

Голос его не был уже таким спокойным. В глазах – тревога.

– Не слышать его, однако, вы никак не могли. Он орал так, что услышала даже тугая на ухо старушка – соседка ваша, Евдокия Фадеевна, живущая в противоположном конце коридора. Она, правда, не разобрала слов, но уверяет, что голос был не Семена. Пыталась даже зайти к Бурляевым, но едва приоткрыла дверь, как выскочил Семен и пригрозил пришить ее, если она тотчас же не уйдет к себе в комнату. А тот, кто избивал Глафиру, так бесцеремонно вел себя потому, что вас несколько не опасался. Был совершенно уверен, что вы его не выдадите. О том, что ваша сестра-школьница находилась в то время в деревне у бабушки, ему, конечно, тоже было известно.

– Так чего же вы все это теперь только?.. – не без удивления спросил взявший наконец себя в руки Грачев. – Почему тогда ни меня, ни Евдокию Фадеевну не допросили об этом таинственном человеке?

– Потому, гражданин, Грачев, что не было у нас тогда сомнений, что это дело рук Бурляева. Да и вы подтвердили, что именно он «занимался в тот вечер воспитанием своей законной супруги». Это подлинные ваши слова из протокола допроса. А Евдокия Фадеевна и тогда говорила, будто слышала еще чей-то голос в их комнате, но добавила при этом, что «скорее всего, обозналась». И только после того как Глафира Бурляева вышла из психиатрической больницы и одной из своих приятельниц проговорилась, что изувечил ее не Семен, а некий Леха, мы решили, что вы поможете нам в этом разобраться.

– Нет, не помогу, гражданин старший инспектор. Рад бы, да не могу, так как никакого Лехи не знаю и никаких других голосов, кроме голоса Семена Бурляева, из-за соседской стенки не слышал. А теперь, насколько мне известно, я имею право просить предоставить мне возможность записать мои показания собственноручно. Так-то оно будет вернее. Если мне не изменяет память, то такое право предоставляется свидетелю статьей сто шестидесятой Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

– Вам память не изменяет, гражданин Грачев, и вы этим правом можете воспользоваться. Заполнив вводную часть протокола, Татьяна написала:

«В соответствии с просьбой свидетеля, ему предоставлено право записать свои показания собственноручно».

Потом она протянула протокол Грачеву, и он аккуратным почерком, без единой грамматической ошибки и довольно толково изложил свои показания. А когда и он, и Грунина подписали протокол, Грачев, обретя прежнюю наглость, спросил:

– Можно мне теперь один вопросик, уже, как говорится, не для протокола?

– Да, пожалуйста, – разрешила Татьяна. Ей стало даже интересно, о чем будет говорить этот тип.

– Надеюсь также, что никаких звукозаписывающих устройств у вас нет? Об этом вы ведь должны были поставить меня в известность в соответствии со статьей сто сорок первой все того же кодекса.

– Можете не беспокоиться, таких устройств у меня с собой нет, – невольно улыбнулась Татьяна.

– Я и не беспокоюсь. Просто при наличии таковых дополнительного разговора у нас бы не состоялось. Зачем, скажите вы мне, пожалуйста, с вашими-то внешними данными понадобилось вам в милицейские инспектора? Вам надо бы в театр, там бы такую даже безо всякого таланта приняли, и зрители бы за это режиссера не осудили. Не часто ведь такую красавицу не то что на сцене, но и в кино доводится увидеть.

Нужно было бы закончить с ним на этом разговор, но Татьяна спокойно спросила:

– Ну, а если у меня талант именно оперативного работника милиции и полное отсутствие артистического?

– Не обижайтесь, пожалуйста, – ухмыльнулся Грачев, – что-то я этого не заметил. Но даже если и есть, на кой вам черт все это? Не дамская ведь работа. Если Глафиру Бурляеву действительно не супруг изувечил, а еще какой-то тип, которого будто бы и я, и сам Бурляев до смерти боимся, то, узнав, что вы им заинтересовались, может же он и вас?.. И тогда вся ваша красота...

– Если вы со мной об этом только хотели поговорить, – резко оборвала его Татьяна, – то будем считать беседу нашу законченной.

– Кстати, и на работу пора Бувайте здоровеньки, гражданин старший инспектор! Желаю вам удачи в нелегкой вашей работе. Боюсь только, что вы еще пожалеете, что не послушались моего совета.

Дня через два после встречи с Татьяной Груниной Олега Рудакова вызывает к себе начальник цеха:

- Мастер ваш, Балашов, заболел и, видимо, надолго. Вчера вечером отвезли в больницу.
- Опять радикулит? – спрашивает Олег, уже догадываясь, чем завершится этот разговор.
- Опять.
- А мне, значит, снова за него?..
- Снова.

Начальник немногословен, в отличие от заболевшего мастера. Да и чего зря говорить, когда и без того все ясно.

– Так ведь у меня своя работа, Илья Ильич, – делает робкую попытку отбиться от замесительства Олег. – Я новое приспособление налаживаю...

– Можете вы это кому-нибудь другому поручить?

Пока Рудаков размышляет, кому бы можно было доверить начатую им наладку сложного контрольно-проверочного приспособления собственной конструкции, начальник заключает разговор:

– В крайнем случае будете не замещать, а совмещать. И вот еще что: Балашов дал пробную работу новому инструментальщику. Понаблюдайте за ним.

– Ясно, Илья Ильич. Не такой он, кстати, новый для нас. Работал тут до того, как в тюрьму угодил.

– Да, но прежде по четвертому разряду, а теперь претендует на пятый.

– Вот мы и посмотрим, как его там подучили, – усмехается Рудаков.

– Только не очень придирайтесь.

– Потребую лишь то, что положено, но безо всяких поблажек.

– Ну это само собой...

Рудаков встретился с Грачевым еще накануне. Посмотрел на него с равнодушным видом, кивнул небрежно и прошел мимо. Но Грачев сам его остановил.

– Делаешь вид, будто не узнал меня, Рудаков? Презираешь, наверное?

– Зачем же презирать? Не вижу для этого оснований. Но и в восторг не прихожу – ты ведь не с войны и даже не с военной службы вернулся.

– Я свой грех нелегким трудом искупил, – укоризненно промолвил Грачев. – И не только лиха там хватил, но и уму-разуму набрался.

– Это мы еще посмотрим, набрался ты там ума или не набрался, – спокойно отозвался Рудаков.

Сегодня Олег уже по-другому присматривается к Грачеву. Павел склонился над чугунной разметочной плитой, на которой вчера еще установил тщательно зачищенную заготовку с окрашенной медным купоросом поверхностью. Пока успел нанести на нее только базовые и координатные линии с помощью штангенрейсмуса.

– Чего смотришь? – оборачивается он к Рудакову. – Может, в свою бригаду хочешь взять?

– На это пока не рассчитывай. А смотрю потому, что мастер заболел и начальник цеха велел мне принять от тебя пробную работу. Что-то не вижу, однако, чтобы дело у тебя спорилось. В чем загвоздка?

– А у вас вся разметка вручную?

– Что значит – у вас? Ты что, в гости к нам пришел или на постоянную работу? Похоже, что ты не утруждал себя в колонии графическими построениями и математическими расчетами, делал все без разметки, с помощью разных шаблонов?

– Как же можно совсем без разметки? Но у нас были и счетно-решающие приспособления, которые ускоряли...

– Это и у нас имеется, однако пользуются ими не при определении разряда. Сам знаешь, разметка требует высокой квалификации и математических познаний, вот и покажи, на что способен. Разметь углы не с помощью угломеров и угломерных плиток, а обыкновенной чертилкой и штангенциркулем. Метод, каким это делается, называется, как ты и сам должен бы знать, тригонометрическим построением через функции углов тангенс альфа и синус альфа. Способ этот, между прочим, самый надежный. Какое, кстати, у тебя образование?

– Десять классов.

– А ушел от нас с восьмиклассным? Выходит, что тебя там не только лекальному делу, но и грамоте обучили.

Рудакову очень хочется добавить: «А вот сделали ли человеком?» Но он пересиливает себя и заключает разговор:

– Вот и давай вкальвай по всем правилам лекальной науки. Наши инструментальщики не намного грамотней тебя, но все владеют методом тригонометрического построения. К тому же это всего лишь плоскостная разметка, а нам приходится делать еще и пространственную. Она посложнее.

– Так вы же в институтах учитесь...

– Я учусь в гуманитарном, а там этому не обучают. К сожалению, лучший наш лекальщик Ямщиков пока вообще нигде не учится.

– Да неужели? – удивляется Грачев, уже успевший познакомиться с Анатолием. – А я его за профессора принял. Думал, не иначе как на последнем курсе какого-нибудь станкоинструментального...

– Он у нас сам до всего доходит. Вундеркинд. Ну, давай трудись, время идет...

«Видать, серьезный малый, – невесело думает Грачев, провожая уходящего Рудакова недобрый взглядом. – С таким нелегко будет поладить...»

Похоже, что и разметку не удастся сделать так скоро, как думал. Нужно еще вспомнить, как это делается без специальных приспособлений. А тут, как назло, не выходит у него из головы вчерашний разговор с сестренкой. Совсем уже взрослой стала. На днях аттестат зрелости получит.

– Ну и куда же ты после школы? – спросил он ее.

– В институт мне не сдать, – тяжело вздохнула Марина. – Десятилетку и то с трудом кончила. Может быть, и не осилила бы, если бы не сердобольность учителей. Сиротой ведь меня считают. Я и в самом деле сирота. Старенькая бабушка не в счет, а ты и подавно...

– Да и нечего тебе в институт, – попытался подбодрить сестру старший брат. – И без тебя образованных хватает. Ты лучше на какие-нибудь курсы продавцов. Есть, говорят, даже трехмесячные для тех, кто со средним образованием.

– Такая работа не по мне! – отрезала девушка.

– Ну и дуреха, – беззлобно обругал ее Грачев. Он не был сентиментален, но по-своему любил сестру, оставшуюся на его руках совсем ребенком после смерти родителей. – Устроилась бы в какой-нибудь универмаг, всегда бы в модном ходила.

– Чтобы потом ты со своим Лехой заставили меня какими-нибудь аферами заниматься? – зло глянула на него Марина. – Думаешь, я все еще маленькая и ничего не понимаю? Сам у Лехи этого в лапах, так и меня хочешь?..

– Да ты что?.. – повысил было голос Грачев.

Но Марина не дала ему продолжать:

– Сам же рассказывал, будто это он тебя крестики изготавливать надоумил. Знаю и то, что обирал он тебя. Слышала раз, как ты схватился с ним из-за этого. Поздней ночью это было, и вы думали, я сплю. А я проснулась, потому что вы, нажравшись водки, чуть ли не на весь дом орали. Надо бы тебе тогда дать ему по морде и вышвырнуть из нашей комнаты, а ты вдруг хвост поджал. Что он, сильнее тебя, что ли? Вон ты какой здоровенный! Я ведь самым сильным тебя всегда считала...

– Дурочка ты еще, – неожиданно ласково произнес Грачев. – Сила-то не в одних мускулах, он мог и ножом...

– Так позвал бы меня, соседа Бурляева. Мы бы его мигом... Перестал бы ты тогда крестиками промышлять и в тюрьму бы не угодил.

– Ах, какая ты все же дурочка еще, несмотря на аттестат зрелости! – сокрушенно покачал головой Грачев. – Бурляева бы она позвала! А ты знаешь, кем ему тот Бурляев доводится? Э, да что с тобой!..

– Но теперь-то ты поумнел? Решил наконец человеком стать?

– Как не поумнеть, – усмехнулся Грачев. – Двухгодичные исправительно-трудовые спецкурсы с отличием прошел.

– Вот бы и Лехе твоему такие курсы...

– Он не то что курсы, институты прошел в такого рода заведениях.

– Ну смотри же, Павел, если ты и теперь с ним снова!.. – гневно воскликнула Марина.

– Ладно, ладно, успокойся. Ничего я с ним снова не собираюсь. А ты-то куда же, если не в институт или в торговое училище?

– На завод.

– Вот тебе и раз! С полным средним – и на завод учеником слесаря?

– Так и у тебя ведь теперь среднее. Да и на заводе твоём почти все со средним. Многие даже в институтах учатся. Особенно те, что в инструментальном цехе.

– А кого ты там знаешь? – насторожился Грачев.

– Да многих. Рудакова, например, Толю Ямщикова, Валю Куницыну. Они же шефствовали надо мной, когда тебя посадили. Комсорг их цеха тоже очень хороший парень. Но лучше всех Олег Рудаков. Вот уж действительно настоящий человек!..

– Да ты не влюбилась ли в него?

– Если честно тебе признаться, то мне Толя очень нравится... Только ты не подумай, что у меня с ним что-нибудь такое...

– А я и не думаю. Тебе тоже думать об этом рановато.

– За меня можешь не беспокоиться. Лучше слово дай, что не будешь больше с этим бандюгой Лехой иметь дело, чтобы я могла жить спокойно.

Грачев не сразу ей ответил, а она упорно не сводила с него требовательного взгляда.

– Ладно, постараюсь, – произнес он наконец с тяжелым вздохом.

Грачев, конечно, кривил душой. С Лехой он по-прежнему встречался, но теперь уже не у себя дома, как раньше, а на квартире у Лехи.

– К тебе я больше заходить не буду, – заявил ему Леха. – Это опасно.

– Да, пожалуй, – понимающе кивнул Грачев, которого это очень устраивало – от Марины всего можно было ожидать, характер-то у нее отцовский. – О том, что Глафира вернулась из психиатрической, знаешь уже?

– Знаю.

– Она хоть и не совсем еще в себе, но мало ли что...

– Решенный вопрос, – слегка повысил голос Леха, – и хватит об этом! Ну, а ты, значит, опять на тот же завод? Это хорошо. Там инструментальщики высокого класса. Постарайся сойтись с ними поближе. Разведай, кто чем дышит, кто на что падок. Обрати внимание на Вадима Маврина. При случае передай ему привет от Туза. Батюшка еще есть там у них, бывший поп. Чудеса, да и только! Нашел же куда податься из такого доходного места, как церковный приход!

– Да он вовсе и не батюшкой был, а кандидатом богословских наук, богословом, стало быть. А в инструментальном цеху только в шутку называют его Патером, но относятся, в общем-то, уважительно. И, представляешь, у этого бывшего служителя культа – талант слесаря-инструментальщика! Уже по четвертому разряду вкалывает. Мечтает стать настоящим лекальщиком, хотя учится на заочном отделении философского факультета.

– Черт те что, а не завод! Ну, а ты к Петеру этому...

– К Патеру, – поправил Леху Грачев.

– Больно грамотным стал! – стукнул Леха кулаком по столу, но тут же взял себя в руки и продолжал спокойно: – Ты к этому Патеру тоже присмотришь, может, потом пригодится. А сеструху свою постарайся в торговую сеть или в ресторан какой-нибудь определить. Видел я ее недавно. Была задрипанной девчонкой, а теперь смотри какой красоткой стала! Неплохой подсадной уточкой смогла бы нам послужить. Разделяешь мои соображения на этот счет?

– Глупа она еще... – уклончиво отозвался Грачев.

– Ничего, у нее все еще впереди – поумнеет. А теперь давай вздрогнем по чарочке. Давненько мы с тобой этим делом не занимались.

– От этого уволь, – сделал протестующий жест Грачев. – Завтра мне пробу сдавать на пятый разряд, а работенку они мне почти ювелирную дали. С дрожащими после выпивки руками, сам понимаешь, какая будет у меня точность. А нужна микронная. Имеешь представле-

ние, что это такое?

– Так на кой же черт тогда тебе хорошие заработки и весь наш бизнес, если выпить как следует нет возможности! – злобно плюнул Леха, но принуждать Грачева не стал – ему не безразлично было, на какой разряд сдаст Павел пробу. – И вот что еще поимей в виду, – заметил ему на прощание Леха, – не вздумай от меня отколоться. Тебя там в колонии хоть и подучили кое-чему, однако без меня ты все еще щенок незрячий.

«Ну, это мы еще посмотрим, кто из нас зрячий, а кто незрячий», – без особого раздражения подумал Грачев, а вслух сказал:

– Это ты зря обо мне так, Леха! Не понимаю я разве, чем тебе обязан. До той школы, какую ты прошел, мне еще далеко, так что мне век в твоих учениках быть.

– То-то же, – самодовольно усмехнулся Леха, звонко хлопнув Грачева по плечу. – Заставлять тебя, однако, не буду. Раз водка может разряду твоему помешать, не пей. А я выпью за твою удачу.

7

На следующий день после встречи с Рудаковым, как только Татьяна Грунина приходит в свой отдел, начальник ее Евгений Николаевич Лазарев протягивает ей две странички школьной тетради в клеточку, вырванные в месте их скрепления так, что они представляют собой как бы один большой лист. На нем аккуратно наклеены вырезанные из газеты буквы:

«Дорогие товарищи!

Сообщите, пожалуйста, в Москву, что Глафиру Бурляеву избил до полусмерти не муж ее, Степан Бурляев, который за это отбывает наказание, а двоюродный брат Глафиры, уголовник, по кличке «Гуз», бежавший из заключения.

Красный следопыт».

– Прислали это в областное Управление внутренних дел из Корягинского районного отделения милиции Московской области, – обстоятельно поясняет подполковник Лазарев.

– Розыгрыш тут, видимо, исключается, – задумчиво произносит Грунина, возвращая письмо. – Похоже, что «Красному следопыту» известен подлинный виновник избиения Бурляевой.

– Работники корягинской милиции не без основания полагают, что сочинить это мог кто-нибудь из членов семьи Кадушкиных, к которым Глафира приезжала недавно в гости.

– А они никого из Кадушкиных не допрашивали пока? – тревожится Грунина.

– Решили прежде получить указания от областного Управления внутренних дел.

– Будем считать, что это не из-за перестраховки. Понимают, наверное, что неосторожным вмешательством могут все дело испортить, – заключает Грунина.

– В областном управлении тоже так рассудили. И так как им известна ваша, Татьяна Петровна, точка зрения, что изувечил Бурляеву не ее муж, принято решение послать в Корягино вас.

– Но ведь на мне дело Тимохина...

– Передайте его Гущину. И хорошо бы выехать в Корягино сегодня же.

– Я готова, товарищ подполковник.

– Да, и вот еще что имейте в виду: фамилия рецидивиста, носящего кличку «Гуз», – Каюров. А Бурляева – родная сестра проживающей в Корягино Марфы Елизаровны Кадушкиной.

Начальник Корягинского отделения милиции, капитан Нилов, еще очень молод. На вид ему не более двадцати пяти. Красивый, интеллигентный, с ромбиком юридического института на кителе.

«Только бы ухаживать не начал...» – почему-то подумала Татьяна, увидев его в первый раз.

Но капитан сдержан, корректен, строго официален.

– У нас, к сожалению, нет пока гостиницы, Татьяна Петровна, и вас устроят в отдельной комнате Дома колхозника. Там чисто и хорошая столовая. Вы, наверное, отдохнете с доро-

ги?..

– Я не устала, товарищ капитан. И если у вас есть свободное время...

– Я к вашим услугам, – встает и слегка наклоняет голову Нилов.

Татьяна невольно улыбается – очень уж у него театрально это получилось. Капитан тоже немного смущен.

– Расскажите мне поподробнее о семье Кадушкиных, товарищ капитан, – просит Татьяна.

– Пока вот лишь что удалось узнать: глава семьи – Марфа Елизаровна Кадушкина – вдова. Муж ее умер три года назад. Работал на железной дороге. Сама Кадушкина заведует хозяйством местной средней школы. Живет с матерью, получающей пенсию за мужа, погибшего на фронте. Дети Кадушкиной учатся в той же, школе, где она завхозом. Старший сын, Вася, – в десятом классе, средний, Петя, – в восьмом, дочь Оля – в шестом. Предполагаем, что письмо мог написать старший сын, Василий. Он комсомолец, отличник учебы.

– А как учатся остальные?

– С переменным успехом, как говорится. Оля вообще «твердая троечница» по местной школьной терминологии. Сведения эти мы, конечно, не у них получили...

– Ну это само собой, – улыбается Грунина. – С чего же мы начнем?

– Вся надежда на ваш опыт, Татьяна Петровна, – уклончиво отвечает Нилов.

– Позвольте мне дать вам совет, товарищ старший инспектор, – неожиданно обращается к Груниной старшина Пивнев, присутствующий при ее разговоре с Ниловым, – он выполняет какое-то задание капитана в противоположном конце его кабинета за столом, заваленным папками.

– Пожалуйста, товарищ старшина.

– И вы, товарищ старший инспектор, и товарищ капитан – люди молодые, своих ребят школьного возраста у вас еще, конечно, нет. А у меня их четверо, так что есть и родительский и кое-какой педагогический опыт. Вы понаблюдайте, во что ребята на улице играют, и вам сразу станет ясно, что недавно шло в кино...

– Но ведь Василий Кадушкин в десятом классе и давно уже в такие игры не играет, – усмехается Нилов.

– А я это лишь для примера ребячьей впечатлительности. В данном же случае могло быть влияние какого-нибудь детектива. Прочли в книжке, что письма можно писать с помощью букв, вырезанных из газеты, вот и воспользовались подобным методом.

– Что вы думаете, вполне возможно, – соглашается Татьяна.

– Способ этот и без детектива давно всем известен, – снова усмехается капитан Нилов, с трудом сдерживая желание добавить: «Тоже мне Шерлок Холмс!..»

– Это точно, – соглашается с ним старшина. – Такой способ известен, может быть, и всем, но не школьникам. Шестикласснице Оле, например, едва ли было это известно. Во всяком случае, хорошо бы узнать, не появилось ли в последнее время какой-нибудь детективной повести с описанием такого способа переписки... Я попробую ребят своих расспросить, хотя они у меня больше научной фантастикой увлекаются.

Не очень надеясь, что разговор старшины с его детьми позволит напасть на след «Красного следопыта», Грунина решает сама зайти в районную библиотеку и побеседовать с ее работниками.

Заведующая, узнав, что Грунину интересует детский читальный зал, вызывает молоденькую, со вздернутым носом библиотекарку и представляет ее Татьяне Петровне:

– Это Зоя Петушкова. Она вам расскажет не только о том, что в ее зале читают ребята, но и как читают. С нею даже самые неразговорчивые и застенчивые находят, как у нас, взрослых, говорится, общий язык. Я убеждена, что у нее своего рода талант...

– Скажете тоже – талант! – смеется Петушкова. – Да таким талантом каждый добросовестный библиотекарь обладает. Кто на таком деле, как наше, не случайно, конечно, а по призванию. Вы допускаете, что и в нашем деле может быть призвание или...

– Допускаю, допускаю, Зочка! – спешит успокоить ее Татьяна. – Мало того – считаю, что призвание в такой профессии, как ваша, просто необходимо.

– Вот именно! А то ведь наши читатели одни только детективы станут читать.
– Вы, значит, против детективов?
– Зачем же против? Я и сама их с удовольствием читаю. Но ведь детектив детективу рознь. А ребята, если им не объяснить их достоинства и недостатки, готовы все подряд...
– Есть у вас такие, которые «все подряд», даже если им и объяснить?
– А как же! Вот Оля Кадушкина, например. Ведь она троичница, и ей надо совсем другие книги читать. Но я ее держу на строгом пайке и вообще бы ни одного детектива не дала, если бы не успехи ее по русскому языку и литературе. По этим предметам у нее не только четверки, но и пятерки бывают

Поинтересовавшись, что же именно читает «закоренелая троичница», Грунина прощается с Зоей Петушковой и заведующей районной библиотекой.

8

Очень не хотелось Анатолию Ямщикову идти на день рождения своего отца, но мать чуть ли не со слезами на глазах просила обязательно прийти. Будет, конечно, как всегда, «избранное общество» – сослуживцы отца по научно-исследовательскому институту: инженеры-физики и несколько кандидатов наук. Докторов отец пока не решается приглашать. Он и с кандидатами-то ведет себя подобострастно, противно даже смотреть.

И откуда это у него? Сын потомственного рабочего (дед тоже ведь слесарничал когда-то), кончил институт, стал инженером. Все вполне естественно, откуда же теперь это пренебрежение к рабочей специальности? Почему и сына своего Анатолия решил «ориентировать» только на институт?

Под его давлением Анатолий подал заявление на физико-технический факультет Московского университета, но там был большой конкурс, а он готовился к экзаменам без особого усердия. В общем, не набрал нужного количества баллов.

Подумаешь – трагедия! А родители почти в трауре. Мать даже рыдала, отец же настаивал, чтобы Анатолий попытал счастья еще в одном институте, уже не в техническом, а в медицинском, потому что там среди экзаменаторов был знакомый доцент. Это окончательно вывело Анатолия из терпения.

– Всё! – решительно заявил он родителям. – Поступаю в профтехническое училище, чтобы продолжить династию потомственных слесарей, начатую прадедом.

– Фамилия-то наша извозничья, – зло пошутил тогда отец, – и тебе бы лучше уж в шоферы-таксисты.

– Эх, Толя, Толя!.. – причитала мать. – У тебя же такие блестящие способности к точным наукам!..

– С блестящими способностями не проваливаются на экзаменах. А что касается точных наук, то я пойду в слесари-лекальщики, эта специальность требует микронной точности.

Но ушел из дому Анатолий только после того, как они устроили скандал сестре его Генриетте за то, что она хотела выйти замуж за простого рабочего, хотя у этого рабочего шестой разряд. Это был культурный, развитой парень, знавший и умевший больше, чем Анатолий.

Когда рыдающая мама сказала своей любимой дочери: «Как ты не можешь понять, детка, что он тебе не пара», Анатолий решительно заявил:

– Ну вот что, дорогие родители! Завтра я от вас съезжаю, чтобы не компрометировать вас своей плебейской профессией.

С матерью после этого было нечто вроде обморока, отец тоже, конечно, расстроился, но Анатолий выдержал характер и на следующее утро переехал к деду, пенсионеру, живущему в отдельной квартире в другом конце города.

...А сегодня все-таки нужно идти на день рождения отца, тем более что это его пятидесятилетие. Но что подарить? Может быть, часы? Нет, лучше магнитофон, тем более что он заграничный, а папа к таким вещам равнодушен.

Хотелось прийти пораньше, чтобы поздравить до прихода гостей, но пришлось задержаться в своем конструкторском бюро. Комсорг цеха, узнав, что инструментальщики (их общественное конструкторское бюро так и называется – инструментальным, в отличие от

других ОКБ завода) замышляют построить «электронного сыщика», стал было их отчитывать:

– Что же это вы, ребята? А со СНОПом как же? Обещали ведь райкому комсомола. Что за манера – хвататься за новые идеи, не завершив того, что уже начали. Несерьезно это, честное слово!

– Да ты постой, не горячись, – остановил его Олег Рудаков. – Мы, во-первых, не электронного Шерлока Холмса будем конструировать, а всего лишь собаку-ищейку.

– С ее более узким, чем у Шерлока Холмса, профилем и интеллектом, – добавил Ямщиков. – Она будет только вынюхивать правонарушителей, не применяя при этом дедуктивного метода, в котором был так силен Холмс.

– И не будет играть на скрипке, – усмехнулся Вадим Маврин, – а это ведь намного упростит конструкцию.

– Ты смотри, каким этот парень остроумным стал? – удивленно обернулся в сторону Маврина комсорг.

– А я всегда остроумным был, – прикинулся протачком Вадим. – Это у меня с самого детства, на нервной почве.

– Культурки только прежде не хватало, – притворно вздохнул Ямщиков. – Зато теперь...

– Хватит вам, однако, острить, – нахмурился комсорг, – ответьте-ка лучше, как у вас обстоит дело со СНОПом? Это тревожит меня сейчас более всего.

– Мы тебя разве когда-нибудь подводили? – спокойно спросил его Олег. – Не собираемся и теперь все бросить, чтобы соорудать кибер-ищейку. Тем более, что не знаем еще, как к этому подступиться... А со СНОПом нам все ясно, и мы нашу комсомольскую организацию не подведем.

Потом у членов ОКБ возник довольно бурный спор из-за названия будущей конструкции кибернетической ищейки. Ямщиков предложил наречь ее «Кибернетическим Мухтаром», или сокращенно – «Кимух».

– Тогда уж лучше «Мукоме», – подал голос Маврин.

– Это что еще такое? – удивился друг его Гурген Друян.

– «Мухтар, ко мне!» – пояснил Вадим. – Шифр вполне надежный, и, в случае если ничего у нас не получится, никто и знать не будет, что мы затевали.

– Ну, знаешь ли, Вадим, не ожидал я этого от тебя! – возмущенно воскликнул Гурген. – Зачем же тогда братья, если не надеемся? Я за одну ночь вчера прочел «Четыреста пятьдесят один по Фаренгейту». Ну и собачка там! Жуть! Рыщет по городу со своим жалом и кого надо неотвратимо настигает... Вот бы и нам что-нибудь такое соорудить, но без жала. Пусть только штаны рвет. Настроим ее на запах алкоголя определенной концентрации, при которой нормальный человек не вполне вменяем и потому опасен для окружающих, а она его хват за штаны!

– А по-моему, это совсем не интересно, – разочарованно произнес Ямщиков. – Хвать пьяниц – это не бог весть какая проблема, тем более что такой «Мухтар» будет рвать штаны без разбора – и заядлому алкоголику, и тому, кто перебрал случайно, по неопытности.

Вот так они и проспорили до восьми часов, а Анатолию нужно было еще домой забежать за подарком отцу.

Дверь ему открывает мать.

– Наконец-то! – радостно восклицает она. – Все в сборе, а тебя все нет. Давно уже пора к столу.

– Так-таки меня только и ждали?

– Ну, еще Сергей Сергеевич задерживается...

– Вот теперь понятно, почему не сели за стол, – добродушно смеется Анатолий. – Где же, однако, юбиляр?

– Проходи в его кабинет, он там гостей занимает.

– Тогда я не буду ему мешать, поздравлю попозже, а то еще спросит кто-нибудь, кем я работаю, и ему придется при всем вашем бомонде объявить, что я...

– Ох, какой ты злопамятный, Толя! – сокрушенно вздыхает мать.

– Вот подарочек потом ему передашь, – сует ей Анатолий магнитофон.
– Это тот самый, что ты из ФРГ привез? И не жалко его тебе? Иди, иди тогда поскорее к отцу, знаешь, как он рад будет!
– Мне или подарку? – не может сдержаться Анатолий, но мать пропускает это мимо ушей, подталкивая сына в кабинет отца.
– Андрюша! – кричит она мужу. – Вот и Толя наконец пришел! Посмотри, какой он подарок тебе принес.

Магнитофон водружается на письменный стол и сразу же становится предметом всеобщего внимания.

– Ого! – восклицает кто-то из знатоков электроники. – Западногерманский «Грундиг». В коммисионном вы его?..

– Нет, в самой Западной Германии, – торопится ответить за сына мама. – В Бонне, кажется...

– В туристской поездке были?

– В командировке.

– Извините, а кто вы по специальности? – интересуется все тот же любопытный гость. Анатолий видит его впервые. Наверное, кто-то из новых знакомых отца.

– Простой рабочий, как говорится, – с едва заметной усмешкой отвечает ему Анатолий. – Был там представителем нашего завода, демонстрировавшего на международной выставке советские измерительные инструменты и приборы для лекальных работ.

– А нельзя нам послушать ваш «Грундиг»? – просит какая-то почтенная дама.

– Пожалуйста, – отвечает Анатолий, включая магнитофон. – Только тут не музыка, а мое обращение к юбиляру. Поздравляю тебя, папа! – пробирается он наконец к отцу и целует его в щеку. – Более развернутую поздравительную речь услышишь сейчас в магнитофонной записи.

И почти тотчас же из динамика магнитофона начинают вылетать чуть-чуть хрипловатые слова на английском языке. Все недоуменно смотрят друг на друга, а Ямщиков-старший счастливо улыбается.

– Позвольте мне перевести это? – просит знакомый Анатолию кандидат наук. – Как я понимаю, – обращается он к Анатолию, – это вы лично по-английски?

– Да, это я лично, – улыбается Анатолий.

– Дорогой юбиляр, – торопливо переводит кандидат наук, – прими в день твоего пятидесятилетия самые сердечные мои поздравления, пожелание успеха в работе и доброго здоровья. И спасибо тебе за то, что ты отдал меня в школу, в которой преподавание велось на английском языке. Как видишь, я не зря провел в ней десять лет.

Все дружно аплодируют, и теперь отец уже сам обнимает и целует сына.

– Спасибо, Толя, и за подарок и за поздравление! Аполлон Алексеевич, – обращается он к специалисту по электронике, – выключите, пожалуйста, магнитофон. Он ведь на немецких батарейках, а их нелегко достать.

– Не волнуйся, папа, – успокаивает юбиляра Анатолий. – К нему подходят и наши.

– Тогда давайте послушаем, что там еще, – предлагает специалист по электронике.

– Ну, это уж юбиляр потом сам, наедине, – несколько смущенно произносит Анатолий.

– Может быть, там что-нибудь интимное, тогда извините...

– Нет, нет, – успокаивает Аполлона Алексеевича Анатолий. – Если есть желание, то пожалуйста.

Из динамика магнитофона после небольшой паузы снова раздается голос Анатолия, теперь уже по-русски:

«Я знаю, папа, как ты хотел, чтобы я тоже пошел по твоим стопам и стал инженером, но я пошел по стопам моего деда и стал, как говорится, простым рабочим. Хотя выражение это – «простой рабочий» не люблю и целиком присоединяюсь к словам Сергея Антонова, слесаря электромеханического завода имени Владимира Ильича, Героя Социалистического Труда и члена Центрального Комитета нашей партии, который написал по этому поводу в своих мемуарах:

«Не люблю я выражений: «простой советский человек», «простой рабочий», «простой колхозник». Что значит «простой»? Неинтересный, несложный? К тому же никто почему-то не скажет: «простой конструктор», «простой советский ученый», «простой секретарь райкома». А о рабочем так иногда говорят, и вроде бы похвала тут какая-то есть, а по-моему, нехорошо это...»

– Да, не простой, не простой нынче у нас рабочий, – вздыхает почему-то Аполлон Алексеевич.

Но тут в кабинет буквально врывается мама и громко провозглашает:

– Наконец-то Сергей Сергеевич пожаловал! Прошу всех к столу!

Теперь только вспоминает Анатолий, что Сергей Сергеевич – заместитель директора того института, в котором работает его отец и, видимо, большинство его гостей. Воспользовавшись поднявшейся суетой, он садится в самом конце стола, рядом с кандидатом наук, переводившим его поздравление с английского.

– У вас отличное произношение, – говорит ему кандидат. – Наверное, и читаете много?

– В основном техническую литературу и научную фантастику. Да вот еще совсем недавно прочитал роман Норберта Винера «Искуситель».

– Он писал и романы?

– Я сам был этому удивлен. А роман его мне, между прочим, не понравился. Что-то вроде современного «Фауста»...

Гости произносят тосты в честь юбиляра, усердно пьют и закусывают, а Анатолий отпивает из своей рюмки лишь несколько глотков.

– Что же это вы совсем не пьете? Здоровье не позволяет? – удивляется кандидат наук.

– Работа не позволяет, – улыбается Анатолий. – Имеем ведь дело с микронами, а то и с их долями. С удовольствием посидел бы с вами еще, но, к сожалению, мне пора. Завтра на работу рано. До свидания!

– Я надеюсь, что мы еще встретимся, – дружески жмет руку Анатолия кандидат наук. – Вот вам мой телефон. Очень хотелось бы о многом потолковать.

– Вы ведь специалист по кибернетике? Может быть, Пронского знаете?

– Виталия?

– Да, Виталия Сергеевича.

– Мы с ним вместе аспирантуру кончали.

– Ну, тогда я вам непременно позвоню.

9

Едва Татьяна Грунина заходит в кабинет начальника Корягинского отделения милиции, как уже знакомый ей старшина Пивнев шумно вскакивает из-за своего стола и громко щелкает каблуками:

– Здравия желаю, товарищ старший инспектор! Если вы к капитану Нилову, то он выехал на фабрику имени Восьмого марта. Будет часа через полтора.

– Нет, я к вам, товарищ старшина.

– О, пожалуйста! – И снова щелчок каблуками. – Кстати, я узнал у своих ребят, в каком детективе описан способ...

– Спасибо, товарищ старшина, это мне теперь не требуется. Я уже знаю, кто прислал вам то анонимное письмо. Это, по-моему, Оля Кадушкина.

– Не может быть! Она же троичница, а письмо написано без единой ошибки.

– Ну, во-первых, письмо не такое длинное, чтобы сделать в нем много ошибок, – улыбается Грунина. – А во-вторых, по русскому языку и литературе у нее как раз хорошие отметки. Это мне сообщила библиотекаря. Она даже сказала: «Если бы не успехи по литературе, я бы ей вообще не стала давать так много книг».

– О, я ее знаю, она строга! Молоденькая такая, с острым носиком? Ну, так это Зоя Петушкова.

– И еще одна просьба: не называйте меня старшим инспектором. У меня ведь такое же звание, как и у вашего начальника.

– Извините, пожалуйста, товарищ капитан!..

– А теперь вы вот в чем должны мне помочь, товарищ старшина: показать Олю Кадушкину, но так, чтобы...

– Понимаю, товарищ капитан! Сделаем все самым незаметным образом. Я, между прочим, живу почти рядом с Кадушкиными, и мои ребята дружат с Петей и Олей. Старший-то Кадушкин совсем уже взрослый, ему с моими неинтересно. Пошлю сейчас к ним мою дочку Елену, и она приведет к вам Олю. Где бы вы хотели с нею встретиться? Можно было бы и у меня.

– Лучше все-таки где-нибудь в другом месте. Я проходила сегодня через ваш городской парк культуры и отдыха...

– Верно! Лучше места и не придумаешь. У меня дома телефон, и я сейчас позвоню Елене, попрошу ее пойти куда-нибудь с Олей Кадушкиной через парк. У нас, кстати, куда бы ни идти, все равно парка этого не миновать. Подождите минуточку, товарищ капитан.

Пивнев садится за стол своего начальника и набирает нужный ему номер телефона.

– Это ты, Петя? А Лена где? А ну-ка дай мне ее... Чего это ты, Леночка, в такую жару дома? С подружкой своей Олей Кадушкиной давно ли виделась? Вчера последний раз. А сегодня?.. Ах, в кино собираетесь! На какой же сеанс, если не секрет? На двенадцать? Но ведь сейчас половина двенадцатого, а ходу туда всего пять минут, если вы в «Космос». Немного погуляете по парку? Ну и правильно, чего вам в такую погоду дома торчать.

– Видите, как все ладно складывается, товарищ капитан, – улыбаясь, обращается старшина к Татьяне. – Мы с вами тоже пойдем сейчас прогуляться по парку.

Через несколько минут они уже прохаживаются по густым, тенистым аллеям, но не рядом, а на некотором расстоянии друг от друга. Старшина впереди, Татьяна метров на двадцать сзади. И почти тотчас же навстречу им появляются две девочки школьного возраста. Одна полная, чем-то напоминающая своего папу-старшину, а вторая худенькая, небольшого роста, с гладко зачесанными назад негустыми рыжеватыми волосами. Не требуется большой сообразительности, чтобы угадать, которая Оля.

– О, папа! – радостно кричит толстушка, бросаясь к старшине. – Вот не ожидала тебя тут встретить!

– Здравствуй, Олечка! – здоровается Пивнев с подругой дочери. – Ты иди, Лена тебя догонит, мне нужно дать ей кое-какие поручения.

Ничего не подозревающая Оля не торопясь идет по аллее парка в сторону Груниной, присевшей на скамейку.

– Здравствуй, Оля, – негромко говорит Татьяна, как только девочка равняется с нею. – Подойди, пожалуйста, ко мне поближе и не бойся...

– А я и не боюсь, с чего это вы взяли! – задорно восклицает Оля, с удивлением рассматривая красивую молодую женщину, очень похожую на какую-то киноактрису.

– Ну, тогда присядь со мной рядом.

А когда девочка садится, Татьяна благодарит ее:

– Спасибо тебе, Оля, за помощь, которую ты оказала милиции.

Лишь какое-то мгновение Оля недоумевает, но, сообразив, что не случайно, видимо, повстречался с ними Ленин папа – старшина милиции, догадывается, кем может быть эта красивая женщина, и чуть слышно спрашивает:

– Вы, наверное, из Москвы?

– Да, я инспектор милиции и приехала сюда из-за твоего письма. Где бы мы с тобой могли встретиться и поговорить?

У Оли даже не возникает вопроса, как же эта красивая тетя узнала, что письмо написала именно она, Оля. Татьяна сразу как-то внушила ей доверие. Сыграло тут свою роль и присутствие Лениного папы, конечно.

– Я могу не пойти в кино, и мы сразу бы... – порывисто произносит она.

– Нет, нет, ты обязательно сходи в кино. Оно кончится в половине второго, наверное?

– Да, точно в половине второго, даже, может быть, немножко раньше.

– Ну, так я ровно в половине второго буду ждать тебя на этой же самой скамейке.

Они встречаются снова в час тридцать пять.

– Извините, что немного опоздала, – оправдывается Оля. – Я могла бы и точно, но тогда нужно было бы идти очень быстро, а это...

– Ты умница, Олечка, – хвалит ее Татьяна. – Давай пройдем вон в ту боковую аллею. По ней, я заметила, почти никто не ходит. Лена что – пошла одна?

– Да, папа поручил ей сходить в универмаг.

– А теперь расскажи мне, Оля, как ты все это узнала, – просит Татьяна, как только они выходят на боковую аллею, еще более пустынную, чем центральная. – Я имею в виду то, что ты написала в своем письме...

– Я понимаю... А как, скажите, мне вас называть?

– Меня зовут Татьяной Петровной.

– Я понимаю, о чем вы это, Татьяна Петровна. О Тузе, да?

– О нем, Оля. Расскажи, пожалуйста, поподробнее, что ты о нем знаешь. Для нас это очень важно.

– Ничего почти. Я о нем случайно узнала, когда мама с бабушкой шушукались. Как только тетя Глаша к нам приехала, они все время шушукались о чем-то. Сначала я думала, что это они о тете Глаше, потому что мама считает ее чокнутой. Но бабушка говорит, что она совсем не чокнутая, а только до смерти запуганная братцем своим двоюродным Алешкой, вот этим самым Тузом.

– Как же ты это узнала, если они шушукались?

– Так ведь они шепотом днем только. А поздно вечером, когда думали, что я уже сплю, говорили громче, потому что спорили. Но я не спала. Это было, когда тетя Глаша уже уехала от нас. Особенно бабушка горячилась. Сердилась на маму, что она тетю Глашу чокнутой считает. «Ты, – говорила она маме, – не знаешь вовсе Лешку. Он, говорит, если и не убил в тот раз Глафиру, то теперь непременно убьет, как только дознается, что она нам обо всем рассказала». Разговор этот был у них еще до прихода к нам Туза...

– Он когда к вам приходил?

– Вскоре после того, как тетя Глаша уехала. Ночью это было. Мама даже побоялась открывать, а он бабушку попросил позвать, и та ему открыла. Когда вошел, сразу же велел свет потушить и спросил, кто еще дома. Вася с Петей у дяди Гриши тогда гостили. Это на Майские праздники было. Обо мне мама сказала, что я очень крепко сплю. Я и правда сплю крепко, но когда надо...

– Ну и что же делал у вас Туз? – не дает Оле отвлекаться Татьяна.

– Стал расспрашивать, зачем Глафира приезжала. «Навестить и отдохнуть после болезни», – сказала ему бабушка. Он снова: «Не жаловалась ли на что? Не обвиняла ли кого?» А бабушка у нас хитрющая старушенция. «Какая, говорит, словам ее теперь вера? Рехнулась она совсем от побоев своего изверга супруга. Говорили же мы ей, не выходи за этого пьянчугу. Так нет, люблю, говорит, его... А теперь клянет последними словами. Да и вообще мелет черт те что...» – «Ну, а обо мне, – спрашивает бабушку тот тип, – не говорила ли чего?..»

– Ведь «тот тип», судя по всему, твой дядя, – перебивает Олю Татьяна.

– Не хочу признавать такого дядю! – с негодованием встряхивает головой Оля. – Я бы такого сама в милицию отвела...

– Ну ладно, ладно, девочка, успокойся, пожалуйста.

– Нет, не успокоюсь! Я когда вырасту, непременно в инспектора или в следователи пойду, чтобы разоблачать таких и в тюрьму. Для этого небось юридический институт нужно кончать? Вы не могли бы мне помочь туда поступить?

– Тебе еще четыре года в школе нужно проучиться, – улыбается Татьяна, проникаясь все большей симпатией к этой смышленной девочке. – А вот когда кончишь школу, постараюсь помочь, если только ты к тому времени не передумаешь...

– Да что вы, Татьяна Петровна! Вот если только к тому времени все преступники переведутся, но это, наверное, будет не очень скоро. Как вы думаете?

– Да, наверное, не так уж скоро, – соглашается с ней Татьяна. – Однако для того, чтобы поступить в юридический институт, учиться нужно не на одни только тройки...

– Я это понимаю, Татьяна Петровна, и постараюсь...

– Теперь продолжим наш разговор. Ну и что же ответила бабушка на вопрос Туза?

– «А что такого могла о тебе говорить Глафира? – спросила его бабушка. – При ее помутненном разуме она тебя и не помнит, должно быть».

– И Туз этому поверил?

– «Ну ладно, сказал, дорогие родичи. Выгораживаете вы ее или на самом деле все так, у меня нет сейчас времени разбираться, поймите, однако, в виду: взболтнет если кто, что я у вас был, худо всем вам будет...» И сразу же ушел, ни с кем не попрощавшись.

– Ты видела его?

– Когда он вошел, то свет у нас еще горел. Мама его зажгла, как только услышала стук в окно. Мы ведь в собственном домике живем. Дедушка сам его срубил перед войной. Он у нас был настоящим человеком...

– Я все о деде твоём знаю, Олечка. Знаю даже, что он был награжден солдатским орденом Славы. Отец твой тоже ведь был знатным железнодорожником. Ну и что же ты увидела, когда мама зажгла свет?

– Его я увидела, но сразу же закрыла глаза, чтобы он не заметил, что я не сплю. А догадалась, что это он, потому что бабушка шепнула маме: «Лешка это, наверное...»

– И ты запомнила, как он выглядит?

– Его всякая бы запомнила – такое страшилище! А у меня память на лица очень хорошая.

– Вот и опиши его поподробнее.

– Ну, во-первых, он очень здоровый...

– Высокий? – уточняет Татьяна.

– Может быть, и не очень высокий, но сильно плечистый. Таких я только в цирке видела.

– А лицо, волосы?

– Какие там волосы – безволосый он! Бритый, наверное... Бабушка, правда, сказала маме, что он мог и оплешиветь на нервной почве. Настоящим психом будто бы стал. А морда у него вся как есть бородатая и вроде рыжая.

– Как ты узнала, что кличка его «Туз»?

– Это бабушке откуда-то известно. И о том, что беглый он, тоже. Наверное, от бабушкиной сестры, матери Алешки.

– Где его мать живет, знаешь?

– В соседнем районе. Рогачевским называется. Километров тридцать отсюда.

– Ну, спасибо тебе, Оля, большую услугу ты нам оказала. Но о встрече со мной ты никому...

– Да что я – маленькая, что ли! Сама понимаю. Если вам еще понадобится, то я с удовольствием...

– Спасибо, Олечка.

...Выслушав просьбу Груниной, капитан Нилов вызывает к себе старшину Пивнева.

– Кого бы нам пригласить понятыми, Илья Ильич, для опознания Олей Кадушкиной фотографии Каюрова?

– Ну, во-первых, ее классную руководительницу Долгушину, – предлагает старшина. – Она человек вполне надежный во всех отношениях. И еще я бы порекомендовал библиотекаршу Зою Петушкову. Татьяна Петровна, кстати, с нею уже знакома.

– Не возражаете, Татьяна Петровна? – спрашивает Нилов Грунину.

– Не возражаю.

Некоторое время спустя, когда Оле Кадушкиной в присутствии понятых Татьяна показывает три фотографии, девочка не сразу решается, на какую же ей указать. Грунина хорошо понимает ее затруднение и терпеливо ждет. Оля не знает ведь, что для опознания полагается предъявлять фотографии сходных по внешности лиц. К тому же видела она Каюрова бритоголовым и бороватым, а тут он с пышной шевелюрой и безбород. Татьяна не очень даже уверена, что девочка его опознает.

А Оля, помедлив немного, решительно указывает на его фотографию.

– Вот он!

- И у тебя никаких сомнений, что это именно он? – спрашивает ее Татьяна.
– Никаких. У него глаза очень злые и нос, как у хищной птицы.

Уже поздно, пора бы ложиться спать, завтра ведь рано вставать, а Олег все читает и записывает в свой блокнот разные цифры и цитаты. Когда комсорг цеха поручил ему быть агитатором в инструментальном, он даже разозлился:

– Да что вы все на меня одного! Я и бригадир, и член штаба оперативного отряда, и в общественном конструкторском бюро...

– Ладно, не перечисляй, сам все многочисленные твои обязанности знаю, – остановил его комсорг. – Но ведь ты же самый грамотный комсомолец в инструментальном...

– С каких это пор стал я самым грамотным? А Гурген Друян, который на третьем курсе станкоинструментального? Да и Анатолий Ямщиков поэрудированнее меня...

– Ты еще Андрея Десницына забыл назвать, – усмехнулся комсорг. – Он ведь кандидат богословия.

– А ты не смейся над ним. Он достоин всяческого уважения, к тому же на втором курсе философского...

– Ты тоже на философском. Но дело даже не в этом Гурген горяч. Если ему зададут каверзный вопрос, он может послать сам знаешь куда.

– Когда надо, я тоже могу послать...

– Так когда надо, а он когда и не надо. Анатолий тоже вспыльчив и не считает нужным объяснить того, что, по его мнению, каждый сам должен знать. Поэтому лучшего агитатора, чем ты, пока не вижу. Попробуй проведи две-три беседы, трудно будет – поищем кого-нибудь другого.

И вот Олег Рудаков провел уже несколько бесед и не только не попросил замены, но и честно признался комсоргу:

– Оказывается, все это чертовски интересно! Не знаю, как для тех, кто меня слушает, а для меня лично все это очень интересно.

– Я же знал, что эта работа именно для тебя, – похлопал его по плечу комсорг. – Ты врожденный агитатор. Если хочешь знать, я часто сам прихожу тебя послушать. И еще одна у тебя заслуга – умеешь ты как-то и других для своих политбесед привлечь. Ямщикова очень ловко втянул вчера в разговор. Я и не знал, что он такой знаток кибернетики. А Патер? Интереснейшие вещи рассказывал о последнем Ватиканском соборе и приспособлении католицизма к современному миру. И особенно большое тебе спасибо за то, что организовал в цехе беседы Груниной по правовым вопросам. Какая все-таки она красивая! Валя Куницына уверяет, будто все вы в нее повлюблились.

– А что, нельзя разве?

– Не в рабочее время, однако, – рассмеялся комсорг. – И лучше бы все-таки в своих заводских девчат...

Вспоминая теперь этот разговор, Олег грустно улыбается. В какой-то мере Валя, может быть, и права... А где сейчас Грунина? Целую вечность, кажется, не виделся с нею. Уехала куда-то и не попрощалась даже. Потом, правда, сам начальник ее позвонил. Сообщил об отъезде Татьяны и поинтересовался, как ведет себя Грачев.

А ведет он себя вполне нормально. Вопросы даже задает на политбеседах. Спросил вот сегодня: правда ли, что в капиталистических странах происходит обуржуазивание пролетариата?

Удивляться такому вопросу нечего. Сейчас об этом вся западная печать и радио трезвонят. Олег ответил ему, по правде говоря, не очень убедительно, общими словами. Это и других не удовлетворило. Надо будет завтра объяснить поконкретнее.

Вот он и сидит теперь, готовится...

И вдруг дверной звонок чуть слышно – дзинь!.. Кто же это так поздно?

На носочках, чтобы не разбудить родителей, Олег идет в коридор. Заглядывает в дверной глазок. Да это же Толя Ямщиков! Вот уж кого не ожидал!

– Ты что так поздно – случилось что-нибудь? – тревожно спрашивает его Олег.

Ему кажется, что Ямщиков не очень твердо стоит на ногах. На лице его блаженная улыбка.

– Да ты пьян! – невольно повышает голос Рудаков. – От тебя, как из винной бочки...

Но тут он замечает, что из левого угла рта Анатолия струится кровь. Кровоточат и ссадины на скулах. В темных пятнах крови белая сорочка.

– Не пьян я, не пьян! – энергично мотает головой Анатолий. – Немного выпил, правда, но не пьян. А вид такой потому, что на нас напали...

– Ладно, проходи поскорее, – торопит его Олег. – И не шуми, стариков моих разбудишь.

Проводив Анатолия в свою комнату, Олег присматривается к нему внимательнее и обнаруживает, что не только сорочка, но и брюки его выпачканы грязью и даже разорваны в нескольких местах. Выражение лица, однако, не пьяное вовсе, как показалось Олегу в коридоре, а какое-то восторженное.

– Объясни теперь толком, что с тобой произошло, если, конечно, в состоянии? – строго спрашивает Олег Ямщикова.

– Что значит – если в состоянии? – удивляется Анатолий. – Я потратил много сил и очень устал, но я никогда еще не был в лучшем состоянии, чем сейчас. Да знаешь ли ты, что мы с Патером совершили только что почти подвиг! Мы, как два д'Артаньяна... Да, именно как два д'Артаньяна, хотя Патеру, как бывшему богослову, казалось бы, больше подходила роль рассудительного Арамиса. Мы сделали с ними то, что было бы под силу только двум д'Артаньянам – мы расшвыряли их и обратили в бегство...

– Ничего пока не понимаю, кого вы расшвыряли?

– Ну ладно, расскажу тогда все по порядку, отведи только сначала меня куда-нибудь, чтобы я мог умыться. И дай йоду залить боевые раны.

Вернувшись из ванной комнаты, Анатолий удобно располагается в любимом кресле Олега и уже более спокойно продолжает свой рассказ:

– Знаешь ли ты, где мы были сегодня? Я и Патер. У Грачева! Он пригласил нас отпраздновать получение аттестата зрелости его сестрой Мариной. Девушка, над которой мы шествовали, когда ее братец отбывал срок за частнопредпринимательскую деятельность. Эта маленькая Маринка знаешь какой теперь стала!.. Короче говоря, встретившись с ней сегодня, я, как говорится в старинных романах, прямо-таки потерял голову!

– Ведь ты совсем недавно говорил мне, будто влюблен в Татьяну Петровну Грунину...

– Да, был, это верно, но как? Как влюбляются в красивую актрису из заграничного кинофильма. Романтично, но не реально. А тут живая, настоящая, чертовски симпатичная девчонка! От нее все там были без ума. Даже Патер...

– Не ври, Патер влюблен в свою Беатриче – Анастасию Боярскую.

– Да, он давно, еще до отречения, влюбился, в Настю, но это не помешало ему оценить достоинства Марины. Зато эти лопухи, ее школьные друзья, прямо-таки... Но, в общем-то, они хорошие ребята, а вот еще два типа, которых пригласил, видимо, уже сам Грачев, эти прямо-таки ошалели. Сначала еще ничего, только глаз с нее не сводили, а потом, когда поднабрались...

– Но ведь и вы с Патером не один только чай там пили?

– Я этого и не скрываю. Патер хоть и непьющий, но за здоровье Марины и за ее аттестат выпил пару рюмок. Я уложился в свою норму – три... Ну, может быть, на этот раз четыре рюмки...

– Кто там был еще? Не было разве подруг Марины?

– Наверное, были, но я никого, кроме нее, не видел...

– А подрались вы там, конечно, из-за Марины?

– Ни с кем мы там не дрались. Это потом, на улице, когда мы пошли домой. За углом нас уже поджидали те два типа, приятели или знакомые Грачева. С ними еще двое неизвестных нам. В гостях у Грачевых их не было. Один из них показался мне похожим на того, что огрел меня в прошлом месяце бутылкой. Вот тут-то и началась баталия... Видел бы ты, как Патер от них отбивался! Обязательно нужно вовлечь его в нашу народную дружину...

– Как бы тебя самого после такой баталии из нее не выставили, – хмуро прерывает Анатолия Олег.

– За что? За самооборону? Выходит, нам нужно было позволить избить себя?

– Как же вы все-таки выстояли двое против четверых?

– Что значит – выстояли? Мы не только выстояли, мы обратили их в позорное бегство.

– А Патера ты где оставил?

– Нам удалось поймать такси. Патера я довез до его дома, а сам поехал к тебе. Мне захотелось сразу же все тебе объяснить, и именно сегодня. Завтра, увидев наши физиономии, ты бы черт знает что о нас подумал. У меня-то еще ничего, а вот у Патера здоровенный синяк под глазом...

Несколько минут длится неприятное для Ямщикова молчание. По хмурому лицу Рудакова он видит, что тот не в восторге от их ночного похождения.

– Если ты обратил внимание, – произносит наконец Олег, – я тебя спокойно выслушал и даже постарался понять. Послушай же теперь и ты меня. Не хотел я пока тебе этого говорить, но, видно, надо, чтобы ты вел себя осмотрительнее.

– А что такое?..

– Не перебивай! – недовольно машет на него рукой Олег. – Татьяна Петровна меня предупредила, что Грачев хоть и с хорошими отзывами отбыл срок в колонии, но едва ли исправился. Он, наверное, из тех, у которых это на всю жизнь. К тому же у него есть, видимо, босс, который держит его в страхе и повиновении. Действует он, по всей вероятности, по его указке и вас с Патером пригласил на праздник Марины, конечно, не случайно.

– Но Марина тут ни при чем.

– Да, может быть. Скорее всего, она такое же орудие, а вернее, – слепое орудие в руках грачевского босса, как и ее брат. А вы с Патером, похоже, зачем-то ему понадобились. Мы, правда, полагали, что его мог интересовать главным образом Маврин...

– Грачев приглашал и его, но он без Вари не захотел, а Варя наотрез отказалась. Она боится, как бы Вадим снова...

– Она умница, – хвалит Варю Олег. – Вадим ведь в свое время много крови ей попортил...

– Ну хорошо, – нетерпеливо перебивает Олега Анатолий, – допустим, что все так. Мы, может быть, и в самом деле нужны зачем-то Грачеву и его таинственному боссу, но зачем же было на нас нападать? Хорошо еще, что мы постояли за себя, а то они могли бы нас и искалечить...

– Я думаю, – убежденно замечает Рудаков, – это получилось уже не по сценарию Грачева и его босса. Их подручные, наверное, уже по своей инициативе хотели вас как следует проучить. И, думается мне, из-за Марины.

– Да, может быть... – вздыхает Анатолий. – Но от Марины я ни за что не отступлюсь!

– Опять ты о ней!

– Да, опять, и буду так о ней всегда!.. К замыслам братца своего она никакого отношения не имеет. Ни минуты не сомневаюсь в этом. Между прочим, она собирается на наш завод, в заводское профтехническое училище...

– А вот это уже хорошо.

– Это очень хорошо! – восклицает Анатолий.

Помолчав, он добавляет:

– Когда я впервые был влюблен, а было это еще в школьные годы...

– В третьем классе, наверное? – смеется Олег.

– Нет, в девятом, – не замечая иронии Олега, уточняет Анатолий. – Конечно, та мальчишеская, по существу, любовь не идет ни в какое сравнение с этой. Но тогда я именно по-мальчишески собирал и записывал афоризмы о любви. Память у меня сам знаешь какая. Я их почти дословно и сейчас помню...

– Посмотри лучше на часы, видишь, сколько уже? – прерывает его Олег. – Или ты останешься у меня ночевать?

– Нет, поеду домой, дед будет беспокоиться. А тебе не мешало бы знать, что от любви к

женщине родилось все прекрасное на земле. И сказал это Горький. А Стендаль заметил, что хоть и много страшных злодейств на свете, но самое страшное – задушить любовь.

– Твою?

– Нет, твою. И не притворяйся, пожалуйста, таким уж равнодушным. Я давно уже заметил, что тебе нравится Таня Грунина. Чего краснеешь-то?

– Но ведь никаких надежд, – невольно вырывается у Олега. – Я не записывал никаких афоризмов о любви, но в каком-то из произведений Белинского вычитал, что меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит. Разве я для нее такой мужчина?

– А какой же? Для меня, если хочешь знать, ты всегда был образцом настоящего мужчины, и я горжусь дружбой с тобой. Да и не только я...

– Спасибо, Толя! – порывисто протягивает руку другу Олег. – Но ведь у нее может быть иная мера в оценке достоинств...

– Ну, просто противно слушать! – возмущается Анатолий. – Вот уж кого любовь лишила разума, так это тебя!

– Хватит, однако, об этом, – устало произносит Олег. – И если ты не хочешь оставаться у меня, то поторопись на метро.

11

На следующий день, встретившись с Андреем Десницыным, Рудаков внимательно присматривается к нему. У него действительно синяк под левым глазом, и выглядит он очень смущенным. Анатолий Ямщиков кое-как замаскировал царапины на своем лице и бодрится больше обыкновенного. Так и сыплет остротами. Но ребят из бригады Рудакова не проводишь, они сразу сообразили, что было какое-то ЧП, однако не подают вида, что догадываются об этом.

Зато Грачев невозмутим, как всегда. Деловито склонился над своим верстаком с разметочной и доводочной плитками, тисками и смотровым фонарем. Позади фонаря на специальной площадке аккуратно разложен его рабочий инструмент.

«Хороший ведь слесарь. Работает добросовестно и вроде даже с охотой, – думает о нем Рудаков. – Чего еще нужно этому человеку?..» Для Олега это просто непостижимо.

А в цеху все идет своим порядком, хотя Рудакову кажется, будто инструментальщики сегодня сдержаннее обычного. Не говорят так громко, как всегда, и, кроме Ямщикова, никто не балагурит. Даже Гурген не ругается по-армянски, когда роняет что-нибудь на пол или не находит нужного ему инструмента. А может быть, Олегу кажется только, что сегодня все полно какого-то особого значения?..

За несколько минут до обеденного перерыва в помещении мастера цеха (Рудаков все еще замещает его) раздается звонок.

– Здравствуйте, Олег! – слышит он голос Татьяны. – Это Грунина. Вернулась только вчера, и притом очень поздно, поэтому не смогла позвонить.

– Я очень рад, Татьяна Петровна, что вы наконец-то!..

– А я должна сообщить вам кое-что не очень радостное.

У Олега сразу замирает сердце от недоброго предчувствия.

– Сегодня ночью, – продолжает Грунина, – на Конюховской улице убит ударом ножа в спину некто Бричкин – девятнадцатилетний, нигде не работающий парень. Участковому инспектору удалось установить, что был он до этого в гостях у Грачевых. Выяснилось также, что находились там и члены вашей бригады: Ямщиков и Десницын. Известно ли вам что-нибудь об этом?

– Известно, Татьяна Петровна. Ямщиков был у меня вчера, возвращаясь от Грачева.

– У вас перерыв через четверть часа? Ну, так я к тому времени буду на заводе. Встретимся у комсорга вашего цеха.

– Знаете, как мы все по вас соскучились! – взволнованно говорит Олег, когда они с Татьяной остаются одни в комнате комсорга. Он, конечно, понимает, что время для такого разговора не очень подходящее, но ничего не может с собой поделывать и робко смотрит в глаза Та-

тъяны, страшась увидеть в них осуждение.

А она спрашивает:

– Все или вы лично?

– В общем-то, все, а я, наверное, больше всех...

Но тут в дверях появляется комсорг, выходявший в соседнюю комнату, чтобы по просьбе Груниной послать кого-нибудь за Ямщиковым и Десницыным.

– Сейчас придут, – сообщает он Татьяне. – Однако они тут явно ни при чем. Я представить себе не могу, чтобы это кто-нибудь из них...

– Я тоже не думаю, что это дело их рук, – успокаивает его Татьяна. – Кто убил Бричкина, нам пока неизвестно. Бесспорно лишь то, что он был сильно пьян. А напился у Грачева. Его сестра Марина получила аттестат зрелости. Вот они и отпраздновали это событие. Были в тот вечер в гостях у Грачевых и Ямщиков с Десницыным. Прокуратура уже возбудила дело об убийстве Бричкина, а мне поручено произвести неотложные следственные действия. Поэтому придется допросить тут у вас сначала Ямщикова, а потом Десницына.

– А Грачева? – спрашивает Рудаков.

– Его, конечно, тоже, но уже после них. Но вот и Ямщиков! Вы нас оставьте, пожалуйста, наедине.

– О, Татьяна Петровна, наконец-то вы!.. – радостно восклицает Анатолий, но, сообразив, что разговор с нею будет, видимо, официальным, смущенно извиняется: – Простите, пожалуйста... Вы, наверное, будете меня допрашивать о драке с этими подонками, и потому всякие эмоции с моей стороны, конечно, неуместны.

– Да, к сожалению, разговор будет официальным, – сдержанно улыбается Грунина. – Что подделаешь – таков закон. Расскажите мне об этой драке поподробнее.

Ямщиков теперь уже гораздо спокойнее и обстоятельнее сообщает ей все то, о чем так бурно поведал в минувшую полночь своему другу.

– А вы не смогли бы описать внешность напавших на вас? – просит Грунина.

– Едва ли это мне удастся, – пожимает плечами Ямщиков. – В темноте не разглядел, да и некогда было рассматривать, пришлось обороняться. Ведь их было четверо. Впечатление о них самое общее – этакие гривастые субъекты в доспехах хиппи.

– Но двух вы имели возможность разглядеть получше. Они, насколько мне известно, были гостями Марины.

– Да я и там на них не очень смотрел – были более приятные для меня лица, – улыбается Анатолий.

– А вот этого вы не узнаете? – спрашивает Грунина, протягивая Ямщикову фотографию парня с худым, длинным лицом и локонами средневекового лучника. Ее раздобыл где-то участковый инспектор, обнаруживший труп Бричкина на Конюховской улице.

– О, этого помню! Этот действительно был у Марины. Она сказала мне даже, что он самый нахальный из ее «поклонников». И в драке вчерашней участвовал активнее других. А теперь вы скажите, пожалуйста, Татьяна Петровна... Ох, извините меня, ради бога, что называю вас по имени! На допросе это, наверное, не положено, но язык не поворачивается называть вас гражданином инспектором. Ну, а что, скажите, было нам делать: обратиться в бегство или защищаться?

– Никто вас за это и не винит. Я просто уточняю картину происшествия, потому что все гораздо серьезнее, чем вы думаете. Не заметили вы в руках напавших на вас парней ножа или другого острого предмета?

– Нет, не заметил. Да и не было, наверно...

– Почему так думаете?

– А потому, что они были страшно разъярены, особенно тот, которого вы мне показали. Даже камень пытался схватить, к счастью, камень этот оказался слишком тяжелым. А будь у парня финка, он бы не задумываясь пустил ее в ход. Его прямо-таки силком уволокли от нас приятели, когда решили ретироваться, видя, что мы за себя умеем постоять – я ведь боксер и самбист, а у Десницына, хоть он и бывший богослов, чертовски увесистый кулак.

– Ох, Толя! – вздыхает Татьяна. – Я тоже должна бы вас гражданином Ямщиковым

называть, но и у меня язык не поворачивается... А дело-то очень серьезное. Убит ведь этот «самый нахальный поклонник» Марины Грачевой. Всадил ему кто-то нож в спину на той самой улице, где вы дрались.

– Что вы говорите! – изумленно восклицает Ямщиков. – Выходит, что подозревать теперь могут и меня и Десницына?..

– Формально – да.

– Эти подонки – дружки Бричкина – с удовольствием, конечно, покажут на меня!

Двое из этих «дружков» уже находились в отделении милиции за ночной дебош. Они разбили окна в одном из домов на соседней с Конюховской улице и пытались избить прохожего. К тому же оказали сопротивление доставившим их в отделение работникам милиции. Допрашивая их, Грунина не задавала им прямых вопросов, но по косвенным заключила, что об убийстве Бричкина им ничего не известно.

Могло оказаться, конечно, что убили его они сами в пьяной драке и потому помалкивали, но, скорее всего, это не их рук дело. Не похоже, чтобы и Грачев имел к этому отношение. Ему не следовало бы тогда приглашать Бричкина в гости, чтобы потом не привлечь этим внимания к себе следственных органов.

А не замешан ли здесь Туз?..

Чем больше думала Грунина о причастности Каюрова к убийству Бричкина, тем тверже укреплялась в своей догадке. Но даже если это не Туз и не его подручные, все равно он не упустит теперь случая обвинить в этом Ямщикова и Десницына, а скорее всего – запугать их возможностью такого обвинения...

С какой целью, однако? Это Татьяне было не очень ясно, но весьма возможно, с целью шантажа. И ему очень может пригодиться для этого бесследно исчезнувший четвертый участник ночной драки. Все попытки работников милиции обнаружить его были пока безуспешны.

Допросила Грунина и Марину Грачеву. Девушка произвела на нее хорошее впечатление. Об убийстве Бричкина ей тоже ничего не было известно. О самом Бричкине она сказала:

– До седьмого класса мы учились с ним вместе. Он и тогда не давал мне житья своим ухаживанием. И даже когда его исключили из школы за вечную неуспеваемость и хулиганство, продолжал ко мне приставать и отвязался только после того, как я пригрозила пожаловаться на него брату.

Задала Грунина Марине несколько вопросов и о брате.

– Знаете, – задумчиво ответила ей Марина, – по-моему, он кое-чему все-таки там научился. Я исправительную колонию имею в виду... Не то чтобы совсем уж, но и не тот теперь, что был. Во-первых, пить бросил. Работа, говорит, у меня такая, что либо кончай пить, либо переходи на другую, по меньшему разряду и не с тем заработком. С микронами ведь дело имеет, а с ними нужна твердая рука.

– Так совсем и не пьет? – не очень поверила ей Грунина.

– В сравнении с тем, что было, так почти совсем. И вообще стал, по-моему, над многим задумываться... Вот если бы только не дружки его прежние! – тяжело вздохнула Марина.

– А что за дружки? Собутыльники?

– Если бы только собутыльники! – снова вздохнула Марина, но чувствовалось, что ничего больше об этом не скажет, и Грунина решила пока не настаивать.

Начиная допрос Десницына, Грунина не смогла удержаться от того, чтобы не сказать:

– Вот уж никак не ожидала этого от вас, бывшего богослова...

– А я более всего удручен, – с неожиданной для Груниной решительностью восклицает Десницын, – тем, что мне постоянно напоминают о моем духовном прошлом. Разве не ясно вам, что с ним все кончено? А за свой поступок, совершенный прошлой ночью, а готов нести ответственность по всей строгости закона, хотя нисколько в том не раскаиваюсь, ибо поступил, по-моему, как подобает гражданину. К тому же просто не имел права оставить своего товарища в беде.

– Вас в этом никто не обвиняет.

– Тогда я вас, простите, не понимаю. Чего же вы от меня не ожидали? Того, что обороняться буду, а не уговаривать напавших на нас подонков разойтись с миром? Или в соответствии с учением Христа, когда они ударили меня по левой щеке, я должен был подставить им правую? Нет, гражданин старший инспектор, я вполне сознательно дрался с ними и очень горжусь, что мы с Ямщиковым обратили их в бегство...

– А я повторяю, – теперь уже весело улыбаясь, прерывает его Татьяна, – что ни в чем вас не обвиняю. И если хотите знать мое личное мнение – действовали вы, как настоящие мужчины.

– Правда? – улыбается теперь и Десницын.

– Но я обязана выяснить у вас, как все это происходило. Один из напавших на вас хулиганов был ведь найден минувшей ночью убитым.

– Так вот оно что! Тогда я постараюсь вспомнить все поподробнее. В какое время, кстати, произошло это убийство? Примерно около двенадцати? Ну, а мы с Ямщиковым сели в такси в половине двенадцатого. Нет, номера его я не запомнил. Вернее, просто не обратил на него внимания. Но Анатолий разговорился с шофером, которого, как и меня, звать Андреем. Потому, наверное, и запомнилось его имя. В разговоре выяснилось еще и то, что мы были последними его пассажирами. Работа его кончалась в двенадцать.

– А не сказал он вам случайно, из какого автопарка его такси?

– Нет, этого мы у него не спрашивали... Хотя, позвольте, он, помнится, сам сказал, что ему по пути с Анатолием, который хотел заехать на Автозаводскую улицу к Олегу Рудакову. Пригодится вам это?

– Пригодится, Андрей Васильевич. Скорее всего, это такси из девятого таксомоторного, который находится под Автозаводским мостом.

Записав все показания Десницына в протокол и подписав его вместе с ним, Татьяна, прежде чем отпустить Андрея, говорит:

– А теперь я хочу дать вам совет: если вас будут шантажировать, уверять, что есть свидетели, которые докажут ваше соучастие в убийстве Бричкина, немедленно дайте мне об этом знать. И ничего не бойтесь.

– А я и так ничего не боюсь.

12

Рудакову сегодня нелегко проводить политбеседу. Отвлекают тревожные мысли о Ямщикове и Десницыне. Он не сомневается, что они ни в чем не виноваты, но все-таки немного волнуется за них: как-то они там отвечают на вопросы Татьяны Петровны?

А беседа становится очень горячей, и больше всех задает ему вопросы Грачев. Он уверяет, что один его знакомый был недавно за границей и, вернувшись, рассказывал, будто там теперь никакой разницы между буржуазией и рабочими не существует. И у тех и у других собственные машины, загородные дома и кое-что иное.

Многие инструментальщики только посмеиваются над этими баснями, а он стоит на своем:

– Рудаков агитатор, пусть он и объяснит мне, как же все-таки обстоит там с этим делом, чтобы я потом сам мог разоблачать эту брехню, если, конечно, это брехня.

– Да при чем тут брехня? – ворчит кто-то. – В Америке действительно многие рабочие на колесах, почти у всех машины.

– А почему? – спрашивает Рудаков.

– Вот ты и ответь! – выкрикивает Грачев.

– Да потому, что положение современного пролетариата, занятого на поточно-конвейерном производстве, требует высокой профессиональной и территориальной мобильности, – отвечает Рудаков.

– А ты попроще! – снова подает голос Грачев.

– Тут люди грамотные, – усмехается Рудаков, – сами понимают, что прежний фабрично-заводской пролетариат имел дело с универсальным оборудованием, требовавшим большого стажа работы. На таких предприятиях не только рабочие дорожили местом, но и сами их хо-

зьева опасались потери уже обученных кадров. Рабочие этих заводов и фабрик обычно концентрировались вокруг территории своих предприятий и не нуждались в быстром и дешевом массовом транспорте.

– А сейчас у них разве не так?

– Современному поточно-конвейерному производству крупных капиталистических стран требуется теперь такая рабочая сила, которую можно быстро переподготовить и перебросить с одной работы на другую. Нынешнему капиталистическому конвейеру уже не нужна высокая профессиональная подготовка. Ему необходима лишь устойчивая интенсивность труда, физическая выносливость, способность быстро переключаться на новую работу, внимательность, готовность переносить большие нервные нагрузки.

– А при чем же тут автомобили? – все еще недоумевает Грачев.

– Вот тебе и раз! – невольно восклицает его сосед. – А как же он без собственного автомобиля приедет свежим на такую работу?

– И не в том только дело, – уточняет Рудаков. – Это рабочий уже нового типа, он не очень квалифицирован, но лучше образован. И живет не всегда рядом с производством, а часто за десятки километров. Но так как частный и государственный транспорт обслуживает уже сложившийся, в той местности поток пассажиров, хочешь не хочешь, приходится приобретать собственную машину. В таких условиях это уже не роскошь, не комфорт, а первая необходимость.

– А деньги на машину где же взять?

– Их приходится с боем вырывать у хозяев поточно-конвейерного предприятия. Да и сами условия такого производства понуждают его хозяев повышать заработную плату своим рабочим, чтобы они имели возможность получать лучшее образование, лучше питаться и отдыхать. Без этого им не выдержать бешеного темпа конвейерного производства, а хозяевам – конкуренцию других предпринимателей. И как ни парадоксально, но именно предприятия с самой высокой зарплатой оказываются арендой наиболее острых классовых столкновений.

– А я снова хочу вернуться к машинам, – шумит Грачев. – Выходит все-таки, что не все там нуждаются в машинах. Те, кто работает не на поточно-конвейерном производстве, например. Для них это все же не первая необходимость, а комфорт.

– Конкуренция делает свое дело во всей капиталистической промышленности, – отвечает на его вопрос Рудаков. – Более высокий уровень интенсивности труда поточно-конвейерных предприятий постепенно распространяется и на другие отрасли капиталистического производства, перестраивая потребности рабочей семьи. И одна из этих потребностей – мобильность, необходимость иметь свой автомобиль, чтобы не быть привязанным только к ближайшему заводу.

– И все-таки не у всех, наверно, такая нужда.

– Однако приходится покупать автомобили почти всем. Ведь стоит только одной трети жителей какого-нибудь пригорода купить собственные машины, как местная автобусная линия становится нерентабельной, и компания снимает ее. И тогда две трети населения оказываются вынужденными покупать себе собственные машины (большой частью, правда, уже подержанные), чтобы было на чем вовремя добираться до своего завода или службы.

– Там не напишешь жалобу в «вечерку» на плохую работу городского транспорта, – смеется кто-то. – Не пожалуешься в райисполком или Моссовет. В «свободном мире» всех интересуется лишь собственная выгода.

А Рудаков, заключая беседу:

– Вот почему в Америке никого не удивляют безработные, приезжающие за даровой буханкой на собственных автомобилях. И конечно же, ни о каком обуржуазивании рабочего класса там и речи быть не может.

... – Вот и снова встретились мы с вами, гражданин следовательно, – добродушно улыбаясь, говорит Груниной Грачев, вызванный ею на допрос. – Не послушались, значит, моего совета, не пошли в актрисы? Стало быть, работа эта вам по душе. А вот зачем снова допрашивать меня собираетесь, не пойму что-то. Не допускается разве отмечать в семейной обстановке такое событие, как получение родной сестрой аттестата зрелости? Компания, не скрою, была

веселой. Попели, потанцевали – молодежь ведь. Ну и выпили малость, однако в пределах нормы. Это раньше позволял я себе переборы, а теперь...

– О том, каким вы стали теперь, говорить, по-моему, рано, – прерывает Грачева Грунина. – Это «теперь» только еще начинается, и от вас зависит, как оно сложится. Но допрашивать я вас буду не о том, как вы отметили получение аттестата зрелости.

– Так в чем же дело тогда?

– А дело в том, что один из ваших вчерашних гостей убит этой ночью неподалеку от вашего дома.

– Убит?.. – слегка дрогнувшим голосом переспрашивает Грачев. В глазах его растерянность, значит, это новость для него. – Вот уж чего никак не ожидал. Все ведь было очень мирно, никто не перепил. Разве вот только Васька Бричкин? Так он вообще оболтус, несерьезный малый...

– Зачем же вы тогда пригласили его на праздник сестры?

– Учился он с Мариной в одной школе и был в нее влюблен еще со школьной скамьи, как говорится. Так это с ним, наверное, случилась беда? Его это убили?..

– Да, его.

– Но кто? Кому этот жалкий забулдыга мог стать поперек пути?

– С вашей помощью я и хотела бы это выяснить. Когда он ушел от вас?

– Около одиннадцати... В общем-то, я сам его выпроводил. Решил, что ему уже хватит. Со своим корешем Филькой Паниным он и ушел. Этот Панин может вам, пожалуй, больше моего теперь помочь. Они с Бричкиным закадычные друзья.

– А когда разошлись остальные гости?

– Примерно через четверть часа. Перечислить, на верное, нужно, кто был у меня?

Пока Грачев называет фамилии своих гостей, Грунина торопливо думает:

«Похоже, что он действительно ничего не знает об этом убийстве. Чистая случайность, что оно произошло, или, может быть, Каюров решил избавиться от такого «неуправляемого» помощника, как Бричкин? Скорее всего, было у них в ту ночь бурное объяснение. Не так, видно, вел себя Бричкин у Грачева, и особенно потом, на улице, как ему предписывалось. А Каюров вспыльчив... Может быть, и не хотел убивать, а только проучить. Ну, а теперь сложившуюся ситуацию он, наверное, постарается использовать для запугивания Ямщикова и Десницына...»

– Вот и все, что я могу вам сообщить, гражданин старший инспектор, – заканчивает свои показания Грачев. – И совершенно чистосердечно, безо всякой утайки. А что касается убийства Бричкина, то ни малейшего представления не имею, кто бы мог это сделать. Безобидный был малый...

– И никогда ни с кем не дрался?

– Ну кто же из мальчишек не дерется? Дрался, конечно. Это ведь у них почти спорт.

– Мальчишке этому было, однако, уже около двадцати. К тому же за подобный вид спорта, как мне достоверно известно, он имел несколько приводов в милицию. Не мог он подраться с кем-нибудь, покинув ваш дом?

– Был навеселе, и потому не исключено...

– А приревновать Марину вашу к кому-нибудь у него не было оснований?

– Какие же основания? Она вообще ухаживанием его пренебрегала. Помнится, даже просила меня как-то шугануть его от нее.

– Ну, тогда вопросов к вам больше не имею, – заканчивает допрос Татьяна, а сама думает: «Значит, нет у него пока желания набросить тень подозрения на Ямщикова. Напротив, выгораживает вроде. Не упомянул даже, что Бричкин пытался схватиться с Анатолием из-за Марины у него в доме».

Олегу Рудакову очень хочется встретиться с Груниной, но об этом нечего сейчас и думать. Убийство Бричкина добавило ей хлопот, и она, конечно, не располагает свободным временем. Однако после допроса Грачева Татьяна сама заходит в комнату общественного

конструкторского бюро, надеясь встретить там Пронского. Ей все еще не верится, что он всерьез предложил инструментальщикам сконструировать механическую ищейку. Увидев Виталия в окружении инструментальщиков, она отзывает его в сторону.

– Здравствуй, Виталий! Ты, значит, решил окончательно заморочить им головы электронной собакой?

– Почему заморочить? Я с ними об этом совершенно серьезно. К тому же не обещаю, что соорудить кибернетическую ищейку будет легко.

И все-таки Татьяна не верит в серьезность его замысла.

– А вы как к этому относитесь? – спрашивает она подошедшего к ним инженера-электроника. – Я имею в виду фантастическую идею Пронского.

– Замысел Виталия Сергеевича, конечно, очень смелый, – осторожно отвечает на ее вопрос электроник, тоже еще довольно молодой человек. – Боюсь даже, что слишком...

– Я отвечу вам на это вот какими словами, – самодовольно улыбается Пронский. – «Нужно иметь храбрость поверить в свои убеждения, иначе самое интересное, что могло прийти вам в голову, у вас из-под носа заберут другие, более отважные духом». Хоть это и не мои слова, но я их вполне разделяю.

Так как Пронский говорит довольно громко, к нему подходят инструментальщики, члены конструкторского бюро, окружая его и Татьяну тесным полукольцом. Анатолий Ямщиков иронически произносит:

– Еще бы вам не согласиться со словами основателя кибернетики Норберта Винера!

– А почему все здесь говорят только о кибернетике и электронике? – спрашивает Пронского Друян. – Вашу синтетическую овчарку, как я это себе представляю, можно создать лишь по законам такой молодой науки, как бионика.

– Какой молодой науки, Гурген! – восклицает Ямщиков. – Академик Капица сказал: «Бионике часто называют молодой наукой. Это неверно. Ведь еще господь бог занимался бионикой, создавая людей по образу и подобию своему».

– Я вижу, вы все тут большие эрудиты, – теперь уже не столь самоуверенно улыбается Пронский.

– Э, какие там эрудиты! – пренебрежительно машет рукой Гурген. – Просто почитываем кое-какую научную и техническую литературу.

– В «Творце и роботе» у Винера много остроумных мыслей, – замечает молчавший до сих пор Рудаков. – Он считает, что бог создал дьявола, чтобы было с кем вести увлекательную игру с риском проиграть – дьявол ведь, как известно, искусный мастер интриг. Отсюда Винер делает вывод, что человек, конструируя машины, с которыми он тоже ведет игру, соперничает с богом, становясь почти таким же творцом.

– Станем и мы с вами творцами, если нам удастся сотворить самообучающуюся, а вернее самоусовершенствующуюся собаку, – продолжает мысль Рудакова Пронский.

– Которая будет совершать свой поиск методом проб и ошибок? – спрашивает Гурген.

– Этот способ перебора возможных вариантов хоть и приводит в конце концов к правильному решению, – уточняет Пронский, – не очень, однако, эффективен. Поэтому мы будем вести перебор вариантов не постепенным приближением к верному решению, а скачками.

– Кажется, это называется эвристическим программированием? – замечает Ямщиков.

– Но не это сейчас главное, – вмешивается в их спор электроник. – Главное – это принципиальная возможность осуществить замысел Виталия Сергеевича...

– С этого мы и начали в прошлый раз наш разговор, – поворачивается к нему Пронский. – Я, помнится, привел вам слова автора книги «Проблема узнавания» Бонгарда, который сказал, что создание роботов, сколь угодно близко имитирующих поведение человека (а я добавлю от себя: тем более животного), не противоречит никаким известным в настоящее время законам природы. Так что никакой мистики и несбыточной фантастики в замысле моем нет.

Он бросает испытующий взгляд на Татьяну, но она, уже не слушая его, направляется к выходу. До ее слуха доносятся лишь слова Ямщикова, обращенные к Маврину:

– Что-то ты, Вадим, понурый какой-то сегодня? Не блеснул, как всегда, остроумием, ни единого слова даже не вымолвил...

Да, Маврин сегодня действительно озабочен чем-то. Это заметила и Татьяна. Чего бы это? С тех пор как он женился на Варе Кречетовой, с лица его редко сходила блаженная улыбка. А поженились они сравнительно недавно, как только получили квартиру.

Выйдя с завода, Татьяна останавливается возле кафе, построенного заводскими комсомольцами по собственному проекту и названного очень просто – «Наше кафе». Обслуживается оно тоже комсомольцами на общественных началах. А так как помещение его очень маленькое, всего на пятьдесят человек, то пользуются им различные цеха завода по очереди, и главным образом по пятницам, соревнуясь друг с другом в придумывании оригинальных программ. На одной из таких «пятниц» Татьяна уже побывала.

Пригласили ее комсомольцы инструментального цеха. Кафе хоть и считалось комсомольским, гостями его были и пожилые рабочие. Однако право быть приглашенным требовалось заслужить. К заслугам же относились не только выполнение производственной нормы, но и «справедный образ жизни», как в шутку говорили заводские комсомольцы. И уж конечно, в «Наше кафе» не проникал ни один любитель выпить. Кстати, спиртных напитков в нем вообще не было, лишь чай и кофе разнообразнейших сортов и способов приготовления.

На первом таком вечере все пили чай и кофе под органную музыку Баха, записанную на магнитофонной ленте Олегом Рудаковым с его краткими пояснениями. И хотя они не всегда соответствовали замыслам Баха или той трактовке его замыслов, какую давали им знатоки органной музыки, зато были по-своему интересны и оригинальны.

Заглянув в широкие окна «Нашего кафе», Татьяна замечает там Варю Кречетову. Она, правда, теперь уже Маврина, но все по-прежнему называют ее Кречетовой.

– Здравствуйте, Татьяна Петровна! – увидев Грунину, радостно кричит в открытое окно Варя. – Заходите, пожалуйста!

Торопливо распахнув стеклянную дверь, она выбегает на улицу и берет Грунину под руку.

– Вы очень-очень мне нужны, Татьяна Петровна! Давайте присядем вот тут в уголке, чтобы нам не мешали.

– Похоже, что у вас что-то интересное затевается? – спрашивает Варя Грунина. – Вон и Валя Куницына, и еще девушки из инструментального.

– Готовим вечер. Нам в этом кандидат философских наук Боярская помогает. Помните, я вам о ней рассказывала? Это та самая, которая помогла Андрею Десницину от бога отречься. Вечер назначен на пятницу. Хорошо бы, если бы и вы чего-нибудь подсказали. Но об этом потом. Вы моего Вадима сегодня не видели? Каким он вам показался?

– Случилось разве что-нибудь? Почему вы так встревожены?

– Ох, боюсь я, что может что-нибудь случиться! – грустно вздыхает Варя. – Видно, тот жуткий мир, из которого он вырвался, снова его... Нет, нет, пока ничего! Но со вчерашнего вечера он уже не совсем тот...

– Да не волнуйтесь вы так, Варя. Расскажите-ка все, как говорится, по порядку.

– Никакого тут порядка – все перемешалось! Но, в общем-то, началось, видимо, с того, что Вадим отказался пойти в гости к Грачеву. И тогда тот ему сказал: «Это не я, это Туз велел тебя пригласить». А вы ведь сами, наверное, знаете, кто такой этот Туз.

– И Вадим сам вам все это рассказал? – уточняет Татьяна. – Я имею в виду разговор его с Грачевым.

– Ну да, как же! Силком я это из него вытянула. Слово, однако, пришлось дать, что в милицию об этом не заявлю.

– Но ведь я тоже из милиции...

– Вы для меня не милиция, вы мой друг. И не сомневаюсь, что подскажите, как нам быть. Похоже, что этот Туз не оставит теперь Вадима в покое. Зачем-то он ему понадобился...

– А почему Вадим не решился мне сам об этом рассказать?

– Считает, что такого опытного бандита вам не просто будет поймать. Если же Туз дознается, что Вадим вам о нем рассказал, то тогда... Не думайте, однако, что это он за себя

так испугался. Опасается, как бы Туз или дружки его чего-нибудь мне не сделали...

– А чем Вадим объяснил Грачеву свой отказ пойти к нему в гости?

– Тем, что не пустила.

– Не думаю, чтобы это объяснение удовлетворило Туза, – задумчиво покачивает головой Татьяна. – Что же Вадим собирается делать дальше?

– Не знаю... Наверно, и сам еще не решил. Но я его одного теперь ни на минуту не оставляю. Из конструкторского бюро он зайдет за мной сюда. Домой мы поедем вместе.

– Ого, какая вы храбрая! – улыбается Татьяна.

– Уж во всяком случае, в обиду его никому не дам! – решительно вскидывает голову Варя. – Мы ведь сегодня должны были пойти в гости к дяде. Он пригласил нас к себе еще на прошлой неделе. Вадим был так счастлив, с таким нетерпением ждал этого дня... И вот вдруг объявил мне утром: «Знаешь, Варюша, лучше нам не ходить к нему пока». – «Да ты что!» – изумилась я. «Не могу, говорит, честно смотреть ему в глаза. Опять у меня такое состояние, как тогда, когда должен был проникнуть к Леониду Александровичу по поручению Корнелия. Был я, правда, в то время простой пешкой в его руках, но и теперь меня не покидает предчувствие, что снова придется выведывать что-то в доме твоего дяди». И вы знаете, может быть, он и прав... В общем, я не стала настаивать, дядя сразу бы заметил его испуганные глаза... Вся надежда теперь только на вас, Татьяна Петровна.

– Я постараюсь сделать все возможное, – обещает Татьяна, – нужно только, чтобы Вадим ставил меня в известность обо всех заданиях Туза, если тот от него что-либо потребует.

– Я обязательно постараюсь его уговорить. А как нам сообщать вам об этом?

Татьяна быстро записывает номера своего служебного и домашнего телефонов на листке блокнота и протягивает Варю.

А к ним уже подходит Валентина Куницына, невысокая, худенькая, миловидная – одна из лучших разметчиц инструментального цеха. Создание этого кафе – в значительной мере ее заслуга. В те дни, когда переходит оно в распоряжение инструментальщиков, Валя не покидает «Нашего кафе», пока внутреннее убранство и все детали замысла не достигнут почти такой же микронной точности, как и разметка деталей, которые проходят через ее руки в инструментальном цехе.

– Ну, что вы тут уединились? – укоризненно говорит она Татьяне Петровне и Варю. – Нам так нужен ваш совет, Татьяна Петровна. Хотим серьезно поговорить в нашу «пятницу» о модах и их причудах. Попытаться найти закономерность в их стихии.

Валя учится в заочном художественном институте и очень начитанна. Грунина имела возможность убедиться и в ее хорошем вкусе.

– А о каких модах? – спрашивает ее Татьяна.

– О дамских, конечно.

– Ну, тут я вряд ли чем-нибудь смогу помочь вам, – беспомощно разводит руками Грунина. – Они, по-моему, вне всякой логики и здравого смысла – сплошная стихия.

– А мы хотим все-таки попробовать обуздать эту стихию, – задорно вскидывает голову Валя. – И вы могли бы нам в этом помочь, Татьяна Петровна.

– Ох, боюсь, что вы переоцениваете мои возможности, – вздыхает Татьяна. – Но я постараюсь оправдать ваши надежды, только не сегодня. Если вас устроит, я заеду к вам завтра.

– Да, пожалуйста, мы очень вас просим, и хорошо бы в это же время. Мы все после работы – прямо сюда.

– Постараюсь, – обещает Татьяна.

Оставшись вдвоем с Валею Куницыной, Варя спрашивает ее, понизив голос:

– Ну, а с Анатолием у тебя как?

– А никак.

– Даже в кино не ходите?

– Даже...

Варя вздыхает.

– Ты-то чего так переживаешь? – удивляется Куницына. – Было разве у меня с ним что-нибудь?

– Но ведь могло же...

– Могло, да не было, и очень тебя прошу, никогда больше не спрашивай меня об этом.

Профессор Леонид Александрович Кречетов плохо чувствует себя в последние дни. Ничего вроде не болит, а настроение подавленное. Наверное, оттого, что не ладится работа. Хотел популярно изложить некоторые свои научные идеи для молодежного журнала, но без формул и математических расчетов ничего пока не получается. Все выглядит упрощенно, примитивно...

Да и статью для научного журнала тоже придется переделывать, хотя в ней не нужно ничего адаптировать. Тем, кому она адресуется, язык чисел и формул понятнее образных сравнений и метафор, лишь бы только расчеты были точными, безошибочными. Он ведь не Эйнштейн, который мог сказать, что заслужил право совершать ошибки.

Вспомнив эту шутку великого физика, Кречетов откладывает в сторону рукописи и по давней привычке начинает торопливо шагать по своему кабинету. Наблюдая за ним в такие минуты, кто-то из его друзей сказал однажды: «Это похоже на попытку сбежать от самого себя». А Леонид Александрович, вспомнив Эйнштейна, уже не может не думать о нем.

Как мудр и остроумен был этот человек! Да, он ошибался в своем отношении к квантовому принципу, но разве еще кто-нибудь из противников этого принципа мог с таким чувством юмора, как Эйнштейн, заявить одному из творцов квантовой механики Макс Бору: «Ты веришь в играющего в кости бога, я – в полную закономерность в мире объективно существующего».

А бог, которого Эйнштейн нередко поминает в своих статьях и беседах, разве это тот всевышний, которому поклоняются религиозные люди? В отличие от слепо верующих в предначертанность всего сущего, Эйнштейн чувствовал себя пронизанным ощущением причинной обусловленности происходящего. Для него будущее было не менее определено и обязательно, чем прошедшее, а религиозность великого физика, по глубокому убеждению Леонида Александровича, состояла лишь в восторженном преклонении перед гармонией законов природы.

Сказал же он как-то, что самое непонятное в мире – это то, что он понятен.

– Мир, правда, не очень-то понятен, однако безусловно познаваем, но ох с каким трудом даются эти познания! – невольно вздыхает Леонид Александрович.

Сегодня ему трудно сосредоточиться на какой-нибудь одной мысли. Раздумье о научных проблемах то и дело перемежается воспоминаниями о разных мелочах, незначительных происшествиях минувшего дня.

Вот опять пришел на память дверной замок, который безотказно служил ему многие годы и закрылся сегодня утром легко и бесшумно, как всегда, а вечером, когда Леонид Александрович вернулся из института, долго не хотел открываться. Скорее всего, испортилось в нем что-то...

Какие, однако, имеются детали в таком бесхитростном замке? Тот, что в двери Леонида Александровича, называется врезным – это профессор Кречетов знает точно. Ему известно также, что врезные бывают пружинными и, кажется, сувальдными. У него – пружинный. А вот какие же в нем детали?

Спросили бы профессора Кречетова, специалиста по тончайшей физике нейтрино, об устройстве сцинтилляционного счетчика или водородной пузырьковой камеры, он без запинки перечислил бы все основные детали сложнейшей их аппаратуры, но простейший, элементарнейший в сравнении с ними дверной замок, пользоваться которым приходится ежедневно, для него почти загадка. А ведь в сопоставлении со счетчиками элементарных частиц он как одноклеточное против млекопитающего...

Нужно будет все-таки вытащить как-нибудь этот заартачившийся замок из двери и заняться его анатомией. А сейчас следовало бы, пожалуй, пригласить слесаря из домоуправления, пусть бы он посмотрел, что там с ним такое. Похоже, что пытался кто-то открыть его другим ключом или отмычкой. Ну, а кто же мог это сделать – грабитель?..

Сама мысль об этом кажется Леониду Александровичу нелепой. Сколько он тут живет, ни разу ни у него, ни у соседей не было оснований тревожиться за свое имущество. Никто на него не покушался. Да у профессора Кречетова и не было ничего такого, что могло бы привлечь воров. Разве только библиотека, но такие ценности не для рядовых грабителей.

Ну, а если серьезно, то вора могла бы, пожалуй, заинтересовать его коллекция иностранных монет. Но не специалиста нумизмата, однако. В ней ведь лишь современные монеты всех социалистических и многих капиталистических стран. Главным образом тех, в которых Кречетов побывал. Он и создал-то эту коллекцию лишь потому, что она как бы воскрешала в памяти многочисленные его поездки по Западной Европе, Азии, Африке и Америке. К концу пребывания в каждой из стран он специально подбирал комплекты монет, от самой мелкой до самой крупной. И лишь в этом отношении его коллекция могла представлять некоторый интерес.

Ему вдруг вспомнилось почему-то, с каким интересом и даже, пожалуй, с восхищением рассматривал когда-то эту коллекцию Вадим Маврин. Но это было в ту пору, когда он был еще невежествен и дик, когда племянница профессора Варя еще только начинала обращение этого «неандертальца», как называл тогда Вадима Леонид Александрович, в «гомо сапиенс».

– Ого-го! – воскликнул он тогда, алчно сверкнув глазами. – Это же черт те какой капиталец! Сплошное золото небось.

– В основном, железки, – охладила его восторг Варя. – Сплавы различных металлов, и притом далеко не благородных. Но для человека любознательного тут почти вся история «звонкой монеты» двадцатого века.

Она повторила его, профессора Кречетова, шутку, в которой слово «история» было, конечно, не очень точным. Тогда, однако, польститься на такую коллекцию мог, пожалуй, сам Вадим или его шеф Корнелий Телушкин, а теперь смешно даже вспоминать об этом.

Леонид Александрович хотя и посмеивается над своими теперешними подозрениями, однако чувство смутной тревоги не покидает его. Чем-то оно напоминает ему то время, когда подручные мистера Диббля охотились за его портфелем с научными материалами. И ведь одним из них был Вадим Маврин, фамилию которого носит теперь его любимая племянница. Разве поверил бы он в ту пору, что Варя может стать его женой?

Вадим был тогда простым шалопаем, подпавшим под влияние авантюриста Телушкина, и, не попадись на его пути такая девушка, как Варя, неизвестно еще, как бы сложилась его жизнь. Едва ли исправило бы его одно только наказание. И уж во всяком случае, он не стал бы тем, кем сделала его она. И не в том вовсе дело, кем он работает и сколько получает, – мыслит теперь по-иному, мир видит в других красках. Сам же ведь признался как-то:

«Это она, Варя, превратила меня из «неандертальца» в «гомо сапиенс».

А теперь у этого бывшего «неандертальца» отличное чувство юмора, начитанность, незаурядное мастерство слесаря-инструментальщика. Варя уверяет даже, будто во всем инструментальном цехе выше его по классу точности только Ямщиков с Рудаковым, которых она вообще считает чуть ли не «эталонными» во всех отношениях и очень гордится дружбой с ними ее Вадима.

Размышляя о судьбе Вадима и Вари, Леонид Александрович бросает взгляд на настольные часы. Ого, уже девять! Значит, они скоро должны прийти. Вот пусть Вадим и посмотрит замок. Ему можно будет сказать и о своих подозрениях, а то слесарь из домоуправления еще смеяться станет...

Но тут мысли профессора Кречетова прерывает телефонный звонок.

– Это я, дядя Леня, Варя, – слышит он в трубке голос племянницы. – Извините вы нас с Вадимом, пожалуйста! Не можем мы к вам сегодня...

– А ведь обещали.

– Да, правда, обещали, но Вадим сегодня дежурит по штабу заводской народной дружины. Мы не знали, что так случится, потому что сегодня не его очередь. Заболел, оказывается, тот дружинник, который должен был сегодня, и вот Вадим за него... Вы только не обижайтесь на нас, пожалуйста. Я бы могла и одна к вам, но мне хотелось с Вадимом...

– Я тоже хочу видеть вас обоих. И в любой день, когда только будет у вас свободное

время и желание.

– Я передам это Вадиму, он ведь к вам всегда с удовольствием... Так вы не обижаетесь, значит?

Леонид Александрович хотя и успокоил Варю, заявив, что из-за таких пустяков смешно было бы обижаться, но чем-то ему этот разговор с племянницей не понравился. Было в голосе Вари какое-то смущение, будто говорила она не совсем то, что хотела бы сказать. Слишком хорошо знал он прямую, не умеющую хитрить натуру Вари, чтобы не почувствовать этого. И на душе его стало еще беспокойнее...

15

Перед тем как попрощаться с Ямшиковым, Олег просит его:

– Постарайся, Толя, не ходить пока к Грачеву.

– А я и не собираюсь к Грачеву, я к Марине.

– Но ведь она тоже Грачева...

– Для меня фамилия Грачева – совсем иной мир. Во всяком случае, не тот, в котором живет Марина. В мире Грачева живет в том доме один только Павел Грачев...

– Ты цитировал мне в прошлую ночь Стендаля, – прерывает его Олег. – Я потом снял с полки один его томик и стал читать. И знаешь какую мудрую мысль вычитал? Вот послушай-ка, я ее наизусть запомнил: «Полюбив, самый разумный человек не видит больше ни одного предмета таким, каков он на самом деле... Женщина, большей частью заурядная, становится неузнаваемой и превращается в исключительное существо».

– Ну, во-первых, Марина не такая уж заурядная. А во-вторых, Стендаль преподавал всем нам очень мудрый совет – любить так, чтобы даже самые заурядные из наших возлюбленных всегда представлялись нам исключительными существами.

– С этим я целиком согласен, – порывисто протягивает ему руку Олег. – Это и ты мудро сказал. Но будь же мудрым до конца – не ходи сегодня к Марине...

– Как же ты, после того что мы только что сказали друг другу, можешь мне это предлагать! – восклицает Анатолий. – Ее уже допрашивала сегодня Татьяна Петровна в связи с убийством Бричкина, и она, конечно, тревожится за меня. Убили ведь парня, который вчера только в ее доме разыграл дурацкую сцену ревности. Знает она, наверное, и о драке его со мной. Легко себе представить, какие мысли теперь у нее в голове... Нет, мне непременно нужно пойти к ней и успокоить!

А у Марины в это время происходит бурный разговор с братом. После работы он не пришел домой, как обычно, значит, заходил еще куда-то. Явился часа на два позже, чем всегда, и явно в плохом настроении, однако бодрится.

– Ну-с, как у тебя делишки, сестренка? – спрашивает с напускной беспечностью.

– Это ты сначала расскажи, как твои-то, – мрачно отзывается Марина.

– Что ты имеешь в виду? – настораживается Павел.

– Сам не догадываешься? Тебя не допрашивали разве в связи с убийством Васьки Бричкина?

– Тебе-то откуда это известно? Тоже, значит, допросили?..

– А как же ты думал? Парень провел у нас весь вечер, и это не было ни для кого секретом, а потом его нашли зарезанным неподалеку от нашего дома. Должно это было заинтересовать милицию или не должно?

– Ну, положим, нашли его вовсе не возле нашего дома...

– Но ведь всего в двухстах метрах от нас!

– Тогда нужно было бы допросить вообще всех, кто проживает поблизости.

– Не знаю, как насчет всех, это милиции виднее, а то, что меня допросили, вполне естественно. И все это по твоей милости...

– То есть как это по моей?

– А зачем ты этого подонка на мой праздник пригласил?

– Так он же друг твоего детства...

– Враг он моего детства! Сколько горя мне причинял своим идиотским ухаживанием. Знаешь ведь – ревела я от него, заступиться даже просила. Так зачем же нужен был мне этот человек в такой для меня день? Должен же был ты это сообразить?

– Я думал...

– Да ничего ты не думал! Другие за тебя думали и велели, наверное, пригласить его для каких-то свои целей.

– Что ты несешь, дуреха! Кого имеешь в виду? – сердится Грачев.

– Будто сам не знаешь? Повелителя твоего Леху. Чует мое сердце, его это затея. Не совсем ясно только – зачем убивать кретина этого понадобилось? Для того, может быть, чтобы потом всю вину на Толю Ямщикова свалить.

– А что ты думаешь – вполне ведь могло случиться...

– Что могло случиться? – почти кричит Марина, вскакивая со своего места.

– Да успокойся ты, ради бога! Чего ты так? Рассуди, однако, сама: не была разве вчера тут, у нас в доме, стычка Васьки с Ямщиковым из-за тебя? А потом на улице между ними, оказывается, настоящая драка произошла...

– Какая еще драка? Васька ведь раньше Анатолия ушел.

– Подждал его, стало быть, Василий на улице, и они схватились там. Я сам об этом только что узнал. Конечно, Анатолий порядочный парень и первым ни за что бы за нож не взялся, но в порядке самообороны...

– Мерзавцы! – стучит кулаками по столу Марина. – Специально, значит, все подстроили! И сцену ревности этого болвана, и драку на улице... Но я все равно не поверю, чтобы Анатолий, даже защищаясь, мог ударить кого-нибудь ножом!

– Да пойми ты, дурья голова, ведь на них... на Анатолия и этого бывшего батюшку Десницына, четверо ведь напали. Тут не то что за нож, за оглоблю схватишься.

– Да уж за оглоблю он скорее бы, наверное, чем за нож, – теперь уже ревет Марина. – Не мог он его ножом...

– Ну, Десницын тем более не стал бы хвататься за нож, а больше некому же...

– А Леха твой не мог разве? Сам же говорил, что от него всего можно ожидать...

– Ты, я вижу, совсем спятила?

– Ничего я не спятила – его это бандитских рук дело! Больше некому!

– Да зачем ему?..

– Уж не знаю зачем, но это его работа, и если ты не разоблачишь его и не спасешь Анатолия...

– Да никто пока твоего Анатолия ни в чем не обвиняет, хотя обстоятельства явно против него. Спасибо еще, что расследование ведет пока Грунина, но могут ведь передать кому-нибудь другому, более опытному.

– Но что же делать... что делать?.. – снова заливается слезами Марина.

– Я так полагаю: все теперь будет зависеть от свидетелей этой драки. Что они покажут...

– Что покажут? Да то и покажут, что Леха им прикажет, не ясно разве?

– Опять ты за свое! Ни при чем тут Леха. Ну, а если и имеет какое-нибудь отношение, то, может быть, это и к лучшему даже...

– То есть как это к лучшему?

– А так. Сможет спасти, пожалуй, Толика твоего.

– Не пойму что-то...

– Смогла бы ты уговорить Анатолия, чтобы он оказал одну услугу Лехе?..

– Да ты что! – снова яростно стучит кулаками по столу Марина. – Сам у него во власти и Анатолия хочешь?.. Нет, не сделали из тебя в колонии человека, Павел! Знать я тебя больше не хочу, не брат ты мне!..

– Ну, как знаешь, только я ведь не о себе беспокоюсь, а об Анатолии твоём. Ты не бегай так по комнате, сядь, успокойся и послушай меня повнимательней. Два свидетеля стычки его с Бричкиным уже арестованы милицией. Об убийстве Василия они, может быть, и не знают еще и без команды Лехи ни на кого пока не покажут. Но о том, что Анатолий дрался с Васькой, они на допросе Груниной, конечно, уже сообщили. А вот четвертый участник этой дра-

ки, видимо, по совету Лехи исчез до поры до времени. Он-то и может в свое время показать следствию то, что посоветует ему Леха. Вот ведь какая ситуация! И ты не решай пока ничего сама, посоветуйся сначала с Анатолием. Не о твоей – о его ведь судьбе идет речь.

– И о моей тоже... – чуть слышно произносит Марина.

16

Утром следующего дня Грунина встречается с выделенными ей в помощь оперативными работниками райотдела. С одним из них, старшим лейтенантом Крамовым, она работает уже не первый год. Он не очень молод, ему около сорока, но его энергии мог бы позавидовать его молодой коллега лейтенант Сысоев, хотя человек, плохо знающий их, пришел бы, пожалуй, к противоположному заключению. Крамов показался бы ему медлительным, может быть даже нерасторопным, а Сысоев очень деятельным. Однако лейтенант расходует много сил впустую, и к. п. д. его невелик, тогда как старший лейтенант не делает ничего лишнего. Тратя много времени на раздумье, он экономит на исполнении верно принятого решения. Работая вместе, они как бы дополняют один другого, заимствуя друг у друга сильные стороны.

Старший лейтенант Крамов и внешне производит впечатление не столько оперативного работника уголовного розыска, сколько спортивного тренера, терпеливо выжимающего из своего подопечного все его возможности, вдохновляющего на разумный, сулящий победу риск. С ним Татьяне не только легко, но и приятно работать.

– Ну как, Аскольд Ильич, удалось вам что-нибудь? – спрашивает Крамова Татьяна, встретившись с ним в райотделе. Ей не нужно уточнять, что именно ему удалось, они понимают друг друга с полуслова.

– Удалось, Татьяна Петровна. Нашелся тот самый таксист, который привез Ямщикова и Десницына с Конюховской на Автозаводскую.

– И время совпадает?

– Совпадает. Они сели в его такси в одиннадцать тридцать. Около двенадцати он высадил Десницына на Низовой у дома номер сорок один, в котором у своей родственницы обитает бывший богослов, а Ямщикова повез на Автозаводскую, где живет Рудаков. Было это уже в начале первого.

– А в том, что в его машине были именно Ямщиков и Десницын, у вас, значит, никаких сомнений?

– Абсолютно. Таксист довольно точно описал их внешность. К тому же запомнил, что дорогой они очень возбужденно говорили о схватке с напавшими на них хулиганами и многократно повторяли при этом имя Марины и фамилию Грачева.

– К убийству Бричкина они, вне всяких сомнений, не имели, да и не могли иметь никакого отношения, – задумчиво произносит Татьяна, – но почему вы так уверены, Аскольд Ильич, что убийство его произошло как раз в то время, когда Ямщиков с Десницыным находились в такси?

– Нам удалось найти свидетеля, который хотя и не видел убийцу, но слышал чей-то предсмертный крик и голос, раздраженно произнесший: «Век будешь теперь помнить, как своевольничать!..»

– Но эти слова могли относиться и не к Бричкину.

– Скорее всего, однако, к нему. Все происходило ведь на Конюховской улице и примерно в то самое время, когда, по заключению судебно-медицинской экспертизы, произошло убийство Бричкина.

– Но на Конюховской могла происходить и еще какая-то драка, не имевшая отношения к Бричкину.

– В том-то и дело, что не было. Задержанные нами приятели Бричкина были в это время уже на другой улице.

– А кто такой тот человек, который дал вам столь туманные показания?

– Инженер Хмелев. Он возвращался домой с дежурства на фабрике, работающей в две смены. Лейтенант Сысоев проверит сегодня, так ли это. Предсмертный крик, или, как выразился Хмелев, «жуткий вопль», он услышал неподалеку от своего дома примерно около две-

надцати часов ночи.

– И он не поинтересовался, кто так «жутко вопил» возле его дома?

– Честно признался, что струсил. Его однажды уже избили «за излишнее любопытство». Это подлинные его слова, записанные в протокол участковым инспектором, которому он рассказал об услышанном ночью «жутком вопле», как только узнал, что неподалеку от его дома убили человека.

– Вы его еще не допросили?

– Я думал, что вы захотите сделать это сами.

– Какие же у вас возникли соображения в связи с этими новыми данными?

– В том, что показания Хмелева достоверны, у меня нет никаких сомнений, – убежденно произносит Крамов. – Похоже, что человек он честный и не такой уж трус. Другой на его месте мог бы подумать: «Стоит ли вообще вмешиваться в это дело? Еще самого могут заподозрить – убийца ведь пока неизвестен...»

– Я не об этом, – прерывает его Грунина. – Я о том, кто же мог убить Бричкина?

– Скорее всего, Каюров.

– Какие основания для такого подозрения?

– Ну, во-первых, задержанные нами приятели Бричкина показали, что, прощаясь с ними, Василий заявил: «Будет мне теперь от шефа большая взбучка».

– А то, что его шеф – Каюров, уверены?

– Скорее всего, именно он. И если это действительно он, то не исключено, что в гневе, а точнее, в ярости он мог ударить его и ножом. Нам известно, что он плохо владеет собой, приходит в бешенство из-за пустяков. Наверное, он не хотел убивать Бричкина, а лишь как следует проучить, да, видимо, не рассчитал удара...

– А теперь постарается использовать это для шантажа Ямщикова и Десницына?

– Да, весьма вероятно.

– Но с какой целью?

– Похоже, что они зачем-то нужны Каюрову. А это даст ему возможность держать их в своих руках.

Грунина некоторое время задумчиво смотрит в окно на застывший у светофора поток автомобилей, а Крамов, решивший, что разговор окончен, спрашивает:

– Какие будут указания, Татьяна Петровна?

– Надо бы, Аскольд Ильич, побеседовать не только с жильцами дома, возле которого произошло убийство, но и с теми, которые живут по соседству.

– Этим и занимается сейчас лейтенант Сысоев. Если я вам больше не нужен, то пойду помогу ему.

– А как мне найти Хмелева?

Крамов дает ей адрес и телефон инженера. Грунина набирает нужный номер. К телефону подходит сам Хмелев, и она договаривается с ним о встрече. Он сегодня снова в вечерней смене и готов явиться к ней хоть сейчас.

– Лучше, пожалуй, я к вам сама заеду, если не возражаете, – предлагает ему Татьяна. Ей небезынтересно, как живет Хмелев, это тоже поможет ответить на некоторые вопросы.

– О, пожалуйста! – охотно соглашается инженер.

Грунина приезжает к нему через полчаса.

– Я не то чтобы закоренелый холостяк, – улыбаясь, говорит Хмелев, приглашая Татьяну в свою однокомнатную квартиру, – но в этом деликатном деле, женитьба имеется в виду, мне упорно не везет. Это я к тому, чтобы вы не осудили меня за отсутствие домашнего уюта...

– У меня по этому вопросу нет к вам никаких претензий, – улыбается и Татьяна. – А теперь я бы хотела...

– Понимаю вас! – торопливо перебивает ее Хмелев. – Присаживайтесь, пожалуйста. Я расскажу вам все, что видел и слышал...

– Видели, значит, тоже? – настораживается Татьяна.

– Да как вам сказать?.. Темно было так, что, пожалуй, только слышал. Но какую-то тень можно было все-таки различить. Показалось мне, что это был среднего роста, очень плотный

мужчина. Он возился некоторое время над чем-то, лежащим на земле, видимо над убитым им человеком. Потом выругался очень нехорошо и торопливо ушел в сторону автобусной остановки.

– Почему же вы не сообщили этого участковому инспектору? – спрашивает Грунина.

– Он предупредил меня, чтобы я говорил лишь то, в чем был совершенно уверен, и не вводил органы милиции в заблуждение смутными догадками. «Нам нужны только факты», – заявил он мне очень грозно. Ну, я и решил, что сообщу в таком случае только то, что мне действительно известно совершенно точно. А вам вот решил добавить еще и то, что, может быть, лишь показалось.

Задав Хмелеву еще несколько вопросов и оформив его показания протоколом, Татьяна возвращается в свой отдел. Доложив подполковнику Лазареву, что ей удалось сделать сегодня, она уже из своего кабинета звонит старшему лейтенанту Крамову:

– Есть что-нибудь новое, Аскольд Ильич?

– Ничего существенного, Татьяна Петровна, если не считать заявления старушки, сообщившей нам, что под ее окном два каких-то типа сквернословили в полночь. Она живет на первом этаже и потому очень боялась, как бы они не разбили ей окна. Со страха даже не глянула ни разу, кто же это там ругался.

– Но хоть несколько слов расслышала же она?

– Расслышала, говорит, многие их слова, однако почти все они нецензурные! Вот разве только то, что сказал чей-то очень злой, властный голос: «Разве тебе это было велено делать, подонок?» После чего обозванный подонком страшно зарычал и, видать, куснул обидчика, да так, что тот аж вскрикнул от боли и пригрозил: «Ну, погоди, зараза! Я тебе покажу, как кусаться! Век будешь помнить, как своевольничать!» Это все доподлинные слова той старушки, – поясняет Крамов.

– А предсмертного вопля Бричкина (я все-таки думаю, что это был Бричкин) она не расслышала разве? – спрашивает Грунина.

– «Взвыл, говорит, потом кто-то диким зверем, и все утихло, если, конечно, не считать, что нехорошо ругнулся все тот же властный голос напоследок». Ну, а у вас каковы успехи, Татьяна Петровна? Можем мы сделать какие-нибудь выводы?

– Из всего того, что нам уже известно, все очевиднее становится, что с Бричкиным расправился Каюров.

Вспомнив обещание, данное вчера Варю Мавриной и Вале Куницыной, Татьяна приезжает в заводское молодежное кафе.

– Вот хорошо-то, что вы сдержали слово! – радостно восклицает Варя, бросаясь ей навстречу. – Я, правда, и не сомневалась, что вы придете.

– А вы, значит, твердо решили, что с макси-юбками нужно бороться? – спрашивает Татьяна Варю и Валю, усаживаясь за столик, к которому еще одна знакомая ей девушка приносит кофе.

– Железно! – смеется Куницына. – Ребята ведь устраивали уже дискуссию о мужских модах. Пригласили всех наших «волосатиков», тех, кто поинтеллигентней, и выложили им свою точку зрения об их гривах, бакенбардах и бородах. Ты помнишь тот вечер, Варя?

– О, это было просто побоищем «гривастиков»! – смеется Варя. – Олег Рудаков здорово их разделал. «Куда, говорит, вы идете? Неужели ничего нового не можете придумать, кроме слепого копирования...» Я уже не помню сейчас, к какому веку отнес он нынешнюю мужскую моду.

– К девятнадцатому, – подсказывает Куницына и продолжает рассказ о той «пятнице»: – Хоть и тогда, говорит, непонятно было, как возникла мода на бакенбарды, бороды и длинные волосы, но они не мешали их повседневным делам. А сейчас бешеный темп, культ спорта и туризма, все под девизом: «Давай-давай!» Взмокаешь ведь и на работе, и на спортивной площадке. Да и на танцплощадках тоже не менуэты нынче в моде, а разные ча-ча-ча, в темпе пляски святого Витта. В общем, все время в поту. Чистоплотному человеку такую гриву нужно бы мыть по три-четыре раза в день. Как еще девушки вас терпят?.. Ну да ладно, гово-

рит, не будем корить наших девушек, тем более что их следует даже похвалить. Женские моды хоть и чересчур уж инфантильны для нашего интеллектуального века, где-то даже за пределами здравого смысла, но зато это действительно ново. Мини-юбок еще не было ни в одну эпоху, и, если хотите, они ближе к духу нашего времени, к стремительному темпу современной жизни. Вот примерно какую речь произнес тогда Олег, – заключает Валентина свой рассказ о выступлении Рудакова.

– Ну, а каков практический результат этой дискуссии? – интересуется Татьяна.

– Я же сказала, что приглашены были не ваньки из подъездов или безмозглые шалопаи, а ребята неглупые, просто бездумно поддавшиеся подражанию бородатости Эрнеста Хемингуэя, кубинского периода его жизни, бакенбардизму бондарчуковской киноэпопеи «Война и мир», а может быть, даже и пещерному облику западноевропейских хиппи. Многие из них на другой день пришли на завод бритыми.

– Ну, а девушек и женщин как же вы теперь будете вразумлять?

– Рудаков прав, – отвечает на вопрос Груниной Валентина. – Мини-юбки в какой-то мере в духе времени, но тоже ведь не находка. А макси мы раскритикуем с помощью старых журналов...

– Раскритиковать-то, конечно, проще, чем предложить что-нибудь новое, – грустно вздыхает Варя Маврина.

– А мы покажем и новое. Пригласим модельеров, продемонстрируем и свои модели.

– Только дамские?

– Будут и мужские. Толя Ямщиков предложил, например, «распашонку» для молодых физиков...

– Кандидатов физико-математических наук, – смеясь, добавляет Варя.

– На общем темном фоне такой «распашонки» будут искриться яркие звездочки распада атомных ядер, пунктирные и штриховые, прямые и зигзагообразные треки – следы ядерных частиц. По-моему, все это очень красиво, а главное – на самом высоком уровне нашего времени.

– Любопытную безрукавку предложил и Вадим, – напоминает Куницыной Варя.

– Да, оригинальную, но вряд ли кто-нибудь решится носить ее. Вадим Маврин, правда, рекомендует свою безрукавку криминалистам, так как она будет покрыта дактилоскопическими оттисками...

– Отпечатками папиллярных узоров пальцев, – улыбаясь, уточняет Грунина. – Но это, как я понимаю, «в порядке юмора», конечно.

– Вадим Маврин вообще у нас шутник, – смеется Куницына.

– Почему же шутник? – обиженно переспрашивает Варя. – Просто у него хорошо развито чувство юмора, вот он и...

– А с этим никто и не спорит, – поспешно соглашается с нею Куницына. – Но такую безрукавку предложил он, конечно же, в шутку. А в основном у нас будут модели строгой современной дамской одежды. Вы обязательно приходите, Татьяна Петровна, будет, наверное, интересно.

– Непременно приду! – обещает Грунина.

– Вы себе представить не можете, Татьяна Петровна, как мне тут интересно, – провожая ее к выходу, торопливо говорит Варя. – Вы знаете, я ведь в техническом отделе нашего завода работаю. У меня там много знакомых, но тут, с этими заводскими девчатами, честное слово, мне гораздо интереснее. И не только мне, многие наши молодые инженеры с удовольствием проводят время в их кафе. Да это и не кафе вовсе, а настоящий молодежный клуб, в котором мы и гости и хозяева.

Прежде чем позвонить Груниной, Олег Рудаков долго ходит возле уличной телефонной будки, не решаясь набрать номер домашнего телефона Татьяны. Повод вроде веский, но ведь поздно уже, она устала за день и, наверное, отдыхает от своих нелегких служебных дел. Да и вообще зря, может быть, поднимает он тревогу. Что там, в конце концов, может случиться с

Анатолием?

Но Олегу очень хочется позвонить ей, услышать ее голос, и он решается наконец снять трубку. А как только начинают звучать длинные гудки, кажется, что конца не будет этому неторопливому гудению... И вдруг на другом конце провода ему отзывается голос, от звука которого сердце Олега начинает биться еще чаще.

– Извините, пожалуйста, Татьяна Петровна, – слегка запинаясь, говорит он. – Это Рудаков вас беспокоит...

– Ну что вы извиняетесь, Олег, я ведь всегда вам рада. Почему, однако, голос у вас такой встревоженный? Не случилось ли чего?..

– Нет, Татьяна Петровна, ничего пока не случилось. А тревожусь я вот почему: снова пошел сегодня Анатолий к Грачевым. Не смог я его отговорить. Никакие доводы на него не подействовали...

– Что поделаешь – любовь, – почему-то вздыхает Татьяна, будто завидует Марине и Анатолию.

– А я все-таки боюсь, как бы с ним чего-нибудь там не случилось. Может быть, мне с кем-нибудь из наших дружинников походить возле дома Грачевых?

– Да не бойтесь вы за него, ничего с ним не случится, – успокаивает его Татьяна. – Он ведь умеет за себя постоять. Вы откуда говорите?

– Из автомата. Дома у меня нет ведь телефона...

– А мне так хочется иногда вам позвонить! – снова вздыхает Татьяна и вдруг начинает смеяться. – Знали бы вы, какое удовольствие доставили мне вчера ребята из вашего конструкторского бюро! Сбили кандидатскую спесь с этого зазнайки Пронского.

– Но ведь он талантливый кибернетик. Анатолий познакомился с одним молодым ученым, который хорошо его знает. Он самого высокого мнения о нем.

– Так оно и есть на самом деле. Мой папа тоже пророчит ему большое будущее. Но уж слишком он высоко себя ценит, и очень хорошо, что вы его проучили.

– Однако он предложил нам не чистую химеру, как вы полагаете, а очень интересную идею. Ребята наши ею увлеклись, – считает своим долгом защитить Пронского Олег. – Ямщиков, правда, разыграл его немножко, прикинувшись в первый день знакомства «лопухом». Вы же знаете, какой Анатолий – талантлив чертовски, но упрям и шепетилен сверх всякой меры.

– Я не вижу ничего плохого в его упрямстве. Мне даже нравятся такие упрямцы...

– Глупое это упрямство, однако! Всего хочет сам добиться, безо всякого института, назло своим родителям. Мальчишество все это. Но я его заставлю все-таки поступить на заочное отделение станкоинструментального или в филиал политехнического при нашем заводе.

– О всех-то вы заботитесь, Олег, а о вас кто же?

– А чего обо мне заботиться? – беспечно смеется Рудаков. – Я продукт системы трех «С», как отзывается обо мне Анатолий...

– Слыхала я про эту систему, – перебивает его Татьяна. – «Создай себя сам», да? Нужно было и мне в свое время заняться самовоспитанием по этой системе.

– Вам? – удивляется Олег.

– А что я – сплошное совершенство разве? Знали бы вы только, сколько еще во мне... Ну да ладно, об этом как-нибудь в другой раз. Вас, наверное, и так скоро из будки вытащат. Я же слышу, как кто-то давно уже стучит монетой по стеклу. Всего вам доброго, Олег!

Действительно, какая-то дамочка нетерпеливо постукивает по стеклянной дверце будки, а Олег ее даже не заметил.

– Ну сколько же можно, молодой человек? – укоризненно говорит она, как только Олег вешает трубку. – Если вы решили по телефону в любви объясняться, то не из автомата же...

Голосок у дамочки очень тихий, так что, к ее счастью, Олег не расслышал всего сказанного ею, а то бы не стал, пожалуй, извиняться, что так долго занимал телефон.

Все еще полный мыслями о Татьяне, торопливо идет он к своему дому и чуть не сталкивается с каким-то рослым человеком. Машинально извинившись, он уже открывает массивную

входную дверь своего подъезда и вдруг слышит:

– Вы меня не узнали, товарищ Рудаков?

Ба, да это же Патер! Как, однако, он попал сюда, живет ведь совсем в другом конце города?

– Добрый вечер, Андрей Васильевич! – торопливо восклицает Олег. – Извините, что не сразу узнал...

В своей бригаде Рудаков со всеми на «ты», ибо все в ней почти ровесники его. Десницын тоже не намного старше, года на три-четыре, но и Олег и все другие слесари с ним на «вы». Наверное, бывшее духовное звание Десницына тут как-то сказывается, а может быть, и потому, что сам он со всеми только на «вы». Один лишь Ямщиков с ним на «ты». Смеется даже над другими: «Интеллигентшки жалкие, боитесь, как бы бывшего «батюшку» не обидеть. А ведь он теперь такой же трудящийся, как и мы с вами».

– А я специально к вам, товарищ Рудаков, – говорит Олегу Десницын. – Был только что у Ямщикова, но он, оказывается, не возвращался сегодня с завода, и дед его очень встревожен. Вот я и решил, что Анатолий может быть у вас...

– Да нет, не был он у меня. У Грачевых он. Вернее, у Марины Грачевой.

– Так я и знал! – тяжело вздыхает Десницын. – А ведь ему пока не следовало бы туда...

– Я тоже не советовал, да разве его удержишь.

– Но и осуждать не имеем права, – убежденно говорит Десницын. – У них любовь, настоящая притом. Это уж вне всяких сомнений. Однако как бы с ним там чего-нибудь...

– Я только что по этому поводу с Татьяной Петровной разговаривал по телефону. Она считает, что тревожиться нет никаких оснований, – успокаивает Десницына Олег.

– А что, если бы мы все-таки съездили туда? В доме-то ничего, может быть, с ним и не случится, а вот когда выйдет на улицу, да пойдет один по темным переулкам... Там район глухой, плохо освещенный и до автобусной остановки далековато...

Олег молча протягивает Патеру руку и крепко жмет ее.

– Вы знаете, что Анатолий вас в д'Артаньяны произвел? – спрашивает он Десницына, когда они садятся в такси.

– Я ведь «Трех мушкетеров» совсем недавно прочел, – смущенно признается Десницын. – А в то время, когда все нормальные ребята ими зачитывались, читал совсем иное... Ну, а кому по праву прозываться д'Артаньяном, так это Ямщикову, конечно.

Помолчав немного, он задумчиво добавляет:

– Да, многое мне теперь приходится наверстывать. Сам себя всего лишил... И в институте заниматься нелегко – слишком велики пробелы в образовании. Знаний много, да все не те. Спасибо другу моего детства Анастасии Боярской, если бы не она, я бы давно уже ушел с философского факультета. А она и помогает и вдохновляет...

«Патер, видимо, очень одинок, – думает Олег. – Никто из нас так и не сошелся с ним поближе. Сторонились даже... С Анатолием тоже, пожалуй, не было у него настоящей дружбы, разве вот теперь только...»

– И ведь вот еще что удивительно, – продолжает Десницын. – День ото дня все большая жадность к знаниям. Казалось бы, нужно уж если и не насытиться, то остановиться на чем-то одном, хотя бы в пределах факультетского курса, а я по-прежнему за все хватаюсь. Это у меня от деда, наверное. Но у него память феноменальная, она все вмещает, мне далеко до него...

– Я много интересного слышал о вашем деду от Боярской, – замечает Олег. – С большим уважением отзывается она о нем.

– Да, дед у меня замечательный человек. Ему уже около восьмидесяти, а он все еще полон любопытства к жизни и людям.

– Он по-прежнему в Благове?

– Да, там. И мало того – все еще «при семинарии», как он выражается. Сам хотел было от них уйти, но ректор лично упросил остаться. «Куда, говорит, вам в ваши годы? Будете у нас просто так, безо всяких обязанностей. Только на встречах с иностранным духовенством прошу обязательно присутствовать». Дед у меня с юмором. «Я, говорит, им нужен на этих

встречах, как «четвертый человек» в отечественном православии, дабы не отстать в этом отношении от католической Европы».

– А что это за «четвертый человек»? – любопытствует Олег.

– Открыл его и описал католический ксендз Роберт Давези в своей книге «Улица в церкви». А ультраконсервативный кардинал Оттавиани охарактеризовал его как христианина, стремящегося произвести революцию в церкви, «маленького коммуниста в церковной ризе». Очень язвительно сказано.

У Олега мысли сейчас о другом, но он понимает, что Десницину нужен собеседник на все еще волнующую его тему о религии, и он спрашивает:

– Это, стало быть, что-то вроде собирательного образа критически мыслящего католика?

– Вернее, католика, критически относящегося к католической церкви и заинтересованного в ее обновлении, – уточняет Десницин.

– А этому «четвертому человеку» предшествовал, наверное, «первый человек»?

– «Первый человек» – христианин был вполне удовлетворен всеми догмами церковного учения и не обращал внимания на многочисленные несуразности. Но он пережиток прошлого. «Второй человек» появился в католической церкви, уже пораженной коррозией, значительно позже. Однако он еще надеялся, что она сможет приспособить свои учения к духовным и иным потребностям нового времени. «Третий человек» уже ничего не ждал от церкви и ни на что не надеялся.

– А «четвертый человек», наверное, уже бунтует?

– Да, «четвертый» бунтует, но он, как пишет ксендз Давези, все еще остается в церкви, чтобы совершить в ней революцию, так как в ее нынешнем виде она представляется ему до такой степени прогнившим институтом, что самое лучшее, что можно ей пожелать, это смерть.

– Ого, как решительно настроен этот «четвертый человек»! – невольно восклицает Олег.

– И не только в адрес церкви, но и в адрес самого наместника святого Петра – папы Павла Шестого. «Четвертый человек» недоволен его единовластием. Он домогается коллегиальной организации высшей власти в церкви и отказа папы от внешней пышности. Дело доходит даже до неуважительного обращения на «ты» в письмах к «наместнику бога на земле» и забрасыванию камнями его автомашины, как это случилось, например, в Сардинии... Но вот мы и приехали!

– Сейчас направо, – говорит Десницин шоферу, – и, пожалуйста, помедленнее. Видите тот дом на углу? – поворачивается он к Олегу. – Два освещенных окна на втором этаже – это в квартире Грачевых. Я думаю, нам надо проехать немного подальше и там остановиться.

Они так и делают. Потом переходят на другую сторону улицы и внимательно всматриваются в окна Грачевых. Но сквозь их плотно задернутые занавески ничего не могут рассмотреть. А когда проходят мимо фонаря, Олег смотрит на свои часы – уже одиннадцать.

– Пожалуй, Анатолий еще там, – говорит он Десницину. – Грачеву ведь рано на работу, и он давно бы лег спать, если бы у них никого не было. А Анатолию пора бы уже домой.

– Давайте походим еще немножко, может быть, он скоро выйдет...

Но в это время открывается дверь одного из подъездов дома, в котором живут Грачевы, и на улице появляется Анатолий. Олег тотчас же узнает его по высокому росту и широким плечам. А рядом с ним еще кто-то, коренастый и сутуловатый.

– Неужели он с Грачевым? – шепчет Олег. – Да, похоже, что с ним. Проводить вышел до автобусной остановки или еще куда?..

Они осторожно идут следом за Анатолием и Грачевым по другой стороне улицы, внимательно всматриваясь в каждое их движение. На углу Конюховской и Раздольной, по которой ходят автобусы, Ямщиков прощается с Грачевым.

– До остановки теперь недалеко, а вон и автобус, кстати, – слышат они голос Анатолия. – А ты иди, Павел, время позднее, спать не так уж много осталось.

– Ну, будь здоров! – протягивает ему руку Грачев. – Да не забудь об уговоре.

– Все будет, как условились, – обещает Анатолий. – Я своих слов на ветер не бросаю.

Рудаков с Деснициним заходят в темную подворотню, пропуская возвращающегося к

себе Грачева. А как только он проходит, спешат к остановке и едва успевают вскочить в подошедший автобус.

Машина плохо освещена, и Анатолий, кажется, не узнает их. Он уже успел оторвать билет и сесть на второе от входа сиденье. Олег с Десницным устраиваются сзади. В автобусе, кроме них, только две пожилые женщины у самой кабины шофера.

Едва Олег собирается окликнуть Анатолия, как вдруг он сам, не оборачиваясь к ним, произносит:

– Привет, гасконцы!

– Узнал, значит! – радостно восклицает Олег, хлопая друга по плечу.

– Спасибо, ребята! – порывисто оборачивается к ним Ямщиков. – Догадываюсь, почему вы тут. Но, как видите...

– Это-то мы видим, – прерывает его Рудаков. – Расскажи лучше, о чем с Грачевым договорился.

– Я вам все по порядку. Пришел – Марина вся в слезах. У нее с братом был, оказывается, серьезный разговор. Она начала было объяснять, что у них произошло, но я ничего не понял. Тогда Грачев уже сам: «Вот, говорит, какая ситуация, Анатолий...» И рассказал мне, в какую страшную кабалу он попал, случайно познакомившись с бежавшим из заключения бандитом. Фамилии его он не знает, известна ему будто бы только его кличка – «Туз». Запуган он им до крайности, даже говорить не мог спокойно...

– А это не игра была? – с сомнением спрашивает Олег. – Не притворство?

– Похоже, что не сочинял. Голос дрожал довольно естественно. Да и Марина все это подтверждала. Говорит, всю жизнь он им исковеркал. И рыдала при этом так, что мы с Грачевым не знали, чем ее успокоить. Чуть ли не полстакана валерьянки выпила.

– Ну, а что же они хотели от тебя?

– Марина ничего не хотела. Умоляла даже не слушать брата, не ввязываться в это дело. А Грачев сказал, что должен я услугу какую-то Тузу оказать. Уверял, что только этим и его и себя смогу спасти...

– Это как же понимать?

– Грачев считает, будто Туз может подстроить все так, что я окажусь причастным к убийству Бричкина...

– Шантаж! – восклицает Рудаков.

– Вы бы потише, – шепчет ему Десницын. – Могут ведь услышать, – кивает он на женщин, тоже довольно громко беседующих о чем-то.

– У них такой бурный обмен информацией, что они друг друга-то едва ли слышат, – усмехается Анатолий. – Да и мотор автобуса тархтит...

– В общем-то, чего удивляться? – возвращается к прерванному разговору Рудаков. – Татьяна Петровна предвидела это и заранее нас предупредила...

– А я, знаешь ли, стал сомневаться, – задумчиво произносит Анатолий.

– В чем? – не понимает его Олег.

– Может быть, Грачев в самом деле во власти этого таинственного Туза?..

– Не похоже это на него, – покачивает головой Олег. – Скорее всего, все-таки он с Тузом заодно.

– Сначала я и сам так считал, но теперь не знаю, что и думать, уж очень он за сестру меня просил. «За нее, говорит, больше всего боюсь. Ведь если ему, зверю этому, не угодить, он никого не пощадит...» Ну, а ты, бывший пастырь душ человеческих, – обращается Анатолий к Десницному, – что о Грачеве думаешь?

– Не исключено, по-моему, что понесенное наказание многому его научило...

– А если многому научило, чего же он с таким бандитом, как Туз, дело имеет? – спрашивает Олег. – Помог бы лучше милиции взять его.

– Так в том-то и дело, что Грачев считает его неуловимым, – объясняет Анатолий. – Где он обитает, об этом и Грачеву ничего не известно. Туз с ним почти не встречается, а связь

держит через своих доверенных.

– И вот еще что нужно иметь в виду, – замечает Десницын. – Туз, может быть, знает что-то такое о прошлом Грачева, что милиции неизвестно. И если это так, то выдавать Туза ему просто не выгодно.

– Ай да Патер! – восклицает Анатолий. – Настоящий патер Браун! Не слышал, наверное, о таком? Не читал знаменитого английского писателя Честертона? Да где тебе было его книги читать, ты вместо этого премудрости Фомы Аквинского зубрил. Или он для православных не обязателен?..

– Ну что ты об этом сейчас, Анатолий! – перебивает его Олег. – А мысль у Андрея Васильевича верная...

– Да брось ты его Андреем Васильевичем величать! – снова взрывается Анатолий. – Что он, на двадцать лет тебя старше, что ли? Или начальство какое? Если хочешь быть таким же другом ему, как и мне, зови просто Андреем. Пожмите-ка друг другу руки и безо всякого брудершафта переходите на «ты». Чует мое сердце, мушкетеры, понадобится нам в ближайшие дни крепкая мужская дружба.

– Я готов! – решительно протягивает руку Десницыну Олег. – Не возражаешь, Андрей?

Растроганный Десницын порывисто встает. Говорит взволнованно:

– Я бы и без того с вами... с тобой, Олег, и с Толей, куда угодно! А теперь тем более...

– Давно бы нужно было так! – искренне радуется за своих друзей Анатолий.

– Но не будем отвлекаться, – сдерживает темпераментного Анатолия Олег, – вернемся к нашим размышлениям. Вы оба не считаете, значит, что Грачев с Тузом заодно?

– Во всяком случае, я лично не уверен в этом, – покачивает головой Анатолий. – Но то, что Грачев страшится Туза, – факт. И не потому только, что опасается расправы, а, скорее всего, действительно боится какого-то разоблачения, как верно подметил Андрей. Он мне прямо так и сказал, что Туз обещал навсегда оставить его в покое, если только я помогу ему осуществить какой-то замысел. Привел даже его слова: «Плевал, говорит, я тогда на всех. Тогда я куда-нибудь подальше от этих мест, чтобы ни одна душа обо мне не знала». С тех пор Грачев будто бы и днем и ночью только и думает о том, как бы упротить меня оказать Тузу услугу, чтобы избавиться от него навсегда.

– В чем же, однако, заключается эта услуга, черт побери? – начинает злиться Олег. – Сколько уже говорим об этом, а до сути никак не доберемся.

– Это потому, – объясняет Анатолий, – что и сам Грачев ничего пока о замыслах Туза не знает.

– То есть как это не знает?

– Не сообщил ему этого Туз. Не нашел нужным. Задача Грачева только меня с ним свести, а уж обо всем остальном Туз сам мне скажет.

– Так ведь он черт его знает что может тебе поручить. Человека убить или еще что-нибудь в этом роде...

– Человека он и сам может убить, как убил, видимо, Бричкина, – вздыхает Анатолий. – А я ему нужен, скорее всего, для такого дела, какое только я один и смогу сделать.

– Внес ясность называется, – усмехается Олег. – А что же такое особенное можешь ты сделать? В чем таком ты незаменимый специалист?

– Слесарь самого высокого класса и универсального профиля! – необычайно торжественно произносит вдруг Десницын. – Вот в чем его бесспорный талант.

– А знаешь, Андрей, пожалуй, прав, – соглашается с Десницыным Олег. – Можно было бы отнести к твоим достоинствам еще и отчаянную смелость, но это в данной ситуации в такой же мере твой недостаток. Ну и что же ты ответил на предложение Грачева?

– Дал согласие на встречу с Тузом.

– Так я и знал! И если бы мы не встретили тебя с Андреем, попытался бы, наверное, осуществить ее, никого не ставя об этом в известность?

– Да, пожалуй... – запинаясь, признается Анатолий. – Зачем же мне было вас еще впутывать? Ну, а милиция или Татьяна Петровна просто запретили бы мне это.

– Да, смелость твоя, прямо надо сказать, не столько отчаянная, сколько безрассудная, –

вздыхает Олег. – Когда же, однако, эта встреча должна состояться?

– Этого тоже Грачев не знает. Ему нужно было получить пока лишь мое согласие... Смотрите-ка, по какой улице мы уже едем! – бросается к окну Анатолий. – Проехали твою остановку, Андрей.

– Ничего, я у метро сойду.

А когда Десницын сходит на следующей остановке автобуса, Анатолий говорит Олегу:

– Запутано тут все так, что не разобрался бы, пожалуй, и сам честертоновский патер Браун. Грачев ведь и Андреем интересовался. Это уж потом, когда мы из дома вышли. Не хотел я этого при Патере говорить, а тебя ставлю в известность.

– Не будем сейчас над этим голову ломать, – решает Рудаков. – Пока ясно лишь одно: без помощи Татьяны Петровны нам не обойтись. Самодетельностью своей можем только все дело испортить и непоправимых бед натворить.

19

Подполковник Лазарев вызывает к себе Грунину во второй половине дня. До этого она побывала на заводе и встретила там с Рудаковым и Ямщиковым. Рассказ их о событиях минувшей ночи не очень ее удивил, так как она уже знала от своих помощников, что Ямщиков пробыл у Грачевых более двух часов. Было так же известно, что около одиннадцати ночи возле дома Грачевых появились и Рудаков с Десницыным.

Не очень удивил ее и рассказ Ямщикова о предложении, сделанном ему Грачевым.

– Да, и вот еще что, – вспомнил вдруг Олег. – Марина тайком от брата, выходявшего в это время на кухню, сообщила Анатолию, что соседку их Бурляеву снова забрали в психиатрическую больницу, а в комнате ее поселился какой-то подозрительный тип. Марина считает даже, что это, скорее всего, кто-нибудь из сообщников Туза.

– Все может быть, – согласилась с ним Татьяна, с трудом сдерживая улыбку, так как ей известно, что «подозрительный тип» на самом деле – лейтенант милиции, временно вселившийся в комнату Бурляевой под видом дальнего родственника ее мужа.

Теперь, сидя в кабинете Лазарева, Татьяна перебирает в памяти все события первой половины сегодняшнего дня, собираясь доложить Евгению Николаевичу то, что ему еще неизвестно. А неизвестно подполковнику лишь содержание письма, полученного этим утром Вадимом Мавриным. По содержанию его нетрудно было догадаться, что написано оно Тузом.

«Привет, Вадим!

Хотелось бы с тобой встретиться. Нужно посоветоваться. Походи немного по перрону станции метро «Маяковская» в шесть вечера. Я к тебе сам подойду.

Твой старый кореш Т.»

Как только Лазарев кончает телефонный разговор, Татьяна протягивает ему это письмо. Евгений Николаевич внимательно читает его, потом с помощью лупы рассматривает штемпеля на конверте.

– Отправлено вчера. Значит, еще до беседы Грачева с Ямщиковым. Может быть, теперь встреча с Мавриным и не понадобится, – задумчиво произносит Лазарев. – Нужно, однако, чтобы Маврин на это randеву пошел. Сможете вы подготовить его к этому?

– Варя мне заявила, что она Вадима никуда одного не пустит. Только с нею вместе...

– Постарайтесь убедить ее, Татьяна Петровна, что это необходимо. И успокойте тем, что Вадим будет на этой встрече не один. Что мы придем к нему на помощь, если в этом возникнет необходимость.

– Я понимаю вас, Евгений Николаевич.

– А теперь забирайте это письмо и вообще все, что у вас есть по делу Грачева и Каюрова, – через полчаса мы должны быть в Управлении внутренних дел у комиссара Невского.

...Комиссар милиции, занятый более срочными делами, принимает их лишь спустя четверть часа. Выслушав подполковника Лазарева, он без особого интереса, как кажется Груниной, знакомится с письмом, адресованным Маврину.

– Мало вероятно, чтобы эта встреча произошла, – замечает он, возвращая письмо под-

полковнику. – Скорее всего, Маврина просто хотят проверить – придет он или не придет.

– И не приведет ли за собой «хвоста»?

– Да, и это, конечно, тоже! – соглашается с Лазаревым комиссар. – Но главное сейчас, по всей вероятности, не встреча Маврина с Каюровым, а Ямщикова с Каюровым. Готов ли он к этому?

– В каком смысле, товарищ комиссар? – спрашивает Грунина.

– Хватит ли у него выдержки? Знает ли, что нужно будет делать в критической ситуации?

– Мы его подготовим, товарищ комиссар. У нас для этого есть еще время...

– А я боюсь, что такого времени может не оказаться, – перебивает Грунину комиссар. – Не исключено ведь, что Каюров может привлечь его к осуществлению своего замысла завтра. Сможет ли Ямщиков справиться с возложенной на него задачей при таком повороте событий?

– По-моему, Ямщиков заслуживает всяческого доверия, – взвешивая каждое слово, говорит Татьяна. – Он один из лучших инструментальщиков на своем заводе, слесарь-лекальщик самой высокой квалификации. Именно такой человек, как я себе представляю, и нужен Каюрову...

– А вам известно, что конкретно делает Ямщиков на заводе? Какого характера работу?

– Бригадир Ямщикова, член штаба оперативного отряда заводской дружины Олег Рудаков считает его универсалом. Думаю, что он может делать все. Что еще можно о нем сказать? Хороший комсомолец, готовится вступить в партию. Очень начитан, сведущ во многих вопросах...

– Ну, а как в смысле смелости?

– Пожалуй, даже отчаянно смел...

– Вот это уже хуже.

– А я не уверена, что хуже, товарищ комиссар. Такие люди, как он, способны на подвиг.

Татьяна говорит так уверенно о Ямщикове потому, что Олег передал ей слова Анатолия: «Не надеюсь я, что они доверят мне встречу с Тузом. Побоятся, как бы со мной чего-нибудь не случилось, чтобы потом за меня не отвечать...»

Он, правда, добавил еще: «Татьяна твоя первой, наверное, начнет перестраховываться», но Олег не стал ей рассказывать это...

– Нам, Татьяна Петровна, важна не столько его храбрость, сколько выдержка, хладнокровие и находчивость. Есть ли у него все это?

– Как ни удивительно, но в Ямщикове сочетаются все эти качества, – убежденно говорит Татьяна.

– И все-таки присматривайтесь теперь к нему повнимательнее. А если только возникнет хоть малейшее сомнение – не разрешайте ему никаких контактов с Каюровым. И имейте в виду, что Каюров может назначить встречу с ним в любой день.

– Я лично не очень в этом уверен, – неожиданно произносит молчавший до сих пор Лазарев. – Неизвестно пока, что же Каюрова больше всего интересует. Может быть, денежные сейфы святых отцов в Благовской семинарии, раз он Десницына не оставляет без внимания.

– Но Десницын порвал ведь все отношения и с господом богом и с семинарией! – восклицает Татьяна. – Ему туда, если бы он даже и захотел, дорога закрыта.

– Зато дед его, почтенный доктор богословия Дионисий Десницын, снова у них в чести, – замечает Лазарев. – А семинарией не впервые ведь интересуются темные личности.

– Вы имеете в виду авантюру бывшего преподавателя Благовской семинарии Травицкого? – спрашивает Грунина. – В деле этом хоть и был замешан один уголовник, оно, однако, не уголовное. А самой темной личностью оказался тогда магистр богословия Травицкий.

– Я ничего пока не утверждаю, – уточняет свою точку зрения Лазарев. – Возможно ведь, что Каюрова интересует не столько Десницын, сколько Маврин. Женившись на Варваре Кречетовой, он породнился таким образом с профессором Кречетовым. В свое время, как нам известно, Маврин уже пытался похитить кое-что у этого профессора.

– Да ни за что он теперь на это не пойдет!.. – восклицает Грунина.

– Так можете думать вы лично, – прерывает ее Лазарев. – А Каюров не верит, конечно, ни в какое перевоспитание ни Маврина, ни тем более Грачева, на которого в своих замыслах, вне всяких сомнений, возлагает самые большие надежды.

– Конечно, это ваше дело решать... – упавшим голосом произносит Татьяна.

– Окончательно решать мы пока ничего не будем, – завершает разговор комиссар. – Но высказанные товарищем Лазаревым предположения нужно иметь в виду. В связи с этим все три варианта вероятных действий Каюрова следует сегодня же продумать во всех деталях.

20

Вадим Маврин прогуливается по перрону станции метро «Маяковская» уже более десяти минут, однако не замечает пока, чтобы к его персоне проявил кто-нибудь интерес. Мало того, он не обнаруживает никаких признаков и тех, кто должен вести наблюдение за его встречей с Тузом или с его доверенным лицом.

«Скорее всего, – думает он, – и не придет никто. Разве ж может Туз доверять мне настолько, чтобы встретиться в таком людном месте? Может быть, конечно, он лишь присматривается ко мне, наблюдает, как я держусь и нет ли со мной кого-нибудь еще... Но даже если все эти опасения его рассеются, все равно непонятно, зачем он назначил встречу именно тут? Говорят ведь, будто за перронами метро дежурные по станциям наблюдают с помощью телевидения. Работники милиции тоже, значит, могут следить за мной по телеэкрану. Наверное, это известно и Тузу...»

Чем больше размышляет Маврин, тем менее вероятной кажется ему возможность встречи тут с Тузом или с кем-нибудь из его сообщников. Похоже даже, что Туз просто разыграл его, решил посмеяться над ним.

Спустя еще десять минут Маврин решает:

«Скорее всего, это всего лишь проверка – один я приду или с сопровождающими лицами. Потому и выбрали не очень людную станцию, чтобы получше ко мне присмотреться. Но теперь нечего больше тут болтаться, дежурная по перрону и так уже подозрительно посматривает на меня...»

Вадим не торопясь идет к эскалатору и поднимается в верхний вестибюль. А когда выходит на улицу со стороны Концертного зала имени Чайковского, какой-то тип, поравнявшись с ним, шепчет ему на ухо:

– Встреча отменяется. Дуй домой. Когда понадобится, дадим знать...

– Ну какой он – очень страшный? – засыпает Вадима вопросами встревоженная Варя. – Что поручил тебе сделать? А главное – не догадался ли, что ты пришел на эту встречу с ним по поручению милиции?

– Тебе следовало бы задать всего один вопрос: встретился ли я с Тузом? Тогда я легко ответил бы тебе на все остальные.

– Прости меня, пожалуйста, Вадим. Я так тут за тебя переволновалась, что просто поглупела. Так ты, значит, не встретился с ним? Но не потому ведь, что испугался?..

– Я не встретился с ним потому, что испугался, может быть, сам Туз.

– Ты стал очень остроумным, Вадим, – начинает сердиться Варя. – Но мне вовсе не до шуток. Я хочу знать, что же все-таки произошло?

– То, что я уже сказал, – встреча не состоялась, но не потому, конечно, что он испугался. Это я пошутил. Скорее всего, просто раздумал, расхотел со мной встречаться. Однако кто-то из его людей шепнул мне, когда я уже выходил из метро, что, если я ему понадоблюсь, он даст мне знать

– А сам-то ты дал знать об этом Татьяне Петровне или еще кому-нибудь из работников милиции?

– Нет, этого я пока не сделал, потому что, когда возвращался домой, боялся остановиться у какого-нибудь телефона-автомата. Мне все время казалось, что они идут за мной по пятам...

– Жалкий трусишка! – не очень весело смеется Варя. – Но ведь Татьяна Петровна ждет

твоего сообщения.

– Позвоню завтра.

– Нет, сегодня, и немедленно! Не ложись, пожалуйста, на диван, идем к Анне Андреевне, у нее телефон.

– Но ведь это же секретный разговор...

– Очень нужны твои секреты глухой восьмидесятилетней старухе. Она одна дома, ее дети ушли в гости.

...Когда Маврин позвонил Груниной, у нее сидел Виталий Пронский.

– Да, да, я слушаю вас! – радостно воскликнула Татьяна, узнав голос Вадима. – Да уже знаю. А что было потом?.. Только это и больше ничего? Ну, спасибо вам. Привет Варе. Спокойной ночи!

– Это кто звонил, Маврин? – спросил ее Пронский, как только она положила трубку. – Значит, и он у тебя выполняет какие-то поручения! И ты не боишься, что этот бывший уголовник...

– Я боюсь другого, – раздраженно прервала его Татьяна, – как бы мне не пришлось за тебя краснеть.

– За меня? – удивился Пронский.

– Ты думаешь, что они не догадываются, зачем ты им голову морочишь своей кибернетической ищейкой?

– Я предложил им эту идею совершенно серьезно.

– Почему именно им? У тебя есть возможность осуществить эту идею в своем научно-исследовательском институте.

– Но ты так их расхваливала...

– И тебе захотелось доказать мне, что они этого не стоят? А они сразу же догадались, что ты к ним из-за меня...

– Потому что сами все в тебя влюблены!

– Чего это ты решил? – не очень естественно рассмеялась Татьяна.

– Я пока еще не ослеп и вижу, как они на тебя смотрят, как относятся...

– Дай бог, чтобы все так ко мне относились!

– А я к тебе как же отношусь?

– Ты приходишь ко мне только затем, чтобы говорить о своей любви.

– Но ведь я тебя действительно люблю...

Пронский тяжело вздохнул и сидел некоторое время молча. Молчала и Татьяна. А когда он поднялся, чтобы попрощаться, она заметила:

– И, пожалуйста, не обижайся. Скажи лучше спасибо за мою откровенность с тобой. Может быть, и не следует этого говорить, но я уж скажу тебе все: мне с тобой скучно...

– А с ними?

– Они мои товарищи, и я не просто провожу с ними время, а работаю. Мы сейчас решаем сообща такую трудную задачу, какую мне без них не решить, наверное, никогда. А тебя прошу – либо оставь их в покое, либо помоги им осуществить реальный замысел, за который они несут ответственность перед райкомом комсомола.

– Сконструировать систему непрерывного оперативного планирования? С этим они и без меня справятся. Но и моя идея не голая фантазия. Осуществить ее, конечно, не так-то просто, однако возможно...

– Отложи все-таки это на другой раз, когда у них будет больше свободного времени. И не обижайся на меня.

Едва Виталий ушел, раздался телефонный звонок.

– Да, – сказала она, сняв трубку. – Ах, это вы, Аскольд Ильич! Добрый вечер, Аскольд Ильич, слушаю вас. Хотели бы зайти? Нет, нет, ничем я не занята, буду просто рада! Жду вас, Аскольд Ильич!..

Положив трубку, Татьяна пошла в комнату матери.

– Ко мне сейчас зайдет мой коллега, старший лейтенант Крамов, не угостишь ли ты нас чаем, мама?

– А он с какой целью, если не секрет?

– Он по делу... По делу, которое мы делаем с ним сообща. Вот и все, что могу тебе сказать, ты уж извини...

– Мне подробнее и ни к чему.

– Ты, однако, чем-то недовольна?

– Мне просто хотелось бы, чтобы к тебе заходили твои коллеги не только по делу, а так, запросто. Посидеть, поговорить о литературе и искусстве, поспорить, послушать музыку... Как Виталий Пронский, например.

– Виталий ко мне тоже ведь по делу, мама, – усмехнулась Татьяна. – Только по своему, сугубо личному. Но об этом мы как-нибудь в другой раз, ты уж, пожалуйста, извини, скоро Крамов придет.

Крамов действительно пришел очень скоро, видимо, приехал на машине.

– Я живу неподалеку от вас, Татьяна Петровна, – объяснил он свой визит, – и мне было к вам по пути. А по телефону всего не скажешь...

– Да что вы оправдываетесь, Аскольд Ильич! – перебила его Татьяна. – Проходите, пожалуйста.

Усадив Крамова в свое любимое кресло, Татьяна прикрыла дверь в соседнюю комнату и приготовилась слушать. Старший лейтенант, в отличие от Рудакова, чувствовал себя у Груниной совершенно непринужденно.

– Ни за что не догадаетесь, откуда я сейчас, – улыбаясь, произнес Крамов, как только Татьяна села против него. – Вот взгляните-ка на эти записи, – протянул он ей листок бумаги, исписанный названиями каких-то книг. – Знаете, что это такое? Список книг, которые Грачев взял на днях в заводской технической библиотеке.

Грунина торопливо пробежала глазами названия книг, среди которых были различные пособия по лекальному производству и технологии изготовления измерительных инструментов и приборов.

– Странно, – не очень уверенно произнесла Татьяна, указывая пальцем на строчку, в которой было записано руководство по штамповочным работам.

– Вот именно! – оживился Крамов. – Зачем, спрашивается, слесарю-инструментальщику, не имеющему дела с изготовлением штампов, такое руководство?

– Но ведь штампы изготавливаются слесарями? – спросила Татьяна.

– Да, правильно, слесарями высокой квалификации. Однако в цеху завода, на котором работает Грачев, да и в других его цехах никто никаких штампов не делает и не применяет их в процессе производства. Зачем же тогда Грачеву книга по изготовлению штампов?

– А вы почему заинтересовались библиотечным абонементом Грачева?

– Услышал случайно, что он много читает, вот и решил посмотреть, что же именно. Но, конечно, так, чтобы не привлечь чьего-нибудь внимания. У меня в связи с этим возникла одна идея, но пока маловато достаточно убедительных данных, чтобы вас с нею ознакомить.

– Согласна терпеливо ждать, когда она окончательно созреет. А теперь идемте-ка пить чай с моей мамой. Папа сегодня на каком-то затяжном научном заседании. Кстати, если потребуется консультант по инструментальному, лекальному и даже штамповальному производству, лучшего нам, пожалуй, не найти.

У Олега Рудакова завтра политбеседа в цеху, а он никак не может сосредоточиться на составлении конспекта. Не выходят тревожные мысли из головы. Опять Ямщиков пошел к Марине, а Рудакову и Десницину приказано его не сопровождать. Это за них сделают оперативные работники милиции. И хоть они справятся с этим лучше, конечно, чем он с Андреем, ему все-таки очень беспокойно.

Да еще и с отцом сегодня произошла небольшая стычка.

– Я знаю, ты меня презираешь, – сказал он Олегу.

На это Олег спокойно ответил:

– Нет, я не презираю тебя, отец. Просто не могу уважать, и ты сам знаешь почему...

Да, отец это хорошо знает, но ни ему самому, ни Олегу от этого не легче. Первокласный слесарь-лекальщик в прошлом, Рудаков-старший окончательно спился. И спился так, без особой причины, по безволию. Своими дрожащими, потерявшими прежнюю силу и точность руками он мог теперь исполнять лишь нехитрую работу водопроводчика при домоуправлении.

В пьяном виде он, правда, сказал как-то сыну:

– Рок это, Олег. Злой рок нашего рода. Отец мой, твой дед, тоже страдал запоем. Наследственное это у нас. Ох, чует мое сердце, и ты не долго выступишь...

Олег тогда молча хлопнул дверью и ушел из дому. Но тут же устыдился своей раздражительности, взял себя в руки и больше не распускался. Воспитатель профтехнического училища, в котором он учился, познакомил его с системой трех «С» – «Создай себя сам». Эта система требовала не прощать себе ни малейшей ошибки, научиться командовать собой.

А когда Олегу начинало казаться, что он уже научился «властвовать собою», жизнь всякий раз доказывала ему противное, пока он не пришел к убеждению, что курс воспитания по системе трех «С» бессрочен, на всю жизнь.

Одно время он даже хотел уйти от своих стариков. Помогать им деньгами, но жить отдельно. Потом усомнился такого решения и обязал себя остаться с ними навсегда. И не потому вовсе, что мать сказала: «Уйдешь, отец совсем сопьется», просто считал это своим долгом.

Отца отвратить от пьянства так и не удалось, потому что лечиться он не захотел, пить, однако, стал умереннее и вел себя «пристойно», как с радостью сообщала мать своим родственникам и соседям по дому.

Вот сегодня, например, отец хоть и выпил по случаю получки, но сидит в своей комнате тихо, чтобы не мешать сыну готовиться «к лекции». Так торжественно стала называть мать его короткие политбеседы во время обеденных перерывов после того, как прочла о них хвалебный отзыв в заводской многотиражке.

– Подумаешь, – усмехнулся, услышав от нее это сообщение, отец. – У нас в домоуправлении тоже есть свой агитатор, так он нам больше передовицы из газет...

– Да ты вот прочти-ка сам! – возмутилась мать. – Отзыв-то о беседах его знаешь кто написал? Профессор из их заводского университета культуры.

Отец хоть и прочел статью под нажимом матери, но не очень поверил профессорской похвале. «Любят у нас польстить рабочему человеку», – решил он про себя, но на баяне играть перестал, чтобы не мешать сыну.

А Олегу сегодня нелегко. Решил не отделиваться завтра общими словами о Герберте Маркузе, а поговорить об этом кумире леворадикальной бунтующей молодежи «свободного мира» пообстоятельнее, тем более что многие ребята уже читали о нем газетные статьи. Кто-то даже спросил: «А правда, буржуазная печать объявляет его «третьим после Маркса и Мао»?»

Олег и сам не сразу во всем разобрался. Маркузе действительно ведь очень популярен среди значительной части западного студенчества и интеллигенции. Его «Одномерный человек» стал на Западе бестселлером – самой ходкой книгой еще в конце шестидесятых годов. Сказать о нем, что он никогда не был марксистом, – это, наверное, мало кого убедит...

Но тут мысли Олега прерывает звонок. А когда он распахивает дверь, то видит на пороге Ямщикова.

– Не бойся, – смеется Анатолий, заметив его встревоженный взгляд, – сегодня я трезв и ни в каких драках не участвовал, хотя снова к тебе прямо от Грачева. Понимаю, что поздно, но не зайти не мог...

– Заходи безо всяких извинений и объяснений. Сам знаешь – я тебе всегда рад. Может быть, принести чего-нибудь поесть? У мамы сегодня пироги.

– Нет, не надо, я сыт, Марина накормила. А зашел к тебе вот чего. Снова был у меня разговор с Грачевым о предстоящей встрече с Тузом. «Сколько же можно ждать, – говорю я ему. – Хотите, может быть, чтобы на меня и в самом деле показал кто-нибудь, что видел, как я дрался с Бричкиным?» А он обрывает: «Не говори ерунды! Просто Туз занят сейчас. Вер-

нее, нет в Москве». – «Так, может, спрашиваю, он вообще раздумал?» – «Скажешь тоже!» – ухмыляется Грачев. И тут вдруг меня осенило! – хватает Олега за руку Анатолий. – Только ты не ругайся, что не смог посоветоваться с тобой. Да и когда было...

– Не тяни же ты! – злится Олег.

– Ну, в общем, я ему говорю: «Слушай, Грачев, а что, если мы Рудакова привлечем? Мы с Олегом любую бы идею Туза воплотили не только в металле, но и вообще в чем угодно...»

– Ну, а он? – торопит Анатолия Олег.

– Сначала молчал, а я продолжал развивать свою мысль: «Это можно было бы, говорю, даже у нас в цеху. Мастер, сам знаешь, до сих пор болен, и Рудаков все еще его замещает. Любой инструмент будет, значит, в полном нашем распоряжении. Рудаков и Патера с Мавриным смог бы к этому привлечь. Сам понимаешь, как бы они могли нам пригодиться».

– Патера с Вадимом ты, однако, зря... – недовольно замечает Олег.

– Ничего не зря! Грачеву эта мысль понравилась. Он ведь считает, что Патер с Мавриным тоже у Туза в руках. «Доложу, говорит, ему, когда вернется». Но попросил о разговоре нашем пока никому...

– А Марина прямо-таки возненавидела его теперь за то, что он меня в такое дело вовлекает и не хочет помочь милиции взять Туза. Уж я даже заступаться за него стал. «Как же, говорю, он может помочь милиции, если не имеет с Тузом прямого общения?» Она мне в ответ: «Это он только говорит так, на самом-то деле встречается с ним, наверное...»

– А сам ты как думаешь?

– Права, пожалуй, Марина. Зачем Тузу такая сложная система связи с Грачевым? И потом, чем больше сообщников, тем больше шансов на провал. Мы этот разговор с Мариной в его отсутствие вели. Боюсь я за нее. Как бы босс Грачева с нею не расправился... Я бы взял ее к себе (говорил уже об этом с дедом, он не возражает), но пока не поженимся, она ни за что ведь не согласится ко мне переехать.

– Так женитесь поскорее!

– Заявление в загс уже подали, но нужно еще почти месяц ждать...

22

Нелегким был день сегодня и у Маврина. Он с утра еще заметил, что Грачев присматривается к нему. А в обеденный перерыв отозвал его в сторону и сказал:

– Что-то ты, Вадим, сторонисься меня?

– С чего ты взял?..

– Ни с чего не взял, а так оно и есть. Да ты мне, в общем-то, и ни к чему. В друзья к тебе навязываться не собираюсь. А вот Туз все еще интересуется тобой. Велел, между прочим, напомнить разговор ваш давний о коллекции профессора Кречетова, теперешнего тестя твоего.

– О какой коллекции? – слишком уж усердно наморщил лоб Вадим.

– О коллекции иностранных монет, – напомнил ему Грачев. – Видать, сильное впечатление произвел на Туза твой рассказ об этой коллекции, до сих пор ее помнит. Как же ты-то о ней забыл?

– Ах, об этой, – сделал вид, что вспомнил наконец, о чем идет речь, Вадим. – Так ведь ничего в ней особенного нет. Непонятно даже, чем она Туза заинтересовала. Может быть, он тогда не очень меня понял и решил, что в ней золотые монеты? А там в основном простые железяки, сплавы меди с разными металлами...

– Серебра даже нет? – удивился Грачев.

– Чистого нет, наверное, ни в одной...

– Ну, да это Туза, видимо, и не очень интересует.

– А что же тогда? Не стал же он нумизматом?

– Каким таким нумизматом?

– Коллекционером монет.

– А черт его знает, – пожал плечами Грачев. – От него всего можно ожидать. Во всяком случае, велел тебе передать, что был бы очень тебе благодарен, если бы ты эту коллекцию...

- Спер? – закончил за Грачева Вадим.
- Ну, зачем же так грубо? Профессор, надо полагать, и так подарит ее тебе, если ты и его любимая племянница об этом попросите.
- А ты соображаешь, о чем говоришь? – возмутился Вадим. – Он эту коллекцию десять лет, наверное, собирал. Каждую монетку лично ведь привозил из своих зарубежных поездок.
- Сам же говоришь, что они простые железяки.
- Да в цене разве дело? Они дороги ему, как память о тех странах, в которых он побывал.
- Так не обязательно тогда всю коллекцию. Пусть даст по одной монете, хотя бы основных европейских государств и Соединенных Штатов. А разная там латиноамериканская и африканская мелочь Туза, скорее всего, не заинтересует. Но чтобы монеты непременно были самого крупного достоинства. Справишься с такой задачей?
- Не знаю, – нахмурился Вадим, хотя Грунина посоветовала ему не обострять отношений с Грачевым. – Не очень уверен...
- Ну, вот что, – повысил тогда голос Грачев. – Уверен ты или не уверен, это меня не касается. Мое дело маленькое – передать тебе приказание Туза раздобыть эти монеты, а уж как ты будешь это делать, это тебе виднее. Учти, однако, Туз с тобой церемониться не станет.

Когда Варя сообщила об этом разговоре Вадима с Грачевым Груниной, Татьяна Петровна спросила ее:

- А вы могли бы попросить такие монеты у дяди?
- Ох, не хотелось бы мне это делать, – вздохнула Варя. – Я ведь знаю, как дорога ему эта коллекция.
- Ну, вот что тогда, – решительно прервала Варю Татьяна. – Я попробую раздобыть такие монеты сама. Позвоните мне, пожалуйста, сегодня после работы.
- ...Варя звонит Груниной в семь вечера из телефонной будки.
- Кажется, коллекция вашего дяди не пострадает, – смеется Татьяна. – Нашлись кое-какие монеты... Не все, что просил Грачев, но большая часть.
- Вот хорошо-то!
- Вот что давайте сделаем. Я сегодня же передам вам эти монеты. А Вадим пусть отдаст их завтра Грачеву. Только вам придется поехать сейчас к вашему дяде. Не поздно будет?
- Он всегда нам рад.
- А как поедете: на метро? С пересадкой у Белорусского? Тогда в половине десятого к вам на этой станции подойдет молодой человек и передаст монеты. Он знает Вадима и сам найдет вас. Вы только походите немного по вестибюлю кольцевой. Договорились?
- Договорились, Татьяна Петровна.

Видно, у всех сегодня нелегкий вечер. Валентине Куницыной еще, пожалуй, потруднее, чем Вадиму с Варей. Ей пришлось признать свое поражение и отказаться от задуманного вечера «О закономерностях причуд современной моды» в «Нашем кафе».

– Был бы большой ералаш и конфуз, – сокрушенно заявила она Насте Боярской, когда та пришла к ней узнать, как идет подготовка к этому вечеру. – Никто бы никому ничего не доказал...

– Это ты сама так решила или таково мнение всех организаторов вечера? – строго спросила ее Боярская.

Они как-то сразу сошлись друг с другом еще в прошлом году, почувствовали взаимное тяготение и чуть ли не в тот же день перешли на «ты». А теперь Настю встревожил слишком уж убитый вид Валентины. Такого, по мнению Боярской, не должно у нее быть, даже если бы вечер на самом деле срывался.

– Ну-ка, выкладывай все начистоту! – сказала Настя.

Валя по-детски прижалась к Боярской и вдруг действительно заплакала.

– Ладно уж, поплачь, – ласково погладила ее густые волосы Настя. – По опыту знаю –

легче станет.

Спустя несколько минут встряхнула ее и сказала властно:

– Давай теперь исповедуйся!

– Анатолий Ямщиков с Мариной Грачевой заявление в загс подали... – давясь слезами, еле выговорила Валентина.

– Ну вот теперь все наконец ясно!

– А что ясно-то?.. Что? Подумаешь, мировую проблему собрались решать – «мини» или «макси»! Что от этого в судьбах наших изменится? Полюбит разве тебя тот, без кого ты дальнейшей жизни своей не представляешь?.. И что только он в ней нашел? Внешность, красивое лицо, стройные ножки?

– Если ты так об Анатолии и Марине, то это несправедливо. Тут совсем не то. Ну, а почему красота влечет человека, особый вопрос...

– И нам в нем никогда не разобраться! Все тут капризно и противоречиво. Ну, почему вот, скажи, пожалуйста, почти все наши ребята влюблены в Татьяну Петровну? Разве такая уж она красавица?

– Я лично считаю ее красивой.

– А я не считаю. Однако ты посмотри, как все ребята при ней преображаются.

– Чем же ты это тогда объясняешь?

– Ее искусством держать себя.

– Ну, милая моя, этого одного маловато.

– Ты вот Варю Маврину возьми. Она, пожалуй, покрасивее ее, однако...

– Что однако? – возмущенно прервала ее Боярская. – Она из такого босяка, как Вадим Маврин, человека сделала. Одно это уже подвиг!

– Да, правда... Но и ты тоже Андрея Десницына от бога отвратила, хотя это было не так уж трудно, наверное...

– Почему ты так думаешь?

– Да потому, что он неглупый, мыслящий...

– А остальные, значит, верят в бога потому, что глупые? Конечно, не моя только заслуга в том, что Андрей порвал с религией, все, однако, было не так-то просто...

– Не просто, очень даже не просто! Это я понимаю, но в данном-то случае сыграла свою роль и земная любовь к тебе Андрея. А он очень хороший, очень простой и, по-моему, очень земной человек. Подрался даже недавно...

– Как – подрался? – изумилась Настя. – Быть этого не может!

– Было, однако. Вместе со своим другом Ямщиковым были они в гостях у Марины Грачевой. Тоже мне местная Софи Лорен!.. Познакомились там с какими-то подонками и подрались. Пришел твой Андрей на другой день на работу с подбитым глазом. Ты хоть знаешь, где он живет и как живет?

– Живет у дальней своей родственницы. А как?.. Непременно нужно сходить к нему сегодня.

Настя пристально смотрит на уже начавший рассасываться синяк под левым глазом Андрея Десницына. Все правда, значит, не соврала Валентина.

– Совсем мирским стал, драться начал? – говорит она укоризненно.

– Защищаться стал, – смущенно оправдывается Андрей. – Защищал себя и товарища от превосходящих сил противника.

– И все-таки я от тебя этого не ожидала... Ну, а как ты тут устроился?

Она ходит по его маленькой, чистенькой комнате, придирчиво всматривается в каждую вещь. Задерживает внимание на проигрывателе, стоящем на столе.

– Не знала я, что ты любишь музыку...

«А вообще-то знаешь ли, что люблю?» – хочется спросить Андрею.

Настя снимает большую долгоиграющую пластинку с проигрывателя, читает название: «Болеро» Равеля.

– Это моя самая любимая, – тихо произносит Андрей. – Под нее хорошо думается.

- А еще какие?
- Еще «Аппассионата», и «Лунная» Бетховена, Первый концерт Чайковского. Их мне Олег подарил.
- Ты разве и с ним дружишь? Я думала, что с Анатолием только...
- Теперь и с Олегом тоже. Они разные, но оба очень хорошие. С такими, как говорят наши заводские фронтовики, можно в любую разведку...
- А она думает: «Совсем, совсем другой человек... Голос, осанка, выражения – все другое. И очень хорошо, что перевоспитание его прошло в рабочей семье, среди таких ребят, как Олег и Анатолий. Ведь я, по сути дела, бросила его на произвол судьбы, и если бы не они, неизвестно бы, как еще...»
- Вдруг замечает надпись на его настольном блокноте:
«На свете нет зрелища прекраснее, чем прекрасное лицо».
- Прости, что нечаянно прочла, – кивает она на блокнот. – Чье лицо имеешь в виду, если не секрет?
- Слова эти я от Олега Рудакова услышал. Они принадлежат французскому писателю Лаббрюйеру. Для Олега такое прекрасное лицо – лицо Татьяны Петровны.
- А для тебя?
- Твое...
- Настя удивленно смотрит на него: «Господи, неужели мое заурядное лицо кажется ему таким прекрасным?»
- Она с трудом сдерживает себя, чтобы не броситься к нему, и не знает, что сказать. Чтобы прервать неловкое молчание, восклицает:
- Да, совсем забыла передать тебе привет от Дионисия Дорофеевича. Была в Благове у своих стариков и забежала навестить его. Замечательный у тебя дед! Между прочим, заходил к нему кто-то из твоих заводских знакомых. Назвался Ивашиным, кажется. Передал привет от тебя, посидел с полчаса, попил чаю и ушел. В Благове у него были какие-то дела. Судя по всему, Дионисию Дорофеевичу он не очень понравился. «Нехорошие, говорит, у него глаза».
- А с виду каков?
- «В такой бородище, – заявил Дионисий Дорофеевич, – что, кроме глаз, ничего и не видно». Есть у тебя такой знакомый?
- Нет, и передать привет деду я никого не просил.
- Мне тоже почему-то визит этого бородача показался странным.
- А о чем еще говорил он с дедом?
- Удивлялся, что Дионисий Дорофеевич живет один в таком большом доме. Поинтересовался его взаимоотношениями с руководством семинарии. «И все бегал глазами, – как выразился Дионисий Дорофеевич, – по стенам, полу и даже потолку». Очень подозрительный тип. Не грабитель ли какой-нибудь?
- У деда, во-первых, нечего грабить, – смеется Андрей. – Ну, а если и вздумает кто-нибудь к нему в дом забраться, дед с ним расправится не хуже, чем какой-нибудь бравый сержант милиции.
- Ты не станешь возражать, если я буду иногда заходить к тебе? – прощаясь с Андреем, спрашивает Настя.
- Ты же сама знаешь – буду счастлив!

Выслушав Грунину и помолчав немного, начальник районного отдела внутренних дел перечитывает свои заметки, сделанные по ходу ее доклада, и спрашивает:

- Наблюдение за домом Кадушкиных в Корягине ничего, значит, не дало?
- Да, не увенчалось успехом, как говорится. У Каюрова либо не было нужды снова посетить свою родню, либо наблюдение за домом Кадушкиных велось не очень скрытно. Бандит этот чертовски осторожен.

Снова пауза с постукиванием карандашом по настольному стеклу. Грунина понимает: начальник нервничает, его торопят, а он ничего не может пока сообщить.

– Скоро ведь должны освободить приятелей Бричкина, осужденных за ночное хулиганство, – напоминает Грунина. – Не пригодится нам это?

– Скорее всего, Каюрову пригодится, – невесело усмехается Лазарев. – Сможет использовать их как свидетелей против Ямщикова и Десницына.

– Вы уверены, что ему это нужно?

– Честно вам признаться, не очень, – устало произносит Евгений Николаевич. – По моему, Грачеву важно лишь в страхе держать Ямщикова и Десницына.

– Согласна с вами, Евгений Николаевич. А для этого ему и одного участника ночной драки вполне достаточно. Но когда приятели Бричкина окажутся на свободе, то осторожное наблюдение за ними сможет, пожалуй, помочь нам напасть на след Каюрова или скрывшегося от нас Панина – четвертого участника драки.

– Едва ли и это нам удастся. Скорее всего, они некоторое время вообще ни с кем не будут встречаться. К тому же Каюрову для осуществления его замыслов просто нет в них нужды. Стало быть, не только каких-нибудь поручений, но и общения с ними у него не будет.

– А какие у Каюрова могут быть замыслы?

– Чтобы строить реальные догадки на этот счет, у нас еще нет достаточных данных. Для меня пока ясно лишь одно – ему сейчас нужны высококвалифицированные мастера, а не такая шпана, как эти приятели Бричкина.

– Я тоже так думаю, Евгений Николаевич. Ну, а зачем ему нужны такие мастера, как Ямщиков? Не крестики же для верующих штамповать? На этот раз задумано что-то покрупнее.

– Нельзя это как-нибудь связать с интересом Каюрова к монетам из коллекции профессора Кречетова? – спрашивает Лазарев обычным своим тоном, но Татьяна догадывается, что такая мысль пришла к нему не вдруг.

– И мне показалось, что какая-то связь тут несомненна. Грачев, однако, не взял монеты, принесенные ему сегодня утром Мавриным.

– А не мог он догадаться, что они не кречетовские?

– Не думаю. Мы не сомневались, что за Мавриным будут следить, и потому действовали осторожно. Вадим с Варей действительно ведь ездили к Кречетову и провели у него весь вечер, так что у Грачева не должно быть никаких сомнений, что монеты эти профессорские. Он, однако, лишь подержал их немного в руках и сразу же вернул, сказав: «Пусть они у Вари и останутся, раз их ей любимый дядя подарил».

– Как же нам теперь это понимать? Похоже все-таки, что насторожило его что-то...

– Если и насторожило, то не подлинность принесенных Вадимом монет, – убежденно заявляет Татьяна. – Скорее всего, Грачев сообразил, или, может быть, его надомнил кто-нибудь, что чеканка фальшивых иностранных монет дело невыгодное.

– Почему вы говорите об одном только Грачеве? Разве он может что-нибудь без Каюрова?

– Может, Евгений Николаевич! – восклицает Татьяна. – Может, потому что главным у них, скорее всего, именно он!

Подполковник Лазарев некоторое время молчит, снова принимаясь отстукивать телеграфную дробь карандашом по столу.

– Я не вижу пока достаточных оснований к такому выводу, – произносит он наконец, отбрасывая карандаш. – Если допустить лидерство Грачева или, говоря юридическим языком, считать его не исполнителем, а организатором готовящегося преступления, то ведь в соответствии с этим...

– Я все понимаю, Евгений Николаевич, – торопливо прерывает Лазарева Татьяна, – и не предлагаю ничего пока изменять, нужно только иметь в виду и такую возможность.

– Против этого не может быть никаких возражений, – кивает головой Евгений Николаевич. – Следует даже поблагодарить вас за еще одно ваше достоинство – за благоразумие. Ну, а теперь давайте рассмотрим ситуацию: Каюров – Десницын. Вы докладывали мне, будто какая-то подозрительная, по словам Андрея Десницына, личность посетила недавно в Благовое его деда Дионисия, бывшего профессора Благовской семинарии.

– Мало того, Евгений Николаевич, что личность эта подозрительная, я не удивлюсь, если этой «личностью» окажется сам Каюров. Пошлю в связи с этим его фотографию Дионисию для опознания. Но если даже подозрения мои подтвердятся, вне всяких сомнений, таинственный визит к нему Туза не имеет отношения к сейфам Благовской духовной семинарии. Каюров с Грачевым, как мы с вами только что решили, затевают что-то очень крупное, требующее изготовления специальных штампов...

– Каких же, однако, штампов? – разводит руками Лазарев. – В связи с интересом Каюрова и Грачева к коллекции Кречетова, можно, конечно, допустить, что они собираются чеканить какие-то монеты... Но для этого необходимо специальное оборудование.

– Я консультировался у специалистов. Они говорят, что дело это не простое, но для опытных мошенников посильное. Не случайно же существует в Уголовном кодексе статья восемьдесят седьмая, предусматривающая преступления подобного рода. Для изготовления поддельных металлических монет необходим, во-первых, специальный штамп, а во-вторых, довольно мощный пресс. Для установки такого пресса нужно, конечно, достаточно просторное помещение. Почему бы в связи с этим не допустить, что для подобной цели Каюрову мог приглянуться особняк богослова Десницына? Старшему лейтенанту Крамову удалось установить, что Грачев взял в заводской технической библиотеке пособие по штампованию металлических изделий.

– Ну, это может быть и случайно, – с сомнением покачивает головой Лазарев.

– И я не утверждаю, что они займутся чеканкой монет. С помощью соответствующих штампов можно ведь изготовить и еще какие-нибудь фальшивые изделия.

– Тоже не исключено. А как обстоит дело с предложением Ямщикова привлечь к замыслам Туза Рудакова, чтобы иметь возможность воспользоваться оборудованием инструментального цеха?

– Не думаю, чтобы они рискнули делать штампы на большом московском заводе. Скорее всего, подыщут что-нибудь за пределами Москвы. Где-нибудь в Благове, например. Может быть, действительно у Дионисия Десницына.

– В таком случае и нам следует к этому подготовиться и продумать средства связи с Ямщиковым на тот случай, если ему придется выехать. А выедет он, по всей вероятности, неожиданно.

– Каким же образом?

– Представьте себе, что сегодня вечером или завтра, когда Ямщиков придет к Марине Грачевой, скорее всего, даже когда будет возвращаться от нее, ему предложат сесть в машину и поехать на встречу с Тузом.

– Но поблизости от него будут наши оперативные работники, которые уже не первый день...

– А он, значит, должен будет крикнуть им: «Помогите, увозят!»

– Да он вообще ничего не крикнет и никого не позовет на помощь. Не тот характер.

Сегодня Маврина просто не узнать. Он шутит, беспечно смеется и, кажется, готов все за всех сделать, хотя обстановка в конструкторском бюро, куда собрались инструментальщики после работы, не такая уж веселая.

– Вот что, друзья, – неожиданно заявляет им Виталий Пронский, когда все они собрались, чтобы приступить к рассмотрению его чертежей, – придется нам с нашей «кибернетической овчаркой» немного повременить...

– То есть как это повременить? – громче других восклицает Маврин.

– Показал я это, – кивает Пронский на свои чертежи, – одному «богу» по ведомству кибернетики и электроники, просмотрел он все очень внимательно и очень коротко изрек: «Нереально».

– Этот ваш «бог» кибернетики, – мрачно усмехается Анатолий Ямщиков, – очень напоминает мне одного, ставшего легендарным специалистом. Он безоговорочно, с помощью формул и математических расчетов, доказывал, что шмели летать не могут.

– Ну ладно тебе, Анатолий, – останавливает друга Олег Рудаков. – Давай лучше дослу-

шаем Виталия Сергеевича.

– Мы еще вернемся к моей «овчарке», – успокаивает инструментальщиков Пронский, – а сейчас посмотрите-ка повнимательнее на этот вот чертеж.

Все склоняют головы над листом миллиметровки, который Пронский расстилает на столе.

– Судя по всему, – разочарованно произносит Гурген, – тут сплошная электроника на транзисторах, а это не по нашей специальности.

– Тут и по вашей специальности хватит работы. Но главное – сделать это нужно срочно...

– Настолько срочно, – перебивает Пронского Олег Рудаков, – что велено прекратить все остальное. Даже СНОП, за который мы, как говорится, головой отвечаем.

– Но что же все-таки это такое? – любопытствует Маврин, всматриваясь в чертеж.

– Это вот что, – терпеливо объясняет Пронский. Ему все больше начинают нравиться веселые инструментальщики. – Это миниатюрное радиоустройство, с помощью которого можно подавать сигналы прямо из кармана собственных брюк или пиджака.

– И оно для тайных агентов, наверное? – спрашивает Маврин. – Для каких-нибудь джеймсов бондов...

– Зачем же для джеймсов бондов, – останавливает его Рудаков. – Им могут пользоваться оперативные работники милиции в сложных ситуациях или даже кто-нибудь из наших дружинников. И это нужно сделать срочно, ребята. Просьба райотдела милиции.

25

В пятницу, сразу же после работы, бригада Олега Рудакова в полном своем составе вышла из завода на улицу. Они постояли немного, ожидая Маврина, заходившего в технический отдел за Варей. А когда появилась Варя, пообещали ей быть сегодня в «Нашем кафе».

– Будет что-нибудь интересное? Или один только кофеек? – спросил ее Друян.

– Надо полагать, – ответил за Варю Ямщиков. – Уж очень долго готовились.

– Были причины не торопиться, – таинственно улыбнулась Варя.

– Кое-кто из инициаторов нынешней «кофейной пятницы» вообще хотел было ограничиться только крепким чаем, – рассмеялся Вадим. – Но получил за это крепкий нагоняй от кандидата философских наук по имени Настя...

– Помалкивай! – рукой прикрыла рот Вадиму Варя. – Не разглашай военной тайны, тем более что не так уж трудно догадаться, у кого ты ее выведал.

...От дома Рудаковых до «Нашего кафе» всего десять минут пути на автобусе. В запасе у Олега еще целых полчаса. Интересно, что там девчата придумали? Сегодня Олег особенно заинтересован, чтобы все было «на высоте», – он пригласил в «Наше кафе» Грунину.

Осмотрев себя в зеркале в последний раз, он торопливо выходит на улицу, чуть не сбив с ног какую-то девушку.

Он оборачивается и теперь только узнает раскрасневшуюся от быстрой ходьбы Марину Грачеву.

– Вы один?.. Впрочем, я знала, что Толя не с вами, – подбегая к Рудакову, торопливо говорит Марина.

По всему видно, что случилось что-то очень важное и очень неприятное для нее. Конечно же, стряслось что-то с Анатолием...

– Толя не пришел ко мне, как обещал, – все так же быстро и сбивчиво продолжает Марина. – А он никогда... И брата Павла тоже нет. Так и не вернулся с завода. Не может же быть, чтобы он ко мне не пришел, если бы с ним не случилось ничего...

Выслушав Марину, Олег берет ее за руку и ведет к телефону-автомату.

– Подождите меня минуточку, – просит он и поспешно заходит в будку.

Набирая номер Груниной, торопливо думает: «Наверное, уже выехала... Ей ведь дальше до «Нашего кафе», чем мне. Скорее всего, кто-нибудь из родителей подойдет к телефону...»

И вдруг ее голос:

– Да. Слушаю вас...

– Вы еще дома, Татьяна Петровна? Это Олег...

– Вот хорошо-то, что вы позвонили! Я извиниться должна – не смогу, к сожалению, приехать. Срочно вызывают в райотдел. А мне так хотелось... Но теперь уж в другой раз – вряд ли сегодня удастся освободиться. Не обижайтесь, пожалуйста...

– Я вам звоню, Татьяна Петровна, совсем по другому делу: Анатолий куда-то исчез...

– Откуда вам это известно?

– Вот Марина Грачева стоит со мной рядом. Говорит, что обязательно должен был прийти к ней... Брат ее тоже не вернулся с работы.

– Где же он может быть?

– Скорее всего, где-нибудь с Грачевым. Может быть, даже у Туза... А мы так и не успели закончить карманный передатчик. Как же теперь быть, Татьяна Петровна? Можно мне к вам в райотдел?..

– Нет, вы идите с Мариной в кафе.

– Но мы же... особенно Марина... Знаете, в каком она состоянии?

– Тогда отвезите ее домой и не оставляйте одну. У вас есть мой служебный телефон? Как только узнаете что-нибудь новое – срочно звоните. Если меня не будет в кабинете, передайте дежурному по райотделу, он разыщет. Ну, а теперь – до свидания, за мною уже пришла машина.

– Я звонил инспектору Груниной, – объясняет Марине Олег, выходя из будки.

– Я догадалась.

– А теперь мы поедem к вам домой.

Едва они входят в квартиру Грачевых, как раздается дверной звонок.

– Может быть, Толя! – опрометью бросается в коридор Марина.

Но это Андрей Десницын.

– Ты почему не в кафе? – удивляется Олег. – Не знаешь разве, что там Настя Боярская?

– Знаю, но там не оказалось ни тебя с Татьяной Петровной, ни Анатолия с Мариной. Я сразу догадался, что что-то случилось. И вот... Ты ведь знаешь, что Настя вернулась недавно из Благова. Я уже рассказывал тебе, что она заходила к моему деду. А сегодня после работы я сам ему позвонил. Стал спрашивать. У него, оказывается, уже побывал сотрудник милиции и показал несколько фотографий, на одной из которых он узнал того, кто ему привет от меня передавал.

– Ты когда разговаривал с дедом?

– Всего час назад. Фотографии ему тоже показали только сегодня.

– Ты, наверное, как-то связываешь все это с исчезновением Анатолия?

– Я вспомнил, что Грачев еще недели две назад сказал мне, будто собирается в отпуск. Хотел где-нибудь поохотиться, и ему посоветовал кто-то поехать в Благов. Там действительно вокруг полно озер, много рыбы и дичи. И он попросил у меня разрешения остановиться у деда.

– И что ты ответил на его просьбу?

– А что я мог ответить? Сказал: пожалуйста, дед никогда не откажет в приюте. Вот Грачев и попросил меня сообщить деду, что, возможно, мои заводские приятели поедут порыбалить и поохотиться в окрестностях Благова, так чтобы он принял их на два-три дня.

– Так ты думаешь?..

– Почти не сомневаюсь теперь, что Грачев с Анатолием поехали в Благов и остановятся у деда. И, возможно, что именно там назначил им встречу Туз...

– Но почему все-таки в Благове? Сколько туда?

– По железной дороге около ста пятидесяти, а на машине можно и покороче.

– Я теперь тоже кое-что припоминаю, – задумчиво произносит молча слушавшая их разговор Марина. – Несколько дней назад Павел купил в магазине «Рыболов – охотник» три удочки. Удивилась даже – рыбалкой он никогда ведь не увлекался. На охоту, правда, иногда ходил. У него давно уже двуствольное ружье. Эти удочки и ружье он вчера отнес куда-то...

Слушая Марину, Олег нервно ходит по противно скрипящему паркету и вдруг решает:

– Нужно немедленно сообщить об этом Татьяне Петровне! Далеко от вас телефон-автомат?

– Возле соседнего дома, только не с нашей стороны, а за углом, – отвечает Марина. – Пойдемте, я провожу.

– Найдите и сами. Оставайтесь здесь с Андреем.

Грунина в это время докладывает свои соображения подполковнику Лазареву:

– Что Каюров побывал у старшего Десницына, нам известно теперь достоверно. Вне всяких сомнений, Евгений Николаевич, Грачев с Ямщиковым встретятся с ним именно там!..

Дальнейшие рассуждения Татьяны прерывает телефонный звонок. Лазарев снимает трубку.

– Да, это я, товарищ Рудаков. Татьяна Петровна тоже здесь. Передаю ей трубку.

– Я слушаю вас, Олег. Пожалуйста, немного погромче. Так-так!.. А кто вам об этом?.. Марина? Вы мне звоните из автомата? Никого там больше нет? Ну так подождите, я доложу Евгению Николаевичу.

Олег нетерпеливо ждет, внимательно посматривая по сторонам. По улице бегают мальчишки дошкольного возраста, гоняясь друг за другом. Какой-то кудлатый парень в пестрой безрукавке проехал мимо на велосипеде...

И снова голос Татьяны:

– Вы слушаете, Олег? А когда, по-вашему, Грачев с Ямщиковым могли уехать?

– Видимо, сразу же, как только вышли с завода. Их, скорее всего, где-нибудь неподалеку ждала машина...

– А как вел себя сегодня Грачев на работе?

– Как обычно. Я думаю, для него это тоже было неожиданно. Туз их поджидал, наверное, где-нибудь по пути к грачевскому дому. Вы спросите Евгения Николаевича, может быть, мы с Десницыным сможем вам пригодиться? Мы ведь могли бы...

– Подождите минутку.

Олег снова внимательно смотрит по сторонам. На улице по-прежнему ничего подозрительного. Мальчишки убежали в соседний двор. Прошла мимо парочка в джинсах и с такими кудрями, что не поймешь, кто парень, а кто девушка. Из-за угла показалась старушка с авоськой, полной пакетиков.

– Где сейчас Десницын? – спрашивает Татьяна.

Минуло не более минуты, а Олегу показалось, будто целая вечность.

– Он тут, у Марины Грачевой...

– Мы ждем вас, Олег. Приезжайте с Десницыным прямо к нам. И желательно поскорее.

Евгений Николаевич протягивает Десницыну чистый лист бумаги и просит:

– Начертите, пожалуйста, подробный план дома вашего деда, Андрей Васильевич. Подвал в вашем доме есть?

– Да, есть и подвал.

– Пометьте его на плане и проставьте, пожалуйста, размеры, хотя бы приблизительные.

Когда Десницын протягивает Евгению Николаевичу бумагу с планом дома, в котором провел почти всю свою жизнь, ему задает вопрос Татьяна:

– Кажется, где-то неподалеку от вашего деда живут родители Боярской?

– Они наши соседи.

– У нее кто там: отец, мать?

– Да, мать и отец – главный врач местной поликлиники. Если нужно, могу сообщить их домашний телефон.

– Пожалуйста.

Записав номер телефона Боярских, Татьяна поворачивается наконец к Олегу и, улыбаясь, спрашивает:

– Вы чего такой хмурый?

– Выходит, что мы не поедем с вами, Татьяна Петровна? А ведь мы очень могли бы...

– В этом у нас нет ни малейших сомнений. Не берем вас только потому, что нет необходимости. Я, видите, тоже в Москве.

– А кто же поедет?

– Кому, как говорится, положено, те уже уехали. Вы нам и так очень помогли. Можете теперь спокойно ехать в свое кафе.

– Э, какое там кафе! – сокрушенно машет рукой Олег. – Может быть, мы бы все-таки...

– Нет, товарищ Рудаков, – говорит теперь подполковник Лазарев. – Туда выехали опытные оперативные работники. Спасибо вам за оказанную помощь!

Когда Рудаков с Десницыным уходят, Грунина говорит своему начальнику:

– Обиделись они, конечно, но послать их туда мы не могли. Да и действительно нет в этом нужды. Но мне, пожалуй, следовало поехать с оперативной группой...

– Ваш приезд разве мог бы остаться незамеченным в таком маленьком городке? Грачеву, который вас прекрасно знает, достаточно было бы одного только известия, что в Благоев приехала какая-то женщина-инспектор, чтобы он сразу же обо всем догадался.

– И все-таки мне необходимо быть во главе нашей оперативной группы...

– Поедете завтра, – уже более строго прерывает ее подполковник Лазарев. – А скорее всего, в зависимости от обстановки, которую нам доложит старший лейтенант Крамов. Ни его, ни лейтенанта Сысоева Грачев и Каюров не знают. Это даст им возможность действовать незаметно. К тому же они будут там не одни. Им помогут работники местной милиции.

26

Анатолий не обратил внимания на серую «Волгу», проехавшую мимо него и Грачева и остановившуюся возле самой обочины тротуара. Когда же поравнялись с нею, кто-то изнутри машины открыл ее заднюю дверцу, и Грачев шепнул Анатолию:

– Давай быстренько садись!

Анатолий не сразу даже все сообразил, а Грачев уже втолкнул его в машину, и она на большой скорости двинулась вперед, круто свернув в первый же переулок.

– Ты не робей, – не очень естественно, как показалось Ямшикову, засмеялся Грачев. – Это мой кореш на собственной «Волге». Он нас и подвезет...

– А куда?

– Вот тебе и раз! Да туда, куда мы давно уже собирались. На встречу с Тузом, вот куда.

– Так вот прямо?.. Заехали бы хоть переодеться.

– Он не любит официальных визитов, в разных там фраках и этих, как их, смокингах, кажется, – снова хохотнул Грачев. – К тому же мы к нему не на банкет, а на работу, так что наши спецовки будут в самый раз.

«Вот и попался...» – пронеслось в сознании Анатолия. Но страха он не почувствовал. Страшно, наверное, будет потом, а пока голова его работала спокойно. Предпринимать, однако, ничего не следует, нужно сначала разобраться. Кто же это за рулем? Татьяна Петровна говорила, что Туз может быть бородатым. Да и дед Десницына посетил тоже какой-то бородач. А этот гладко выбрит, только щегольские усики под носом. На голове модная кепочка из легкой ткани. Анатолий видел фотографию Туза, ему ее Татьяна Петровна показала, но этот на него вроде не похож. Да и разглядеть как следует сбоку пока не удавалось.

– Ты что приуныл-то? – деланно веселым голосом продолжал Грачев. – Работать мы будем не в Москве, а в родном городе нашего с тобой друга Десницына, в Благоеве.

– Зачем же нам в такую даль?..

– Ну, во-первых, не такая уж даль. Будем там часа через два. А во-вторых, старайся меньше вопросов задавать, я не на все смогу ответить. Слушай лучше да запоминай, что и как делать будем. Заедем прямо к деду Десницына. Андрей сообщил ему по моей просьбе, что друзья его, а может быть, и сам он с ними вместе приедут к нему как-нибудь порыбальить и поохотиться.

Помолчав немного, Грачев бросил взгляд на часы и обратился к шоферу:

– Ты свою матушку не очень-то гони, Алексей. «Волгу» твою имею в виду. Попридержи ее малость. Нам в Благоев лучше под вечер прикатить, чтобы глаза горожанам не мозолило. Да и дед Десницына к вечеру должен дома быть. Не тот возраст, чтобы по гостям расхаживать. Передадим ему привет от Андрея и попросимся переночевать. Ну, а как только рассветет, Алексей проводит нас к директору одного местного заводика. Там мы с тобой, Толик,

и займемся делом.

– Чем же именно, однако, могу я, наконец?..

– И опять ты торопишься раньше времени узнать то, что узнаешь в свое время.

– Ну хорошо, могу с этим и подождать. А почему бы не пойти нам на этот заводик с вечера и не поработать там ночью?

– То, что делать будем, нуждается в хорошем освещении, а такого ночью не организуешь. Да и маскировать нужно – малейший лучик может привлечь внимание. Зато днем и света вволю, и вахтер другой, с которым имеется контакт. Ну как, уразумел теперь, что к чему?

– Теперь другое дело! – с естественным вздохом облегчения произнес Анатолий.

Действительно ведь все похоже на истину. Будет, значит, время дать знать о себе кому-нибудь из оперативных работников милиции.

Ну, а кто все-таки этот молчаливый водитель «Волги»? Скорее всего, сам Туз, хотя Ямщиков представлял его себе совсем другим. По словесному портрету, он должен быть широк в плечах и высок ростом, а этот полноват, вернее, рыхловат да и ростом вроде невысок.

Все спокойнее и спокойнее становится на душе у Анатолия. Ситуация ведь ясна, а позиции его выгоднее, чем у них. Во всяком случае, он знает об их замыслах больше, чем они о его.

– Здравствуйте, уважаемый Дионисий Дорофеевич! – учтиво кланяется Грачев. – Привет вам от вашего внука Андрея. Очень хотел приехать к вам вместе с нами, да не представилось возможности...

– Давно уже вас жду! Известил меня Андрей о вашем приезде. Мойте руки, и прошу к столу, – широким жестом приглашает Дионисий гостей в просторную столовую. – Как раз собирался ужинать.

– Да вы не беспокойтесь, Дионисий Дорофеевич, мы ведь с собой тоже кое-что прихватили. А ну, Алексей, разгрузай свой багажник! Помоги ему, Анатолий... Да, чуть не забыл представить вам моих друзей! – галантно расшаркивается Грачев. – Это вот лучший друг Андрея слесарь-лекальщик высшего класса, к тому же еще и активист заводской народной дружины – Толя Ямщиков. Прошу любить и жаловать.

– Очень рад! – крепко, совсем не по-стариковски, пожимает руку Анатолию Дионисий. – Андрей почти в каждом письме писал мне о вас. Даже фотографию прислал, где вы с ним рядом. Многим он вам обязан...

– Ну да что там!.. – смущенно улыбаясь, машет рукой Анатолий.

– А это – Алексей Конюхов, – представляет Грачев водителя «Волги». – Тоже с нашего завода...

– Да мы вроде уже знакомы, – пристально всматривается в лицо Конюхова Дионисий. – Только, помнится, вы тогда были бородаты.

– Все за модой гонится, – смеясь, отвечает за него Грачев. – С нынешней модой вообще ведь все кувырком – православные священники безбороды, а отбившиеся от церкви прихожане пообрастали дьяконскими бородами.

– Да что ты меня стилигой каким-то изображаешь, – хмурится Конюхов. – Просто надоела мне борода, вот и сбрил... А у вас, папаша, видать, память хорошая, сразу меня узнали, – обращается он к Дионисию.

– Ну не сразу, положим, однако узнал. Привет вы мне от внука передавали и очень обрадовали меня этим. Писем я от него давно не получал и уж опасаться стал, не случилось ли с ним чего... Очень признателен вам, что успокоили вы меня тогда.

– А ваш покорный слуга, – снова кланяется Грачев, – именуется Павлом Макаровичем Грачевым. Вот и весь экипаж машины нашей боевой, как в песне поется. Теперь, ребята, марш за провиантом! Я у них, Дионисий Дорофеевич, за главнокомандующего, потому как годами всех их старше. Анатолий-то совсем еще мальчишка, ему всего двадцать четыре. Алексею, правда, уже около сорока, а мне аж сорок пять.

– Какие же это годы! – смеется Дионисий. – Мне вот восемьдесят скоро будет.

Когда Ямщиков с Конюховым приносят из машины продукты и раскладывают их на

столе, Грачев открывает поллитровку водки и обращается к хозяину дома:

– Мы, с вашего разрешения, по чарочке от ревматизма. Завтра на рассвете на рыбалку подадимся, так это у нас вроде профилактического мероприятия. Вы как насчет ста грамм, Дионисий Дорофеевич?

– А чего же от них отказываться, – усмехается Дионисий. – Можно и сто пятьдесят, но не более того. Больше никогда не приемлю. Даже когда помоложе был, и то этим делом не злоупотреблял.

Теперь для Анатолия нет уже никаких сомнений, что Конюхов и есть Туз, и он еще внимательнее присматривается к нему. Чувствуется, что он все время настороже и явно неспокоен. А Грачев балагурит, как провинциальный конферансье. То анекдот расскажет, то историю смешную – артист!

Зато Дионисий ведет себя очень непринужденно. Вроде и не догадывается, что за гости к нему пожаловали. Наверное, его не успели еще предупредить оперативные работники милиции, а может быть, и не нашли нужным. Им виднее...

После ужина хозяин дома начинает хлопотать о постелях для гостей, хотя Грачев говорит ему:

– Да вы о нас не беспокойтесь, Дионисий Дорофеевич. Мы народ не изнеженный. Можем и на полу.

– Зачем же рабочему-то классу на полу? Двоих я в комнате Андрея устрою...

– Тогда пусть там Анатолий с Павлом ночуют, – поспешно прерывает Дионисия Конюхов, – а я в машине буду. Мне это не впервой. И потом, на свежем воздухе здоровью на пользу.

– Ну, как вам угодно будет, только у меня и для вас найдется место – дом, как видите, просторный.

Грачев бросает на Туза настороженный взгляд, а он делает вид, что не замечает его тревоги, и, беспечно насвистывая что-то, выходит во двор. Помедлив немного, за ним следует и Грачев. Анатолий в сумеречном свете видит в открытое окно, как они идут к машине...

И вдруг он слышит шепот Дионисия:

– Не оборачивайтесь в мою сторону и слушайте меня. Я предупрежден работниками милиции. Они наблюдают за моим домом. Вам велено ничего без их приказа не предпринимать.

Грачев с Тузом тоже ведут разговор.

– Уж не вздумал ли драпануть? – чуть слышно спрашивает Туза Грачев. – Что-то нервным больно стал?

– А ты больно подозрителен, – огрызается Туз.

– Знаю я тебя, потому и подозрителен. Все мерещатся засады...

– Корягино, что ли, имеешь в виду? Так там действительно была засада. Появись я там еще хоть раз, меня бы мигом...

– Ну, а тут чего насторожился?

– Не нравится мне этот Дионисий...

– Ну совсем спятил! Настоящий шизик! Мания преследования у тебя. Что же этот Дионисий – переодетый в рясу сержант милиции, что ли?

– Хватит тебе зубоскалить! – начинает злиться Туз. – Иди-ка ты лучше к Анатолию да ложись спать. Я вас завтра чуть свет подниму.

Вот уже более двух часов лежит Анатолий с закрытыми глазами, засыпая на несколько минут и тотчас же просыпаясь. А проснувшись, прислушивается к каждому движению Грачева.

Павел спит на диване возле открытого окна, выходящего во двор. Анатолий хорошо слышит его равномерное дыхание. А вот Туз, пожалуй, не спит. Интересно, что за разговор у них был возле «Волги»? Грачев, вернувшись в дом, хотя и балагурил по-прежнему, но заметно, что чем-то встревожился...

«А что, если подняться и выйти потихоньку во двор? Или дверь чуть-чуть приоткрыть и

посмотреть, в машине ли Туз? От выхода во двор до «Волги» не так ведь далеко...»

И вдруг шепот Грачева:

– Ты спишь, Анатолий?

«Что делать – отвечать или не отвечать? Пожалуй, лучше притвориться спящим...»

Слышно, как Грачев слегка приподнимается и, должно быть, напряженно прислушивается. Не дождавшись ответа, встает со своего дивана и перелезает через подоконник во двор.

Подождав немного, Анатолий тоже поднимается с постели и осторожно приближается к окну. Во дворе, освещенном ярким лунным светом, хорошо видно, как Грачев идет к «Волге». Потом стоит некоторое время, всматриваясь внутрь машины. Наверное, ему трудно рассмотреть Туза. Он открывает дверцу и быстро ощупывает что-то руками...

Неужели в машине никого нет? Грачев порывисто выпрямляется и осматривается по сторонам. Затем поспешно идет в дальний конец двора. Что он делает там, Анатолию не видно, но нет сомнений – ищет Туза. Должно быть, не находит его и там – слишком уж быстро возвращается назад. Но едва перебрасывает ногу через подоконник, как его окликает Анатолий:

– Куда это ты ходил, Павел?

Грачев вздрагивает от неожиданности и неохотно отвечает:

– А ты сам не знаешь, зачем ночью во двор выходят?

– Но ты не за тем! – слегка повышает голос Анатолий. – Видел я, что ты во дворе делал. Повелителя своего, Туза... искал!

– Да ты что!..

– Не считай меня идиотом, Павел! Выходит, что он смотал удочки? Нет ведь его ни в машине, ни во дворе?

– Ну, так что из того? Пошел, значит, проверить...

– Что проверить? Ты же прекрасно понимаешь, что его что-то насторожило, вот и решил он, видно, перебраться в более надежное место, оставив нас на произвол судьбы, как говорится. Ну, меня ладно, на меня ему наплевать, но тебя-то как же? Даже не предупредил. А ведь ты с ним...

– Что я с ним? – уже не скрывает своего раздражения против Туза Грачев. – Друг и брат, да? Исполнитель я его воли, и только. Об одной своей персоне тревожиться и чуть опасность какая – сразу деру, не заботясь об исполнителях. В первый раз, что ли!..

– Так на какой же черт тебе такое рабство? Послал бы ты его!..

– Давно собирался, да все решиться не мог. К тому же на этот раз замысел его слишком уж многое сулит...

– Тогда, может быть, он и не сбежал никуда, а к какой-нибудь бабенке...

– К какой там бабенке! Он на них и не смотрит вовсе. Зато нюх на опасность у него, как у зверя, потому и уходит всякий раз от засад. Учужал, конечно, что-то. Еще с вечера неспокоен был. Но хоть бы предупредил!

– Так чего же нам ждать теперь?.. Может, лучше признаться во всем милиции, как Марина советует? Ты ведь пока ни в чем не замешан?

– Пока вроде нет...

– А этот замысел ваш очень серьезный?

– Серьезнее, пожалуй, и не бывает, – вздыхает Грачев. – Если по части второй статьи восьмидесяти седьмой, то либо от десяти до пятнадцати, либо смертная с конфискацией имущества...

– Ну так вот что я тебе тогда скажу, Павел, – прерывает Грачева Ямщиков. – Давай кончать это, пока не поздно!

– А ты представляешь, что за это Туз с нами сделает? Он нам за это...

– Ну, знаешь ли! – возмущается Анатолий. – Нам ведь не крестики для православных предстоит штамповать. Сам же говоришь, что за это вышка причитается... Так какого ж тогда черта бояться нам Туза? Немедленно надо в милицию, пока еще не поздно...

Но тут с грохотом распаивается дверь их комнаты, и они отчетливо видят в лунном свете широкоплечую фигуру Каюрова с двустволкой в руках.

– Ах ты сволочь! – хриплым от ярости голосом кричит он. – На меня хочешь все свалить?.. Меня, значит, в организаторы, а себя в исполнители? Я ведь тоже в Уголовном кодексе разбираюсь...

– А Бричкина кто убил? – пятясь к окну, говорит Грачев.

– Так ты же сам велел как следует его проучить. Пырнуть даже разок. Я, правда, слишком погорячился...

Грачев уже у окна и готов перекинуть ногу через подоконник, но Каюров настороже.

– Зря к окну жмешься, – хрипло смеется он. – Теперь уж все! Теперь наша песенка спета – окружен этот дом, а может, и весь квартал мильтонами. Я, однако, успею с тобой сам расчитаться!..

Но, прежде чем Каюров успеваеt вскинуть двустволку, Грачев выхватывает из кармана пистолет. И наверное, так и ушел бы Туз на тот свет, не успев расправиться с Грачевым, если бы Анатолий не следил за каждым движением Павла. Ему теперь окончательно ясно, кто тут кто. Нужно только не дать настоящему боссу вывести из игры подставную фигуру, на которую можно было бы потом свалить всю основную вину. И хотя Грачев успеваеt выхватить пистолет, Ямщиков ребром ладони сильно бьет его по локтевому сгибу. Кольт грохается на пол...

Каюров тем временем вскидывает двустволку и нажимаеt на спусковые крючки. Заряд дроби летит, однако, не в Ямщикова и Грачева, а в потолок, а сам Туз оказываеtся опрокинутым назад и крепко прижатым к полу могучим телом Дионисия Десницына.

Пока не сразу пришедший в себя от грохота выстрелов Анатолий собираеtся броситься на помощь Десницыну, у окна уже появляются оперативные работники милиции. В комнате вспыхиваеt свет. Над поверженным Каюровым торопливо склоняеtся старший лейтенант Крамов, привычным движением рук ошупывая карманы бандита.

– Ну вот и опять мы с вами встретились, – обращаеtся к Грачеву Грунина, прибывшая в Благов несколько часов назад. – Послушайте-ка теперь и вы моего совета: смягчите свою вину чистосердечным признанием о ваших с Каюровым замыслах.

– Я все расскажу, гражданин старший инспектор, – часто киваеt головой Грачев. – Все, что мне известно...

– Вот и отлично, – безо всякого злорадства заключаеt Грунина. – Слушаю вас.

– Ведите нас на местный завод имени Первого мая, гражданин старший инспектор, и я вам покажу тех, кого знаю, с кем меня Туз... с кем Каюров меня познакомил.

– Ну а вы, гражданин Каюров, не собираеtесь нам помочь?

– Вам эта сволочь, – киваеt Каюров на Грачева, – и без меня обо всем расскажет.

– Ему и не нужно ничего рассказывать, – прерываеt его Грунина. – Нам и без того многое известно. Нужно только, чтобы вы пошли на тот завод, как условились, и встретились там с его директором Левчуком и мастером Ломовым.

– Нет, это уж вы как-нибудь без меня, – упрямо мотаеt головой Каюров.

Когда его уведат, Грачев, уже успевший взять себя в руки, спокойно говорит:

– Он тут перед Анатолием... извините, перед гражданином Ямщиковым невинную овечку хотел было изобразить. Не он будто бы инициатор, а я... Вам, надеюсь, каторжная биография его известна? Разве ж такой гангстер позволил бы, чтобы я им верховодил? И вот ведь что еще замыслил: застрелить меня, чтобы я защититься не смог.

– Но и вы тоже чуть было не отправили его на тот свет, – замечаеt Грунина. – И отчего бы не предположить, что с такой же целью?

– Я-то его в порядке самообороны...

– Ну ладно, – останавливаеt его Грунина. – Потом в этом разберемся. Скажите лучше, как мы теперь без него на завод пойдём? Если не вы главный инициатор, то доверятся ли вам Левчук с Ломовым? Не насторожит их отсутствие Каюрова?

– Не должно. Они знают, что Каюров привык в тени держаться. Потому он и познакомил меня с Левчуком и Ломовым, чтобы я эту операцию без него смог провести.

– С Ямщиковым они знакомы?

– Нет пока, но знают о нем все, что нужно, и, если мы придем с ним без Каюрова, это не должно вызвать подозрений.

– Во сколько условились?

– В пять утра.

– Дмитрий Иванович, – зовет Грунина кого-то из сотрудников местной милиции, – схема завода имени Первого мая у вас с собой? Расстелите-ка ее на этом вот столе. А вы запомните размещение цехов, – кивает Грунина Ямщикову и Грачеву.

Всмотревшись в схему, она указывает пальцем на инструментальный цех.

– Скорее всего, вот тут вам придется работать.

– Это не обязательно, гражданин старший инспектор, – замечает Грачев. – Сначала я и сам думал, что будем какие-нибудь штампы мастерить, но, кажется, нужные штампы у них уже есть.

– Какие основания для такого вывода?

– В последнее время Каюров стал проявлять интерес главным образом к прессам. Просил даже узнать, знаком ли Ямщиков с их устройством.

– Грачев действительно заводил со мной разговор о штамповальных прессах, – подтверждает Ямщиков.

– Так что, скорее всего, – продолжает Грачев, – нам с Анатолием придется приспособить уже готовые штампы к местным прессам. Возможно также, что при этом в штампах нужно будет кое-что видоизменить. Форму матриц или пуансонов, например.

– Что же они, не могли разве своих слесарей к этому привлечь?

– Не хотели, наверное, лишних людей в свой тайный промысел посвящать. Но, скорее всего, не решались на них положиться. А может быть, их слесарям не под силу такая работа. Зачем бы тогда Каюрову мастер такого высокого класса, как Ямщиков, понадобился? А штампы они могли и спереть на каком-нибудь заводе. Или, может быть...

– Ну ладно, – останавливает Грачева Грунина. – Все это выяснится по ходу дела – Левчуку и Ломову придется ведь посвятить вас в свои замыслы.

– А сигнал какой-нибудь нужно будет вам подать? – спрашивает Анатолий.

– Нет, сигнала не потребуются. Старайтесь только вот эту дверь не загораживать, – указывает Грунина пальцем на план завода. – Вам все ясно, товарищ Ямщиков?

– Так точно, товарищ капитан!

...Когда Грачев с Ямщиковым в сопровождении работников местной милиции и лейтенанта Сысоева уходят, Грунина со вздохом облегчения говорит старшему лейтенанту Крамову:

– До пяти у нас еще полтора часа. Приготовьте вашу рацию, Аскольд Ильич, будем докладывать подполковнику обстановку.

– В том, что главный тут все-таки Грачев, у вас нет сомнений, Татьяна Петровна?

– Я в этом и прежде не сомневалась.

– Не удастся ему на Каюрова все свалить?

– Не думаю, чтобы ему это удалось, даже если Каюров не станет защищаться. Да и в том случае, если бы оба они чистосердечно обо всем нам рассказали, с юридической точки зрения, как вы сами знаете, их признание не будет иметь решающего значения. Все это нам самим нужно доказать убедительными фактами. Фактов же вполне достаточно.

– Но на что тогда Грачев надеется? А он ведь, судя по всему, не дурак.

– Да, не дурак. Однако утопающий, как говорится, хватается и за соломинку. И, как мне думается, такая соломинка для него не столько надежда на молчание Каюрова, сколько возможность оказать нам помощь в разоблачении Левчука и Ломова. А признайся он сразу, что главный во всем он сам, мог бы и усомниться, доверим ли мы ему разоблачение директора завода.

– Завод-то этот – одно ведь название только, – усмехается Крамов. – Иная мастерская покрупнее...

– Преступники от этого не становятся менее опасными. С помощью Грачева они бы начеканили тут монет.

Насте Боярской весь этот вечер было не по себе. Она рассеянно посматривала на маленькую эстраду «Нашего кафе» и почти не слышала разговоров за своим и соседними столиками.

«Где же все-таки Анатолий с Андреем? – тревожно думала она. – Спросить, может быть, Вадима? Но они с Варей так увлечены происходящим в кафе, что неловко их тревожить...»

– Слушайте, Вадим, – решается она все же побеспокоить Маврина, – не предупредили вас разве Анатолий с Олегом, что опоздают? Да и Десницына тоже почему-то нет...

– Придут попозже, – шепчет ей Вадим. – Наверное, Татьяна Петровна их задержала.

– И Андрея?

– Могла и его тоже. Анатолий с Андреем очень ей теперь нужны...

– Может быть, Олег с Анатолием, а не Андрей?

– Нет, именно Андрей и Анатолий. Вы только не беспокойтесь, пожалуйста, ничего особенно серьезного, просто они помогают ей в одном деле...

– В каком деле?

– Этого я вам не могу... да и не знаю толком.

– Что вы тут шепчетесь? – оборачивается к ним Варя.

– Да вот за Андрея с Анатолием беспокоится Анастасия Ивановна.

– В самом деле, Вадим, почему их все еще нет? Не случилось ли чего?

– Ну что ты, Варя? – незаметно подмигивает ей Маврин. – Что с ними может случиться? Но Варя не замечает или не понимает смысла подмигивания Вадима и продолжает:

– Они разве не помогают Татьяне Петровне взять этого бандита Туза?..

– Какого Туза? – поспешно перебивает ее Маврин. – Ну что ты сочиняешь, Варюша! Зачем пугать Анастасию Ивановну? Видишь, как она побледнела...

– Анастасия Ивановна не чужой нам и особенно Андрею человек, и она должна знать...

– Да что знать-то? Я и сам ничего толком не знаю. К тому же не имею права ничего рассказывать и очень сожалею, что тебе случайно проговорился.

– Варюша, милая, – обняла Маврину Боярская, – умоляю вас, расскажите мне все, что вам известно. Давайте выйдем на улицу, чтобы никому тут не мешать.

Из того, что сбивчиво рассказала Боярской Варя, трудно было понять, о каком бандите идет речь и какое отношение к нему имеют Андрей, Анатолий и Олег. Ясно было лишь одно – бандит очень опасный, готовый на все, если только кто-нибудь осмелится стать ему поперек дороги, а Андрей с Анатолием, наверное, собираются это сделать...

И вот Настя мчится теперь на такси через всю Москву на Низовую, где живет Десницын. Никогда еще не был так дорог ей этот человек, как сейчас. Где он, жив ли? Чем она сможет помочь Андрею, об этом Настя не задумывается. Она лишь просит шофера поторопиться, но он и так гонит машину на пределе дозволенной скорости.

Вот и дом, в котором живет Андрей у своей тетушки.

Расплатившись с таксистом, Настя торопливо взбегает на второй этаж и нажимает кнопку звонка. Дверь почти тотчас же приоткрывается на ширину предохранительной цепочки.

– Здравствуйте, Анфиса Феоктистовна! – кивает старушке Настя. – Андрей дома?

– Нет, голубушка, нету его! Ушел в кафе какое-то. И давно уже. Должно быть, скоро вернется, он непьющий, долго там не засидится. Зашла бы да подождала.

– Зайду, пожалуй, – соглашается Настя. Ехать ведь некуда больше. Надо бы к Олегу или Анатолию, но она не знает их адресов, да и едва ли они дома. Наверное, все вместе где-то...

У Насти такое ощущение, будто она проделала очень долгий путь и устала, как никогда.

Она садится на диван Андрея, не решаясь лечь. А надо бы полежать, расслабить мышцы, успокоились бы, наверное, и нервы. Рассеянным, ничего не видящим взглядом смотрит она на книжный шкаф и вдруг замечает свою фотографию за его стеклом. В прошлый раз ее, кажется, не было там...

Преодолевая слабость, Настя встает с дивана и склоняется над своим снимком.

О, какая она тут молоденькая! Совсем еще девчонка. Наверное, когда еще училась в десятом классе или на первом курсе института. Но как попало это фото к Андрею? Где он его раздобыл? Неужели сама подарила ему и забыла? Может быть, открыть дверцу шкафа и посмотреть – нет ли надписи на обратной стороне снимка? Нет, не стоит, пожалуй. Главное – ее изображение здесь, у Андрея, среди его любимых книг.

Не так уж много времени прошло с тех пор, а кажется, что прожита целая жизнь и не очень складно, совсем не так, как хотелось бы... Кто же был дорог ей в эти годы? Пожалуй, Леонид Александрович Кречетов, но разве это была любовь? Глупое девчоночье увлечение любимым учителем. Он-то об этом, наверное, и не догадывался даже. Ну, а потом?

Потом Владимир Елагин, красивый, самоуверенный, надменный. Его она, кажется, любила, но не была счастлива с ним ни одного дня. Хорошо хоть, что быстро опомнилась и ушла от него сама, безо всяких упреков и объяснений. Наверное, не очень все-таки любила.

Нет, не было, не было еще у нее настоящей любви! А годы летят и летят, даже в зеркало стало боязно смотреть на себя. Уже морщинки, крохотные, но настоящие и, наверное, необратимые, а замазывать, шпаклевать их кремом ужасно противно...

Так что же, выходит, на старости лет ты решила прийти к человеку, который любит тебя почти всю свою жизнь и, ослепнув от любви, никаких морщинок твоих не замечает и не заметит, наверное, никогда?

Нет, это тоже ужасно! Она, конечно, не старуха, ей всего лишь тридцать пять, а о морщинах знает пока лишь она сама, и к Андрею она не потому, что некуда больше. Просто помучилась, научилась разбираться в людях, а это ведь не сразу, этому не научишься по книгам, этому учит только жизнь, и плата за эту учебу – лучшие твои годы.

Но разве можно встать сейчас с дивана и уйти, не узнав, что с ним? Как может прийти в голову такая дурацкая мысль? Ведь его, может быть, уже нет...

Надо бы к Татьяне Петровне, она, наверное, знает...

И вдруг звонок!

Настя вздрагивает и бежит к двери. Распахивает ее и вся в слезах бросается на шею Андрею, покрывая лицо его торопливыми поцелуями...

Спустя несколько дней Варя Маврина говорит Вадиму:

– Поверь моему слову, Вадим, будут скоро в «Нашем кафе» две свадьбы.

– Анатолия и Марины?

– И Андрей с Настей.

– А вот как сложится все у Олега с Татьяной Петровной? – вздыхает Вадим.

– Я не сомневаюсь, что и у них...

– Не надо торопиться, Варюша. Поживем – увидим, как говорится.

– Да тут и видеть нечего! Что она, слепая, что ли? Где еще найдет такого парня, как Олег?

– Существует ведь еще и кандидат наук...

– Однако не всякий кандидат выходит в доктора, а Олег в своем деле давно уже доктор. Да этого и не нужно, когда есть настоящая любовь. Для нее не существует ни титулов, ни званий. Ты сам-то помнишь, кем был, когда я тебя полюбила?

– Подонком я был, вот кем...

– Неважнецким был парнем, что и говорить, а сумел же стать человеком. Олегу, правда, этого и не нужно, он и без того настоящий человек. Все мы многим ему обязаны, особенно Анатолий, да и ты с Андреем.

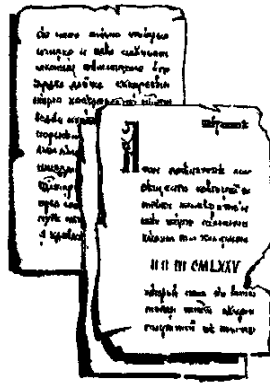
– Это верно. Я ведь знаю, как он переживал, что с Тузом придется схватиться не ему, а Ямщикову.

– Ну, а ты-то, если б оказался на его месте?

– Я бы тоже исполнил свой долг, даже если бы пришлось при этом погибнуть.

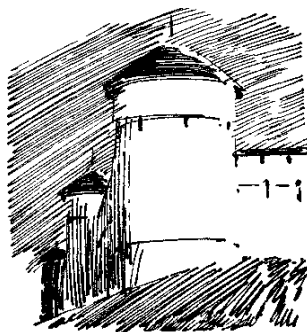
Москва, Переделкино

1971 – 1972 гг.

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Страшная весть о гибели Вари, наверное, не потрясла бы так профессора Кречетова, если бы он не проболел всю минувшую зиму. Началось все с воспаления легких, протекавшего в легкой форме, при незначительной температуре. Досаждали лишь приступы кашля и чрезмерная потливость. Днем он мог ходить по своему кабинету, читать и даже работать над своей книгой о закономерностях микромира, а ночью лежал мокрым в постели, кашлял и «выплевывал из себя самого себя», как сказал он в шутку пришедшим навестить его Вале и Вадиму.

Потом ему становилось легче, кашель прекращался, приходила в норму температура, и он, несмотря на запрещение врача, уезжал на заседание ученого совета, вступал там в спор, горячился, нервничал, покрывался испариной. Долго не мог успокоиться и после заседания. Продолжал спорить с кем-нибудь из своих коллег, живущих с ним по соседству и возвращавшихся домой в его машине. В результате – снова хриплый кашель, температура, опротивевшие таблетки и постельный режим.

В постели Леонид Александрович много читал. Теперь, правда, он не мог серьезно работать над своей темой и читал главным образом научно-популярные произведения Айзека Азимова, дивясь диапазону его интересов и порицая за всеядность. Его «Нейтрино-призрачная частица атома» Кречетову вообще не понравилась. В ней не только отсутствовала необходимая даже для популярного произведения научная строгость – допускались грубые ошибки. Гораздо интереснее показалась ему «Вселенная». Потому, может быть, что физик-теоретик Кречетов, как и биохимик Азимов, знали астрономию лишь по чужим трудам. Азимов, кстати, и не претендовал ни на какие открытия. В какой-то из своих книг он иронически заметил:

«Сердце подсказало мне, что никогда «закон Азимова» не попадет на страницы учебников физики, никогда «реакция Азимова» не будет запечатлена в учебниках химии».

И все-таки читать научно-популярные книги Азимова Кречетову было не менее интересно, чем его прославленную научную фантастику. Да он и в своих научно-фантастических произведениях по стилю мышления больше ученый, чем писатель-беллетрист.

Болезнь Леонида Александровича длилась всю зиму, обостряясь почти после каждого его выхода на улицу. Лишь в апреле стал он чувствовать себя лучше, начав принимать прополис – пчелиный клей, растворенный в спирте, хотя сначала не очень верил его «чудодейственности». Уважая народную медицину в принципе, Леонид Александрович с опаской, однако, относился к ее средствам. Потому, может быть, что рекомендовали их ему люди, всю жизнь страдавшие от той самой болезни, незаменимое лекарство от которой было будто бы им известно. Это напоминало ему знакомого парикмахера, предлагавшего своим клиентам лично им составленную мазь от облысения. Глядя на его абсолютно голый череп, Леонид Александрович невольно думал: «Не от этой ли мази потерял ты сам свои кудри?»

Прополис, однако, ему явно помог. Это он почувствовал спустя примерно полмесяца после того, как начал его принимать. Помогла, наверное, и весна, хотя на легочников, как он знал, не всегда она действовала благотворно. На Леониде Александровиче сказались, наверное, не столько ее солнечные дни и хмельной воздух, сколько само ежегодное чудо пробуждения живой природы. Вершилось это чудо даже в пределах его квартиры, на ее окнах, в глиняных горшочках с несколькими горстями земли. Любимые его цветы с острыми, как у

акации, шипами на глазах покрывались все новыми листочками и стояли в буйной листве, спрятав в нее свои колючки.

Их принесла и заставила ими все подоконники Варя. Она же завела в его доме аквариум-ширму с неприхотливыми рыбками гуппи и меченосцами. Потом уж он сам подкупил молинезий и барбусов. Барбусы были капризны и долго не приживались. Но Леонид Александрович упорно покупал все новых веселых полосатых рыбок. Они напоминали ему морячков в тельняшках, воскрешали в памяти моря, особенно Азовское, на берегу которого прошло его детство.

В июне Леонид Александрович почувствовал себя совсем хорошо. Помог Варе и Вадиму достать путевку в Гагру, куда и сам собирался в конце лета, хотя надо было бы в Крым, как советуют врачи.

И вдруг это страшное известие!..

Леонид Александрович теперь снова лежит в постели. На этот раз его уложило сердце. Никогда прежде не только не жаловался на свое сердце, но и вообще не чувствовал его.

Как же, однако, стряслось все это? Кажется, недели две назад пришел к нему Вадим. Он никогда еще не приходил без Вари, и это насторожило Леонида Александровича. А когда он посмотрел в глаза Вадиму, сразу понял – случилось что-то с Варей!

А Вадим будто онемел.

– Что с нею, Вадим? – почти выкрикнул Кречетов.

Спросил с надеждой, что, может быть, Варя только заболела, но и без ответа догадывался, что случилось что-то пострашнее. Вадим был не только потрясен какой-то ужасной бедой, он был буквально сломлен...

Леонид Александрович усадил его в кресло, налил ему воды из графина, но он не стал пить. И тут только до сознания Кречетова дошло, что Вадим с Варей должны были еще находиться в Гагре. Минуло ведь всего две недели, а у них месячные путевки.

Конечно, с ней стряслось что-то именно там. Она хорошо плавала и любила далеко заплывать. Иногда даже за ограничительные буйки. Сколько раз ругал он ее за это, но она только посмеивалась.

Кречетов схватил Вадима за плечи и начал трясти...

И все-таки страшное слово «утонула» первому пришлось произнести Леониду Александровичу, а Вадим лишь слегка кивнул головой.

Немалых усилий стоило Кречетову добиться от него подробностей. Пришлось достать бутылку коньяку и буквально силком влить в рот Вадиму целую рюмку. Лишь после этого он заговорил:

– Вы знаете, она любит плавать...

– Но она хорошо плавала.

– Да, хорошо. Но в тот день никто не купался, море было беспокойно, и только она...

– А вы... Где же были вы?

– Не было меня поблизости. Она послала меня на рынок за фруктами.

– Одного?

– К ней пришла ее приятельница, и они направились на пляж, а меня послали за фруктами. У меня и в мыслях не было, чтобы она решилась купаться в такую погоду...

Спазм снова сжал Вадиму горло. Он умолк, а Леонид Александрович испугался вдруг услышать подробности гибели Вари и не стал его больше расспрашивать. Но Вадим, выпив еще рюмку, стал разговорчивее и рассказал, как весь день безуспешно искали тело Вари в бурном море и нашли только на следующее утро выброшенным волнами на берег далеко за городом. От отчаяния Вадим хотел и сам броситься в воду, но за ним буквально по пятам ходила подруга Вари, с которой они вместе приехали в Гагру.

– И не удержала бы она меня, – признался Вадим, – если бы не пристыдила: «Как же ты смеешь лишать себя жизни, даже если у тебя такое страшное горе, – сказала она. – Забыл разве, что Варя для тебя сделала? Затем разве положила она столько сил на тебя, чтобы ты теперь так отплатил ей за это?»

– А подруга Вари не Валентина Куницына? – спросил Леонид Александрович.

– Да, Куницына, – кивнул Вадим. – Вы, значит, знаете ее?

– Варя приходила ко мне с нею. Очень решительная девушка. И, в общем, правильно вас отчитала.

– Сказала даже, что это хуже предательства.

– Пожалуй, – согласился профессор. – А почему вы ко мне не сразу?

– Боялся к вам с такой вестью... Просил Куницу, чтобы она... Но вы же знаете, какой у нее характер. Трусом назвала и потребовала, чтобы обязательно сам. Приехал я вчера, но сразу не смог. Да и сегодня очень бестолково... Извините меня, пожалуйста. Теперь просто не знаю, что делать, как дальше жить...

Полагалось, должно быть, сказать что-то Вадиму, утешить, ободрить, но Леонид Александрович не нашел нужных слов. Молча протянул ему руку, крепко сжал влажную его ладонь и проводил до самых дверей.

Кречетову показалось, что Вадим оценил это крепкое, мужское рукопожатие, заметно преобразился, взял себя в руки и ушел спокойнее, чем пришел. А сам Леонид Александрович, оставшись со своим горем наедине, ощутил вдруг такую томящую тоску, что просто места не мог найти.

Он любил Варю всегда и, хотя осуждал за многое, понимал, как ей было нелегко. Она рано потеряла мать, отец беспробудно пил, призналась даже как-то: «Опостылило мне все...»

И тут появился вдруг уличный босяк, забулдыга и чуть ли не уголовник Вадим Маврин. Она, правда, не знала тогда о нем всего, считала просто «заблудшим» и вбила себе в голову идею «перевоспитать» его. Наверное, в ту пору не было еще никакой любви. Не способен был тогда любить ее и Вадим. Настоящая любовь пришла к ним позже, уже когда Варя преобразила его.

Каких трудов ей это стоило! Личным примером тянула она его за собой. Кончила техникум, поступила в институт, а ведь у нее были совсем не блестящие способности. Да и желания особенного не было ни техником стать, ни инженером – все из-за него, вернее, все для него.

И вот теперь ее нет... Нет дочери той женщины, которую Леонид Александрович очень любил. Нет его единственной племянницы, которую он после смерти брата считал своей дочерью. Нет больше вообще ни одного родного существа, все ушли в вечность...

Раньше он как-то не задумывался над этим. У него были любимые ученики, друзья, талантливые коллеги. Были книги. Стены его двухкомнатной квартиры сплошь в книгах. А теперь все это потеряло для него смысл. Он лежал на диване с большим сердцем и пустой душой, равнодушный ко всему.

Философские проблемы пространства и времени, неожиданно увлекся которыми недавно, уже не волновали его больше. А ведь всего месяц назад, забросив все дела, стал чуть ли не запоем читать Адольфа Грюнбаума, американского профессора философии, известного специалиста по проблемам пространства и времени. Потом перечитал небольшую книгу Александра Фридмана «Мир как пространство и время», написанную еще в тысяча девятьсот двадцать третьем году. Хотя это было первым на русском языке популярным изложением теории относительности, Леонид Александрович обнаружил в ней много интересного и учительного для себя. Запомнилось замечание Фридмана о мудрецах, пытающихся «на основании постоянно ничтожных научных данных воссоздать картину мира».

– Как это верно! – воскликнул тогда профессор Кречетов. – Именно «постоянно ничтожных», ибо, как бы много ни знали мы о природе и ее законах, знаний этих всегда недостаточно. И все-таки мудрецы дерзали воссоздавать на их основании картину мира, бесконечно дорисовывая и уточняя ее с каждым новым поколением.

А сейчас Леонид Александрович равнодушен ко всему. Даже присланные ему материалы только что закончившегося симпозиума по нейтрину не заинтересовали его. А ведь в этом симпозиуме принимали участие такие крупные ученые, как Нови из Чикагского университета, Рейне из Калифорнийского, Наранан и Нарасимхан из Индии, Хинотани и Мияке из Японии, Осборн и Вольфендейл из Англии.

Профессор Кречетов весь день сегодня неподвижно лежит на диване и бессмысленно смотрит в потолок. На первый негромкий дверной звонок он не обращает никакого внимания. Лишь когда раздастся второй, более громкий, медленно спускает ноги на пол и нащупывает домашние туфли. Слегка пошатываясь, идет к двери. Не спросив, кто звонит, хотя это однажды чуть не стоило ему жизни, Леонид Александрович поворачивает ключ врезного замка и открывает дверь.

Он не сразу узнает молодую женщину и высокого широкоплечего мужчину, стоящих у входа в его квартиру.

– Простите, что мы к вам без телефонного звонка, – виновато произносит женщина.

– Это вы, Анастасия Ивановна? – близоруко щурится Кречетов.

– Я, я, Леонид Александрович! Настя Боярская – ваша бездарная ученица. И мой супруг – бывший богослов Андрей Десницын, помните, я вам о нем?..

– Да, да, помню, помню, – кивает головой профессор. – Заходите, пожалуйста.

– Но как же вы в таком состоянии и один? – огорчается Настя.

– Меня навещают. Приходит врач из нашей поликлиники, несколько дней дежурили сестры. Не забывают ученики и коллеги...

– Вы, пожалуйста, ложитесь, Леонид Александрович. – Настя берет Кречетова под руку и ведет его к дивану. – А за то, что пришли только сегодня, извините. Гостили в Благове. Там у меня родители, а у Андрея дед...

– Знаменитый богослов-марксист, – вяло улыбается профессор, ложась на диван.

– Ну, какой он марксист, – смущенно улыбается Андрей. – Но материалист совершенно законченный. И с такими познаниями в области естественных наук, что мне до него очень далеко, хотя я теперь аспирант Московского государственного университета.

– Специализируетесь, наверное, по научному атеизму?

– Да, угадали...

– Если бы мы о Вале раньше узнали, – перебивает Андрея Настя, – мы бы немедленно, прямо из Благова... Я ведь знаю, как она вам дорога...

– Ничего, Настенька, теперь я, пожалуй, выстою. Это меня первый удар так подкосил. Уж очень неожиданно свалилась беда. А сами-то вы как? Что нового у вас? Видели ли Вадима? Болит у меня за него душа...

– Он был у вас?..

– Был один раз. Ужасную весть эту принес...

– Когда это было?

– Неделю назад.

– А больше не навещал?

– Больше не был. Звонил, может быть, но мне не разрешали брать трубку. Как он теперь? Я очень боюсь за него... Что же вы молчите, Настя?

– Успокойтесь, пожалуйста, Леонид Александрович, – снова укладывает Настя пытающегося подняться Кречетова.

– Не мог он с собой что-нибудь?.. Признался ведь мне, что с жизнью хотел покончить...

– Ну, это в самую тяжкую для него пору. Валя Куницына убеждена, что теперь это исключено.

– Однако что-то с ним случилось все-таки?

– Исчез он, Леонид Александрович...

– Как – исчез?

– Валя Куницына считает, что уехал куда-то.

– А милиции это известно? Заявили вы в милицию о его исчезновении?

– Валя заявила. Милиция тоже считает, что он уехал, потому что забрал с собой кое-какие вещи и все фотографии Вари из их альбома.

– Да, похоже, что действительно уехал, – вздыхает Кречетов. – Но куда?

– А он с вами на эту тему...

– Нет, никакими своими планами он со мной не делился. Сам я тоже ни о чем его не спрашивал – чувствовал себя не лучше, чем Вадим... Но куда же все-таки мог он уехать, не

сообщив никому?

– Да, все это очень странно, – соглашается Боярская. – Мы опросили всех его друзей. И никто ничего... Как в воду канул.

– А не могли бы ваши детективы – Ямщиков и Рудаков...

– Какие они детективы, Леонид Александрович! – машет рукой Настя. – Мой Андрей таким же детективом был когда-то. Обыкновенные дружинники, а тут нужен действительно детектив, потому что Вадим не просто ушел, а вроде сбежал...

– Но зачем? Глупо ведь! – восклицает Андрей Десницын.

– Это нам с тобой кажется глупым, а у него, наверное, свои соображения.

– Какие же все-таки? – недоумевает Кречетов. – Я, признаться, тоже не очень понимаю...

– Наверное, мы все время будем ему Варю напоминать. Ту хорошую, счастливую жизнь, какой для него уже не будет...

– Да, может быть... – задумчиво кивает головой Леонид Александрович. – Могли, конечно, возникнуть такие мысли...

– Могли, – соглашается и Андрей. – Но одумается же он в конце концов...

– А когда? – прерывает его Настя. – Не сегодня и не завтра, надо полагать. И не через неделю. За это время мало ли к каким людям может он попасть...

– Но послушайте, – снова приподнимается с дивана профессор. – У вас же есть еще и настоящий детектив, профессиональный. Эта, как ее, Татьяна...

– Татьяна Петровна Грунина, – подсказывает Настя. – Но она тоже, в общем-то, не такой уж детектив. Просто очень добросовестный, хорошо знающий свое дело старший инспектор милиции...

– Ты к ней несправедлива, Настя, – укоризненно качает головой Андрей. – Она действительно талантливая, а главное – очень деятельная...

– Очень деятельная! – фыркает Настя. – Только судьбу свою никак не может решить.

– Это совсем другое. Ты же знаешь, как у них с Олегом все непросто...

– А у нас с тобой все было очень просто?

– Ну, видишь ли...

– Я догадываюсь, конечно, о чем вы, – говорит профессор Кречетов. – Вадим с Варей тоже об этом часто говорили. Но, независимо от этой сложной проблемы, нельзя разве обратиться к старшему инспектору?..

– Нельзя, Леонид Александрович! Татьяна Петровна уже не старший инспектор, а аспирант юридического института.

– А больше не к кому?

– Вместо нее теперь капитан Крамов.

– Вот с ним и посоветуйтесь.

– Он все уже знает.

– Чего же тогда тревожиться раньше времени? Найдет этот капитан Вадима.

– Э, никого он не найдет! – безнадежно машет рукой Настя. – Это вам не Татьяна Петровна...

– Вот она, женская непоследовательность! – смеется Андрей.

– Не смейся, пожалуйста, Андрей, – хмурится Настя. – Тут не криминалист нужен, а психолог. Боюсь, что этими способностями капитан Крамов не обладает. Без нашей помощи ему не обойтись.

– Значит, надо собраться всем друзьям Вадима и посоветоваться, что делать, – говорит Андрей.

Они собираются на другой день у Рудакова. Старики Олега ушли в гости к родственникам, и вся квартира в его распоряжении.

Первой приходит Валентина Куницына, потом Анатолий Ямщиков с Мариной. Анатолий внешне почти не изменился, стал только немного полнее. Марина родила ему сына и еще больше похорошела. Заметнее всех, пожалуй, изменился Олег. У него теперь борода, хотя

он сам когда-то высмеивал бородачей своего завода.

– Если ты это для солидности, – сказал ему тогда Анатолий, – то мы тебя и без бороды должны чтить, как свое начальство. Что, впрочем, мы и делаем. А если назло Татьяне Петровне, которая терпеть не может бородачей, то это просто глупо.

Да, конечно, это глупо, он и сам понимает. Просто вспомнился шуточный разговор с Татьяной, которая сказала:

«Если хотите нравиться мне, никогда не отпускайте бороду...»

Угадал Анатолий: он сделал это ей назло. Взяла вдруг досада, показалось, что притворилась она, будто не замечала его робкого ухаживания. Должна же была понимать, что он не Анатолий Ямщиков, который и влюбиться мог с первого взгляда и тут же не только пылкую речь произнести, но и руку предложить. А Татьяна, увидев его с бородой, не обиделась, а возмутилась и с тех пор перестала посещать и «Наше кафе» и завод. К тому времени, правда, она была зачислена в аспирантуру и официально уже не шефствовала над заводской дружиной.

А Олег учится теперь не на философском факультете, а на заочном отделении станкоинструментального. На расспросы, почему ушел с философского, отшучивается: «Мастеру инструментального полагается ведь не философское, а техническое образование».

Олега действительно назначили мастером инструментального цеха, после того как его предшественник ушел на пенсию по состоянию здоровья. Его бригаду инструментальщиков возглавляет Анатолий Ямщиков.

Как только приходят Андрей Десницын с Настей, Олег предлагает:

– Может быть, за чашкой чая все обсудим? Тогда прошу на половину моих стариков. Мама как раз спекла сегодня пирог.

– Какой чай, когда такое дело! – машет на него рукой Анатолий.

– Можно и без чая...

– Пока, – уточняет Анатолий, – потом видно будет, не пропадать же мамину пирог.

– Ну тогда ближе к делу, – строго произносит Валентина. – Кто просит слова?

– Давай ты первым, Олег, – предлагает Анатолий. – Ты у нас самый рассудительный. Пока на философском факультете учился, освоил небось все законы формальной логики.

– А тут, по-моему, все вне логики, – вздыхает Рудаков.

– Да, пожалуй, – соглашается с ним Валентина. – Вадим в таком отчаянии был, что в прежние времена в подобном состоянии духа – либо в прорубь, либо в монастырь послушником...

– Прорубь явно отпадает по случаю лета, – прерывает ее Настя. – Монастырь тоже исключается, так как таковых поблизости нет. А вот что вы скажете: был Вадим на заводе после того, как вернулся с Кавказа?

– Был.

– Оформил расчет?

– В том-то и дело, что ничего не оформил! – восклицает Олег.

– Числится, значит, в прогульщиках?

– Нет, не числится пока. У него еще отпуск не кончился.

– Так, может быть, он вернется, когда кончится отпуск?

– Не вернется, – уверенно заявляет Валентина Куницына.

– Я тоже думаю, что не вернется, – соглашается с нею Настя. – Во всяком случае, не так скоро.

– А зачем же он тогда заходил? – удивляется Андрей Десницын.

– Это он лично ко мне, – отвечает ему Рудаков. – Спросил, где можно приобрести инструменты для гравировальных работ.

– Гравировальных? – переспрашивает Анатолий.

– Спросил даже, нет ли у меня какой-нибудь литературы по гравированию.

– И ты не поинтересовался, зачем ему это?

– Почему же не поинтересовался?.. Он сказал, что хочет выгравировать надпись на медной плите для могилы Вари на гагринском кладбище.

– Может быть, и в самом деле? – вопросительно смотрит на Валентину Настя.

– Не думаю, – покачивает головой Куницына. – Он сказал мне, что будет копить деньги и поставит на ее могиле памятник.

– А пока, может быть, все-таки медную дощечку на могильной плите? – не очень уверенно произносит Марина. – Когда еще заработает он на памятник...

– Я тоже так думаю, – поддерживает ее Настя.

– А почему Андрей отмалчивается? – спрашивает Олег, повернувшись к Десницыну. – Его что, все это не касается?

Андрей действительно сидит молча, прислушиваясь к словам своих друзей. Он в таком же недоумении, как и они.

– А Вадим откуда родом? – спрашивает он. – Может быть, следует его родными поинтересоваться. Мог ведь он к кому-нибудь из них...

– Нет, не мог, – перебивает его Валентина. – Он коренной москвич и круглый сирота. Это все капитан Крамов установил.

– А на этого капитана можно положиться? – спрашивает Настя. – В смысле его опытности, конечно.

– Он очень исполнительный и добросовестный инспектор, – отвечает Куницына, – но, конечно, не то, что Татьяна Петровна...

– О Татьяне Петровне забудьте, – вздыхает Марина. – Она теперь...

– А что она теперь! – восклицает Анатолий. – Министром внутренних дел стала, да, и у нее на такие дела времени нет? Когда ей нужно было разгадать замыслы Туза и Грачева, она Вадима попросила помочь ей, и он помог, хотя Туз мог пырнуть его ножом. А теперь, когда Вадим сам попал в беду...

– Ну зачем же ты о ней так? – вскакивает Олег Рудаков. – Во-первых, Татьяна Петровна и понятия не имеет об исчезновении Вадима. А во-вторых, откуда нам известно, что он попал в беду?

– Насчет Татьяны – сдаюсь! – поднимает руки вверх Анатолий. – Она действительно ничего не знает. Вот ты, Олег, и сходи к ней, попроси помочь. Вадим если и не попал пока, то непременно попадет в беду.

– Нет, увольте! Пусть Десницын возьмет это на себя. Он, как аспирант, скорее договорится с аспиранткой.

– Как вам не совестно препираться, ребята? – укоризненно качает головой Валентина Куницына. – Лучше я сама схожу к Татьяне Петровне...

– Нет, никуда ты не пойдешь! – протестует Анатолий. – Пойти должен Олег, и вы все знаете почему. А если ему это непонятно, то я объясню. Разве ты потому не хочешь к ней идти, что Андрей может сделать это лучше тебя? Ты просто трусишь, боишься на глаза ей показаться. А может быть, даже сердись на нее... Ну, в общем, мы уполномочиваем именно тебя пойти к Татьяне Петровне и попросить у нее помощи. Верно я говорю, ребята?

– Верно! – чуть ли не хором восклицают присутствующие.

И Олег смущенно бормочет:

– Что же это получается, однако?.. Ведь если бы с Вадимом ничего не стряслось, я бы мог подумать, что вы...

– А ты не думай, ты действуй, – советует Анатолий.

– Да вы что, считаете, наверное, что я с нею в ссоре?

– Ничего мы не считаем, – отвечает за всех Анатолий. – Нужно же кому-то поставить ее в известность о нашей общей беде. К тому же она на отделении криминалистики, и поиски Вадима будут для нее хорошей практикой.

– Ну, если вы все считаете, что пойти должен именно я, я пойду, – помолчав немного, произносит Олег. – Только это ведь наивная затея...

– Опять ты за свое! – прерывает его Анатолий. – Нас сейчас только судьба Вадима беспокоит, а в ваших взаимоотношениях вы уж как-нибудь сами разберетесь. А теперь, если не раздумал, угости нас чаем с маминым пирогом.

После того как у Кречетова побывали Настя с Андреем, ему стало легче. Даже сердце перестало так жутко щемить, хотя известие о исчезновении Вадима очень встревожило Леонида Александровича. Но теперь у него прошло ощущение пустоты и одиночества. Те волнения, которые уложили его в постель, были иными. Они возникли от безнадежности, от невозможности помочь, поправить случившееся. А тут беда иная, обратимая, нужно только подумать, вспомнить все подробности, все мелочи последнего разговора с Вадимом.

И Леонид Александрович напрягает память. Помнится, разговор был недолгим, да и говорил больше он, а Вадим лишь отвечал на вопросы. Постепенно удаётся восстановить почти каждое его слово, но нет пока ничего такого, за что можно ухватиться, что послужило бы догадкой. Все, что говорил в тот день Вадим, было очень просто и понятно, безо всякого двойного смысла и подтекста. Все только о Варе и ни слова о себе. О том, как будет жить без нее, он тогда и сам не знал. Ясно было лишь одно – без нее ему будет очень худо...

Леонид Александрович встает и начинает медленно ходить по кабинету, хотя ему велено лежать, не волноваться и по возможности не думать ни о чем серьезном. Но профессор Кречетов не умеет так отключаться.

Он ходит вдоль застекленных стеллажей с книгами, борясь с желанием взять какую-нибудь с полки – читать ему тоже запрещено. Но вот прямо перед ним Тимирязев, Сеченов, Павлов, Мечников... Их, пожалуй, можно. Это не физика, тут без формул. Лечащего врача Анну Семеновну очень напугала книга Джона Арчибальда Уилера «Гравитация, нейтрино и Вселенная». Она случайно раскрыла ее и содрогнулась от обилия формул. Ну, а если бы попало ей в руки «Гравитационное поле и элементарные частицы» Кирилла Петровича Станюковича? Могло бы возникнуть и головокружение. В этой книге формул гораздо больше, чем текста.

Однако напрасно думают далекие от науки люди, что язык цифр и формул ученому милее образной речи. Умеют ведь и серьезные ученые писать просто. Вот тот же Уилер, например, вместе с профессором Тейлором написал отличную книгу «Физика пространства-времени», в аннотации к которой сказано, что она является учебником по частной теории относительности для «младших студентов-физиков» и старших школьников. Сказано еще, что читается она как увлекательный роман и даже как «запутанный детектив». Ну, это уж чересчур. Книга интересная, полезная, написана известными учеными-физиками талантливо и оригинально. Но детектив! Это уже чистейшая реклама.

Зато как просто и непринужденно писали свои книги Сеченов, Мечников, Павлов. Леониду Александровичу очень хочется полистать Мечникова, его «Этюды о природе человека» или «Этюды оптимизма». В какой-то из этих книг должны быть строки о Толстом, давшем, по мнению Мечникова, наилучшее описание страха смерти...

Кречетов достает «Этюды о природе человека» и, полистав несколько страниц, читает:

«Толстой, который был, несомненно, великим знатоком души человеческой, не подозревал, что инстинкт жизни, потребность жить, – не одинаковы в разные возрасты.

Мало развитая в юности, потребность эта сильно преобладает в зрелом возрасте и особенно в старости. Но, достигнув глубокой старости, человек начинает ощущать удовлетворенность жизнью, род пресыщения ею, вызывающее отвращение перед мыслью о вечной жизни».

Леонид Александрович не боится смерти, ему страшна кончина в одиночестве. Страшно умереть, не завершив задуманного. Он еще не стар, идет всего седьмой десяток. В наше время это не преклонный, а пожилой возраст, но где спасение от болезней? Мечников считал ведь, что старость наша есть болезнь, которую нужно лечить, как всякую другую.

«Раз старость будет излечима, – говорил он, – и сделается физиологической, то она приведет к естественному концу, который должен быть глубоко заложен в нашей природе».

А что значит – глубоко заложен? Как это понимать? Считал, наверное, Илья Ильич, что человек, не зря проживший жизнь, не будет страшиться своей смерти. Она будет для него естественной.

Откуда, однако, эти мысли о смерти? Сказалась болезнь, наверное, ослабившая и тело и

душу. Но к черту все это!.. Да, именно к черту! Никаких деликатных выражений по подобному поводу – нечего размагничиваться!

Он решительно шагает к окну и сразу же чувствует щемящую боль в сердце. Пока всего лишь отголосок той боли, которая еще так недавно терзала его. Она возникла будто от шупалец манипулятора в руках неопытного экспериментатора, то резко сжимавшего, то отпускавшего его сердце, подолгу не высвобождая его из своей пятерни. Вот и сейчас дает, видно, знать, что эксперимент пока не окончен...

«Нужно лечь, пожалуй», – решает Леонид Александрович. У него нет ни малейшего доверия к экспериментатору, который так неловко манипулировал с его сердцем. Нет и того чувства юмора, каким обладает академик Иванов, навещавший его во время болезни. Он пил тут недавно коньяк за здоровье своего захворавшего коллеги и весело вспоминал о тех давних временах, когда они на батискафе в водах Черного моря проводили эксперименты с реактором, излучающим нейтринные импульсы...

– А где же авантюристы, Леонид Александрович, которые пытались выведать наши научные секреты? – спрашивал он Кречетова. – Отсидели уже своё?

– Отсидели, – кратко ответил ему Кречетов, не вдаваясь в подробности. Пришлось бы рассказать, что один из них теперь его родственник.

– Оба? – продолжал расспрашивать академик.

– Один-то точно. А вот второй, главный, наверное, еще сидит...

И тут Леонид Александрович вспоминает вдруг, что Вадим, а может быть, Варя... Да, скорее всего, Варя сообщила ему чуть ли не перед самым их отъездом в Гагру, что Корнелий Телушкин прислал Вадиму письмо и сообщил, что он теперь на свободе.

Ну да, это Варя ему рассказала о бывшем боссе Маврина.

«Я очень боюсь, дядя Леня, как бы он снова не завлек Вадима...» – вспомнил Леонид Александрович ее слова. Разговор шел в отсутствие Маврина, и он стал бранить племянницу:

– Ну как ты можешь думать так о Вадиме! Не веришь в деяния рук своих? Совсем ведь другим человеком он стал под твоим влиянием, а ты считаешь, что достаточно этому каторжнику поманить его пальцем...

– За это время и Корнелий мог стать другим.

– Тогда и бояться нечего.

– А я все-таки за Вадима боюсь... – суеверно прошептала Варя.

Но тут воспоминания Кречетова прерывает звонок в дверь.

«Наверное, Анна Семеновна, – решает профессор, поднимаясь с дивана. – Придется признаться, что нарушил ее предписание и разгуливал по комнате...»

Но в дверях не Анна Семеновна, а Настя с Андреем.

– Опять мы к вам, Леонид Александрович, – смущенно говорит Настя. – Уж вы извините...

– Ну что вы, право! Я очень рад! А то ко мне одна медицина ходит. Это вы меня извините, что не могу принять вас как следует. Мало того – должен снова улечься на диван, но, думаю, теперь уже ненадолго.

– А мы к вам все с тем же, Леонид Александрович. В связи с Вадимом...

– Я сам о нем только и думаю. Даже, пожалуй, подскажу вам кое-что. Существует такая личность – Корнелий Телушкин, под пагубным влиянием которого находился в свое время Вадим...

– Это, наверное, тот авантюрист, из-за которого Вадим попал в тюрьму? – спрашивает Настя.

– Тот самый. Вадим отсидел всего два года, а Телушкин гораздо больше. Однако он уже на свободе, и это Вадиму известно. Когда Корнелий отбыл свой срок, я не знаю, но Вадиму он дал знать о себе незадолго до его поездки на Кавказ. Сообщила мне тогда об этом Варя и очень опасалась, что Телушкин снова попытается сблизиться с Вадимом.

– И вы думаете, что они теперь...

– Как знать! Во всяком случае, того, что было прежде, теперь быть не может. Но Корнелий личность незаурядная, демоническая. Такой может совратить и честного человека.

– Спасибо, Леонид Александрович, за это известие. Может быть, это та самая ниточка, за которую и надо потянуть.

– Но я ведь не знаю, где этот Корнелий...

– Нам помогут работники Министерства внутренних дел.

– А если окажется, что он за это время стал порядочным человеком?

– Тем лучше. Милиция не будет никого хватать без достаточных к тому оснований. А к вам у меня просьба, Леонид Александрович: когда поправитесь, разрешите этому аспиранту, – кивает она на Андрея, – зайти к вам. Очень хочет побеседовать с вами по сугубо научному вопросу, да все не решается.

– Пожалуйста, Андрей Васильевич. Можно даже не ожидая полного моего выздоровления.

– И еще одна просьба, Леонид Александрович: называйте его, как и меня, по имени – Андреем или Андрюшей. Он ведь теперь не духовная особа, а всего лишь начинающий философ.

– Согласен, – улыбаясь, кивает профессор Кречетов. – Буду с сегодняшнего дня и его считать своим учеником.

4

Олег звонит Татьяне Груниной поздно вечером, полагая, что в это время она должна быть дома. Услышав ее голос, он с трудом подавляет волнение.

– Добрый вечер, Татьяна Петровна! Это Рудаков вас беспокоит. Не поздно я?

– Ну что вы, Олег, я только что пришла...

Голос ее звучит ровно, без нотки удивления, как в те дни, кажущиеся теперь Олегу такими далекими. Не спрашивает даже, где он пропал все это время, почему не звонил. А ведь с тех пор прошло немало времени.

– Я к вам не лично, а по поручению...

– А лично вы, конечно, не считали нужным, – усмехается Грунина. – И кто же вас уполномочил, какая организация?

– Ямщиковы, Валя Куницына, Десницын с Настей...

– Внушительный синклит. С чем же они вас ко мне направили?

– Вадим Маврин пропал, Татьяна Петровна...

– Как – пропал?

– Бесследно. Да, да, совершенно бесследно, я не шучу...

– Он человек бывалый, найдется.

– Может и не найтись. Он сейчас в таком состоянии, что с ним все может произойти...

– Как же Варя его не уберегла?

– В том-то и дело, что нет больше Вари... Погибла. Утонула в море на Кавказе.

– Что же вы мне об этом раньше не сообщили, Олег? Никогда вам этого не прощу! Можете вы ко мне сейчас?

– Времени ведь около десяти...

– Ну и что – вам спать пора? Садитесь в такси и приезжайте, я все равно раньше двенадцати не ложусь.

В комнате Татьяны все по-прежнему. Разве только новый книжный шкаф прибавился. Сколько же времени прошло с тех пор?..

После того как ликвидировали шайку Грачева и Каюрова, Олег встречался с Груниной почти целый год. Не часто, правда, но бывал у нее дома. Два или три раза даже ходили в театр. И все это время Олег подсознательно чувствовал, что он ей не безразличен, но как только пытался заговорить о своих чувствах, в ее ответных словах сквозила ирония. Это было не только непонятно, но и обидно.

Может быть, ее сдерживала разница в возрасте?.. Оказывается, она старше его не на три года, как ему казалось, а лет на шесть. Но разве это серьезная причина для любящих друг друга, тем более что Татьяна выглядит гораздо моложе своих лет и принадлежит к тому типу уравновешенных женщин, которые долго сохраняют свою молодость. О дальнейшей «эво-

люции» ее внешности можно судить по ее матери, которой никто не дает и сорока, хотя ей уже за пятьдесят.

А может быть, у Татьяны совсем иные причины скрывать свои чувства, если они есть, конечно?

Направляясь на встречу с Груниной, Олег решил взять строго официальный тон: он пришел ведь по делу. И вот он сидит у нее и, оглядываясь по сторонам, невесело думает:

«Ох и трудно мне будет... Постараюсь, конечно, держаться. Удастся ли только? Догадается, наверное, прочтет по глазам все мои сокровенные мысли. Не надо было соглашаться, пусть бы Андрей Десницын пришел сюда...»

Он думает так и злится: зачем же себя обманывать? Ведь счастлив, что снова с нею. И ничем чувства этого не подавишь, хотя совсем недавно очень основательно проштудировал книгу психиатра Леви «Искусство быть собой». Освоил рекомендованный им аутотренинг. Научился саморасслабляться. Это снимало нервное напряжение.

У Леви много хвалебных слов и о внутреннем контроле, вызывающем к сознанию: «Я хочу тебе добра и поэтому прошу почаще обращаться к моей помощи... Через меня ты можешь заказать себе любое настроение. Тебе не нужно неотрывно себя контролировать... Я все могу, и я сделаю все!»

И саморасслабление и контакт с внутренним контролем как будто бы получались у Олега, когда он сидел дома один на один с самим собой. Но тут... Нет, тут на внутренний контроль плохая надежда. Пожалуй, скорее поможет рекомендованный тем же Леви «Союз с волнением». «Не старайтесь не волноваться, – настойчиво советует он, – это бесполезный обман самого себя, волнение от этого только усиливается. Ваша задача не в том, чтобы устранить волнение, а в том, чтобы оно вам помогло».

Вот мы сейчас и увидим, как оно поможет.

– Извините, Олег, – говорит Татьяна, – что оставила вас одного – мама потребовала отчета о выполнении одного срочного ее поручения. А когда я ей сказала: «Меня ждет Олег», ответила: «Ничего страшного, он свой человек». Понимаете, моя требовательная мама «своим человеком» вас назвала! А вы позволили себе более года к нам не показываться. Только, пожалуйста, не оправдывайтесь!

Татьяна силой усаживает на прежнее место поднявшегося при ее появлении Олега и садится сама.

– У вас такой вид, – говорит она, внимательно вглядываясь в его лицо, – будто вы действительно пришли только по делу.

– Ну почему же... – смущенно улыбается Олег.

– Этого я не знаю, но это так. Скорее всего, вы и сами этого не знаете, так тоже бывает...

«Похоже, что она читает мои мысли, – с тревогой думает Олег. – Плохой я актер, и мое внутреннее волнение несколько мне не помогает. Тогда к черту всякую игру. Буду держаться, как всегда, как прежде...»

И произносит смущенно:

– В общем-то, меня в самом деле послали...

– Потому, наверное, что по своей воле не захотели. Разве не так?... – Она пристально смотрит в его глаза и будто обрывает себя: – Ну ладно, хватит! Это становится похожим на допрос. Давайте лучше о вашем деле. Расскажите сначала, как же это с Варей...

– Подробностей я и сам не знаю. Профессор Кречетов, дядя Вари, вытягивал из Вадима буквально каждое слово. Вадим был просто в отчаянии. «Сам не свой», как сказал Леонид Александрович. Совсем опустошенным человеком ему показался.

– Еще бы! Я себе представляю, что значит для него потеря Вари... Но ведь она, помнится, хвалилась, что хорошо плавает.

– Это-то ее, наверное, и погубило. Плавала бы плохо, ни за что бы не решилась броситься в бурное море. Вадим даже не видел, как все произошло. А находился бы поблизости, кинулся бы спасать и тоже...

– А скорее всего, не пустил бы ее в такую погоду в море.

– Да, пожалуй.

- Ну, а что потом?
- Хотел покончить с собой, и, если бы не Валя Куницына... Вы помните эту маленькую, очень решительную девушку?
- Как не помнить! Помню, конечно. У нее характер, как у Анатолия Ямщикова. Потому и не сошлись. Сходятся обычно сильный и слабый, уступчивый и властолюбивый...
- «Ну, а мы почему не можем сойтись?» – задает себе вопрос Олег.
- Что же было потом, когда Вадим вернулся в Москву? – продолжает расспрашивать Татьяна.
- Побывав у Вариного дяди, Леонида Александровича Кречетова, он неожиданно исчез.
- И ни слова ему, как думает жить дальше? Или Леонид Александрович его об этом не спросил?
- Скорее всего, не спрашивал.
- А вы, его друзья, что по этому поводу думаете? Собирались же, советовались, наверное?
- Пока почти никаких догадок.
- Почти?
- Настя Боярская... Она хоть и жена Андрея Десницына, но фамилию носит свою.
- Я знаю. Я все о всех вас знаю.
- Так вот, она и Андрей снова были у профессора, и он им сказал, что Вадиму каким-то образом дал о себе знать Корнелий Телушкин. Тот самый, из-за которого Вадим на скамью подсудимых угодил.
- Неужели снова объявился этот авантюрист?
- Леонид Александрович сказал Боярской, что Варю встревожила эта весть.
- Меня она тоже тревожит. Я немного знакома с делом Телушкина, он очень опасный человек.
- Думаете, наказание так ничему его и не научило?
- Если бы все отбывшие наказание исправлялись, мы давно уже покончили бы с преступностью. Во всяком случае, сократили бы ее во много раз. К капитану Крамову вы не обращались?
- Обращались. Это он установил, что Вадим уехал куда-то из Москвы. Он же сделал официальный запрос в Управление внутренних дел нескольких городов. Но нужно, видимо, искать не столько Маврина, сколько Корнелия Телушкина.
- Я тоже так думаю. Завтра поговорю об этом кое с кем.
- У вас, наверное, есть и другие дела?
- У меня сейчас каникулы. Хотела, правда, съездить к тетке в Николаев, но это успеется.
- Если вы из-за Вадима только...
- А вы считаете, что этого недостаточно?
- Олег смущенно молчит, не знает, что ответить.
- Зачем же вы тогда пришли? – снова спрашивает Татьяна. – Я поняла, что за помощью.
- Скорее, за советом. Мы не имеем никакого права нарушать ваши планы.
- Сейчас для меня важнее всего разыскать Вадима, и я никуда не уеду, пока мы его не найдем. Завтра постараюсь встретиться с Крамовым и бывшим моим начальником подполковником Лазаревым, попрошу их помочь.
- Татьяна хотела позвонить капитану Крамову сразу же, как только ушел Олег, но, взглянув на часы, раздумала. Было слишком поздно. Отложила на утро. Когда легла в постель, вошла мама. Татьяна сразу догадалась зачем, хотя мама начала издалека.
- Ты еще не спишь? Давно у тебя хотела спросить, чем объясняется неуважение некоторых представителей нынешней молодежи к старым людям с точки зрения криминалистики?
- К криминалистике это не имеет отношения, – снисходительно улыбнулась Татьяна, решившая, что мама имеет в виду неуважение к ней лично. – Старых людей никто ведь не убивает за то только, что они старые. Это проблема этическая, а не криминалистическая, что ты и сама отлично понимаешь.
- А по-моему, и криминалистическая, – стояла на своем мама. – Если бы дети слушались

своих родителей, которых они всегда считают старыми и потому глупыми, меньше было бы и преступлений.

– Ну в этом ты, может быть, и права. А отношение к старикам, вернее, к старым людям, конечно, уже не то, что было когда-то. Я имею в виду не начало века, а гораздо более раннее время, когда еще не было письменности. Тогда старики были передатчиками накопленного племенем опыта, знаний, традиций. Выживание племени в ту пору зависело от стариков в гораздо большей степени, чем от молодых, но неопытных. Ну, а потом чтили стариков уже по традиции...

– Которая ныне выдыхается, – нервно засмеялась мама.

– На меня-то ты не можешь пожаловаться...

– Могу, могу и на тебя. Почему о неожиданном визите Рудакова мне ни слова?

– Он по делу, мама.

– Но ты ведь теперь не в уголовном розыске.

– Это особое дело... На этот раз ни о грабеже, ни об убийстве не идет речь. Пропал несчастный человек, и я должна помочь его друзьям найти его.

– Только и всего?

– Да, пока только это. И очень тебя прошу – не спрашивай меня больше о Рудакове.

Конечно, не надо было так с мамой, она очень огорчилась, но что еще могла сказать ей Татьяна о своих взаимоотношениях с Рудаковым?..

5

В половине девятого Грунина звонит Крамову домой, но капитан, оказывается, уже уехал в райотдел.

«Поеду-ка я к нему без звонка, – решает Татьяна. – Поговорю заодно и с Лазаревым».

Капитана Крамова Татьяна застаёт в его кабинете. Совсем недавно это был ее кабинет. Собственно, небольшая комнатка с солидным названием: «Кабинет старшего инспектора райотдела». Тут все ей так хорошо знакомо, будто она только что вернулась из обычного отпуска и снова сядет сейчас за этот старомодный стол с поцарапанным настольным стеклом, придвинет поближе телефон и начнет обзванивать нужных ей людей. Крамов ничего тут не изменил и не переставил, появилась лишь пепельница, полная окурков.

– Татьяна Петровна! – радостно восклицает Крамов, поднимаясь из-за стола. – Очень рад вас видеть!

– Я тоже очень рада, Аскольд Ильич, – протягивает ему руку Татьяна. – Я к вам в связи с исчезновением Вадима Маврина. Вы ведь об этом знаете уже...

– Кое-что даже предпринял. Но пока ничего существенного. Бесспорно лишь то, что он ушел из дома наспех. Взял с собой только самое необходимое.

– А что вы имеете в виду под самым необходимым?

– Из трех своих костюмов взял один сорочки, нательное белье и обувь...

– А пальто?

– Макинтош.

– Все Варино осталось, конечно?

– Кроме ее маленького портрета, висевшего на стене. Забрал еще все ее фотографии из альбома.

– А когда примерно ушел?

– Соседка видела его с чемоданом около десяти вечера. И был он не один. С ним из его квартиры вышел еще какой-то мужчина в темном костюме. Лица его в сумерках она не разглядела.

– Куда направились, не обратила внимания?

– Она видела их на площадке лестничной клетки.

– Евгению Николаевичу докладывали?

– Докладывал.

– Ну, я тогда зайду к нему и, может быть, помогу вам в этом деле.

...Начальник районного отдела внутренних дел подполковник Лазарев идет ей навстречу,

сия радостной улыбкой.

– Приветствую вас, дорогая Татьяна Петровна!

– А почему не как прежде – Танечка? – смеется Грунина. – И без обычного вашего: «Вы все хорошеете»?

– Так вы же сердились на это...

– Теперь не рассержусь. Я очень, очень скучаю по прежней своей работе, Евгений Николаевич. Может быть, напрасно ушла от вас...

– А мы, думаете, не скучаем без вас? Но ведь вы сами...

– Да, сама, – вздыхает Татьяна. – Но теперь уже поздно об этом. А я к вам в связи с исчезновением Маврина...

– Докладывал мне о нем Крамов. Не понимаю я, чего вы все так всполошились? У него ведь вещи остались, свои и жены. Вернется он за ними да и квартиру так не бросит.

– Ждать, когда сам вернется, рискованно. Может и вообще не вернуться... Судя по всему, он снова встретился с тем авантюристом, из-за которого попал на скамью подсудимых.

– С тем, который научные секреты профессора Кречетова хотел выкрасть?

– Да, Евгений Николаевич. С Корнелием Телушкиным.

– Ну, тогда дело может оказаться серьезным.

– Вот и помогите нам, Евгений Николаевич. Узнайте, пожалуйста, в какой тюрьме отбывал наказание Телушкин, когда освобожден, и вообще все о нем.

– А вы никуда не уезжаете? – спрашивает Лазарев, записывая что-то в настольный блокнот.

– Я буду в Москве, пока не найдется Маврин. И если понадобится, стану искать его сама.

– Личный сыск, так сказать?

– Как это будет называться, не имеет значения, главное – спасти Маврина. Он сейчас в таком состоянии, что Телушкин может его в любое преступление вовлечь.

– А вы, помните, говорили, что Варя Кречетова человека из него сделала.

– Он сейчас не человек, Евгений Николаевич! восклицает Татьяна. – Его пришибло горе, а Телушкин не упустит такого случая и воспользуется этим в своих, скорее всего, преступных целях.

– Узнаю прежнего моего старшего инспектора Татьяну Грунину, – смеется Лазарев. – Нет, не сделают из вас в аспирантуре кабинетного ученого, даже если дадут степень доктора юридических наук.

Прощаясь с Лазаревым, Татьяна просит:

– Нет ли у вас заводского телефона Рудакова?

– У него сейчас не только заводской, но и домашний есть. Он теперь начальник, мастер цеха.

– О том, что мастером стал, мне известно, а о домашнем телефоне впервые слышу.

– Не успел, наверное, сообщить.

Вечером Татьяна звонит Рудакову:

– Здравствуйте, Олег! У вас, оказывается, домашний телефон теперь?

– Да, установили недавно.

– А как – недавно? Неделю назад или полгода?

– Какие там полгода – всего два месяца...

– И вы за это время ни разу мне не позвонили? Не нашли нужным даже номер сообщить?

– Не хотелось вас беспокоить, отрывать от занятий по такому пустяку.

– Я вас тоже не буду беспокоить по пустякам. У меня к вам деловой вопрос: в каком состоянии сейчас профессор Кречетов? Сможет он меня принять?

– Думаю, что сможет. Андрей с Настей говорят, что ему стало лучше.

– Спасибо за справку. Спокойной ночи.

марксиста Антуана Казановы «Второй Ватиканский собор». Об этом соборе уже писали наши философы и журналисты, но с таким обстоятельным анализом эволюции католической церкви от Первого до Второго собора Андрею не приходилось еще знакомиться. Много воды утекло за столетие, отделяющее один собор от другого. На Первом о боге говорилось, как о высшем сверхъестественном существе, во всем своем великолепии возвышавшемся над созданным им миром. Человек, призванный до конца жизни своей служить этому могущественному богу, мог общаться с ним только при посредничестве церкви. Непосредственное общение его с богом исключалось.

Бог и в современном католицизме оставался высшим существом, но на Втором Ватиканском соборе сущность его во многом отличалась от сущности бога Первого собора. Образ бога современной католической церковью максимально гуманизирован и даже, пожалуй, демократизирован, доступен всем людям без посредничества церкви. Если раньше в их догме главным было служение человека богу, то теперь предполагалось служение бога человеку.

Не от хорошей жизни пришлось высшим церковным иерархам – кардиналам и епископам – так демократизировать всевышнего. Перед ними возникла тревожная перспектива не только «религии без бога», но и «мира без бога и церкви», а это для них куда опаснее.

В одной из католических энциклик Второго собора так прямо и сказано: «Различные и все более многочисленные группы отходят от религии. Отказ от бога и религии не касается ныне, как это было в прошлые времена, лишь отдельных индивидов».

Появился и новый термин – «дехристианизация». Она охватила широкие слои населения даже в таких странах, как Франция, Италия и Испания, где католическая церковь обладала наибольшим влиянием. Революционный дух двадцатого века, научно-техническая революция и материалистическая философия властно вторгались в сознание людей, подвергали сомнению религиозные догмы, сокрушали веру во всевышнего.

Со всем этим церковь не могла уже не считаться. Она понимала, что бог не может в теперешних социальных условиях «воображаться с атрибутами господствующего класса». Чтобы не допустить разрыва между религиозными устремлениями народа и тем образом бога, который на протяжении многих веков предлагался духовенством, требовалось допустить непосредственную связь бога с народом, «дружеский и братский диалог». Значит, и язык книг, в которых бог выражает себя, не должен быть высокомерным и далеким от забот и надежд большинства верующих.

Непонятные обряды и речи бога на недоступной простому народу латыни не воспринимаются больше как знаки высшего величия таинств, ключ от которых находится у церковнослужителей. Все это, по мнению самих же прелатов, имеет лишь «отгалкивающий эффект».

Тексты документов собора пишутся теперь не прежним сухим, безличным, административным тоном. Они изобилуют библейскими образами и делают бога доступным всем. Его откровения не представляются больше даром надменных небес людям. Христос ныне предстает перед людьми как их брат и считает чуть ли не за честь для себя стать «человеком, посланным к людям».

На Втором Ватиканском соборе все подверглось пересмотру, в том числе и священная история. Многие участники собора, носящие пышные средневековые титулы монсеньеров, вынуждены были признать мифический характер священного писания и настаивали на необходимости обстоятельного пересмотра Евангелия и Библии, чтобы не смущать больше верующих, «не скандализировать интеллигенцию, не ставить католическую веру в смешное положение и не заводить в тупик католических священников».

– Не позавидуешь святым отцам, – посмеивается Андрей, закрывая книгу Антуана Казановы.

Решив сделать перерыв, Андрей берет со стола свежие газеты и, развернув одну из них, обнаруживает в ней конверт с адресом, написанным размашистым почерком деда. Давно уже не получал он писем от Дионисия Дорофеевича. Интересно, что нового у деда, здоров ли?

Торопливо надорвав конверт, Андрей извлекает из него две странички линованной бумаги.

«Здравствуй, дорогой внук!

Что-то ты совсем забыл своего деда. Или считаешь зазорным общаться с духовным лицом, став философом-материалистом?

Давно бы пора отлучить меня и от церкви, и от духовной семинарии за богохульные мои мысли и слова, но покладистое духовное начальство нашей епархии все еще терпит такого грешника, как я. Мало того – советуется со мной по разным вопросам и не только ректор семинарии, но и сам архиерей.

В общем, все в родном твоём городе Благове и его духовной семинарии, как и прежде, без особых изменений, если не считать того, что появился у нас новый преподаватель. Ректор им, может быть, и доволен, а я не очень. Уж больно боек на язык. Говорят, до духовной академии в университете учился и потому в науках сведущ. Из кожи лезет вон, чтобы завоевать сердца семинаристов.

Читает лекции даже для преподавателей семинарии. Был и я на одной и убедился, что развивает он не свои идеи, а папы Пия XII, что современное естествознание находится на пути к богу.

А вчера вдруг о пришельцах из космоса завел со мной речь. Не объявляет их, однако, ни святыми, ни причастными к божествам, как это пытаются делать некоторые наши проповедники. Сказал только, что оставили они будто бы какие-то письма, в которых, наряду с научными и техническими советами землянам, сказано что-то и о всевышнем. Не о том боге, правда, который в Евангелии и Библии описан, а как о высшей духовной силе, коей не только Земля и другие планеты Солнечной системы подвластны, но и вся Вселенная. Они, пришельцы эти, хотя и высочайшего совершенства достигли, но он считает, что всевышний и для них не постижим.

Все это, в общем-то, не ново, конечно, однако он по-своему миф этот преподносит и заставляет задуматься. Собирается даже письма те или хотя бы фотокопии их не только духовенству, но и прихожанам местного собора продемонстрировать, чтобы не быть голословным.

Это и есть моя главная новость, дорогой внук, а все остальное как было, так и осталось. В моем бытии тоже все незыблемо, даже здоровье. Приехал бы навестить старого своего деда и непременно с Анастасией. У меня целая куча вопросов к ней. В тетрадку их записываю.

Жду вас и благословляю по старой привычке.

Твой дед Дионисий».

Андрей невольно улыбается, представив, как дед его разинув рот слушает нового преподавателя семинарии, прикидываясь простаком и задавая ему наивные вопросы. Это он умеет делать артистически...

Размышления Андрея прерывает приход Насти.

– Привет аспирантуре! – весело кивает она Андрею. – Что это у тебя физиономия такая радостная?

– А она у меня всегда такая, когда ты приходишь. Не замечала?

– Сегодня, однако, какая-то особенная.

– Ну, тогда, значит, письмо деда так меня обрадовало. Прочти его, тут и о тебе кое-что.

Настя снимает туфли и ложится на диван.

– Устала я сегодня, – вздыхает она. – Занималась не совсем привычным делом – сыском.

– Сыском? Это любопытно. Расскажи, пожалуйста.

– Прежде прочту письмо доктора богословия.

Читая, она посмеивается:

– Ну и задористый характер у твоего деда. Не даст он спокойной жизни новому преподавателю семинарии.

– Если понадобится, то и мы ему поможем.

– Похоже, что он его и без нас... Ну, а сыск мой касался родословной Вадима Маврина. Отыскала я людей, знавших его отца и мать. Духовного звания оказались. Отец дьяконом был, а мать после его смерти ушла в женский монастырь. Пятилетнего Вадима оставила у старшей сестры, которой было не до воспитания племянника. Вот он и вырос забулдыгой, и если бы не Варя... Но это ты и сам знаешь.

– Мать его все еще в монастыре?
– Этого никто не знает. А сестры ее, у которой Вадим воспитывался, нет уже в живых.
– Что же в таком случае дают нам раздобытые тобой сведения?
– Разве только то, что никаких родных у Вадима нет.
– Тогда снова он с Корнелием Телушкиным Надо, значит, искать след этого проходимца, и тут вся надежда на Татьяну Петровну. А ты все еще «Второй Ватиканский собор» штудируешь?

– Буквально зачитываюсь! Чертовски все интересно. Ты послушай, что на нем соборные отцы о диалоге с коммунистами говорили. Вот, например, что заявил кардинал Альфинк:

«Будем же избегать всякого нового осуждения коммунизма. Почему? Да потому, что это делалось неоднократно и бесполезно делать это еще раз. Это решительно ничего не изменит... Как показывает опыт компетентных людей, такого рода осуждение бесполезно и совершенно ни к чему не приведет. Напротив, диалог может принести пользу. Не будем же мешать этому диалогу крикливыми заявлениями».

– И эту точку зрения кардинала Альфинка разделяют другие прелаты католической церкви? – спрашивает Настя.

– Не все, конечно. Западногерманский епископ Дабелиус, например, заявил, что атомную смерть следует предпочесть жизни при коммунизме. Но подобная позиция ультраконсервативного духовенства, считающего коммунизм «союзником дьявола», не была поддержана здравомыслящим большинством епископов.

– Не отказываются же они, однако, от борьбы с коммунизмом?

– Пока меняют только тактику. С пути насилия переходят на путь диалога, то есть борьбы идей. Речь идет об изменении официальной позиции епископата и христианства в целом не в стратегическом, так сказать, а лишь в тактическом отношении. Все это делается, конечно, не с целью ослабления, а для укрепления католической церкви в условиях современного мира.

– Да, – усмехается Настя, – по-военному четко определил свою позицию нынешний наместник престола святого Петра. Жизнь, однако, заставляет и папу и его епископат изворачиваться и ловчить: демонстрировать близость церкви к простым людям, представлять ее «матерью бедных и обездоленных».

– Священникам рекомендуется даже всячески приспособливать церковный культ к обычаям различных народов и делать его недорогим...

– В связи с этим, – перебивает Андрея Настя, – вспоминаются мне слова Жана Жореса, сказавшего, что церковь стремится стать на сторону слабых, когда слабые становятся сильными.

– Это какой же Жорес? Французский историк? Тот, который написал «Историю Великой французской революции»?

– Тот самый. Кстати, это ведь он в девятьсот четвертом году основал газету «Юманите», ставшую боевым органом французской революционной демократии. Не пора ли, однако, кончать дискуссию и подумать об обеде?

– А чего думать – я тут приготовил кое-что. Прошу к столу!

7

Едва Татьяна собралась позвонить подполковнику Лазареву, как раздался звонок самого Евгения Николаевича.

– Здравствуйте, Танечка!

– А я только что хотела вам позвонить...

– Сработала, значит, телепатия, – смеется Лазарев.

– Чем порадуете, Евгений Николаевич?

– Приезжайте, есть материал для размышлений.

– А когда?

– Да хоть сейчас. Даже лучше всего именно сейчас. Возьмите такси и прямо к нам.

– Еду.

Грунина выходит из такси у здания районного отдела внутренних дел.

– Вы все хорошеете, Танечка, – радушно улыбаясь, приветствует ее Лазарев. – И, ей-же-богу, говорю вам это не по вашей просьбе, а потому, что так оно и есть.

– Ну, это уж вопреки законам природы, – смеется Татьяна. – До каких же пор можно хорошеть? Я ведь вступила в бальзаковский возраст.

– Над истинно красивыми и хорошими людьми время не властно, а бальзаковский возраст в наше время – пора наивысшего расцвета женщины.

– Спасибо за утешительную справку, но у вас, наверное, не так уж много времени, чтобы...

– А вы все такая же! – хохочет Лазарев.

– Это плохо или хорошо?

– Хорошо! Но давайте, в самом деле, ближе к делу, времени у меня действительно в обрез. Познакомьтесь сейчас с любопытным документом.

Он достает из стола какую-то бумагу, пробегает ее глазами и протягивает Татьяне:

– Вот тут сведения о некоем отце Феодосии. В переводе с греческого имя сие означает – «богом данный». И кто бы, вы думали, этот «богоданный» слуга православной церкви?

Татьяна недоуменно пожимает плечами.

– Корнелий Телушкин! – торжественно произносит Евгений Николаевич.

– Вот уж чего действительно не ожидала! – всплескивает руками Грунина.

– Он, оказывается, еще в колонии стал проявлять, а скорее всего, симулировать набожность. Вел разговоры только на религиозные темы, стал носить нательный крестик, раздобыл где-то Евангелие. А как только отбыл свой срок – поступил в духовную академию и закончил ее досрочно.

– Теперь, значит, уже в сане иерея?

– И прекрасно зарекомендовал себя не только проповедником, но и преподавателем Одесской семинарии. Став священником, сменил свое имя Корнелий на Феодосий. Не думаю, однако, чтобы этот авантюрист вдруг уверовал в бога и стал его верным слугой.

– А не мог он податься в священники из-за больших заработков духовенства? Известно что-нибудь, как он ведет себя в Одесской семинарии?

– Ректор семинарии ходатайствует о присуждении ему степени магистра богословия без защиты диссертации.

– Да, далеко пойдет этот проходимец! – вздыхает Татьяна. – А вот зачем ему Вадим Маврин понадобился – непонятно.

– Я уж и сам ломал над этим голову.

– Вы думаете, что соседка Вадима именно с ним его встретила на лестничной клетке?

– Похоже, что с ним. Приметы сходятся.

– Знаете, Таня, какая у меня мысль вдруг возникла? – постукивая шариковой ручкой по настольному стеклу, говорит Лазарев. – Не вздумал ли этот отец Феодосии проделать над Мавриным какой-нибудь эксперимент? Нечто вроде публичного обращения атеиста в правоверного христианина.

– Для чего ему это? – недоумевает Татьяна. – Если бы еще этот атеист был широкоизвестной личностью, а то какой-то никому не известный слесарь... Правда, слесарь-лекальщик он первоклассный.

– Вы думаете, что Телушкину потребовалось для чего-то высокое слесарное мастерство Маврина, как когда-то Грачеву? – перебивает Грунину Лазарев, откладывая в сторону ручку и облокачиваясь на стол.

– Думаю, что да. Но, скорее всего, для каких-то иных целей, чем Грачеву. Олег Рудаков сказал мне как-то: «Восьмой и даже девятый класс обработанной поверхности дает станок, а двенадцатый только лекальщик». Он считает, что искусство лекальщика – это тот рубеж, который еще предстоит взять машинной технике. Лекальщики к тому же универсалы, они могут все...

– А зачем все-таки их мастерство богословам?

– Богословам, может быть, и ни к чему, а вот Корнелию Телушкину, наверное, зачем-то

понадобилось. Он из той породы людей, у которых авантюризм чуть ли не в крови... Не думайте только, что я солидаризируюсь с Чезаре Ломброзо и его теорией «преступного человека». Я никогда не видела Корнелия Телушкина, но не сомневаюсь, что у него нет ни одного из тех анатомо-физиологических признаков, по которым Ломброзо определяет «прирожденных преступников». Но с его объяснением врожденной преступности нравственным помешательством я бы могла согласиться, правда, с некоторым изменением этой формулировки. Я бы отнесла авантюристов, подобных Корнелию Телушкину, к лицам, страдающим врожденной патологией нравственности.

– А я бы к вашей поправке сделал еще одну: назвал бы такую патологию не врожденной, а благоприобретенной и не такой уж неискоренимой к тому же.

– Иду и я на уступки, – улыбается Татьяна. – Да, болезнь, пожалуй, не наследственная в биологическом смысле, но у Корнелия она очень запущенная и потому неизлечимая.

– Не буду спорить с вами, Татьяна Петровна, в теории вы сильнее меня. В связи с этим задам один вопрос: буржуазные криминалисты все еще следуют антропологической школе Ломброзо?

– По-прежнему, Евгений Николаевич.

– А то, что по почерку, согласно Ломброзо, можно почти безошибочно определить врожденный «преступный тип», тоже ими признается?

– Не с такой категоричностью, как у Ломброзо. "Он ведь считал, что по почерку можно установить не только преступный характер, но и род и вид совершенного преступления. У убийц и грабителей он находил такие характерные, по его мнению, особенности, как удлинения, криволинейность и мечевидность верхних и нижних окончаний букв. А в почерке воров по его теории преобладают широкие закругленные буквы.

– Хорошо, что эта теория не взята на вооружение нашей криминалистикой, – смеется Лазарев, – а то меня пришлось бы не только снять с работы, но и привлечь к уголовной ответственности, как явного убийцу и грабителя. Обращали вы внимание на мой почерк? Вот взгляните-ка тогда на мою докладную записку начальству. Видите, какие у меня удлиненные буквы с мечевидностями в верхних и нижних окончаниях? Придется все это быстренько отпечатать на машинке, а то как бы кто-нибудь не придрался.

– Вы все такой же веселый и добрый человек, Евгений Николаевич. С каким бы удовольствием снова вернулась я под ваше начальство...

– Так в чем же дело?

– Теперь уж поздно, да и несерьезно уходить из аспирантуры спустя полтора года. К тому же и над диссертацией немало потрудились за это время.

– А если бы я вас попросил помочь нам разыскать Маврина, не жалко вам будет отпуск на это ухлопать?

– Не думаю, что на это уйдет весь отпуск.

– Думаю, что вам небезынтересно будет знать, что поиском Маврина занимаемся мы не по нашей только инициативе. К нам поступили официальные заявления от дирекции завода, на котором он работал, и от профессора Кречетова.

Лазарев снимает трубку и набирает номер одного из отделов Министерства внутренних дел.

– Здравствуйте, Виктор Павлович, это Лазарев вас беспокоит. Нет ли чего-нибудь нового об отце Феодосии?

– Уехал куда-то этот «отец», Евгений Николаевич, – отвечает Лазареву Виктор Павлович. – Нет, не в командировку, а совсем. Потерпите денек-другой – выясним. Проявлять интерес к нему официально пока не следует. Кстати, знаете, кто еще преподает в Одесской семинарии? Магистр Травицкий.

– Значит, после скандала он не был отлучен от церкви?

– Выходит, что нет. Но не это главное... Не кажется вам примечательной сама встреча Телушкина с Травицким?

– Это может быть и чистой случайностью, – замечает Лазарев после небольшого раздумья.

– У меня нет такой уверенности. Но даже если допустить, что встретились они случайно, то, находясь рядом, не могли не оценить друг друга и нашли, наверное, общий язык.

– Но ведь они довольно разные...

– А по-моему, у них много общего, потому что фанатизм Травицкого тоже на грани авантюризма.

– Вы имеете в виду его неудачный эксперимент общения со всевышним?

– В этом эксперименте было много неясного.

– Велось ведь следствие по этому делу.

– Травицкий все тогда свалил на бывшего взрывника Серко. Тот был постоянно пьян и потому почти невменяем, но я не сомневаюсь, что дом он заминировал по заданию Травицкого. Магистру это дорого могло обойтись, если бы не заступничество главы местной епархии. Он считал Травицкого одержимым защитником веры, действовавшим «в помрачении сознания».

– Но Травицкий был все-таки осужден.

– Всего на год. А когда вернулся, духовенство снова приняло его в свое лоно да еще великомучеником, наверное, объявило. Православная церковь кого только не возводила в ранг божьих угодников и святых! В Благов, однако, они не решились его вернуть, устроили в Одесскую семинарию.

– Виктор Павлович, вы мою бывшую сотрудницу, старшего инспектора Грунину, помните? Примите ее, пожалуйста, и ознакомьте с делом Травицкого поподробнее. До свидания, Виктор Павлович, еще раз большое вам спасибо!

Положив трубку, Лазарев довольно улыбается.

– Сосватал я вас комиссару милиции Ивакину, Татьяна Петровна. Это тот самый, который помогал благовским сотрудникам нашего министерства расследовать дело магистра Травицкого. Его хорошо Настя Боярская знает. Или она теперь Десницына?

– Нет, оставила свою девичью фамилию. Дайте мне телефон комиссара.

8

Грунина условилась зайти к Насте часов в восемь, когда та вернется с работы. Но дома Татьяна застаёт одного Андрея. Настя, оказывается, задержалась где-то и вот-вот должна прийти.

«Скорее всего, зашла в магазин купить что-нибудь на ужин в связи с гостьей», – решила Татьяна.

Андрей явно рад ее приходу, не знает, куда посадить.

– Вы не суетитесь, пожалуйста, Андрей Васильевич, – говорит Татьяна, – я у вас дома ведь не в первый раз.

– Я не сучусь, Татьяна Петровна, – смущенно улыбается Андрей, – просто не обучен светскому обхождению, как говорится, и потому у меня все так нескладно...

– Терпеть я не могу этого «светского обхождения»! – восклицает Татьяна. – Обойдемся как-нибудь и без него, мы ведь с вами старые друзья. Ну, как вам «живется» в аспирантуре?

– Интересно, но иной раз вздыхаю по инструментальному цеху, из которого пришлось уйти.

– А мне казалось, что наука вам ближе.

– На заводе мне были нужны умные, талантливые руки, в аспирантуре светлая голова, долговременная и оперативная память, говоря языком кибернетиков. А у меня, наверное, руки талантливее головы.

– Ну, голову-то всем нам нужно бы получше, не поднимать же из-за этого руки вверх?

– Я и не поднимаю. Вздыхаю только. Очень трудно постичь все, что открывается взору. Не хватает целенаправленности, мысли разбегаются от многообразия проблем...

– К проблемам атеизма не охладели еще?

– Напротив, с большим увлечением работаю над своей диссертацией о буржуазных фальсификаторах корней религии на Руси и о положении церкви в Советском Союзе. Стараясь вникнуть в суть утверждений некоторых преподавателей православных духовных ака-

демий в Нью-Йорке и Париже, считающих, что русский народ был, есть и остается «народом-богоносцем».

– Что вы, Андрей Васильевич, неужели до сих пор тужатся над этими проблемами православные богословы?

– Изю всех сил пытаются запутать этот давно уже решенный нашими историками вопрос, – смеется Андрей. – А что касается русского православного духовенства и религиозности русского народа, то лучше Белинского в его гневном письме Гоголю никто, пожалуй, не сказал. Я вам сейчас прочту кое-какие строки из него.

Андрей достает из книжного шкафа книгу с закладками, открывает нужную страницу и почти декламирует:

– «Неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно!..» Слушайте дальше, – перелистывает страницу Андрей. – «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пие-тизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себя кое-где. Он говорит об образе: годится – молиться, а не годится – горшки покрывать.

Присмотритесь попристальней, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

– Позавидуешь темпераменту «неистового Виссариона»! – восклицает Татьяна.

– Мне бы хоть малую частицу его таланта и темперамента, – вздыхает Андрей. – А ведь он так гневно не кого-нибудь, а писателя, о котором в том же письме вон что писал: «Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своей страной, может любить ее надежду, честь, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса». Кто еще решился бы сказать такое автору «Мертвых душ»? Но вот, кажется, и Настя!

Он спешит к входной двери и стремительно распахивает ее. У порога стоит Настя с тортом в руках и авоськой, полной свертков.

– Я так и знала, что вы из-за меня бегали по магазинам! – укоризненно говорит Татьяна. – Я ведь к вам по делу...

– Вовсе не из-за вас, мы и сами любим полакомиться. Пока я буду готовить ужин, расскажите, пожалуйста, что у вас нового.

Татьяна кратко сообщает все, что узнала от Лазарева, и спрашивает, помнит ли Настя комиссара милиции Ивакина.

– Еще бы не помнить! – отзывается Настя. – Ивакин, правда, тогда полковником был...

– Тот день у меня на всю жизнь в памяти останется, – перебивает Настю Андрей. – И не потому, что чуть было богу душу не отдал, а потому, что именно тогда окончательно прозрел.

– А как по-вашему, только ли инсценировку общения со всевышним затевал магистр Травицкий?

– Теперь не уверен в этом. Была у него, пожалуй, еще какая-то цель.

– Не будем пока ломать голову над этим, – говорит Татьяна. – Но у меня тоже к вам вопрос: где сейчас Травицкий? Не знаете? Мы тоже пока не знаем. А был в Одесской духовной семинарии. И знаете вместе с кем? С Корнелием Телушкиным. Да, тем самым, о котором я вам в свое время рассказывала. Он тоже теперь богослов. Духовную академию, оказывается, окончил.

– Чудеса! – качает головой Десницын.

– Непонятно, только, почему Телушкин убыл вдруг куда-то. Предполагается, что в другую семинарию...

– Убыл, говорите? – оживляется Андрей. – Уж не в нашу ли, Благовскую? Сообщил мне мой дед Дионисий, что в семинарии у них преподаватель новый.

– А зовут его как? Не отцом ли Феодосием?

– Именно отцом Феодосием! Так это Корнелий Телушкин, значит?

– Похоже, что он...

– А что, если бы тебе самому в Благов съездить? – предлагает Настя. – И деда навестишь, и к отцу Феодосию лично присмотришься. Я думаю, Дионисию Дорофеевичу не трудно будет тебя с ним познакомить.

– Не возражаю, – соглашается Андрей.

– Может быть, и вы с ним, Татьяна Петровна? – обращается Настя к Груниной. – Без вашего руководства Андрей может ведь все дело испортить. Остановитесь у моих стариков под видом дальней родственницы. Я их предупрежу и подготовлю. Дома моих родителей и деда Дионисия стоят друг против друга, так что вы будете все время с Андреем рядом.

– Боюсь, как бы мой приезд не настрожил «отца Феодосия».

– Чем? В городе, кроме местной милиции, вы для всех – «прекрасная незнакомка».

– Будем считать, что вы меня уговорили, – улыбаясь, соглашается Татьяна.

За чаем они шутят, говорят о разных пустяках и ни слова о Вадиме и Варе, будто боятся вспомнить об этом. Даже когда Андрей пытается завести разговор об Олеге, Настя незаметно толкает его локтем в бок, и он умолкает. Но зато, когда Настя посылает его за чем-то на кухню, Татьяна сама заводит разговор о Рудакове.

– У меня такое впечатление, что вы все меня в чем-то вините. Может быть, даже не вслух, а молча, про себя... Считаете, наверное, что я не права в наших взаимоотношениях с Олегом. Могу я с вами поговорить откровенно?..

– Подождите, – шепчет Настя. – Сейчас ушлю куда-нибудь Андрея... Сходи-ка к Мартыновым, Андрюша! – повышает она голос, чтобы Андрей услышал ее на кухне. – Возьми у них наш магнитофон, я хочу Татьяне Петровне свою фонотеку продемонстрировать... – Теперь мы можем спокойно поговорить, – подсаживается Настя поближе к Груниной, когда Андрей уходит. – Мартыновы – это наши соседи, от них он так быстро не вернется. А теперь о ваших взаимоотношениях с Олегом. Если хотите знать мое мнение, то я просто вас не понимаю...

– Чего же именно не понимаете? Того, что у нас с Олегом отношения не складываются? В этом я и сама пока не разобралась. Олег вам что-нибудь говорил...

– Ну что вы, Татьяна Петровна! Вы же знаете Олега, разве он станет об этом... Но нам казалось...

– Ах, вам казалось, что у нас все должно завершиться так же, как у Анатолия с Мариной или как у вас с Андреем? – с едва сдерживаемым раздражением перебивает Настю Татьяна.

– Зачем же так упрощать, Татьяна Петровна? У нас с Андреем тоже было не так уж просто.

– Я не упрощаю, а уточняю, – невесело улыбается Татьяна, досадуя на себя, что затеяла этот разговор. – Но, в общем-то, вы ждете от нас чего-то близкого к такому финалу. Для этого Олег должен бы был хоть сказать мне о своих чувствах...

– Значит, он почувствовал, как будет встречено его признание. А вы не догадываетесь разве, что он вас любит? Какие слова могут сравниться с этим?

– Я и не ждала от Олега никаких признаний, – взяв себя в руки, уже спокойно говорит Татьяна. – Однако вы принимаете только сторону Олега, а подумал ли кто-нибудь, каково мне? Мы с вами примерно одних лет, и вам легко было бы понять меня...

– Как – одних лет? – восклицает Настя. – Разве вам тридцать пять?

– Мне тридцать четыре, а ему двадцать восемь. Вот какая, как говорится, арифметика, – снова грустно улыбается Татьяна.

– А Олег знает об этом? – спрашивает Настя наконец.

– Мы с ним об этом не говорили. На вид мне, пожалуй, не дашь столько, и ему, наверное, кажется...

– Ничего ему не кажется, Татьяна Петровна! – укоризненно качает головой Настя. – Человеку, который любит вас так, как Олег, не до ваших анкетных данных. Как же вы этого не понимаете?

– Наверное, я действительно чего-то не понимаю, – почти равнодушно произносит Татьяна.

Насте становится вдруг очень жаль Татьяну, и она порывисто обнимает ее:
– Простите меня, ради бога! И пошлите к черту всех, кто лезет к вам в душу, в том числе и меня. Вы с Олегом и сами во всем разберетесь, правда ведь?
– Правда, Настя...
В это время хлопает входная дверь, и появляется Андрей с магнитофоном.
– Еле вырвался от этих Мартыновых! – отдуваясь, говорит он. – Заставили-таки выпить за здоровье главы семейства. У него сегодня день рождения.

9

По паспорту Телушкину сорок, но выглядит он гораздо моложе, и у шестидесятилетнего ректора Благовской семинарии язык не поворачивается называть его отцом Феодосием. И вообще неприятен ему чем-то этот выскочка, которому без защиты диссертации собираются присвоить звание магистра богословия... Его эрудиции проповедника можно, конечно, позавидовать, но все это ректору не по душе. Что, однако, поделаешь, если у отца Феодосия «рука» в епархии, как говорят прихожане. А скорее всего, покровители его где-то повыше, так что лучше с ним не связываться.

Все эти беспокойные мысли приходят в голову ректору бессонной ночью. Хоть и грехом считает, но принял он сегодня на ночь снотворное, да не подействовало, видно. От неприятных мыслей теперь не уйти. Нужно было не поддаваться уговорам Феодосия.

Сам он, и как ректор, и как духовное лицо, всегда был против новшеств. Воззрений обновленческого митрополита Введенского и других реформистов православной церкви он никогда не разделял и в душе, видит бог, всегда будет против этого. Ибо до какого же предела может видоизменяться религия, оставаясь религией?

Жизнь, правда, идет, а господь не желает ни во что вмешиваться, вот и стареют многие догмы. Православие не одно столетие утверждало богоустановленную царскую власть. В этом была сущность всего того, чему учило Евангелие, смысл всех православных канонов и сама душа православного христианства. Но царская власть оказалась зыбкой. Пришлось приспособливаться и, как говорит отец Феодосий, «проявлять гибкость, пока позвоночник не сковали соли полиартрита».

Это он очень метко заметил, и в переносном и в прямом смысле, ибо ректору Благовской семинарии действительно не дает по ночам покоя этот адюв полиартрит. Да и днем теперь с посохом приходится перемещаться. Слава богу еще, что семинаристы думают, будто посох у него для солидности...

А Советскую власть православной церкви пришлось не только признать, но и пересмотреть все прежние ее воззрения на происхождение и природу светской власти вообще. Когда становится невозможным совместить устаревшие догмы религии с реальной жизнью, приходится поступиться традиционным консерватизмом во имя сохранения самой религии и идти на ее обновление.

Понимая все это, ректор не упрямится, когда на него наседают модернисты. Даже такому фанатику, как Травицкий, пришлось разрешить его сумасбродный эксперимент. Как плачевно, однако, кончилось все это! Чудом сами-то уцелели...

И все-таки духовные власти продолжают покровительствовать модернистам. Дали даже понять, что Феодосий переведен в его семинарию с целью осовременить ее, привлечь в стены ее побольше молодежи.

Делать что-то, конечно, надо, а то можно растерять и семинаристов и прихожан местных церквей.

...Отец Феодосий приходит ровно в восемь, как условились. Ректор с укоризной смотрит на его отпущенные по нынешней моде волосы и щеголеватую бородку. Уж очень много общего у него с Травицким, только у того был в глазах фанатический блеск, а у этого расчетливость. Смотрит так, будто приценивается, и не поймешь: то ли купить собирается, то ли продать. Говорит, однако, почтительно, вкрадчивым, хорошо поставленным голосом. И логично, убедительно, а ректору так и хочется повысить голос и прикрикнуть на него, даже топнуть ногой, чего он обычно никогда себе не позволяет.

– Нам за Западом не угнаться, отец Феодосий, да и нет нужды. У нашей церкви свой путь, – спокойно, не роняя достоинства, произносит ректор.

– У всех религий один путь, отец Арсений. Падет одна, отзовется сие на иных. А католическое христианство нам не враждебно, у него есть чему поучиться. Оно поболее нашего ломает голову, как сохранить в людях веру. Не попытаться ли и нам подкрепить веру в творца? Но не только с помощью Библии.

– Пробовали уже с помощью одного научного эксперимента.

– Я догадываюсь, на что вы намекаете, отец Арсений. Эксперимент магистра Травицкого имеете в виду? Выходит, что и он переусердствовал. А я не предлагаю никаких экспериментов. Все будет тихо, без взрывчатки и прочих световых и звуковых эффектов.

– А сколько это «тихое чудо» будет стоить? – прищуривается отец Арсений.

«Смиранный вроде старикашка, – с досадой думает о ректоре Феодосий, – а сколько ехидства! Похоже, что не такой глупый, каким его Травицкий изобразил...»

– Ни копейки не будет это стоить православной церкви и нашей семинарии, хотя послужит укреплению веры сильнее многих наших проповедей.

– Прискорбно признаваться, но я в такого рода чудеса не очень верю.

– А вам не кажется, отец Арсений, – хмурится Феодосий, – что своим неверием в чудо...

– Не будем, однако, ожесточаться в споре, – примирительно говорит ректор, – прошу вас только как можно проще изложить вашу идею. Мои мозги традиционалиста не все в состоянии осмыслить...

– Не надо приbedняться, отец Арсений, – дай бог такие мозги всякому! Идея моя к тому же проста. Она обращена к тем верующим, которые ежедневно поглощают потоки информации. От радио не заткнешь ведь уши, перед телевизором не будешь сидеть с закрытыми глазами. Хотим мы или не хотим, но современная наука все более закабалает современного человека, в том числе и наших прихожан. Они ей верят все больше. Многие ученые считают, например, что разумная жизнь в нашей Галактике не столь уж частое явление.

– Но все равно все, даже те, кто с высшим образованием, особенно если с гуманитарным, слепо верят в пришельца с иных планет...

– Я знаю это, отец Феодосий, – устало кивает головой ректор.

– На этой вере в пришельцев и зиждется моя идея. У нас-то с вами нет никаких сомнений в существовании всемогущего бога, однако утверждать эту истину ссылкой только на Библию, которую критикуют теперь даже богословы, становится все труднее. Так пусть же убедят неверующих в существовании всевышнего «пришельца»!

– Каким же образом? – разводит руками ректор. – Не дожидаться же нового их пришествия?

– В этом и нет нужды. Нам достаточно и первого их визита. Вернее, следов первого их пришествия. Конечно, это не должно иметь ничего общего с наивной демонстрацией могущества их механизмов, с помощью которых они будто бы помогали египтянам сооружать пирамиды, а жителям острова Пасхи перетаскивать и устанавливать их многотонных идолов. Это работа не для пришельцев и даже не для их роботов.

– Какой же еще зримый след могли они оставить? – недоумевает ректор.

– След мудрых мыслей, отец Арсений! Неоспоримое доказательство своего интеллектуального могущества. Я не захватил с собой древние книги, найденные мною в подвале архиерея Троицкого. Мне известно, что и вы ими интересовались. Они, правда, в плачевном состоянии. Время, к сожалению, делает свое разрушительное дело, не щадя даже священных писаний. Прочсть все же кое-что можно. Напечатаны эти книги на древнецерковнославянском языке, которым вы владеете. Дело тут даже не в тексте, смысл которого туманен и неполон из-за отсутствия некоторых страниц. Говорится, однако, о каком-то пришествии...

– Почему о каком-то? – удивляется ректор. – По-моему, речь там идет о пришествии Христа.

– Имя Христа на уцелевших страницах не упоминается, и потому толковать это можно всяко. И как пришествие инопланетян в том числе. Давайте опустим на время вашу точку зрения, отец Арсений, а станем на ту, согласно которой речь может идти об инопланетянах.

И тогда непонятные римские цифры в тексте, как, например, «III. X^x», обретут смысл. Запишем теперь это арабскими цифрами, и у нас получится: $3 \cdot 10^{10}$. Знаете, что это такое? Скорость света в секунду! Ибо три на десять в десятой степени составляет тридцать миллиардов сантиметров, или триста тысяч километров. Стало быть, тут запечатлена одна из мировых физических констант, которая не могла быть известной ни одной светлой голове того времени. С достаточной точностью скорость света установили только в нашем веке.

– А как же попала эта константа в древние книги?

– Если считать, что в книгах этих говорится о пришельцах из иных обитаемых миров, все станет понятным. Кстати, там есть и другие не менее любопытные цифры. «II II III CMLXXV», например. Конечно, не сразу догадаешься, что это такое. А это, как я полагаю, цифровое выражение так называемого дефекта массы. Правда, для этого нужно еще проставить знаки между римскими цифрами следующим образом: «II + II = III, CM LXXV». Записанное арабскими цифрами, это будет выглядеть так: $2 + 2 = 3,975$. Это и есть цифровое выражение синтеза ядер или дефекта массы двух атомов дейтерия, слившихся в один атом гелия.

– А вы откуда о всех этих премудростях так осведомлены? – удивляется ректор.

– Я до духовной академии в университете учился, отец Арсений, на факультете теоретической физики. А что означает этот дефект массы, я постараюсь сейчас объяснить...

– Не надобно, отец Феодосий! – машет руками ректор. – Мне этого все равно не понять. Это что-то имеющее отношение к водородной бомбе?

– Да, к термоядерным реакциям. Случайно это или не случайно в древних книгах? Я думаю, что не случайно. Тут должна бы быть еще и формула, в которой энергия равна произведению массы на скорость света в квадрате. Наверное, пришельцы пытались как-то втолковать все это тогдашним летописцам, но тем, конечно, были понятны только цифры, которые они перевели, видимо, с двоичной системы счисления пришельцев на десятичную землян римскими цифрами. Пусть теперь кто-нибудь еще попробует объяснить смысл этих цифр в старинных священных книгах по-другому...

– У вас все логично, отец Феодосий, не пойму только, зачем вы мне все это говорите?.. В чем ваш замысел заключается?

– Затем, отец Арсений, чтобы доказать более убедительно, чем сделал это Дэникен, что на нашей планете действительно побывали пришельцы из космоса.

– А кто такой Дэникен?

– Один из ярых проповедников идеи космических пришельцев. По его книге поставлен в Западной Германии фильм «Воспоминание о будущем». Он шел и, кажется, идет еще на наших экранах. На Западе много шума наделала и другая книга – «Вечный человек». Ее написали французы Луи Повел и Жак Бержье. Они тоже пытались доказать пришествие инопланетян на нашу Землю. Но как? Ссылками на предположения, что в древности об этом событии существовали «какие-то записи». Еще кто-то из западных богословов утверждал, будто в Ветхом завете упоминается о сложном строении атома и законе всемирного тяготения. А вы, отец Арсений, обнаружили что-нибудь подобное в Библии?

Ректор очень внимательно и настороженно слушает Феодосия, отдавая должное и его знаниям и умению логически мыслить, а сам думает: «С какой же целью завел он этот разговор?..»

– Зато обнаруженные мною цифры в древних книгах уже не туманный миф, а сама реальность, – продолжает отец Феодосий. – Любая комиссия подтвердит вам это. Нужно только привести в порядок полуистлевшие страницы. Их, к сожалению, нельзя переносить и демонстрировать, они рассыплются от ветхости. Их текст необходимо размножить и обязательно на древнецерковнославянском. А подлинники под колпак, дабы уберечь от тления. Будут они у нас эталонными, так сказать.

– Как же, однако, собираетесь вы размножить их, да еще на древнецерковнославянском? Сейчас, наверное, ни в одной типографии и шрифтов-то таких нет.

– Было бы ваше согласие. У меня есть на примете умелец, мастер на все руки. Ему все посильно. Только нужно бы зачислить его в штат нашей семинарии слесарем-

водопроводчиком хотя бы...

– А этот «умелец» верующий?

– Он потрясен и деморализован трагической гибелью своей жены, ушел с завода и хочет искать утешения под кровом православной церкви.

– Ну хорошо, мы найдем ему должность.

Даже у себя дома ректор долго не может успокоиться. С одной стороны, он понимает, что Феодосий слишком уж вольно трактует обнаруженные им цифры. Но, с другой стороны, любой изолированный факт сам по себе мертв, пока его не обоснует умный (а подсознание подсказывает: «Может быть, еще и ловкий») комментатор. Хотелось бы, конечно, остаток дней своих прожить тихо, спокойно (и снова голос изнутри: «Честно»), но уж такое время сейчас, что так не только не проживешь, но еще и с амвона, или, как говорят миряне, со сцены сойдешь раньше времени. Другие, более прыткие, вмиг тебя обойдут, себя и церковь прославив.

А церкви сейчас ох как трудно! Ректор всегда был лоялен к Советской власти. Конечно, она ведет атеистическую пропаганду, но, по мнению отца Арсения, не очень эффективно, гораздо больше делают сама советская действительность и достижения современной науки.

Вот и приходится бороться изо всех сил за тех, кого атеисты относят к «обыкновенным верующим». Они составляют большинство посещающих церкви, и без их «гривенников и полтинников», как цинично выразился отец Феодосий, оскудела бы церковная касса. Они-то как раз и прислушиваются к модернистскому толкованию отдельных положений вероучения.

Закреть, может быть, глаза и дать возможность этому Феодосию осуществить свой замысел?..

Так и не придумав ничего более приемлемого, отец Арсений засыпает наконец тревожным сном.

10

Андрею Десницину очень хочется поехать в Благов вместе с Настей. С тех пор как они поженились, были ведь у деда всего три раза, а он так всегда радовался их приезду и хоть донимал Настю вопросами, относился к ней заботливее, чем к внуку. Андрею это было приятно, огорчала лишь ненасытная любознательность старика.

– Уж ты потерпи, Настя, – виновато улыбаясь, говорил он жене.

– Мне его любопытство не в тягость, – отвечала Настя. – Я могу только позавидовать ему. Если даже доживу до его возраста, боюсь, что к тому времени охладее ко многому. А у него светлая голова и совсем не праздное любопытство. И потом, он не только спрашивает, сам многое знает. Читает ведь день и ночь.

Своим дедом Андрей всегда гордился, даже когда в бога верил. Злился на него иной раз за насмешки над духовенством и над самим господом богом, но уважал за прямоту, бескомпромиссность, смелость и оригинальность суждений.

Андрей решает не звонить ему и не посылать телеграммы, чтобы не утруждать старика приготовлениями к своему приезду. Он садится на утренний поезд, а в полдень уже стучится в дубовую дверь родного дома, в котором до сих пор знаком и дорог ему скрип каждой половицы, каждый предмет немудреной его обстановки, мурлыканье серого кота, трущегося о ноги. Сколько поколений этих домашних животных сменилось в доме Деснициных, но всегда были они тигровой масти, и называл их Дионисий неизменно Васьками, потому что сочетание букв «с» с мягким знаком, по уверению деда, очень нравилось котам. Был этот Васька Василием XII.

Дед широко распахивает дверь и, ни слова не говоря, заключает внука в свои все еще могучие объятия. Он, как всегда, в стареньком подряснике, хотя ни в церкви, ни в семинарии не несет уже никаких официальных обязанностей, лишь числится каким-то «заштатным консультантом».

Борода у Дионисия совсем уже седая. Черными остались только могучие толстовские брови. Не сдал и голос, по-прежнему силен и звучен, на зависть дьякону местного собора.

Лишь расцеловав Андрея троекратно, Дионисий спрашивает:

– Что же ты без Анастасии-то?

– Занята Настя, приедет попозже. Готовится к международной конференции.

– А ты надолго ли?

– На целый месяц. У меня сейчас каникулы. Ну, а вы как тут живете?

– Да так, ничего вроде. Местное духовенство старается держаться подальше от меня, как и я от них, а семинарии я еще бываю нужен, особенно ректору. Кстати, он сегодня просил зайти к нему вечером домой. Отец Арсений человек неглупый, но не очень решительный, типичный традиционалист. Однако ему приходится приспосабливаться к духу времени и к натиску некоторых модернистов. Завелся тут у нас один кандидат в магистры богословия, отец Феодосий, писал я тебе о нем. По воскресеньям «актуальные проповеди» читает.

– Он, кажется, из Одесской семинарии?

– Оттуда. На вопросы прихожан дает толковые ответы. Снискал у них популярность. Начитан и сведущ в науках. Не чета дремучим местным традиционалистам. Чует, однако, мое сердце, что движет им не вера в бога.

За обедом, расспросив Андрея о здоровье и занятиях в аспирантуре, Дионисий достает журнал «Земля и Вселенная» и спрашивает:

– Чего это вдруг снова заговорили о «черных дырах», не знаешь, случайно?

– Я не астрофизик, мне трудно ответить на такой вопрос. Придется потерпеть до приезда Насти. Она специализируется по философским вопросам современного естествознания и лучше меня во всем этом разбирается.

– А тебя это не интересует? – удивляется Дионисий. – Считаешь, что к атеизму это не имеет никакого отношения?

– Насколько мне известно, «черные дыры» – это такие космические объекты...

– Это не объекты, – прерывает Андрея Дионисий. – Знаешь, как они называются? «Областью пространства, в которую упала звезда». А вернее, могилой бывшей звезды. Могилой, из которой не в силах вырваться ни луч света, ни атом вещества и вообще никакой иной сигнал. Вот уж воистину черная дыра!

– Я вижу, вы за это время многое постигли...

– Э, ничего я не постиг! – недовольно прерывает внука Дионисий. – И не постигну, ибо я всего лишь малограмотный бывший богослов, потрясенный могуществом науки. И чем больше узнаю, тем больше убеждаюсь в нелепости придуманного человеком бога, убогости и наивности этой выдумки. Зачем, например, понадобилась этому придирчиво копающемуся в человеческих грешках мелочному и злопамятному библейскому богу такая невероятно сложная Вселенная? Если же допустить, что это не его епархия, а владения дьявола, тогда могущество бога окажется несоизмеримо малым по сравнению с могуществом его антипода дьявола, и люди только по своему невежеству могут поклоняться такому ничтожному богу.

– Ну и богохульник же вы! – смеется Андрей.

– Я хую не бога. Нельзя хулить того, кого нет и быть не может. Я хую тех людишек, кои по лености ума ничего не хотят знать о мире, в котором живут.

Помолчав, Дионисий всматривается в слегка похудевшее лицо внука и замечает:

– Ты рассеян. Не очень слушаешь, о чем я говорю. Мысли твои о чем-то другом.

«Нужно, пожалуй, все ему открыть, – решает Андрей. – Я плохой актер, и он насквозь меня видит...»

– Вы, наверно, удивитесь, если я скажу, что приехал из-за отца Феодосия?..

– Нет, не удивлюсь.

– Я приехал бы и без того, но немного попозже...

– Ну, а если приехал в связи с Феодосием, почему же ты, а не работники Министерства внутренних дел?

– Приедут и они. Я по собственной инициативе. Пропал, бесследно исчез наш друг Вадим Маврин, о котором я вам как-то рассказывал. Его сразило горе, страшная беда – трагически погибла жена, он пал духом и снова попал в лапы авантюриста, который однажды чуть не исковеркал ему жизнь. А авантюрист этот – отец Феодосий, мирское имя которого – Кор-

нелий Телушкин.

– Я так и думал, что личность не из светлых! И куда же он увлек вашего Вадима?

– В том-то и дело, что не знаем. Не мог он где-нибудь в семинарии его устроить слесарем, а может быть, даже сторожем?

– Не думаю. Не слышал об этом ни от кого. Штат у нас небольшой, я почти со всеми лично знаком. Ну, а зачем ваш Вадим Феодосию мог понадобиться?

– Этого мы тоже пока не знаем. Вадим слесарь-лекальщик высокого разряда. Такой только для очень тонкой работы может пригодиться.

– Действительно, не очень понятно. По-моему, Феодосия скорее подвалы дома архиерея Троицкого могут интересовать. У нас в семинарии в свое время поговаривали, что Травицкого они привлекали. В доме архиерея, как тебе известно, жил покойный проректор семинарии Мирославский, но он-то едва ли мог хранить в подвале что-нибудь ценное. Уж если кто оставил там что-то, то только сам архиерей Симеон Троицкий. Он был знатного происхождения и незадолго до смерти получил наследство от какого-то богатого родственника. С местным духовенством и даже, кажется, с самим патриархом был он тогда в разладе, мог, стало быть, замуровать фамильные драгоценности в подземелье своего особняка, чтобы не достались они ни местной церкви, ни монастырю. Это было на него похоже.

– Помнятся и мне рассказы о богатстве Троицкого, – кивает головой Андрей. – Не мог унаследовать его Мирославский? Он ведь, кажется, родственник архиерея...

– Нет, нет! – машет руками Дионисий. – Это исключается. Мирославский был очень привержен церкви и пожертвовал бы ей все до копейки. Да Симеон и не оставил бы ему ничего. У него имелись более близкие родственники, к тому же Мирославский был в ту пору мальчишкой. Очень тут запутано все...

– Нас, в общем-то, не наследство архиерея Симеона интересует. Мы исчезновением нашего товарища встревожены. Все говорит за то, что он где-то в семинарии или неподалеку от нее. Я затем сюда и приехал. И если бы вы нам помогли...

– Все, что смогу, сделаю, конечно.

Телефонный звонок прерывает размышления Татьяны. Ей почему-то кажется, что это Олег. Оттого, наверное, что думала о нем весь вечер. Но звонит Анатолий. Также неожиданность. Никогда до этого не звонил.

– Извините меня, пожалуйста, Татьяна Петровна, что беспокою вас, но очень нужно с вами поговорить. Только, если можно, давайте не по телефону. У вас дома тоже не хотелось бы...

– Ну хорошо, приезжайте и ждите меня на троллейбусной остановке. Вы ведь знаете, где я живу. Походим возле моего дома.

Теперь уж Татьяна не сомневается: разговор будет об Олеге. Нет, нужно с этим решительно кончать!

В пятнадцать минут десятого она выходит из дома и медленно идет по своей улице к троллейбусной остановке. Солнце только что зашло, и все погружается в сумерки. Татьяна вечно спешит то в институт, то еще по каким-нибудь делам, ей некогда присматриваться к домам на родной улице, а ведь как изменилось все вокруг! Правда, дом, в котором она родилась и прожила всю свою жизнь, старинный, спроектированный известным архитектором, его не обречут на слом, но каким древним выглядит он среди новых, современных, выросших по соседству зданий. Кончают отделку еще одного дома, высокого, светлого, с длинными лоджиями, делающими его похожим на морской лайнер...

А вот и Анатолий. Выходит из подошедшего троллейбуса. Все такой же стройный и красивый.

– Извините меня, Татьяна Петровна, – торопливо говорит он. – Дело вот какое: звонил я сегодня Андрею. Он говорит, что дед его Дионисий ни о каком Вадиме ничего не слышал. Но мы все-таки думаем, что Вадим в Благове, раз там Корнелий Телушкин. Без вас один Андрей с этим делом не справится.

– Я что-то не понимаю! – удивляется Татьяна. – Ведь договорились же, что я туда поеду, а я привыкла держать свое слово.

– Мы, видите ли, подумали...

– Кто – мы? – начинает сердиться Татьяна.

– Я, Валя Куницына...

– А Настя Боярская?

– Только она одна не сомневается. Считает, что вы теперь с нами навсегда...

– Даже навсегда?

– Ну, не буквально, конечно.

– А вы с Валею не очень, значит, уверены?

– Честно вам сказать – я не очень...

– Кто же вам это внушил? Уж не Олег ли Рудаков?

– Он-то в вас больше всех верит, но мы думали...

– Плохо вы обо мне думали! И вообще не узнаю я вас, Толя. Мнетесь, чего-то не договариваете, а мне всегда так нравилась ваша прямота.

– Ну ладно, тогда я действительно лучше все прямо скажу. Хотел как-нибудь по деликатнее, но у меня это не получается. В общем, вот что: очень любит вас Олег...

– Он что, сам просил вас об этом мне сказать?

– Да вы представить себе не можете, что он со мной сделает, если только узнает о нашем разговоре! А не говорит он вам этого сам потому, наверное, что считает, будто он простой рабочий и вам не пара...

– Ну знаете ли, Анатолий!..

– Это я сам так за него подумал. Попытался представить себе ход его мыслей... Он ведь с нами на эту тему не только не желает, но и запрещает разговаривать.

– А почему, собственно, он должен об этом с вами разговаривать? С какой стати? Чтобы на меня, что ли, пожаловаться?

– Ну что вы, Татьяна Петровна! Как вы могли подумать такое!

– Тогда я положительно ничего не понимаю. Особенно вашего беспокойства...

– Вы не задумались, почему Олег перешел в филиал политехнического при нашем заводе?

– Да мало ли почему...

– Причина тут одна, Татьяна Петровна, – получение диплома инженера. Хочет в дальнейшем начальником цеха стать. А ведь Олег прирожденный лекальщик. Он разницу до двух миллиметров в толщине металлической поверхности пальцами чувствует. Без всяких микрометров и микроскопов. Другие лекальщики привыкают к своим инструментам и пользуются ими не задумываясь. А Олег все готов переделать, рационализировать, изобрести заново. Да разве такие люди уходят так просто от своих верстаков с разметочными плитами, от того дела, для которого рождены, которое для них само творчество?.. В общем, ни к чему ему выходить в начальство. Из-за вас он это... Поговорили бы вы с ним... А то, что вы старше его по паспорту, это ведь...

– Значит, Настя рассказала вам об этом! – восклицает Татьяна.

– Ничего она не говорила, я и сам знаю, сколько вам лет. Мне капитан Крамов сказал. Я еще подумал, говорить мне об этом Олегу или не следует? И решил, что не станет он слушать. Мало того – рассориться со мной может. Назовет не знаю просто кем, самым страшным ругательством обругает. Как же вы этого понять не можете?

– Получилось все, как в бездарном водевиле, с неременной глупой путаницей, – усмеяется Татьяна. – Но вам, Толя, спасибо за участие в нашей с Олегом судьбе, думается мне только, что мы и сами во всем этом разберемся.

– Поверьте мне, Татьяна Петровна, – прикладывает руки к груди Анатолий, – никогда бы не полез в чужую душу, но Олег мой друг и такой человек, за которого я...

– Ладно уж, так и быть, прощаю вас и надеюсь...

– Клянусь вам – больше об этом ни слова! А в Благов вы когда?

– Завтра утренним поездом.

- Можно мне вас проводить?
- Передайте Олегу, что я его прошу меня проводить.

Зная острый, язвительный ум Дионисия Десницына, ректор долго не решался обратиться к нему, но больше советоваться не с кем. Дионисий хоть и не слишком почителен, зато скажет все честно. Голова у него все еще светлая, а зла он никогда ни к кому, тем более к нему, ректору, не имел. В бога он, конечно, давно уже не верит но верующих не презирает, а жалеет. Ненавидит Дионисий только шарлатанов, спекулирующих на чувствах верующих. Поможет, значит, разобраться в истинных намерениях Феодосия.

Феодосий, может быть, и не шарлатан, вполне возможно, что и он фанатик, такой же одержимый, как Травицкий. Магистр, правда, нарушил законность, пытаясь использовать взрывчатку «не по назначению», как было деликатно сказано в ходатайстве семинарии в судебные инстанции. Цели его, однако, были высокими, в этом у ректора до сих пор нет сомнений.

А вот каковы цели у Феодосия? Тут отцу Арсению не все ясно. И он не очень, пожалуй, удивится, если... Но лучше все-таки не спешить с окончательными выводами, а послушать Десницына. Вот, кстати, и он!

– Рад, рад вас видеть, уважаемый Дионисий Дорофеевич! Спасибо, что откликнулись на мой зов. Хочу попросить у вас совета.

И ректор излагает вкратце идею Феодосия.

– Все это, значит, для укрепления веры? – усмехаясь, спрашивает Дионисий. – Ну, а если цифры, обнаруженные в древних церковных книгах, окажутся подтасованными? Подрисованными или подклеенными к тексту?

– Я сам их видел, Дионисий Дорофеевич. Текста, правда, было маловато, но в нем говорилось...

– Не будьте наивны, Арсений Иванович, вспомните, какой скандал был с фальсификациями рукописей покойного академика Белецкого. Ведь целую статью за него сочинили и приписали ему то, чего он не только не говорил, но и не мог сказать...

– Во-первых, мы к этой мистификации не причастны, – перебивает Дионисия ректор, – а во-вторых, речь в древней рукописи идет не о каком-нибудь историческом лице или о еще более древнем документе, предполагается, что в этой рукописи повествуется о пришельцах с других планет, чего, как мне известно, не опровергает и наука.

– Да, такую возможность наука в принципе не отрицает, крупнейшие современные ученые сомневаются, однако, в существовании разумной жизни на расстоянии нескольких тысяч световых лет от нашей Земли.

– Как же так? – искренне удивляется ректор. – Писали, писали о разных «летающих тарелках» и прочих предметах... Значит, советуете воздержаться?..

Дионисий так возмутился намерением Феодосия, что чуть было не забыл просьбу внука – никого пока не разоблачать, чтобы не насторожить Телушкина. А замыслил Феодосий хитро. От имени «пришельцев» можно и писать и говорить что угодно, их наследники не выступят с протестами и опровержениями, как, например, родственники академика Белецкого.

Нужно, однако, выходить как-то из положения, чтобы не запугать ректора скандалом, он не из храбрых.

– Но, в общем-то, Феодосий, может быть, и прав. Ибо доказывать пребывание на нашей Земле «пришельцев» свершением ими только таких «чудес», как установка на пьедесталы каменных статуй на острове Пасхи, просто наивно. Прочтите книгу Тура Хейердала «Аку-Аку», и вам все станет ясно. Там описано, как все это можно сделать без всякой космической техники, а с помощью одних только рук и дружных усилий. Другими авторами-землянами описано, как сооружались египетские пирамиды и куда исчез древний народ Южной Америки майя. А то, что «пришельцы» каким-то образом сообщали древним летописцам, какова истинная скорость света и формулу дефекта массы, – это уже серьезно. Убедительно и то, что запечатлены эти сведения в церковнославянских книгах. Но вы говорите, что они в

слишком ветхом состоянии?

– Да, в плачевном, – кивает продолговатой головой с острой седенькой бородкой ректор семинарии. – Демонстрировать их кому-либо просто рискованно, могут рассыпаться. Вот Феодосий и предлагает реставрировать хотя бы отдельные страницы с интересующим нас текстом.

– Реставрировать?

– Да, перепечатать заново тем же древнецерковнославянским шрифтом.

– Это как же, однако? Фотоспособом, что ли?

– Точно не знаю, о технике мы пока не говорили. Но, насколько я понял, у Феодосия есть человек, инструментальщик или лекальщик, я в этих вопросах не разбираюсь, который, по уверению Феодосия, все это сможет...

– А где этот лекальщик? Видели вы его?

– О нем тоже знаю лишь со слов Феодосия. Но прежде следует решить, стоит ли вообще затевать это дело.

– С главой епархии вы еще не советовались?

Ректор не сразу отвечает на этот вопрос. Видно, что-то смущает его. Прикидывает, должно быть, насколько можно открыться Дионисию.

– С вами, Дионисий Дорофеевич, хотел прежде посоветоваться, – молвит наконец Арсений. – Если вы не одобрите, то тогда и к архиерею ни к чему...

– Что я могу вам посоветовать, Арсений Иванович? – вздыхает Дионисий. – Вы и без меня знаете, как вам лучше поступить. Но я бы на вашем месте не стал пока ставить в известность владыку. Пусть Феодосий попробует, а там видно будет.

– А не авантюра ли это?

– Средств он на свое предприятие не требует?

– Пока об этом ни слова.

– Раз так, значит, ущерба лично вам и семинарии никакого. На авантюру, стало быть, это не похоже...

– Но если все-таки мистификация? Сраму тогда не оберешься.

– Да уж не без того, – соглашается Дионисий. – Однако рискнуть можно. Только покажите мне потом, что там у него получится.

– Непременно, Дионисий Дорофеевич.

– А где он этой реставрацией заниматься собирается? Нужно ведь его лекальщику какую-нибудь мастерскую предоставить для изготовления шрифтов. Потом еще и печатный станок соорудить.

– Станок-то, я полагаю, им не понадобится...

– На чем же он печатать будет? Не понесет же все это в типографию?

– Я ему это и не разрешу, пока вы не посмотрите. А под мастерскую попросил он подвал особняка архиерея Троицкого.

– Это где Травицкий с Куравлевым экспериментировали?

– Они в самом доме орудовали, а ему нужен только подвал

– В особняке ведь протоиерей Полоцкий живет?

– Он вчера по указанию патриарха на три месяца со всей своей семьей в Киев убыл. Мы за это время собирались особняк как следует отремонтировать. В нем всего три жилые комнаты осталось.

– А подвал?

– Подвал добротный. В нем при архиерее Симеоне хранилось церковное вино и мед от собственных его пасек. Да еще свечи. Свечной завод Троицкого находился в то время на соседней улице. Богатый был архиерей.

– Вы не помните, Арсений Иванович, кто унаследовал его капиталы?

– Говорили, что дочь, проживавшая в ту пору в Париже.

– У архиерея – дочь?

– Незаконорожденная, конечно. По завещанию ей будто бы все отошло...

– Откуда известно, что именно ей?

– Ходили такие слухи. Но может быть, и дочери никакой не было? За это ручаться не могу. Может, и капиталов больших не осталось, жил-то он на широкую ногу, вопреки духовному сану своему. А молва о зарытых где-то сокровищах его, не более как легенда. Кое-кто копался ведь и в подвалах и во дворе его жилища, да ничего не нашел.

– Нет ничего живучее легенд о кладях, – усмехается Дионисий. – Какие доводы не приводи, все равно находятся кладоискатели.

– Феодосий человек образованный и трезвый, ему никакие легенды голову не затуманят.

– Я бы этого не сказал, – с сомнением покачивает головой Дионисий. – Тайны «пришельцев» разве не своеобразные клады?

– Да, пожалуй... – соглашается отец Арсений, почесывая бородку.

13

На благовском вокзале Татьяну Петровну Грунину встречает Андрей Десницын и той же дорогой, какой ходил когда-то с Настей, идет с нею к Боярским, уже предупрежденным дочерью о приезде московской гостьи. Ему очень хочется спросить ее об Олеге, встретила ли она с ним перед отъездом, но он не решается.

И вдруг Татьяна говорит:

– Чуть не забыла привет вам от Олега передать. От всех остальных тоже, но от него особенный. Так и просил сказать.

– Спасибо, Татьяна Петровна. И мне особенно приятно получить этот привет от него. Я больше дружу с Анатолием, и все считают, что мы с ним закадычные, как говорится, друзья. Но, знаете, мне с Олегом интереснее... Анатолий прекрасный человек, честный, смелый, отчаянный человек. С ним куда угодно и против кого угодно. Зато с Олегом можно о чем угодно... Извините, пожалуйста, что я так бестолково. Все никак не научусь говорить во весь голос, все кажется, что меня осуждает кто-то. По Фрейдю, это «комплексом вины» называется. Ведь столько лет прожил зря...

– Ну, полно вам, Андрей Васильевич! – берет его под руку Татьяна. – Нашли же вы в себе силы порвать с прошлым.

– Какие там силы, Татьяна Петровна! Сейчас, во второй половине двадцатого века, это не подвиг. Вот если бы во времена Коперника или Галилея. А сейчас все это естественно, если ты неглуп и достаточно образован...

– По-моему, все гораздо сложнее.

– Сложнее у некоторых, а у большинства лишь по невежеству. Статистика тут говорит сама за себя. Верующих с высшим образованием буквально единицы, главным же образом малограмотные и неграмотные. И в основном люди пожилые, те, кому за пятьдесят и шестьдесят. А вы хвалите меня за то, что я порвал с религией в двадцать семь. Может быть, я страдаю не только «комплексом вины», но и «комплексом неполноценности», но мне до сих пор совестно признаваться, что я был когда-то кандидатом богословия...

– Вам эта тема, видно, не очень приятна, давайте тогда поговорим о другом. Вам пока ничего не удалось разведать о Вадиме? Может быть, мы идем не по тому следу?

– След верный, Татьяна Петровна. Мой дед беседовал вчера с ректором семинарии, и, судя по тому, что тот сказал о замыслах Телушкина (он тут отцом Феодосием прозывается), ему без Вадима Маврина не обойтись.

И Андрей рассказывает ей содержание вчерашней беседы Дионисия с ректором семинарии.

Слушая теперь Андрея, она думает об Олеге и вспоминает вчерашний вечер. Было все очень просто. Он позвонил, попросил разрешения зайти. Она согласилась. А когда Олег пришел, не дала ему рта открыть...

– Как же так, Олег, почему вы решили, что ваша рабочая профессия может меня шокировать?.. Это неважно, от кого я узнала, важно и печально, что все это именно так.

– В общем-то, это не совсем так... Но все равно простите меня, ради бога!

– Прощу вас, пожалуй, но только потому, что и сама оказалась порядочной дурой. Я, конечно, и представить себе не могла, что у вас возникнут такие нелепые мысли. Думала ведь,

что вас напугал мой возраст...

– Какой возраст, Татьяна Петровна? О чем вы?..

– Паспортный возраст, Олег. Вы ведь никогда не спрашивали, сколько мне лет, и считали, наверное, своей ровесницей...

– Да, я не спрашивал, это верно, но знал. В этом мне помог ваш школьный приятель Пронский...

– Я всегда считала его мелким негодяем! – невольно вырвалось у Татьяны.

– А я-то завидовал вашему самообладанию, – рассмеялся Олег. – И объективности. За чем же так ругать ни в чем не повинного человека? Вы сами же сказали, что учились с ним в одном классе. Да и он этого не скрывал. Мог же я в связи с этим сообразить, что вы не должны быть моложе его на целых шесть лет? А возраст его мне был точно известен. Вот и вся его вина. Вы-то как могли подумать, что меня испугал ваш возраст?..

– Нет, Олег, я о вас никогда плохо не думала, просто сама боялась этой разницы лет...

Олегу казалось, что сейчас нужно что-то сделать, чем-то доказать ей свою любовь, но он побоялся оказаться в смешном положении – слишком привык все взвешивать, смотреть на себя со стороны, а надо бы, наверное, броситься к ее ногам, как в старинных романах...

К счастью, Татьяна сама все понимала и не нуждалась ни в каких его признаниях. И когда Олег взял ее за руку и попытался было что-то сказать, она ласково остановила его:

– Пожалуйста, не надо ни в чем меня уверять. Что вообще можно сказать словами? Это люди без сердца нуждаются в уверениях и клятвах. Я и так все знаю...

Конечно, она сдерживалась и принуждала себя говорить этим полусерьезным, полушутливым назидательным тоном (как старшая и более опытная!), но Олег понимал, что этой нарочитой назидательностью она просто пытается скрыть свое волнение...

А на другой день на вокзале, провожая ее в Благов, он впервые назвал ее просто Таней...

– Нужно, пожалуй, наладить наблюдение за домом, в подвале которого собирается устроить свой печатный цех Телушкин, – возвращается Татьяна к прерванному разговору.

– Мой дед обещал помочь нам в этом.

– Только чтобы он никого не насторожил.

– Я предупредил его, да он и сам понимает.

– Настя так много рассказывала о вашем деде, что мне кажется, будто я с ним давно знакома...

– А вот и сам он, – кивает Андрей в сторону своего дома, заметив на его пороге могучую фигуру деда.

Дионисий степенно выходит им навстречу. На нем самый лучший его костюм, сшитый лет десять назад. В подряснике дед выглядит колоритнее, но и в партикулярном платье, как говорили в старину, он весьма солиден.

– Это он для вас так принарядился, – улыбаясь, шепчет Татьяне Андрей.

– С приездом, уважаемая Татьяна Петровна, – радушно приветствует Грунину Десницын-старший, – рад видеть вас в моем доме. Много слышал о вас от внука моего и Анастасии.

– Да и я о вас наслышана, Дионисий Дорофеевич, – протягивает ему руку Татьяна. – Только думала почему-то, что увижу вас...

– В рясе? – смеется Дионисий. – Меня действительно все привыкли видеть в такой амуниции. Более полувека ведь ее носил. Надеюсь, вы отобедаете сегодня с нами?

– С удовольствием, Дионисий Дорофеевич, нужно только сначала с Боярскими познакомиться.

– Андрей вас к ним проводит, а потом милости просим к нашему столу.

Нравятся Татьяне и Боярские, но Дионисий, конечно, интереснее. Настин папа интеллигентный, хорошо воспитанный пожилой человек. Мама тихая, не очень разговорчивая, лишь поддакивающая всему, что говорит ее супруг. Ей нет и шестидесяти, а выглядит она старушкой. У Боярских Татьяне будет, конечно, спокойно, никто не станет приставать с расспросами о ее милицейских «подвигах». Сам Боярский тоже, кажется, не собирается отвлекать ее

«клиническими историями».

За обедом у бывших богословов Татьяне очень весело, хотя выпили всего по фужеру сухого вина. Говорят обо всем, но главным образом о религии.

– Если наши православные богословы так ломают голову над модернизацией библейских и церковных канонов, то что же тогда католическое духовенство предпринимает? – спрашивает Татьяна.

– Пусть вам на этот вопрос ответит мой философ, – кивает на внука Дионисий. – Он в области научного атеизма специализируется, а я всего лишь дилетант.

– Но дилетант широкого профиля, так сказать, – посмеивается Десницын-младший. – Он тут при духовной семинарии своеобразным консультантом стал, ибо свободно читает по-итальянски и по-немецки.

– Не очень-то свободно, однако кое-что читаю. Вот прочел недавно любопытнейшие сочинения так называемых «левых» западногерманских теологов, утверждающих, что христианство и марксизм могут быть соединены. Некоторые из них считают, что ныне существует будто бы разделение мира и бога и потому имеется возможность отдать мир в ведение материалистической науки, а за теологами закрепить совершенно автономную божественную сферу.

– Из этого нетрудно заключить, как они понимают марксизм! – восклицает Андрей. – Либо им невдомек, либо они прикидываются простаками, допуская раздвоение мира на объективный, познаваемый наукой, и потусторонний, подведомственный только богу. Марксизм не признает таких сфер, которые находились бы вне проверки наукой и практикой.

– И вы не думайте, что до идеи соединения христианства и марксизма нынешние теологи дошли только сейчас, – обращается к Татьяне Дионисий. – Об этом еще такой известный западногерманский теолог, как Дитрих Бонхёффер почти два десятилетия назад писал в своей книге «Спротивление и смирение». В ней есть такие фразы: «Человек научился сам справляться со всеми важными вопросами, не прибегая к помощи «рабочей гипотезы» – богу». Бонхёффер признавал, что источником религии является незнание, допускающее бога за границу нашего знания, как заполнителя пустого пространства, как «затычку».

– А вы знаете, почему Бонхёффер не нуждался в капитулирующем боге? – спрашивает Андрей. – Только потому, что такой бог утрачивал всякий контакт с прогрессом науки. «По мере того как границы познания все более расширяются, – заявил Бонхёффер, – бог вместе с этими границами отодвигается все дальше и дальше. Он оказывается как бы в состоянии прогрессирующего отступления».

– О прогрессирующем отступлении бога под натиском науки сказано, по-моему, очень остроумно, – улыбается Татьяна.

– Если бы только Бонхёффер не заявил далее: «Мы должны находить бога в том, что мы познаем, а не в том, что мы не познаем». Иными словами, он за такого бога, который не вступал бы в конфликт с наукой.

– Каким же образом?

– Бонхёффер и его последователи считают, что такой бог должен существовать уже не вне или внутри мира, а быть постоянным творцом существующего мира.

– Не однажды его сотворившим, как было по Библии, – поясняет Андрей, – а непрерывно его творящим. Как бы уподобляющимся самой истории мира, ее развитию и движению.

– А это противоречит всем фундаментальным законам марксизма, – усмеивается Дионисий. – И альянса с ним даже у самой новейшей религии никак не получается. Непрерывное творение богом мира было бы непрерывным нарушением законов природы, ибо движение и развитие присущи вовсе не богу, а являются способом существования самой природы и составляющей ее материи. Движение ведь есть результат внутренних диалектических противоречий материи.

– И как только терпят вас в семинарии! – восклицает Татьяна, с восхищением глядя на Дионисия. – Вы законченный марксист, а не богослов!

На следующий день Татьяна отправляется в город. Андрей хотел было ее сопровождать, но дед сказал:

– Пусть лучше одна, как сама решила. А ты за нею поодаль, на всякий случай. Рядом с нею тебе нельзя. Она женщина красивая, на нее всякий станет глаза таращить, но ее в нашем городе никто не знает, а у тебя есть знакомые.

– Не так уж много, чтобы опасаться встречи с ними. Да и что такого, если даже встретят?..

– Знакомых у тебя действительно не так уж много, однако в основном из среды духовенства, а вот им-то и не следует видеть тебя рядом с Татьяной Петровной.

И вот они ходят по родному городу Андрея, где ему все так знакомо, хотя кое-что стало уже забываться: улицы, на которых давно не бывал, вспоминаются не сразу, для этого нужно напрягать память. Да и изменилось тут многое. Выросли новые дома, магазины, кинотеатры...

Татьяна медленно идет через весь город к монастырю. Не доходя до его крепостных стен, останавливается и любуется древними сооружениями.

Едва ли Андрей смог бы так, как дед его Дионисий, рассказать Татьяне историю города Благова, но он хорошо помнит слова деда и повторил бы их ей, помог бы почувствовать и оценить талант древних зодчих. Особенно ярко сказался он в сооружении монастыря с его собором и другими церковными постройками. Планировка его повторяет в миниатюре центр города. Основная группа зданий с пятиглавым собором и примыкающей к нему с юго-западной стороны каменной трапезной несколько смещена к одному из углов монастырской стены по излюбленной манере градостроителей того времени. Дед называет эту манеру «живописной асимметрией», характерной для отечественной архитектуры шестнадцатого века.

Андрей часто любовался монастырем издали. Он и сейчас постоял бы здесь еще, но Татьяна уже идет дальше. Наверное, в местный музей. Пожалуй, пробудет там долго, стоит ли ждать?

Но он ждет целых полчаса. Дед ведь приказал не оставлять ее одну, хотя и неизвестно, что ей может угрожать. Дед становится типичным перестраховщиком. Никогда раньше не был таким осторожным. Куда же, однако, теперь Татьяна Петровна? По Первомайской улице она уже ходила, зачем же снова? Осматривается по сторонам... Нужно, наверное, отстать еще больше, она не просила ведь ее «подстраховывать», не та «операция», к тому же на этой улице городской отдел Министерства внутренних дел...

Как же это он не сообразил – она, конечно, туда! Ну, тогда нужно домой, пока она не обнаружила своего телохранителя. И все-таки он не уходит, а садится за один из вынесенных на улицу столиков кафе под тентом и заказывает мороженое. Отсюда хорошо видна вся Первомайская, и он заметит, когда Татьяна Петровна выйдет из горотдела.

Татьяна выходит минут через двадцать, торопливым шагом пересекает улицу, и не успевает Андрей расплатиться за мороженое, как она уже садится за соседний столик и шепчет недовольно:

– Не ожидала я от вас этой самостоятельности...

– Ругайте деда. Это его инициатива.

– Ругать вашего деда я не имею права, а вас надо бы. Но идите-ка лучше домой. Поговорим потом.

Она приходит к Десницыным только вечером. Ни слова о своем недовольстве Андреем. Охотно соглашается выпить чай, приготовленный Дионисием.

– Ну, как понравился вам наш город? Вы хоть и были тут несколько лет назад, но тогда, как я понимаю, было не до того...

– Да, тогда не было на это времени, – кивает головой Татьяна. – А сегодня я не только город посмотрела, но побеседовала кое с кем. Сначала о вашем музее, директор которого прекрасно знает все местные легенды и предания. Завела с ним разговор о кладях, а он и говорит: «Было у нас после смерти архиерея Симеона Троицкого нечто вроде золотой лихорад-

ки. Местное Эльдorado, так сказать. Однако так ничего и не нашли». Это он «сокровища» архиерея имел в виду, – усмехается Татьяна. Отпив несколько глотков чая, она продолжает: – В архивах городского отдела Министерства внутренних дел тоже сохранились кое-какие документы того времени. Акт уездного управления милиции, из коего следует, что в тысяча девятьсот девятнадцатом году мещанин Ковальский перерыл весь двор и сильно повредил особняк, принадлежавший архиерею Троицкому, скончавшемуся в тысяча девятьсот восемнадцатом году. На допросе, опасаясь обвинения в бандитизме, он сообщил, что является родственником архиерея, который завещал все состояние любовнице, а сестре своей, жене Ковальского, только этот особняк. Но Ковальский каким-то образом разведal, что любовница Троицкого получила лишь часть наследства архиерея. Главным образом деньги, а ему будто бы достоверно было известно, что у Троицкого имелись фамильные драгоценности и много золота.

– Чего же он сразу-то не приступил к поискам? – удивляется Дионисий.

– Объяснил это тем, что был на фронте.

– А в какой армии?

– Наследством архиерея Троицкого заинтересовалась ЧК. Было установлено, что Ковальский служил сначала в действующей армии на Западном фронте, а в восемнадцатом году бежал на Дон к атаману Краснову. В Благов вернулся только в начале девятнадцатого, после разгрома нашими войсками армии Краснова. Выдавал себя за бойца одной из дивизий Южного фронта Красной Армии.

– Повод к возникновению легенды о кладе Троицкого, выходит, имелся, – заключает Андрей. – Травицкий мог знать о поисках Ковальским сокровищ архиерея...

– С какой целью, однако, поведал он это такому авантюристу, как Телушкин? – перебивает внука Дионисий. – Невооруженным глазом ведь видно, что за птица «отец Феодосий».

– Может быть, именно такая «птица» и понадобилась Травицкому...

– А я думаю, что все это совсем не так, – замечает Татьяна. – Дело в том, что по данным местной ЧК архиерей Троицкий пожертвовал значительную часть своих средств адмиралу Колчаку на создание полка «Иисуса Христа». В организации колчаковской армии духовенство православной церкви принимало ведь деятельное участие.

– И вы думаете, что Телушкин знает, на что ушли драгоценности архиерея? – спрашивает Дионисий.

– Думаю, что знает.

– Так что же тогда ему нужно? – восклицает Андрей. – Зачем он из Одессы в Благов переехал?

– Это пока неизвестно, – вздыхает Татьяна, – но думаю, что не затем только, чтобы разыскать следы «пришельцев» в древних церковных книгах. Этим он мог бы и в Одессе заниматься.

– Не скажите, Татьяна Петровна, – покачивает головой Дионисий. – Во-первых, достаточно убедительные доказательства посещения нашей Земли инопланетянами не такой уж пустяк. Во-вторых, в Одессе могло не быть нужных ему книг. К тому же от Травицкого он, конечно, узнал, что есть тут укромный особнячок покойного архиерея, в подвалах которого можно делать все, что угодно... Плюс покладистое семинарское начальство, а может быть, и расчет на участие бывшего коллеги Вадима Маврина. Ведь от Москвы до нас, как говорится, рукой подать.

– И все-таки это меня не очень убеждает, – упорствует Татьяна. – А ваше мнение, Андрей Васильевич?

– Пожалуй, дед прав, – не очень уверенно произносит Десницын-младший. – Вопрос о «пришельцах», которые будто бы именно духовенству доверили столь важные научные сведения, заслуживает внимания.

– Почему? – удивляется Татьяна. – Насколько мне помнится, христианская церковь считала Землю чуть ли не центром Вселенной и отвергала множественность обитаемых миров.

– Это во времена Джордано Бруно, а теперешние богословы с помощью различных ухищрений доказывают, что множественность миров не противоречит священному писанию.

– Но ведь и материалисты не отказываются от мысли, что могут существовать и другие обитаемые миры?

– Нет, не отказываются, но отвечают на этот вопрос осторожнее. Они говорят, что проблема эта пока не решена и что вообще неизвестно, когда она будет решена. Некоторые не уверены даже, возможно ли ее решение.

– Ну, значит, я очень отстала от современной науки. Сейчас так много говорят и пишут о «пришельцах» и не только фантасты... Даже документальные фильмы появились...

– Серьезные ученые опровергают эти предположения, – поддерживает внука Дионисий. – Один из очень уважаемых астрофизиков заявил даже, что хоть и страшно сказать, но жизнь во Вселенной, в частности разумная жизнь, явление редчайшее, возможно, уникальное.

– А не ухватятся за это богословы?

– наших, отечественных, это пока не очень волнует, – говорит Дионисий, – а западные, как я уже сказал, утверждают возможность множественности миров, населенных разумными существами.

– Между прочим, меня лично тоже волнует вопрос: одни мы во Вселенной или не одни? – не то в шутку, не то серьезно замечает Татьяна. – Я очень довольна, что попала в ваше просвещенное общество и могу об этом поговорить.

– Вы сильно преувеличиваете нашу компетентность в этом вопросе, – довольно улыбается Дионисий. – В Москве вы могли бы поговорить на эту тему с более сведущими людьми. А мы, я, в частности, что же могу вам сказать? Думаю, однако, что мы во Вселенной не одни, просто расстояния грандиозны. Никакой жизни не хватит, чтобы космические «братья по разуму» могли летать друг к другу в гости.

– А если бы удалось достичь бессмертия? – спрашивает Андрей.

– Едва ли это достижимо, – задумчиво покачивает головой Дионисий. – Да и зачем? Помоему, бессмертие отняло бы что-то у жизни, лишило бы ее чего-то...

– Вы очень хорошо сказали, Дионисий Дорощеевич! – восклицает Татьяна. – Разве дорожили бы мы так жизнью, если бы были бессмертны? Померк бы и подвиг во имя жизни других людей.

15

Как только Корнелий Телушкин поселяется в особняке архиеерея Троицкого, он сразу же приводит туда Маврина, который до сих пор жил у местного гравера. Вадим не только ночевал в его квартире, но и прошел «ускоренный курс», как выразился Корнелий, граверной техники. Гравер, правда, сказал Телушкину, что успехами Маврина он не очень доволен из-за его невнимательности.

Вадим в самом деле все еще сонный какой-то, равнодушный ко всему. Но не ругать же его за это? «Отец Феодосий» достаточно опытный психолог, чтобы не понимать, что этим от Вадима ничего не добьешься. Тут нужно терпение, тонкое воздействие на его травмированную психику.

– Я понимаю твою горе, – тихим, задушевым голосом говорит он Маврину. – Оно приглушится не сразу. Пройдет время, и немалое, прежде чем зарубцуются твои душевные раны. Но если будешь думать только об этом, можешь серьезно заболеть. Тут у нас тихо, спокойно, душа твоя оттает, очистится от всего мелкого, житейского...

– Очень тебя прошу, Корнелий, – прерывает его Вадим, – не надо со мной так...

– У меня тоже просьба: называй меня, пожалуйста, не мирским моим именем, а Феодосием.

– «Отцом Феодосием»? – вяло усмехается Вадим.

– Можешь просто Феодосием. Приобщать тебя к вере во всевышнего я не собираюсь. Так что ты не думай...

– Я и не думаю. Я сейчас ни во что уже...

– Не торопись. Время – хороший лекарь. Оно и вылечит и веру даст. Не обязательно в бога.

– Ты-то сам как?.. Верить ли?

– Я многое испытал, Вадим, – вздыхает Корнелий. – Такого хлебнул, что и врагу не пожелаю. Но там, в тех местах, где отбывал свой срок, монашек один сидел за убийство, а точнее, за соучастие в убийстве. Так вот он не только искренне, а прямо-таки истово верил. Из-за этого и на преступление пошел. Он мне ежедневно тихим, вкрадчивым голоском твердил: «Уверуй – полегшает. По себе знаю. Не размышляй, а слепо, без оглядки, и вот увидишь...» И что ты думаешь? Увидел! «Прозрел», как сказал тот монашек. Опустошенная душа моя перестала ныть, давая о себе знать, «полегшало»...

– И все-таки ты оставь меня в покое, Корнелий...

– Я же просил...

– Извини, Феодосий, и не лезь больше в душу. Это все, что мне нужно. Не сочувствуй и не утешай. Я сейчас вроде мертвеца. Потому и ушел от хороших людей. Они не оставили бы меня так, начали бы возвращать к жизни, а у меня нет сил для этого. Говори теперь, что делать нужно. Работать буду добросовестно, а в остальном оставь меня в покое. Заточи в какую-нибудь келью и требуй, что надо.

– Будешь работать в подвале, темном как могила. Это твердо могу обещать.

– А инструменты?

– Все будет, составь только список. Есть еще вопросы?

– Граверному делу зачем меня учил? Я ведь лекальщик.

– У тебя руки золотые, ты все сделать сможешь.

– К сожалению, не все. Вот Олег Рудаков или Анатолий Ямщиков, те действительно все могут.

– Обойдемся без них. Ты и сам отличный мастер, только цены себе не знаешь. Справишься с работой и один. Тебе ведь нужны тишина и уединение.

– А начальство твое в курсе?..

– Конечно! Ты ни в чем не сомневайся, тут никакой уголовщины. Сам ректор семинарии с тобой завтра, а может быть, даже сегодня поговорит.

– Я и так тебе верю, не надо мне никакого ректора. Дай только поскорее какое-нибудь дело, чтобы забыться, а то с ума сойду.

– Дело будет нелегким, не дрова пилить. Придется думать, соображать, как сделать точнее. Буквы будешь резать из металла. Староцерковнославянские, какими печаталось когда-то священное писание. Сейчас таких ни в одной типографии нет. Они нам необходимы для...

– Мне неважно, для чего, лишь бы честная работа была. И чем труднее, тем лучше, чтобы целиком в нее...

– Именно такая тебе и предстоит.

– А искать меня тут никто не будет?

– Ты тут, как на том свете.

– Спасибо, Феодосий. Пища тоже пусть будет самая простая, как в монастырях.

– Ладно, будет по-твоему.

Корнелий показывает Вадиму его комнату, приносит постельное белье, пытается постелить, но Вадим вырывает у него простыню и одеяло.

Оставив Вадима одного, Корнелий невесело думает:

«Испортился парень. Не тот уж, что был...»

– Почему все-таки Татьяна Петровна уехала так скоро? – спрашивает внука Дионисий. – Не обиделась ли на нас? Всего три дня побыла.

– По-моему, мы не дали ей никакого повода к обиде. Просто ей тут пока нечего делать. А вы ей очень понравились. Сама мне в этом призналась, – посмеивается Андрей.

– Ты знаешь, овдовев много лет назад, я стал закоренелым холостяком, – оживленно говорит Дионисий. – Но если бы в свое время встретила мне такая женщина, ей-богу, я бы... Э, да что теперь об этом! Надеюсь, что она еще к нам приедет? Удивительное, чудоподобное явление – женская красота, если настоящая, конечно, не косметическая. Красивый мужчина,

по-моему, просто вульгарен...

– Вы, наверное, имеете в виду не красавца, а красавчика?

– Вообще мужчине быть красивым ни к чему. Он должен быть мужественным, зато, когда появляется красивая женщина, все преобразается вокруг. Даже циники становятся вдруг застенчивыми, а порядочные мужчины – рыцарями. Женщины таким красавицам не завидуют, а просто цепенеют перед ними. Но уж и она должна держаться как царица. Чуть позволила себе не то, и все – прахом!..

– Что-то вы уж очень распалились, Дионисий Дорофеевич. Уж не влюбились ли в Татьяну Петровну? – смеется Андрей. – Скажите лучше, удалось ли в особняк Троицкого проникнуть?

– Быстрый какой! Не так-то это просто. Но есть одна идея, только ты ни о чем более не спрашивай пока, – неохотно отвечает Дионисий. Но, помолчав немного, сам спрашивает внука: – Ты помнишь истопника нашей семинарии, бывшего монаха Авдия?

– А он еще жив? Сколько же ему сейчас? – удивляется Андрей. Даже когда был он школьником, Авдий казался ему глубоким стариком.

– Постарше меня лет чуть ли не на десять, но работает еще. Привратником он теперь у «отца Феодосия».

– В особняке Троицкого, стало быть?

– Именно. С тех пор как Феодосий стал реставрацией древних книг заниматься. Я когда-то спас Авдия от большой беды, взяв его вину на себя. Мне-то лишь порицание за тот проступок, а ему грозило тяжкое наказание. С той поры Авдий чуть ли не к лику святых меня причислил. Этим я теперь и воспользуюсь. Он по большим церковным праздникам к заутрене ходит. Завтра как раз троицын день и Авдий непременно пойдет в собор. Вот я и встречусь с ним там. Вставать только в такую рань отвык.

– Не к пяти же часам?

– Он-то к пяти, наверное, а я могу и попозже. Главное – застать его там.

Авдию давно за восемьдесят, но он еще крепок, почти не горбится, поседел только очень, могучая грива его, однако, не поредела. Черная, застиранная ряса, которую носил, наверное, еще в монастыре, и сейчас на нем. А вот бархатную скуфью, видно, подарил ему кто-то. Надетая, а скорее всего, сбитая случайно набок, она придает ему бравый вид.

Он выходит из собора одним из первых и, не задерживаясь, почти солдатским широким шагом направляется в сторону Овражной улицы, на которой находится особняк архиерея Троицкого, принадлежащий теперь Благовской духовной семинарии.

– Здравствуй, брат Авдий! – окликает его Дионисий. – С праздником святой троицы тебя!

– Спасибо, отец Дионисий. И вас тоже!

– Какой я «отец», Авдий? – смеется Дионисий. – Сам знаешь, меня от церкви давно отлучили.

– Все равно, отец Дионисий, вы для меня святой человек. Никогда великодушия вашего не забуду...

– Э, полно тебе об этом! Поведай лучше – живешь как?

– Как жил всю жизнь, так и живу, отец Дионисий. Даром хлеб не ем, тружусь в меру сил.

– В дворники определился?

– Это тоже работа, отец Дионисий. Тружусь весь день рук не покладая. Подметаю, мусор жгу, деревья поливаю...

– К дому, значит, отношения не имеешь?

– В доме они сами управляют.

– Кто – они?

– Отец Феодосий и их помощник с персидским именем Вадим.

– Это по церковным календарям оно персидское, а по-русски от древнего глагола «вадити», то есть «сеять смуты», «быть забиякой».

– Какой уж из него забияка! – пренебрежительно хмыкает Авдий. – Ни единого слова

пока от него не слышал. Пришибленный какой-то...

– А делает что?

– Бог его ведает. Мне его делами интересоваться не велено.

– Как так – не велено?

– Отец Феодосии специально распорядился не любопытствовать. В подвале он пилит что-то и молотком или еще чем-то постукивает. Я, конечно, слышу, потому и спросил как-то, а отец Феодосии на то мне молвил: «Ты Авдий – слуга божий, знай свое дело, мети двор, проверяй запоры на воротах, делай, что прикажут, и не имей привычки совать свой нос куда не следует. Не твоего ума это дело».

– И ты что же: зажмурился и заткнул уши?

– Каюсь, этого не сделал и потому слышал и видел, как ночью привозили какие-то ящики и еще что-то, похожее на станок, в потемках не разглядел. И все в подвал...

– Ну, а Вадим этот где же обедает?

– Ношу ему пищу из семинарской столовой по приказанию отца Феодосия.

– Ну ладно, Авдий, спасибо тебе за рассказ, только ты о любопытстве моем...

– Не враг же я себе, отец Дионисий! – воскликнул Авдий. – Мне же за это и достанется...

– За меня будь спокоен, – обещает Дионисий. – Я тебя не подведу.

– Я уж и сам думаю: что там у них за дела такие? Может, что-нибудь тайное? Едва ли, однако, поскольку ректору семинарии, отцу Арсению, о том ведомо. Приходил он к отцу Феодосию, и они книги какие-то старинные листали, а потом в подвал к Вадиму спускались. Правда, недолго там пробыли.

– Да я и не подозреваю их ни в чем, любопытно, однако ж. Если узнаешь что-нибудь такое, поведай, пожалуйста.

– Для вас, отец Дионисий...

– Ну и ладно! – жмет ему руку Десницын. – Спасибо тебе за это.

– Я у вас в неоплатном долгу и рад буду хоть чем-нибудь...

– Ладно-ладно, – снова прерывает его Десницын. – Хватит тебе. В рабстве ты у меня, что ли? Не смей больше поминать об этом! Ты мне лучше вот что скажи: что же, этот Вадим так и не выходит никуда из дому или Феодосий взаперти его держит?

– Зачем же – взаперти? Двери не на запоре, только, видать, Вадима этого никуда не тянет. Посмотрел я ему как-то в глаза, а там одна пустота. Аж жутко стало... Даже не представляю себе, что такой человек делать может. Какой прок от его работы?

– То-то и любопытно. Но вот мы уже и до улицы твоей дошли. Прощай, Авдий. Если что интересное узнаешь – не поленись сообщить.

Леонид Александрович Кречетов уже ходит в институт и собирается читать лекции. Он считает себя совсем поправившимся, хотя врачи все еще многого ему не разрешают.

А на душе очень тоскливо и одиноко. Он бодрится, шутит, но прежней уверенности в себе у него нет. И вообще пока ни одной интересной мысли в голове, зато чувство вины перед Варей и особенно перед ее Вадимом, растет с каждым днем.

И вот в один из этих мрачных для Кречетова дней приходит Настя Боярская! Леонид Александрович так обрадовался ей, что не сразу заметил, что она не одна.

– А я к вам с подругой, – говорит Настя, пропуская вперед Татьяну. – Это Татьяна Петровна Грунина, о которой мы так много вам говорили. Смотрите только не влюбитесь, в нее все знакомые мне мужчины влюблены.

– Ох, как бы я хотел в кого-нибудь или во что-нибудь влюбиться! – вздыхает профессор Кречетов.

– Не берите дурного примера с Вадима, Леонид Александрович, – смеется Настя. – Вот уж кто отрешился от мира сего!..

– Неужели нашелся наконец! – восклицает Кречетов. – А я ведь думал...

– Сами же меня когда-то учили, что никогда не нужно торопиться с выводами.

– Так ведь нет ничего легче, чем учить других, даже тому, чего сам не знаешь... Но что

же мы стоим у дверей – прошу вас в кабинет. И пожалуйста, расскажите подробнее о Вадиме. Вы представить себе не можете, как я рад, что он нашелся!

– Хоть это моя специальность – разыскивать, – улыбается Татьяна, – но нашел его Андрей Десницын.

И Татьяна рассказывает профессору Кречетову все, что ей известно о Вадиме, не называет пока только подлинного имени «отца Феодосия».

– Мы пришли к вам, Леонид Александрович, посоветоваться, – заключает свой рассказ Татьяна.

– Не всякий ученый должен быть энциклопедистом, – усмехается профессор Кречетов, – а я к тому же совсем и не крупный. Но если что-нибудь космическое...

– Космическое, Леонид Александрович! «Пришельцы» нас интересуют. Инопланетяне, посетившие когда-то нашу Землю...

– Ну, в этом я совсем уж ничего не смыслю. С этим вам нужно бы к Иосифу Самуиловичу Шкловскому. Он крупный астрофизик, заведует одним из отделов Института космических исследований. К тому же часто выступает в печати по вопросам внеземных цивилизаций.

– Он, кажется, считает, что в нашей Галактике множество «технологических сверхцивилизаций»? – замечает Настя, читавшая когда-то книгу Шкловского «Вселенная, жизнь, разум», но успевшая основательно все забыть.

– Судя по последним его статьям, я бы этого не сказал. Он допускает, что для выживания разумных существ технологическая эра развития цивилизаций совершенно необязательна. Китай, например, в течение тысячелетия считал свою цивилизацию слишком совершенной, чтобы развиваться далее. Технологическая эра вообще может оказаться опасной для цивилизации. Она вызывает, к примеру, необходимость охраны окружающей среды.

– Но не грозит же нам это катастрофой? – спрашивает Татьяна.

– К сожалению, грозит. Мощь падающего на нашу Землю солнечного излучения составляет примерно десять в двадцать четвертой степени эргов в секунду. А уровень производства энергии земной цивилизации близок к десяти в двадцатой степени. Дальнейшее увеличение производства энергии на нашей планете может нарушить ее энергетический баланс, и тогда средняя температура Земли повысится на несколько градусов. Это вызовет таяние полярных льдов и другие катастрофические последствия.

– Вы думаете, что именно это могло погубить соседние космические цивилизации?

– Не обязательно это. Причин для гибели цивилизаций, идущих по пути технического развития, более чем достаточно. Но Шкловский берет и такие качественно различные этапы развития материи во Вселенной, как, например, «неживая материя – живая материя – естественная разумная жизнь – искусственная разумная жизнь». По этой схеме искусственный разум является высшим этапом развития материи во Вселенной.

– И это возможно? – удивляется Татьяна. Она уже слышала такие утверждения от Десницыных, но не очень поверила им.

– Многие ученые, особенно кибернетики, считают доказанным, что нет такого вида человеческой деятельности, которую не смогли бы выполнить электронные устройства, – отвечает за Кречетова Настя.

– Значит, то, о чем пишут фантасты...

– Да, все это в принципе возможно, – подтверждает Кречетов. – Во всяком случае, разбивая цивилизации на три типа, Шкловский относит нашу к первому. Затем следуют сверхцивилизации второго и третьего типов. Вот у третьего-то типа цивилизации он и допускает такое качественное изменение разумной жизни, при котором она может стать искусственной.

– Но ведь это трудно даже себе представить! – все еще недоумевает Татьяна.

– Да, нелегко, – соглашается Леонид Александрович, любясь строгими, красивыми чертами лица Татьяны. Ему приятно беседовать с нею и объяснять то, что самому кажется не очень сложным. – Академик Колмогоров в своей книге «Жизнь и мышление с точки зрения кибернетики» очень правильно заметил, что в наше время страх перед тем, как бы человек не оказался ничем не лучше бездушных автоматов, делается психологическим аргументом в

пользу таких идеалистических представлений, как витализм и иррационализм.

– Зато, – смеется Настя, – у искусственных цивилизаций отсутствуют, наверное, проблемы преступности...

– Но вернемся к главной теме, – перебивает ее профессор Кречетов. – Такие искусственные сверхцивилизации, по мнению Шкловского, могут быть обнаружены существующими астрономическими средствами. Однако этого не произошло, из чего он делает вывод, что либо наши критерии искусственности очень несовершенны, либо сверхцивилизации во Вселенной отсутствуют. И заключает скептически: «Увы, я склонен ко второму объяснению!»

– Сами-то вы как считаете, Леонид Александрович? – интересуется Татьяна.

– Я во многом согласен со Шкловским. Посудите сами: когда планета наша была первобытна, на нее будто бы прилетали гости из космоса. А когда она стала излучать на метровых волнах примерно в миллион раз большую мощность, чем ее естественный фон, это почему-то никого не привлекло. Можно ведь было и не прилетать к нам, а связаться каким-либо иным способом. По уверениям некоторых популяризаторов науки, «пришельцы» сообщили когда-то землянам важные сведения. Почему же они не интересуются теперь, как использовали мы их информацию и советы?

– Да, конечно, это странно... – соглашается Татьяна.

– А вывод тут один: никаких «пришельцев» на нашей планете никогда не было. Все это липа, как говорят мои студенты, – смеется профессор Кречетов.

– Я и сама так думала, – удовлетворенно кивает головой Татьяна, – но вы теперь теоретически вооружили меня в возможном споре с «отцом Феодосием», старым вашим знакомым, известным вам по имени Корнелий Телушкин.

– Так это снова Корнелий морочит голову Вадиму! – удивленно восклицает Леонид Александрович. – Жив, значит, курилка? Он очень опасный человек, Татьяна Петровна. Может не только Вадима свратить с пути истинного, но и любого вашего богослова.

– Мы постараемся, чтобы этого не произошло, Леонид Александрович.

18

В тот же день Татьяна заходит к подполковнику Лазареву и, рассказав ему о ходе поиска Вадима Маврина, предлагает:

– А что, Евгений Николаевич, если я в Одессу съезжу?

– С какой целью?

– Сейчас ведь не о Маврине только наша забота. Его друзья найдут способ, как вернуть Вадима на завод. Человек он не глупый и одумается, конечно. Главное теперь – помешать Телушкину осуществить его замыслы. В том, что он затевает какую-то аферу, у меня нет ни малейших сомнений.

– Вы уверены, что его замыслы уголовно наказуемы?

– По имеющимся у Дионисия Десницына сведениям, в подвал особняка архиерея Троицкого уже привезена печатная машина. Стало быть, Корнелий Телушкин будет что-то печатать. Уже сам факт тайного печатания подпадает, по-моему, под действие статьи семидесятой Уголовного кодекса, даже если текст замышляемых публикаций не будет носить антисоветского характера, в чем я очень сомневаюсь.

– Но пока все это одни лишь догадки, – пожимает плечами Лазарев. – Скорее всего, все-таки Телушкин хочет с помощью «пришельцев» более убедительно, чем это делалось до сих пор, доказать существование всевышнего. Это прославило бы его не только в христианском мире. Он ведь честолюбив...

– Но и неглуп, – перебивает Евгения Николаевича Татьяна. – Должен, значит, понимать, что это неосуществимо. Да и не нужен им бог. Андрей Десницын дал мне почитать книгу французского марксиста Антуана Казановы о Втором Ватиканском соборе. Он пишет в ней, что католические прелаты сами говорили на своем соборе, что бога уже не ищут в физической природе, где таинства больше не в чести. Бог даже не гарант универсальной закономерности, обнаруженной в структуре природы и человека. Я запомнила эти слова довольно точно, так что можете считать их цитатой из книги Казановы.

- Ого, как святые отцы стали откровенничать! – восклицает Лазарев.
- Жизнь заставила, – уточняет Татьяна. – Научно-техническая революция нашего века. Трезвеют помаленьку. Не случайно же немецкий теолог Бултман еще несколько лет назад заявил: «Нельзя пользоваться электричеством и радио, а в случае болезни требовать современных лекарств и клиник и одновременно верить в мир духов и новозаветные чудеса».
- А для того чтобы точно знать, что же в архиерейском подземелье затевается, нужно побывать в Одессе и вступить в контакт с магистром Травицким.
- Но каким же образом, Татьяна Петровна? Травицкий, как нам известно, не такой уж простак.
- Я не забываю об этом, Евгений Николаевич, и не собираюсь общаться с ним лично. Надеюсь главным образом на помощь сотрудников Одесского управления Министерства внутренних дел.
- Но ведь у вас на это весь отпуск уйдет...
- Я все равно собиралась в те края. Тетка у меня в Николаеве, а Одесса почти рядом.
- Мне остается только попросить комиссара Ивакина дать указание сотрудникам Одесского управления Министерства внутренних дел о содействии вам.
- Накануне отъезда Татьяна встретила с Олегом и сказала ему:
- Хочу познакомиться с твоими стариками.
- А может быть, потом, – замялся Олег, – когда вернешься?..
- Зачем же откладывать? Или ты стесняешься, что они у тебя простые люди? Ну так это не только глупо, но и неуважительно по отношению ко мне. За кого же ты меня принимаешь? Может быть, за баронессу какую-нибудь? Честно тебе скажу – не нравится мне это. Ты же знаешь, что мой отец тоже был простым рабочим...
- Но он вышел, как говорится, в крупные ученые. А мой начал отличным слесарем-инструментальщиком, а кончил запоями. Сейчас, правда, уже не пьет «по причине расстройства здоровья». Боюсь, что знакомство с ним не доставит тебе удовольствия...
- Как же ты можешь так об отце?
- Не думай только, что у меня с ним плохие отношения...
- Этого только не хватало! Презираешь его, наверное, за отсутствие силы воли? Не всем же быть такими волевыми, как ты со своей знаменитой системой трех «С», которая, наверное, для того только тебе понадобилась, чтобы подавить в себе все чувства к женщине, которую ты любил...
- Почему же – любил? Я все еще продолжаю любить ее, – пытается шутить Олег.
- Не знаю, не знаю, не очень в этом уверена... Ну, в общем, ждите меня сегодня в гости, и не надо ничего готовить. Я сама принесу торт. Выпьем чаю.
- Зачем же торт? Мама отличные пироги спечет...
- У мамы, значит, есть кое-какие достоинства – она умеет печь пироги для любимого сына, – усмехается Татьяна.
- Ого, какая ты!
- Не очень нравлюсь тебе такой, да? А я такая вот. Ничего прощать тебе не буду...
- И хорошо, что ты такая! – восклицает Олег.

- Татьяна прибывает в Одессу в понедельник рано утром и сразу же идет в местное управление Министерства внутренних дел. Ее принимает заместитель начальника.
- Вам звонил о моем приезде комиссар Ивакин, – говорит она полковнику Корецкому.
- Да, да, Татьяна Петровна, мы в курсе дела и постараемся помочь. Вам заказан номер в гостинице «Спартак», она на Дерибасовской, в самом центре города, почти рядом с Театром оперы и балета. А неподалеку наш Приморский бульвар с знаменитой Потемкинской лестницей...
- Спасибо, товарищ полковник! – благодарит Татьяна. – Я уже бывала в Одессе и знаю все ее достопримечательности.
- Жаль, я хотел напроситься к вам в гиды.

– Так в чем же дело – вот мы и поговорим обо всем на свежем воздухе, если только вы серьезно...

– Серьезно, серьезно, уважаемая Татьяна Петровна! Приказывайте, когда за вами зайти? В гостиницу вас отвезут на моей машине.

– Ну, тогда я через полчаса буду готова.

Спустя полчаса в дверь гостиничной комнаты Груниной раздается стук.

– Войдите, – отзывается Татьяна.

– Прибыл в ваше распоряжение, Татьяна Петровна! – прикладывает руку к козырьку фуражки полковник Корецкий.

– Вы пунктуальны, товарищ полковник...

– Антон Антонович.

– Хорошо, Антон Антонович. И раз уж вы зашли, давайте поговорим о деле здесь.

– Как хотите, – снимает фуражку полковник. – А когда стемнеет, я покажу вам вечернюю Одессу.

– Не возражаю. Так вот, вам что-нибудь известно о магистре Травицком? Или он теперь доктор богословия?

– Наверное, скоро присвоят. У нас он числится правонарушителем...

– Опять попытался с кем-нибудь пообщаться?

– Да, пытался. На сей раз, правда, не со всевышним, а с одним туристом из ФРГ. Несколько лет назад на контрольно-пропускном пункте у этого туриста в тайнике автомашины были обнаружены сочинения русских философов-идеалистов, находящихся в эмиграции. В своих «трудах» они с религиозно-философских позиций пытались опровергнуть идеи научного коммунизма. И вот он появляется снова, на этот раз всего с одной книгой. В ней собраны высказывания крупнейших западных ученых о религии.

– Эту книгу он тоже тайком провез?

– Нет, вполне легально. Ему известно, что никому из иностранных туристов не запрещается привозить религиозные книги для личного пользования. Правда, он хорошо знает, что имеются в виду главным образом Евангелие, Библия, Коран и различные молитвенники, но к нему не стали придирааться.

– А Травицкий тут при чем?

– Когда этот господин возвращался на родину, у него этой книги не оказалось. На вопрос сотрудников нашей таможенной службы, где книга, он сначала заявил, что потерял ее, но, понимая, что этому могут не поверить, решил признаться, что подарил ее магистру богословия Травицкому. Травицкий, конечно, отрицал получение такого подарка от иностранного туриста, но мы не сомневаемся, что иностранец сказал правду, так как Травицкого видел в его обществе бывший семинарист Фоменко. Он уверяет, что именно Травицкий поручал ему распространять религиозные книги, полученные из-за рубежа.

– Ну, а о Травицком что еще вы можете сказать?

– Среди местного духовенства он слывет религиозным фанатиком, не брезгающим для доказательства существования всевышнего никакими средствами.

– У вас тут в семинарии был еще один священник – Корнелий Телушкин...

– Отец Феодосий! – восклицает Корецкий. – По словам Фоменко, он состязался с Травицким в красноречии. Бывший их воспитанник считает даже, что Телушкин уехал из Одессы, не поладив с магистром.

– А мы полагаем, что между ними должны существовать какие-то тайные контакты, – говорит Татьяна и делится с Корецким своими соображениями и опасениями.

Полковник некоторое время молча размышляет, потом говорит не очень уверенно:

– Что там происходило и происходит за стенами Одесской духовной семинарии, этого мы не знаем. И о Травицком бы ничего не знали, если бы не подарок, сделанный ему западногерманским туристом, да рассказ о нем Фоменко, который утверждает, что Травицкий не только фанатик, но и «темная личность».

– Есть у него для этого причины?

– Мы тоже задали ему такой вопрос. Он пообещал нам представить убедительные доказательства. А пока сообщил, что Травицкий часто бывает в порту, когда приходят иностранные пароходы. Один раз мы действительно видели его на Приморском бульваре. Он ходил полчаса вдоль Потемкинской лестницы и ушел, так и не спустившись в порт.

– И это был день, когда пришел в Одессу иностранный пароход?

– В тот день в Одессу прибыл итальянский лайнер. Потом в наш порт приходили другие иностранные пароходы, в том числе и итальянские, но Травицкий больше ни на Приморском бульваре, ни в порту не появлялся.

– Может быть, его что-то насторожило? Он мог заметить, что за ним...

– Это исключено.

– А почему не допустить, что насторожил его Фоменко? Раз он хотел его изблечить, то, наверное, ходил за ним буквально по пятам.

– Мы предупредили Владимира, чтобы он прекратил свое шерлокхольмство.

– Что вы знаете о самом Фоменко?

– Он сын известного в городе врача. Мечтал пойти по стопам отца, но не набрал нужного количества баллов на вступительных экзаменах. Это бы он еще перенес, надломила его неразделенная любовь. Влюбился в «скверную девчонку», как заявил его отец. Мало того, что она не ответила взаимностью на его любовь, стала издеваться над ним, узнав, что он внук священника. А священник этот добровольцем на фронт пошел во время Великой Отечественной войны и погиб смертью храбрых.

– Как же девчонка эта могла!..

– Могла, Татьяна Петровна. Она действительно скверная, жестокая девчонка. С нею Володя Фоменко познакомился в типографии. После неудачи с поступлением в институт он устроился туда учеником наборщика. Но когда поссорился с этой девчонкой, видимо, ей назло решил поступить в духовную семинарию. «Мой дед был честным русским патриотом, – заявил он ей, – и я тоже докажу всем, что можно быть священником и настоящим человеком, патриотом и борцом за мир». Отец Фоменко считает, что у Володи был «нервный срыв» и только потому поступил он в семинарию. А когда его сына исключили из семинарии, доктор буквально ликовал. Вас заинтересовало что-нибудь в биографии Владимира Фоменко?

– Заинтересовало.

– Что же именно?

– То, что он работал в типографии. Можете вы организовать мою встречу с ним?

– Попробую.

20

Владимир Фоменко худощавый, высокий, красивый молодой человек с нервными движениями тонких рук. Голос у него негромкий, но торопливый, будто он боится, что его не дослушают, потому, наверное, спешит высказаться прежде, чем его прервут. Татьяна Владимира не торопит, дает возможность «разрядиться».

– Сначала я считал Травицкого истинным борцом за православие, – слегка заикаясь, быстро говорит Фоменко, – а оказалось, что он – всего лишь мелкий клеветник...

– А вы читали произведения, которые он вам давал? – спрашивает Татьяна.

– Сперва просто так их распространял по просьбе Травицкого, а потом решил почитать. Они там за рубежом безо всякого разбору все печатают. Видать, им страшно хочется хоть каких-нибудь доказательств гонения на верующих за их убеждения у нас. Особенно папа римский старается. Специальную конгрегацию по вопросам восточной церкви создал у себя в Ватикане. Очень уж печется о согласии между католицизмом и православием, однако с непременным условием признания православием верховной власти папы римского, как наместника Христа на земле.

– Вам-то откуда все это известно? – удивляется Татьяна уверенности, с которой говорит Фоменко.

– Моя мама итальянка. Ее родственники часто пишут ей из Италии, присылают журналы. Она и меня итальянскому обучила. Я много интересного в журналах этих вычитал. Но теперь

совсем другими глазами на все смотрю. Читаю то, о чем раньше и не слышал, чего семинарское начальство читать не позволяло. Диспуты Луначарского, например, с митрополитом Введенским. Здорово его Анатолий Васильевич разделявал. Вот бы поприсутствовать на таких баталиях! Сейчас прямо не отрываясь читаю все атеистические произведения Луначарского.

– А «отец Феодосий» чему же вас учил? – любопытствует Татьяна.

– Он старался нам внушить, что современная наука не только не противоречит религии, а чуть ли не подтверждает ее. Папу римского, Пия Двенадцатого, кажется, цитировал нам. Его обращение к «папской Академии наук» на тему «Доказательства бытия бога в свете современного естествознания».

– И убеждало вас это в чем-нибудь?

– Тогда казалось убедительным. Он приводил нам высказывания западногерманского епископа Отто Шпюльбека, который будто бы доказал, что только в старом естествознании, с его законами о строгой причинности всех физических явлений, не было места для бога. А новое естествознание, подчиняющееся законам квантовой физики, ведет будто бы человека к «вратам бога и религии». И он не голословно, а на примерах это нам доказывал. Вот бы поговорить об этом с настоящими учеными-марксистами.

– Так в чем же дело? Нет разве в Одессе таких ученых?

– Есть, конечно, – смущенно произносит Владимир, – но мне к ним неудобно... Они моего отца хорошо знают и то, что я в духовной семинарии был...

– Но ведь вы ушли из нее.

– Все равно неудобно...

– Ну хорошо. Запишите тогда все эти вопросы и передайте мне. Я знакома с одним известным московским ученым, попрошу его ответить вам на них.

– Спасибо, Татьяна Петровна! Это очень мне пригодится. Я тогда кое-кого из бывших моих товарищей по семинарии постараюсь просветить. Вы себе представить не можете, как они, богословы отечественные и зарубежные, нас одурманивают!

– Я это представляю себе, Володя...

– Нет, вы это просто не можете себе представить. У вас жизненный опыт, знания, твердые убеждения, а у нас, молодых и зеленых...

– Вы только не волнуйтесь так, Володя...

– Я не волнуюсь, Татьяна Петровна, я негодую. Все злопыхатели там, на Западе, учат нас, как надо жить, во что верить. Архиепископ Иоанн из Сан-Франциско, например. Этот бывший русский князь, бывший архимандрит и настоятель православного храма святого Владимира в Берлине, прослуживший в этом храме до конца войны и благословивший поход Гитлера против России, теперь читает нам душеспасительные проповеди по радиостанции «Голос Америки» и покровительствует всем антисоветчикам.

«Нужно его как-то переключить на другую тему, – тревожно думает Татьяна, – нельзя ему так взвинчиваться...»

– Вы мне много интересного рассказали, Володя, только слишком уж большое значение придаете таким одержимым, как архиепископ Иоанн...

– Вы думаете, он одержим верой в господ бога? Ненавистью к Советскому Союзу он одержим! Не может такой человеконенавистник верить в бога.

– А магистр Травицкий верит? Вы сказали, что он фанатик.

– Это в семинарии считают его фанатиком, а по-моему, жулик он, а не фанатик! Спросил как-то, не могу ли достать типографские шрифты. Но это уж не знаю для чего...

– Ну, а вы что ему ответили?

– Это было еще до того, как меня выставили из семинарии. Я тогда не успел в нем разобраться и даже немного уважал за эрудицию. Он не объяснил мне, зачем ему шрифты, а я постеснялся расспрашивать. Да и чего было спрашивать, раз я не мог эти шрифты достать. Не воровать же их было из типографии, хотя теперь думаю, что он не стал бы меня отговаривать, если бы я сказал ему, что смогу их украсть.

– А вас исключили только за то, что вы Травицкому нагрубили?

– Не только...

– Если это секрет, то я не настаиваю, – почувствовав смущение Владимира, говорит Татьяна.

– Никакого секрета, Татьяна Петровна, просто противно говорить об этом человеке. Я ведь был совсем зеленым и во многом не мог разобраться. Без конца задавал ему вопросы. Спрашивал, например, как понимать свободу совести? Как исповедовать религию? Или, может быть, свобода совести разрешает быть атеистом? Хоть не очень охотно, но ответил он мне на это положительно. Тогда я снова: «А почему же в Америке, в которой будто бы гарантируется свобода совести, существует обязательная религиозная присяга в виде клятвы на Библии, а в некоторых штатах неверующих не принимают на государственную службу?»

– И что же он на это?

– Ответил шуткой. Сказал, что один не очень умный человек может задать столько вопросов, что на них и сто мудрецов не смогут ответить. Но я продолжал задавать ему новые вопросы. Спрашивал, почему в Библии написано, будто всякая власть от бога? Советская власть, значит, тоже от бога? Я был ему нужен, и он не доносил на меня ректору. А когда я отказался выполнять его задания, он тотчас же все ректору выложил, да еще и присочинил. Я потом много думал об этом и ни капли не сомневаюсь теперь, что он темная личность. Но я непременно его разоблачу.

– Может быть, я помогла бы вам или подсказала что-нибудь?

– Нет, Татьяна Петровна, позвольте мне это самому.

21

Дионисий Десницын не возлагает больших надежд на поездку Татьяны Груниной в Одессу. Что сможет она там узнать о Травицком, в какие планы его проникнуть? А тем более во взаимоотношения его с Корнелием Телушкиным. В семинарию она ведь не пойдет, а так у кого же ей узнать что-нибудь интересующее ее? Да и в самой семинарии в замыслы его едва ли кто-либо посвящен. А если и посвящен, то не станет же выкладывать их сотруднице Министерства внутренних дел.

Нет, ничего она там не добьется, время только потеряет. А то и того хуже – Травицкого насторожит. Действовать, конечно, нужно здесь, в Благове, да поэнергичнее. Не может быть, чтобы этот парень, которого Телушкин привлек к осуществлению своих целей, ни о чем не догадывался. Он, наверное, в самом деле крепко травмирован, однако можно же его чем-то расшевелить. Есть, должно быть, люди, с которыми он дружил.

– Слушай, Андрей, – обращается Дионисий к внуку, – а тот приятель твой, который помог милиции бандитов в нашем доме взять, в каких отношениях с этим Вадимом? Послушался бы он его, если бы...

– Едва ли, – задумчиво покачивает головой Андрей, – не думаю, чтобы послушался! А вот Олега Рудакова, пожалуй. Его он больше других уважал. Мы все его нашим вожаком считаем.

– Это не тот ли, который у вас на заводе бригадиром?

– Сейчас он уже мастер инструментального цеха.

– Так в чем же дело тогда? Почему ты не можешь попросить его приехать к нам для встречи с Мавриным? Разве Рудакова не интересует его судьба?

– Но как же мы эту встречу организуем?

– Уж это я беру на себя. А сейчас мне нужно собираться. Просил навестить его отец Арсений и, конечно, не без причины. Кстати, у меня мелькнула одна идея. Сейчас сколько? Семь? Ну, так я как раз к его традиционному вечернему чаю успею. Ужинай без меня.

Дионисий Десницын бывал у ректора не раз. Последнее время редко, правда, но в доме протоиерея Арсения Благовещенского все ему хорошо знакомо. Тут ничего не изменилось за последние тридцать, а может быть, и все пятьдесят лет, все, как при его покойном отце, тоже протоиерее. После смерти жены живет отец Арсений одиноко, дети разъехались по разным городам, отца навещают редко, стесняются его духовного сана. А он, добрая душа, и не ви-

нит их за это, лишь бы здоровы да счастливы были.

Вот уже второй час сидят за чаем два старых человека, мирно толкуя о творце, которому один давно уже перестал служить, а другой все еще служит. Они не осуждают друг друга, говорят спокойно и откровенно. Десницыну вообще нечего таить, а отец Арсений наедине с Дионисием не лукавит.

– Я слабый человек, – признался он как-то Дионисию. – Это о таких, как я, Иван Петрович Павлов сказал: «Есть слабые люди, для которых религия имеет силу». Мне хорошо с богом, спокойно. Все, что ни случись, можно его благоволением или гневом объяснить.

– А вы вроде и ни при чем?

– На все воля господня, – вздохнул отец Арсений.

– Удобная философия, – рассмеялся Дионисий.

Благовещенский не возражал. Но он и не притворялся, ему действительно было бы нелегко без бога. Он в него искренне верит и не позволяет рассудку усомниться в существовании всевышнего, не мучается этим вопросом, считает, что худа не будет, если бога и не окажется. Ну, а если он есть, а ты в этом сомневался? Тогда ведь... Впрочем, и это его не волнует, он не позволяет себе таких сомнений.

Арсения, однако, не упрекнешь в примитивности, он читает не только богословскую литературу, но и кое-что из научной. А при встречах с иностранными богословами, позволяющими себе за рюмкой водки разные шуточки в адрес «дремучих православных традиционалистов», отвечает им на вполне научном уровне:

«Вот вы полагаете, что многие психические травмы и стрессы у православных прихожан от чрезмерно строгого следования букве священного писания. А я считаю, что все наоборот. Травмы и стрессы, скорее, от модернизаций, от постоянных пересмотров и приноравливаний к современности, тогда как традиционное восприятие и Евангелия и других священных книг действует подобно психотерапии».

Вот и сейчас, сидя под старинными образами, отец Арсений терпеливо слушает Дионисия, не только не возражая ему, но и не пытаясь вникнуть в смысл его слов, пропуская их мимо ушей.

– Я вас знаете за что уважаю, Арсений Иванович? – говорит Дионисий. – За то, что вы не мудрите. Верите себе в бога, как верили когда-то, когда и науки-то никакой не существовало. А теперь человек так много и достоверно знает, что для бога не остается места.

Дионисий делает паузу, отпивая чай из блюдца и раздумывая, как дальше вести беседу.

– Нужно ли в связи с этим хитрить, подтасовывать факты, придумывать, по сути дела, новую религию? – вопрошает он Арсения, помолчав с минуту. – Когда вы мне сообщили о замысле Феодосия, я сначала подумал, что это никому не повредит. А потом, поразмыслив хорошенько, решил, что церкви, а точнее, нашей семинарии и вам лично, как ее ректору, это может принести большие неприятности. Через внука и жену его, кандидата философских наук, попросил я навести справку у серьезных ученых о «пришельцах» и о возможности оставления ими научных сведений для земного человечества. Оказывается, многие ученые очень в этом сомневаются. Некоторые из них полагают даже, что мы во Вселенной одиноки. В связи с этим, в случае опубликования «находки» Феодосия, мы будем выглядеть жалкими фальсификаторами. Зачем же нам такая слава? Да и владыка наш как еще на это посмотрит. К тому же изготовление шрифтов да еще печатание пусть даже древнейших текстов без разрешения на то властей как бы не вошло в противоречие с Уголовным кодексом.

Арсений Благовещенский теперь само внимание. Он знает, что Советская власть всегда была справедлива к духовенству. Это на Западе шумели и шумят о гонениях на православную церковь в Советском Союзе, а он-то знает, что в годы революции судебные процессы над некоторыми представителями духовенства были вызваны их антисоветской деятельностью.

Благовещенский даже прочел статью Ленина «Об отношении рабочей партии к религии», и ему понравились прямые, честные слова вождя русских коммунистов, который заявил:

«Глубоко ошибочно было бы думать, что кажущаяся «умеренность» марксизма по отно-

шению к религии объясняется так называемыми «тактическими» соображениями в смысле желания «не отпугнуть» и тому подобное. Напротив, политическая линия марксизма в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами».

Отец Арсений хорошо знает, что никакая религия с этими основами не совместима. Но ему известно и то, что марксисты религию не отменяют, а преодолевают терпеливой воспитательной работой. Да и сама советская действительность, преобразующая жизнь советского народа, все основательнее уничтожает ту почву, в которой веками укоренялась и произрастала религия. Как ни печально, но ему приходится это признать. Русского человека, а особенно русского мужика, напрасно многие считали, а некоторые зарубежные богословы и сейчас считают слишком уж религиозным. Он, отец Арсений, проживший долгую жизнь и многое повидавший, что-то не замечал в нем этого.

А взять русские сказки народные, поговорки, пословицы, много ли в них религиозности? Скорее, пожалуй, богохульство. А уж здравого смысла и юмора хоть отбавляй.

Не единожды размышлял отец Арсений и над устаревшими представлениями об аскетизме русского человека, как бы вытекавшем из его религиозности. Снова ведь приходится перестраиваться, приспособливаться и утверждать, что речь уже идет не о пренебрежении земными радостями, а о самосовершенствовании, об аскетизме, относящемся лишь к области духовной жизни. Если бы даже отец Арсений не читал об этом в «Журнале Московской патриархии», сама жизнь заставила бы его именно так истолковывать это своим семинаристам.

Ох как трудно оставаться на позициях традиционализма под напором новой жизни, потому и приходится идти на сделки не только с собственной совестью, но и с разными фанатиками вроде магистра Травицкого или с такими ловкачами, а может быть, и авантюристами, как отец Феодосий.

Ректор Благовской духовной семинарии к тому же не из храбрых, он хорошо знает, что религиозные организации не могут действовать совершенно бесконтрольно. Поскольку существуют они в государстве, то и действовать обязаны в рамках государственного законодательства.

– Что же теперь делать, Дионисий Дорофеевич? – спрашивает он Десницына. – Не в милицию же заявлять?

– Обойдемся пока без милиции, – успокаивает его Дионисий. – Нужно только услать куда-нибудь Феодосия. В епархию или в ведомство самого патриарха. Найдутся там какие-нибудь дела?

– Найдутся. Только я отца Владимира хотел послать...

– Пошлите Феодосия, но чтобы он ничего не заподозрил. И желательно поскорее.

– Можно даже завтра.

– Лучше послезавтра и хорошо бы на весь день.

– Постараюсь, – обещает ректор.

22

Снова собираются у Рудакова Анатолий Ямщиков, Настя Боярская и Валя Куницына. Олег сообщает:

– Позвонил Андрей. Его дед Дионисий уговорил ректора духовной семинарии послать Корнелия Телушкина на весь день к епархиальному архиерею. У Дионисия Дорофеевича контакт с привратником особняка, в котором заточен Вадим.

– Заточен? – удивляется Анатолий.

– Почти. Во всяком случае, Вадим на улицу не выходит, так что, может быть, Телушкин его и не выпускает. А завтра будет возможность проникнуть к нему и поговорить. Расшевелить его и объяснить, в чьи руки он попал. Андрей считает, что это смогу сделать только я. И если вы того же мнения...

– Нет, я не того же мнения! – восклицает Валя. – Ты извини меня, но с этой задачей тебе не справиться.

– Почему же? – хмурится Рудаков. – Вадим всегда уважал меня, и Андрей считает...

– А я этого не считаю, – упрямо трясет головой маленькая Валя. – Я лучше знаю Вадима,

чем Андрей. И тебя тоже знаю достаточно хорошо. Пожалуйста, не обижайся только, дело слишком серьезное...

– Но почему такое недоверие ко мне?

– В самом деле, Валя, с чего это ты вдруг?.. – вступается за Олега Анатолий.

– Почему – вдруг? Вы просто не знаете, в каком состоянии Вадим. На него никакие доводы Олега не действуют. Ему сейчас не доводы нужны, а хорошая встряска. Ты сможешь его встряхнуть, Олег?

– Что ты имеешь в виду под встряской?

– Не переносный, а буквальный смысл этого слова. Взять, как говорится, за грудки и всколыхнуть. Пожалуй, даже дать по морде, а это сможет сделать только Анатолий.

– Да я ему не только по морде, – вскакивает Анатолий, – я могу его и вовсе пришибить, если только он...

– Ну, знаете, – прерывает Ямщикова Настя, – это же не серьезно. Что мы собираемся – выручить его или проучить?

– А я повторяю – нужно знать, в каком состоянии Вадим, – стремительно поворачивается к Насте Валентина. – Он невменяем. В каком-то смысле даже почти мертвец. Рассудок его отключен, работают только мышцы да органы пищеварения. А Олег начнет ему...

– Ничего я не начну! И вообще не напрашиваюсь в Иисусы, чтобы воскрешать мертвых...

– Уже и обиделся! – укоризненно качает головой Валентина. – А ведь мы когда-то твоей выдержке завидовали.

– В самом деле, ребята, может быть, взяться за Вадима мне? – спрашивает Анатолий, вопросительно глядя на Олега.

– Что ты на меня смотришь? – недовольным тоном говорит Олег. – Как все решат, так пусть и будет.

– Только вы его не пришибите там, Толя, – просит Настя.

– Ну, я вижу, все за Анатолия, – взяв себя в руки, заключает Рудаков. – Жаль, Татьяны Петровны нет, она бы это не одобрила.

Вадим, похудевший, небритый, с всклокоченными волосами, будто его только что подняли с постели, удивленно смотрит на Анатолия, не то не узнавая, не то глазам своим не веря.

– Ну, как ты тут живешь, в этой крысиной норе? – спрашивает его Анатолий. – Узнаешь ли еще старых своих друзей?

– Друзей? – переспрашивает Вадим.

– А кого же еще? Или ты теперь со священнослужителями только? Крест-то тебе выдали уже? Повесил его на шею? За сколько же сребреников предал нас? Какое жалованье тебе тут положили?

– Да что ты говоришь такое? Кого я предал?

– Всех! Меня, Олега, Андрея, а главное – Варю.

– И Варю?

– Да, и ее.

– Да ты!.. Да как ты смеешь?

– Смею, Вадим. Именем Вари смею сказать тебе это.

Маврин ошалело смотрит на Анатолия, с трудом вникая в смысл его страшных слов.

И вдруг глаза его наливаются кровью, и он замахивается на Анатолия.

– Только это тебе и остается, иуда, – спокойно произносит Анатолий, не пытаясь защищаться.

– Да я тебя за такие слова!.. – хрипит Маврин, все еще не опуская поднятой руки. – В жизни своей никого не предавал, а ты? Что вы, черт вас побери, вцепились все в меня?..

– Не богохульствуй, Вадим, на тебе крест святой.

– Да нет на мне никакого креста! – рвет ворот рубахи Маврин. – Никакой я веры не принимал и никого не предавал!..

– Прости меня, Вадим, но ты же форменный кретин. Как же тогда, скажи, пожалуйста, понимать твое рабство у Корнелия? Ты же тут, как средневековый невольник под охраной какого-то капуцина, вкальываешь на своего бывшего босса...

– Какого капуцина?

– Ну, бывшего монаха Благовского монастыря, который тут тебя стережет. Я еле прорвался к тебе мимо этого цербера. Да и не в страже твоей дело. Как же ты опять в холуях у Корнелия оказался? Забыл разве, сколько крови он Варю испортил? А ты к нему снова... Нужно же так надругаться над памятью Вари! Мы его ищем чуть ли не по всему Советскому Союзу, а он тут в архиерейском подвале подонку этому религиозные фальшивки какие-то мастерит, чтобы с их помощью веру в бога укреплять.

– Что ты несешь, Анатолий?..

– Думаешь, что Корнелий твой сан духовный получил да отцом Феодосием стал именоваться, так от шакальих повадок своих отказался? Не так-то просто от этого избавиться. По себе можешь судить...

– Как это – по себе?

– Каким ты был, таким, выходит, и остался, и все Варины труды – насмарку.

– Замолчи сейчас же, Анатолий! – снова замахивается на Ямщикова Маврин.

– А ты бей, раз уж руку поднял. Ты уже вогнал Леонида Александровича в инфаркт, кончай теперь и меня.

– В какой инфаркт?

– В такой, от которого богу душу отдают. Леонид Александрович ведь думал, что ты из-за Вариной смерти с собой покончил.

Вадим трет лоб, силясь понять смысл сказанного.

– Как же так?.. – шепчет он чуть слышно. – Почему из-за меня? Кто я ему такой?

– Как – кто? – кричит Анатолий. – Ты муж его племянницы! И не потому только. Он вообще к тебе привязался...

– Жив он хоть?

– Пока жив.

– Если он действительно из-за меня, то сообщи ему, что и я жив. И вообще всем: Олегу, Андрею, ребятам на заводе...

– Нет, ты для нас все еще мертвец, хуже мертвеца. Пусть уж лучше Леонид Александрович думает, что ты мертв, чем узнает, кем ты стал.

– А что я сделал такого? Просто от соболезнований ваших, от самого себя хотел бежать...

– Куда? В тихую обитель, в лоно духовной семинарии? А точнее, снова в компанию Корнелия. Для него ты такая находка, какую ему только сам черт мог подкинуть. Тихий, безмолвный, ко всему безразличный и мастер на все руки. Надо же, чтобы так повезло!

Вадим постепенно приходит в себя и заметно преобразается. В его потускневших глазах появляется осмысленное выражение.

– Корнелий, значит, снова затевает что-то? – спрашивает он Анатолия. – Мне он сказал, что какие-то древнецерковные рукописи хочет восстановить. Не вижу в этом ничего преступного...

– Зачем же тогда секретность такая? Почему тайком, в погребе? Рукописи эти с помощью архиерея или самого патриарха можно ведь в любой типографии отпечатать. Печатают же они где-то свой «Журнал Московской патриархии» да и другие духовные книги.

– Эти на древнецерковнославянском. Говорит, что таких шрифтов ни в одной типографии нет.

– А что хоть печатать будешь, знаешь ли?

– Не знаю. Мне только печатную машину нужно наладить, а уж остальное они сами.

– Какую машину?

– Раздобыл Корнелий какую-то допотопную. Видел я, как на таких подпольщики в кинофильмах листовки свои печатали. Все вручную.

– Так ведь и он какое-то подпольное дело затеял и будет, наверное, не только религиоз-

ные фальшивки печатать. Может быть, даже и антисоветчину.

– Да не станет он этим заниматься! Большой ведь срок получил за прежнее и закаялся небось...

– Теперь будет поосторожнее. А в случае чего, на тебя сможет все свалить.

– Ну, на это пусть не надеется! Это уж придется ему без меня... Я уйду отсюда вместе с тобой.

– Ты, значит, уйдешь, а он пусть печатает всякую антисоветчину?

– Научи тогда, что же делать?

– Посмотри на это Варинными глазами и сам увидишь, в чем твой долг. Можно разве оставить тут Корнелия, чтобы он...

– Ты прав, Толя! Нужно как-то ему помешать. Я сейчас взломаю замок на погребке, и мы...

– Так он, значит, и тебе не доверяет? Ключа даже не оставил. Закрыл все от тебя, как от милиции. Ломать, однако, мы ничего не будем. Ты останешься тут и будешь...

– Нет, больше я не буду!

– Это ты забудь, Вадим! Хочешь вернуться к людям – живи по девизу «надо», а не «хочу – не хочу». Принимаешь такое условие?

– Принимаю, – не очень охотно молвит Вадим.

– Ну, тогда веди себя как и до сих пор – ник чему никакого интереса. Нет тебе ни до чего дела. Делай, что прикажут, и не задавай вопросов. Повозись только с его печатной машиной подольше, а потом заяви, что тебе одному ее не починить, что нужен помощник и что ты знаешь надежного парня, который...

– Но ведь я уже почти все там наладил.

– Незаметно сломай что-нибудь и проси помощника. Скажи, что на твоём заводе есть парень, который за деньги все, что угодно, сделает. Словом, все нужно так организовать, чтобы твоим помощником оказался я. А уж мы вдвоем доведем это дело до конца. До естественного во всех отношениях конца «отца Феодосия». Завершилось чтоб на этом его эволюция на поприще авантюризма.

– Я попробую...

– Не попробуешь, а сделаешь все, как надо, понял?

– Понял... Сообщи только Леониду Александровичу, что я жив...

– Повторяю – что ты жив, это нужно еще доказать делом, – обрывает Вадима Анатолий.

– Об этом не забывай. Связь будем поддерживать через Андреева деда Дионисия или через охранника твоего, монаха Авдия.

– Но ведь ты же сказал...

– Это я слегка сгустил краски. На него можешь положиться, как и на Дионисия.

– Андрей тоже, наверное, здесь? Все вы тут из-за меня...

– Мы искали только тебя, но раз оказалось, что орудует тут такой проходимец, как Корнелий, мы его не оставим в покое. Ну, будь здоров, Вадим!

– Передай привет ребятам и Леониду Александровичу, а я постараюсь...

– Ладно, я в этом не сомневаюсь.

Корнелий возвращается от епархиального архиерея в шесть вечера. Доложив ректору о результатах поездки, он спешит в особняк Троицкого.

– Ну как наш отшельник? – спрашивает он Авдия, подметающего двор. – Что делал в мое отсутствие?

– Почти все время почивал.

– Обедал?

– Поначалу не желал. Мотал головой и ругался. Я не стал принуждать. Голод, однако, не тетка. Съел отшельник этот все, что я на его столе оставил.

– Никто не заходил?

– Врата и калитка у меня все время на запоре, отец Феодосий.

– Спрашивал тебя Вадим о чем-нибудь?
– Ни слова не молвил. И чего так замкнулся – не могу уразуметь.
Корнелий, не удостоив Авдия ответом, торопливо идет в дом. Вадим лежит на старинном диване лицом к стене.
– Привет, старина! – бодро произносит Корнелий. – Сколько же, однако, можно спать?
– А я не сплю, – не поворачиваясь, отзывается Вадим.
– Бессонницей, стало быть, страдаешь, – шутит Корнелий. Ему хочется растормошить Вадима, заинтересовать предстоящей работой. – Мне Авдий докладывал, как ты тут храпака задавал. Отдохнул, значит, вволю, давай тогда за дело! Повернись хоть, о серьезном хочу с тобой поговорить.
– Я и так хорошо слышу.
– Ну ладно, слушай так, только повнимательней. Шрифты, какие мне нужны были, привезут сегодня. Дело, значит, только за станком. Там ведь пустяки остались?
– Пустяки-то пустяки, только мне их не одолеть.
– Чего это вдруг? – удивляется Корнелий. – Почему вчера не сказал? Все вроде шло гладко...
– Простую работу делал, потому и гладко. Теперь самое трудное осталось.
– Да повернись же ты ко мне наконец! – злится Корнелий. – Что это за фокусы такие? Вадим медленно поворачивается и говорит, не повышая голоса:
– Ты на меня не ори, я тебе не Авдий.
– Я вообще ни на кого не ору, – уже спокойно произносит Корнелий. – Даже на Авдия, хоть он и глуховат. На тебя и вовсе нет причины. Не понимаю только, что это ты вдруг?..
– Почему – вдруг? Просто забыл сказать, что к самому трудному подошел. Думал, что справлюсь. А сегодня поразмыслил и решил, что надо просить чьей-то помощи, а то как бы не напороть...
– Нет, Вадим, об этом не может быть и речи. Никого я больше к этому станку не подпущу.
– Я знаю одного очень толкового и надежного человека...
– Давай не будем больше об этом!
– А печатать кто же будет?
– Об этом пусть у тебя голова не болит.
Вадим не задает больше вопросов, Корнелий тоже молчит. Потом не выдерживает и спрашивает:
– Тебя не интересует, что печатать будем?
– Не интересует.
– Ну и равнодушное же ты существо. Я думал, что тебе Варя твоя...
– О Варе ты не смей!.. – повышает голос Вадим.
– Извини, я не хотел тебя обидеть. А когда работать пойдешь?
– Когда прикажешь.
– Я тебе не приказываю, Вадим, а прошу. И постарайся, пожалуйста, обойтись без посторонней помощи.
– Постараюсь.
– Я сегодня в епархии посоветовался кое с кем, очень заинтересовались там нашей идеей. Если нам удастся ее осуществить, мы с тобой знаешь как прославимся!
– Мне слава ни к чему. Пусть уж она тебе одному...
– Ладно, я не откажусь, – усмехается Корнелий. – В Москве я посмотрел недавно западногерманский фильм «Воспоминание о будущем». Более грубой подтасовки фактов мне еще не приходилось видеть. Снято, правда, эффектно. Но посуди сам, прилетают инопланетяне на нашу Землю во времена египетских фараонов, и что, ты думаешь, демонстрируют землянам? Высокую науку и технику? Ничуть не бывало! Они сооружают на Земле все то, что и без них умели делать народы того времени: обелиски, храмы и колодцы. Ну разве не смешно?
– Мне не смешно и вообще не интересно, – уныло отзывается Вадим.

– Тебя наука вообще никогда не интересовала, а из меня мог бы выйти не только никому пока не известный богослов, а крупный, может быть, даже знаменитый ученый.

– Так в чем же дело? Почему же ты не стал ученым?

– Терпения не хватило. Слишком спешил жить, когда нужно было учиться, а теперь уж поздно... Но слушай дальше. Я опять об этом «Воспоминании о будущем». Чего стоит в нем одно лишь утверждение о «расшифровке» буддийских рукописей. Буддийская литература создавалась ведь в историческое время и переводилась на многие языки. Читают ее в оригинале многие специалисты. О какой же расшифровке может в таком случае идти речь? Нет, это все предельно несерьезно...

– Ей-богу, Корнелий... Прости, пожалуйста, Феодосий, – морщится Вадим, – мне это неинтересно.

– Ну, в общем, потряс меня этот фильм своей наивностью и порадовал. Порадовал тем, что я иду по иному пути. Не поднятием тяжестей, как в том фильме, потрясут мои «пришельцы» землян, а знаниями, высокой наукой. Я тебе показывал формулу эквивалентности массы и энергии (E равняется t на c в квадрате). Она, правда, в древнецерковной рукописи записана римскими цифрами, как дефект массы, но, в общем-то, это почти одно и то же.

– Зря ты мне это. Сам же сказал, что в науке я не очень...

– А мне и не важно, чтобы ты понимал, это я сам себя проверяю.

Он достает из кармана небольшую, типа молитвенника, книжку и торопливо листает ее.

– Ага, вот! На Западе пишут, что атомная энергия разоблачила пустоту материализма. Бедняги коммунисты, верившие в материальность мира, утратили твердую почву под ногами. Если бог захочет, он сможет превратить любое количество вещества на Земле в пылающую энергию, ибо все ядра атомов представляют собой твердую энергию, и потому материя может превращаться в огонь.

Корнелий некоторое время переваривает смысл прочитанного, потом со вздохом произносит:

– Ну, это очень уж наивно. Пожалуй, даже глупо. Как они, однако, представляют себе превращение богом вещества в пылающую энергию? Допустим, однако, что бог, превратив материю в энергию, покарает этим коммунистов и атеистов, ну, а верующие куда же денутся, когда будет полыхать наша планета? Слушай, что они еще пишут: «Бог мыслит мир и творит его, реализуя в материи свои идеи...» Ты видел кинофильм «Солярис» по Станиславу Лему?

– Не помню даже, когда был в кино.

– Наверное, бог, по этой книжонке, подобен океану в «Солярисе», материализующему тайные мысли прилетевших исследовать его ученых. Нет, это рискованно преподносить нашим прихожанам, более активно, чем ты, посещающим кино. Они станут слишком примитивно представлять себе бога. А вот высказывания бельгийского математика Леметра о «красном смещении» и «расширяющейся Вселенной» стоит упомянуть. Это уже прямое доказательство «начала мира» и возникновения Вселенной, а стало быть, и явный «акт творения». Жаль, что время этого творения не совпадает с библейским.

Полистав книжку, Корнелий продолжает:

– Тут есть и цитатки из Альберта Эйнштейна, которые можно истолковать в пользу всевышнего. Я, правда, прочел недавно статью его в связи с какой-то годовщиной со дня смерти Коперника. В ней он заявляет: «С радостью и благодарностью мы чтим сегодня память человека, который больше, чем кто-либо другой на Западе, способствовал освобождению умов от церковных оков...» Это уже не в пользу не только церкви, но и бога. Так ведь всем известно, что великий физик любил пошутить даже над богом. Сказал же он как-то, что бог – это что-то газообразное...

– Он, я вижу, не защитник божий, а богохульник. Зачем же они его в эту книжку? – спрашивает Вадим.

– Ну, это смотря какую цитатку из Эйнштейна привести и как истолковать. Зато имя-то какое громкое! Ученые почти все ведь безбожники. Во всяком случае, вреда богу от них больше, чем пользы. Даже те, которые искренне в него верят, объективно подрывают веру в него. Очень метко Энгельс, кажется, сказал, что с богом никто не обращался хуже, чем ве-

рующие в него естествоиспытатели.

– Но ведь и ты собираешься с помощью цитаток...

– Каких, однако!

Корнелий довольно потирает руки:

– Нужно будет покопаться хорошенько в древнецерковнославянских рукописях, не сомневаюсь, что найдутся в них какие-нибудь высказывания «пришельцев» и о «красном смещении» и о «расширяющейся Вселенной», подтверждающие сотворение мира всевышним. Это будет повесомее перетаскивания «пришельцами» каменных идолов на острове Пасхи! Пошли теперь к печатной машине. Нужно ее поскорее наладить. Ей предстоит немало потрудиться для реабилитации могущества всевышнего.

24

Татьяна пробыла в Одессе целую неделю. Ни ей, ни коллегам полковника Корецкого так и не удалось увидеть в порту магистра Травицкого. Он перестал ходить даже на Приморский бульвар. Но за день до отъезда Груниной из Одессы в областное Управление внутренних дел пришел матрос с итальянского судна и заявил, что он помог неизвестному пассажиру, сошедшему с этого судна, передать чемодан с типографским шрифтом какому-то советскому гражданину, ожидавшему их в подъезде одного из домов на улице Гоголя.

– Поверьте мне на слово, я ни за что не стал бы этого делать, – заявил итальянский матрос полковнику Корецкому. – Я слишком уважаю вашу страну. Но меня заставил сделать это один из помощников капитана. Вам я могу признаться, что попался ему однажды с контрабандным товаром (не в вашей стране, конечно). С тех пор помощник капитана держит меня в своих руках. Стоит отказаться выполнить какое-либо его приказание – сразу грозит выдать полиции.

– Как вам стало известно, что в чемодане шрифт? – спросил Корецкий.

– Я же понимал, что в нем что-то недозволенное, но догадаться, что именно, конечно, не мог. По всему чувствовалось, однако, что какой-то металл. И тогда я схитрил. «А что в чемодане? – спросил я того типа, с которым шел. – Уж не золото ли? Если золото, я отказываюсь нести его дальше. Я честный итальянский патриот и не позволю, чтобы из моей бедной страны вывозили золотой запас в богатый Советский Союз...» Тот тип стал меня ругать. Тогда я бросил чемодан и пошел в сторону порта. Чемодан был слишком тяжел, чтобы нести его одному. Пассажир вынужден был вернуть меня и показать, что в нем такое.

Они передали чемодан каким-то людям, которых матрос в темноте не мог как следует разглядеть, один из них, однако, по описанию матроса, напоминал магистра Травицкого...

– А если это так, – заключила Татьяна, – то этот шрифт должен оказаться скоро в Благовской семинарии.

Все это она сообщила подполковнику Лазареву, вернувшись в Москву.

– Я тоже так полагаю, Татьяна Петровна, – соглашается с нею Евгений Николаевич. – У Телушкина уже все готово для печатания подпольной религиозной литературы. По сообщению Дионисия Десницына, Корнелий раздобыл где-то старую печатную машину, и сейчас она у него на полном ходу. Восстанавливать ее пришлось Маврину одному, так как Корнелий категорически возражал против приглашения кого-либо еще. Так и не удалось подключить к этому Анатолия Ямщикова.

– Что же мы будем делать дальше, Евгений Николаевич? Вы советовались с комиссаром Ивакиным?

– Решено не поднимать лишнего шума и не производить ареста Телушкина в семинарии...

– Но ведь его типография не в семинарии? – перебивает Лазарева Грунина.

– Все равно это владение семинарии. Когда будет нужно, мы поставим в известность их руководство, и они сами разоблачат Телушкина.

– А они не замнут этого дела?

– Его уже невозможно замять. Телушкин тоже никуда от нас не уйдет – особняк архиепископа Троицкого находится под наблюдением местной милиции.

О том, что не Рудаков, а Анатолий Ямщиков встретился с Вадимом, Татьяне стало известно от самого Олега.

– Знаешь, – сказал он ей, – вначале я очень расстроился из-за этого...

– Хотел предстать передо мной героем?

– Если честно, то в какой-то мере было и это. Но главное – не сомневался, что сделаю это лучше опрометчивого Анатолия. Должен, однако, признаться – он отлично справился со своей задачей.

И Олег, ничего не скрывая, рассказал ей, как решался вопрос его друзьями. Не утаил даже обидных слов в свой адрес Вали Куницыной.

– Так тебе и надо! – рассмеялась Татьяна. – Надеюсь, ты не затаил на нее злобы?

– Сказать, чтобы я был рад ее оценке моей персоны, было бы неправдой, но я все же пригласил ее на нашу свадьбу и надеюсь, что ты...

– Мог бы не задавать мне такого вопроса. Валя прекрасный человек и настоящий наш друг. Ну, а от Вадима какие вести?

Олег подробно сообщает ей все, что поступило от Маврина по цепочке Авдий – Дионисий – Андрей.

...В тот же день Татьяна созванивается с профессором Кречетовым и просит разрешения зайти к нему.

Едва она переступает порог его квартиры, как под ноги ей бросается маленький, серый, с темными тигровыми полосками котенок.

– Берегите ноги, Татьяна Петровна! – встревоженно кричит Леонид Александрович.

– Неужели такой свирепый? – удивляется Татьяна.

– Шалун ужасный. На днях принес его мне академик Иванов. Сказал, что это помесь простого серого кота с сиамской кошкой. Внешним видом он в папу, но с сиамским темпераментом. Теперь весь день по моей квартире носится этот тайфун из шерсти и множества остреньких коготков. Все летит вверх дном. В том числе и рукописи с моего стола.

– И как же вы с ним уживаетесь?

– Первые три дня думал, что не выдержу. Звонил Иванову, просил забрать. Но он был занят, пришел только на пятый день.

– И что же?

– А за пять дней привык я к этому чертенку. Хотел однажды отлупить. Взял в руки, а он сжался в комочек и поет. Как я мог его после этого наказывать? И знаете, он не глуп, все понимает. Во всяком случае, когда я сажусь за стол работать – носится по другой комнате, а ко мне приходит только спать. Взберется на колени, помурлычет немного и засыпает мертвым сном... Но что я с вами об этом малыше, вы, наверное, по серьезному делу, извините, ради бога!

– Бога вы вовремя помянули, – смеется Татьяна. – Именно о боге будет речь. Точнее, о богословах.

И Татьяна рассказывает Кречетову о своей поездке в Одессу и встрече с бывшим семинаристом Фоменко. Потом она достает записку Владимира и протягивает ее профессору.

– А что, если я попробую, – улыбается Леонид Александрович, – перечислить вам все вопросы одесского семинариста, не глядя в его записку? Это не так уж трудно. Методы так называемых клерикальных «доказательств» существования всевышнего с помощью «современного естествознания» давно нам известны. Это, наверное, «тепловая смерть Вселенной», «расширяющаяся Вселенная» или так называемый «взрыв во Вселенной». Ну и, конечно, «соотношение неопределенности» квантовой физики? Угадал?

– Угадали, Леонид Александрович! Там и еще кое-что, но эти вопросы, видимо, самые главные.

– Но сколько же можно об одном и том же! – восклицает профессор Кречетов. – Уж не одно десятилетие они об этом говорят и пишут, хотя не только философы-марксисты, но и многие западные ученые разоблачают их. Известный английский астрофизик Эддингтон, например, хоть и является видным представителем физического идеализма, но, говоря об ис-

пользовании богословами наблюдений за галактиками, на основании которых была создана теория «расширяющейся Вселенной», заявил: «Эти данные долгое время использовались против распространения материализма. Они рассматривались как научное подтверждение активных действий творца в далекие времена. Я не желал бы поддерживать подобные опрометчивые выводы».

– А нельзя ли об этом немного подробнее, Леонид Александрович? В чем смысл теории «расширяющейся Вселенной»? Я много слышала об этом, но до сих пор не очень разобралась.

– В двух словах, к сожалению, всего не объяснишь, попробую, однако. Теория эта возникла на основании наблюдения так называемого «красного смещения» в спектрах туманностей. Современная наука объясняет это взаимным удалением внегалактических систем в нашей части Вселенной. А идеалисты и богословы истолковывают как свидетельство начала «сотворения мира». Вся наша Вселенная была будто бы сосредоточена когда-то в одной точке пространства. Эти соображения бельгийский математик аббат Леметр подкрепил затем соответствующими математическими расчетами.

– Но ведь и наши ученые, кажется, не отрицают «красного смещения»? – не очень уверенно спрашивает Татьяна.

– Не отрицают. Но делают из этого иные выводы. И, уж во всяком случае, не в пользу всевышнего, – улыбается Кречетов. – Амбарцумян считает, например, что при этом неправильно отождествляется Метагалактика со Вселенной. Наши ученые вообще стоят на той точке зрения, что «начальный момент» эволюции Метагалактики не является «началом всего», а представляет собой лишь момент возникновения протовещества, из которого затем образовались известные нам формы материи. А академик Зельдович в одной из своих статей написал, что «время», протекшее с начала расширения, кое-кто называет «возрастом Вселенной», а правильнее было бы называть его «длительностью современного этапа существования Вселенной». Ответил я как-то на ваш вопрос, Татьяна Петровна?

– Вполне, Леонид Александрович. Только вы Володе Фоменко еще попроще, пожалуйста...

– Обещаю вам, Татьяна Петровна, ответить ему попроще и обстоятельнее и на все остальные его вопросы.

Татьяна уходит от профессора Кречетова с сознанием выполненного долга перед Фоменко, которого, уезжая из Одессы, уговорила отказаться от дальнейших разоблачений Травицкого. А ему так хотелось «вывести его на чистую воду». Но подобная самостоятельность могла ведь и насторожить магистра и помешать его разоблачению.

Фоме Фомичу на вид больше семидесяти не дашь, хотя сам он уверяет, что ему под восемьдесят. Лицо, правда, в сплошных морщинах, с остро выпирающими скулами и резко обозначенными челюстями. О таких говорят «кожа да кости». Но Фома Фомич считает свою физиономию и телосложение «супераскетическими» и уверяет, что до сих пор занимается гимнастикой по системе йогов. Внимательно осмотрев печатную машину, отремонтированную Вадимом, он брезгливо проводит пальцами по ее талеру и спрашивает:

– Где раздобыли такую рухлядь?

– Где раздобыл – не играет роли. Посмотрите, можно ли на ней печатать? – спрашивает его Корнелий.

Фома Фомич снова ощупывает каждую деталь старой, отжившей свой век машины, называвшейся когда-то «американкой», и покачивает головой:

– Это нужно же, такой утиль наладить! Видать, виртуоз какой-то ее латал. Боюсь только, как бы она снова не развалилась.

– А вы не бойтесь, виртуоз тот будет рядом. Меня интересует только одно – сможете вы на ней работать?

– Я на таких у партизан листовки печатал.

– У каких партизан? – удивляется Корнелий. – Вы же говорили, что работали в каком-то религиозном журнале, издававшемся на оккупированной территории Советского Союза.

– Да, это верно, – кивает лысой головой Фома Фомич. – Сотрудничал одно время в «Православной миссии», возглавляемой митрополитом Сергием Воскресенским.

– Полностью миссия эта называлась, кажется, «Православной миссией в освобожденных областях России»? – уточняет отец Феодосий.

– Это тоже верно. Имелись в виду оккупированные немцами Псковская, Ленинградская и Новгородская области. Судьба, однако, швыряла меня и туда и сюда. То к партизанам, то к оккупантам...

«Небось по заданию гестапо», – догадывается Корнелий, но на этот раз уточнять не находит нужным. Решает, что лучше этих подробностей ему не знать.

– Я вообще чего только не печатал за свою жизнь, – продолжает Фома Фомич. – Даже фальшивые деньги пришлось однажды!

– И все сходило?

– Не всегда. Но на всю катушку за грехи мои еще ни разу не получал. Всякий раз выкручивался. При боге все ведь проще было...

– Как это – при боге?

– Говорят же, «при царе», «при немцах». В таком примерно смысле.

– А почему проще?

– Было на кого свалить. Черт, мол, попутал. Вы, как лицо духовное, понимаете, надеюсь, что бог и черт – одна корпорация. А теперь за все самому приходится. Вот и боюсь, как бы не продешевить, взявшись за вашу работу. Уголовно наказуемое сие...

– Вы ведь читали текст. В нем ничего против властей...

– Почему бы вам в таком случае, отец Феодосий, не тиснуть свое сочинение с помощью московской патриархии?

– Боюсь, в соавторы кто-нибудь напросится.

– Вам виднее. Материал действительно эффектный. Прошу, однако, оплатить не только труд мой, но и риск.

– Какой же риск?

– Полагается разве печатать что-либо без специального разрешения?

– Мы же не тысячным тиражом...

– Все равно не положено.

– Ну ладно, Фома Фомич, – примирительно говорит Корнелий, – не будем спорить. Я не поспешил на вознаграждение, нужно только поаккуратнее и побыстрее.

– Это могу обещать. А за работу готов взяться хоть сейчас.

Андрей видит в окно, как торопливо идет домой дед Дионисий. Когда-то он ходил так всегда, но годы взяли свое, и походка его стала спокойнее, степеннее. Случилось, значит, что-то важное, или узнал от Авдия что-нибудь неожиданное.

– Знаешь, что Авдий мне сообщил? – говорит он прямо с порога, с трудом переводя дух от быстрой ходьбы. – Фома у них сегодня был. Помнишь этого проходимца?

– Который редакцию «Журнала Московской патриархии» чуть не подвел?

– Тот самый. Только не «чуть», а действительно подвел. Его оттуда выставили «во гневе», как говорится, а надо было бы под суд, да не захотело наше духовенство такой вонючий сор из своей святой избы выметать. А вот Телушкин его учуял. Точна все-таки пословица: рыбак рыбака видит издалека. Нужно срочно сообщить об этом Татьяне Петровне.

– Она должна приехать сегодня.

– Ты все же позвони. Пусть поставит в известность кого следует.

– Ладно, позвоню. А что этот Фома может делать у Телушкина?

– Да все! Ни от чего не откажется за приличное вознаграждение. Но в данном случае будет, видимо, печатать «творение» отца Феодосия. И вот что мне во всем этом деле непонятно: зачем им эта убогая подпольная типография! Ну сколько экземпляров сможет она напечатать?

– Все же больше, чем от руки или на машинке.

– А у меня из головы не выходит все одна и та же мысль: зачем эта подпольная типогра-

фия понадобилась Травицкому? Ведь не для того же только, чтобы сочинения отца Феодосия печатать. Скорее всего, провокацию какую-то замышляет. Не может же он не понимать, что если не милиция, то само семинарское начальство без особого труда типографию их обнаружит.

– Ректору это давно уж известно...

– Что именно известно? Что отец Феодосий важные научные сообщения «пришельцев» в древнецерковнославянских книгах обнаружил и в единственном экземпляре их реставрирует? Тайком ведь от него Телушкин печатный станок приобрел. Стоит только ректору узнать, что Феодосий подпольную типографию организовал в его владениях – тотчас же владыке своему епархиальному доложит. А уж архиерей, должно быть, самому патриарху. И как ты думаешь, что тогда будет, зная лояльность московской патриархии к Советскому правительству?

– На что же Травицкий делает ставку?

– На то, по-моему, чтобы обнаружили все это милиция или прокуратура.

– Тоже не очень понятно...

– А вот этого я от тебя не ожидал! – укоризненно качает головой Дионисий.

– Вы, значит, полагаете...

– Поверь моему чутью, внук, все это делается из расчета на очередную шумиху за рубежом. Стоит только милиции привлечь к ответственности Корнелия Телушкина, как все радиоголоса станут утверждать, что в России преследуют духовенство. Звони сейчас же Татьяне Петровне, пусть приезжает поскорее!

25

– Поздравляю вас, Татьяна Петровна! – восклицает Лазарев, едва Татьяна входит в его кабинет.

– С чем? – удивляется Татьяна. – Это вас нужно поздравить – присвоили наконец звание полковника. Очень за вас рада, Евгений Николаевич! Нужно бы по этому случаю облачиться в парадный мундир и приколоть к погонам третью звездочку.

– Будет сделано, Татьяна Петровна! Не успел еще. И был бы рад, если бы вы по этому случаю ко мне сегодня на ужин. С Олегом.

– Спасибо, Евгений Николаевич, с удовольствием приду.

– А я вас вот с чем хочу поздравить: вы правы оказались. Похоже, что в самом деле подпольная семинарская типография задумана с провокационной целью.

– Что вас в этом убедило?

– Сообщили только что из Благовского горотдела Министерства внутренних дел, что им позвонил какой-то человек, назвавшийся прихожанином местной церкви, и сказал, что в подвале особняка архиерея Троицкого по Овражной улице установлена печатная машина без ведома местных властей. Фамилию свою назвать не пожелал и вообще прекратил на этом разговор. Кто, по-вашему мог это сделать?

– Едва ли кто-нибудь из прихожан, – не очень уверенно произносит Татьяна. – Прихожанин, скорее, сообщил бы об этом ректору семинарии или епархиальному архиерею. Выходит, что кто-то заинтересован во вмешательстве милиции?

– А тот, кто на этой машине печатать должен, что за человек?

– Этого я пока не знаю. Собиралась к ним сама съездить. Думала даже сегодня, но раз у вас такое торжество, выеду завтра утром.

– Мы ждем вас к восьми, Татьяна Петровна.

Как только Татьяна приходит домой, мать говорит ей:

– Тебе уже два раза звонил Андрей Десницын. Просил срочно с ним связаться. Сказал, что телефон его ты знаешь.

С Благовом есть автоматическая междугородная связь. Татьяна набирает цифру «восемь» и, дождавшись непрерывного гудка, набирает код города Благова. Не занятым оказывается и номер квартиры Десницыных.

- Слушаю вас, – отзывается ей басовитый голос Дионисия.
 - Здравствуйте, Дионисий Дорофеевич! – приветствует его Татьяна. – Только что пришла домой, и мама мне сказала...
 - Да, да, Татьяна Петровна! – торопливо перебивает ее Дионисий. – Звонили вам дважды. Очень вы нам нужны. Не могли бы приехать сегодня?
 - Что-нибудь новое?
 - Да, есть кое-что, однако не по телефону.
 - Я утром собиралась, но если надо...
 - Думаю, что надо, хотя, может быть, и ничего такого...
 - Хорошо, Дионисий Дорофеевич, я приеду.
- Она сразу же набирает телефон Лазарева и извиняется, что не сможет быть у него.
- Ну так мы отложим это дело, – говорит Евгений Николаевич. – Юбилей и те перенесут...
 - Если это только из-за меня...
 - Вообще ни к чему такой пожар. Это супруга моя решила, чтобы тотчас же. А мне очень хочется, чтобы вы у нас были. Тогда уж вам неудобно будет не пригласить нас на вашу свадьбу. Шучу, конечно, знаю, что и без того пригласите, а мне всегда приятно вас видеть. Уговорю вас, может быть, бросить аспирантуру и вернуться на оперативную работу ко мне в отдел.
 - Я подумаю, Евгений Николаевич.
 - В Благов вы с каким поездом?
 - С трехчасовым.
 - Тогда встретитесь, наверное, с Крамовым. Он тоже должен выехать туда сегодня. Но уже не от нас, а от министерства. Они тоже заинтересовались подпольной типографией Телушкина.
 - Я знаю. Комиссар Ивакин уже расспрашивал меня о моей поездке в Одессу. Боюсь только, как бы благовская милиция не предприняла чего-нибудь раньше времени...
 - Они предупреждены и пока только наблюдают. Ну, желаю вам удачи!

В поезде Татьяна так и не встретила с капитаном Крамовым. Скорее всего, он уехал раньше или не успел на этот поезд, а следующий теперь только через три часа.

На благовском вокзале ее, как и в первый приезд, встречает Андрей Десницын.

- Зачем вы тратите время на это, – укоряет его Татьяна. – Добралась бы и сама.
 - Уже вечер, и мало ли что... И потом, дед велел непременно встретить.
 - Ну, тогда другое дело, – смеется Татьяна. – Что у вас нового?
 - Ничего особенного, если не считать опасений деда, что затевается какая-то провокация.
 - С подпольной типографией?
- Андрей выкладывает Татьяне соображения деда, которые не кажутся ему теперь такими уж убедительными.
- А Телушкин как же? Причастен он к этой провокации? Нужно же как-то и его роль себе уяснить.
 - Дед полагает, что он тут ни при чем.
 - Может быть, и его тоже в фанатики зачислите, как Травицкого?
 - По мнению деда, фанатизм Травицкого где-то на грани антисоветизма. А Телушкина прельстил, наверное, заработок и надежда прославиться.
 - Инициатор провокации, значит, Травицкий?
 - Ну, может быть, и не он, а кто-нибудь из зарубежных «защитников» русской православной церкви.

Некоторое время они идут молча. Потом Андрей негромко произносит:

- Моему уму просто непостижима их логика. С их точки зрения, у нас все плохо. Вы, наверное, знаете, что такое секуляризация?
- Насколько мне помнится, это что-то связанное с изъятием из духовного ведения цер-

ковных ценностей и передачей их гражданским властям?

– В данном случае я имею в виду освобождение от церковного влияния в общественной деятельности. Так вот, по данным, опубликованным в семьдесят втором году Центральным статистическим управлением церковей при государственном секретариате Ватикана, за шесть последних лет в католических церквях отказались от сана священника тринадцать с половиной тысяч человек. В одной только Европе не имеют священников около тридцати процентов приходов. Та же статистика свидетельствует и о массовом беге из монастырей монахов и монахинь, о большой нужде церковей в семинаристах. Молодежь, значит, не желает посвящать свою жизнь служению богу.

Чувствуя, что Андрей может говорить об этом долго, Татьяна прерывает его вопросом:

– А кто у Телушкина печатать будет его «трактат» о свидетельстве «пришельцев» в пользу всевышнего?

– Некто Фома Фомич, настоящую фамилию которого знает, наверное, только милиция. Темная личность. Пожалуй, даже уголовник. Во всяком случае, с уголовным прошлым. Всю жизнь вертится около духовенства. Распускает слухи, будто был когда-то протодьяконом.

– А в типографском деле он что-нибудь смыслит?

– Уверяет, что до революции работал наборщиком в «Церковных ведомостях» – газете синода русской православной церкви. Несколько лет назад делал что-то в редакции «Журнала Московской патриархии», откуда был изгнан за нечистоплотные делишки.

– Сколько же ему лет?

– Это тоже никому не ведомо. Скорее всего, ровесник моему деду, а может быть, и старше его. Но вот мы и пришли в обитель бывших богословов Десницыных.

Капитан Крамов приезжает в Благов поздно вечером. Заходит сначала в городской отдел Министерства внутренних дел, где его ждали сотрудники, занимающиеся подпольной типографией «отца Феодосия». Оттуда звонит Боярским, у которых должна остановиться Грунина. Настин отец сообщает, что Татьяна Петровна у Десницыных. Крамов набирает их номер.

– Здравствуйте, Андрей Васильевич, – приветствует он Десницына-младшего. – Это Крамов вас беспокоит. У вас еще Грунина?

– Да, да, Аскольд Ильич, у нас Татьяна Петровна. Можете с нею поговорить, а еще лучше – приезжайте прямо к нам. Вы же знаете, где мы живем.

Капитан приходит спустя четверть часа.

– Пожалуйста к столу, Аскольд Ильич! – приглашает его Дионисий. – Как раз самовар поспел. Мы тут никаких электрических и прочих чайников не признаем, только самовар. В этом отношении неисправимые консерваторы, или, как богословы говорят, традиционалисты, – посмеивается Десницын-старший.

– От чая не откажусь, хотя время позднее и вам, наверное, спать пора, но раз самовар поспел...

– Вот именно. Не пропадать же кипятку. Есть, однако, не только кипяченая вода, но и аква витэ.

– Нет, Дионисий Петрович, спасибо. «Живую воду» в другой раз.

За чаем говорят о всякой всячине, а как только Крамов начинает благодарить за гостеприимство, Дионисий встает из-за стола и кивает Андрею:

– Пойдем, внук, не будем мешать.

– Мне именно с вами-то и нужно поговорить, Дионисий Дорофеевич! – останавливает его Крамов. – Посоветовались мы в Москве и с местными властями и решили, что вы сами должны пресечь незаконную деятельность Телушкина. Сможет это сделать ректор семинарии?

– В каком смысле?

– Застать Телушкина и его сообщников на месте преступления и сообщить о них следственным органам в соответствии с существующим законом. Нужно ведь не только Телушкина покарать, но и выяснить многое другое.

– Понимаю, Аскольд Ильич, – кивает Десницын. – Только сам ректор на это не решится.

Побоится последствий.

– А что нужно, чтобы решился? – спрашивает Татьяна.

– Указание епархии.

– Как этого добиться?

Дионисий почесывает бороду. Он не очень уверен, что ему удастся уговорить Благовещенского сообщить обо всем епархиальному архиерею.

– Но ведь другого пути нет? – снова спрашивает его Татьяна.

– Вроде нет...

– Тогда вся надежда на вас, Дионисий Дорофеевич.

– Хорошо, я попробую. Боюсь, однако, как бы Телушкин не вывернулся, если за это дело возьмемся мы. Уж больно хитер и изворотлив... Скажет, будто типография затеяна без его ведома.

– А вот это уж предоставьте нам, – успокаивает его Крамов. – Улик против него в этом деле более чем достаточно.

– Вы имеете в виду оттиски пальцев на печатной машине? – спрашивает Дионисий.

– Не только это, но и дактилоскопия, конечно, пригодится.

– А если он в перчатках?

– Вы совсем уж за профессионального гангстера его принимаете, – смеется Татьяна.

– От него всего можно ожидать, – хмурится Десницын-старший.

– Мы все это учтем, Дионисий Дорофеевич, – обещает Крамов.

– Тогда я попробую уговорить Арсения Благовещенского доложить о нем своему епархиальному владыке.

– Владыка, – усмехаясь, поясняет Десницын-младший, – это у православного духовенства титул архиерея.

26

Как и ожидал Дионисий, ректор Благовской духовной семинарии заметно оробел, когда Десницын посоветовал ему сообщить как можно скорее о деяниях «отца Феодосия» владыке.

– Ведь это все равно, что на себя самого донести, – говорит он упавшим голосом. – Я же сам ему разрешил...

– Что вы ему разрешили? Подпольную типографию организовать?

– Реставрацию древнецерковнославянских рукописей...

– Так то реставрация, и в единственном экземпляре к тому же. А он как развернулся? Да еще и наемную рабочую силу завел. Уже одно это по советским законам подсудно. Милиция, конечно, знает о нем все, но не хочет вас компрометировать. Репутация Телушкина ей хорошо известна – у него такое не в первый раз. Так зачем же вам за него отвечать? Дело-то явно уголовное и по серьезной статье.

– Но и владыка по головке меня за такое не погладит... Спросит, как просмотрел, почему в особняке Троицкого обосноваться разрешил?

– А кто к вам этого отца Феодосия направил? Не владыка разве? Ну так и он, значит, несет за него ответственность. Но теперь уж делать нечего, теперь одно из двух: либо вы сами ставите в известность милицию, либо милиция обойдется без вашей помощи, и тогда труднее будет доказать вашу непричастность к деяниям отца Феодосия.

Ректор, то и дело массируя поясницу, мелкими шажками прохаживается по комнате. Останавливается перед образами, крестится, сокрушенно вздыхает:

– Иного пути, значит, не имеется?

– Не вижу иного, Арсений Иванович, а вам лишь добра желаю. Ведомо мне также, что и милиция семинарию нашу компрометировать не собирается. Однако терпеть далее преступные элементы в нашем городе тоже не намерена.

Отец Арсений вздыхает еще раз и, широко перекрестившись, решается:

– Что будет, то будет – поеду! Чует, однако, мое сердце – не миновать мне гнева владыки.

Очки у Фомы Фомича на самом кончике носа. Он пересыпает шрифт из одной ладони в другую, как бобы, и недовольно покачивает головой.

– Разве с моим зрением такой шрифт набирать? Мне и корпус-то трудно, а нонпарель еле различаю. Пусть ваш мастеровой помогает мне, отец Феодосий.

– Ладно, позову его сейчас. А мелкость шрифта зачтется при окончательной расплате.

– Зачтите и то, что я свою наборную кассу принес. Без нее...

– Ясно, Фома Фомич, это тоже приму во внимание.

– Верстатка, в которую литеры будем набирать, тоже моя. Это при ручном наборе главный инструмент. Без него мы бы...

– Я ведь уж сказал – оплачу все: и труд ваш, и принесенный типографский инструмент.

– Тогда давайте вашего Вадима, пора браться за работу. Да света надо бы прибавить. Вверните лампы посильнее.

– Вадим все сделает.

Спустя несколько минут приходит заспанный Вадим. Долго зевает и никак не может понять, чего от него хочет Фома Фомич.

– Да ты что, малый, совсем ото сна очумел, простых вещей не можешь понять, – злится Фома. – Неужели ни малейшего представления не имеешь о наборе. Вот давай раскладывай пока литеры по клеткам наборной кассы. Будь бы шрифт покрупнее – корпус или петит, к примеру, я бы и без твоей помощи. А то нонпарель! Ее с лупой нужно, а не с моими очками. А ты не швыряй их так, это тебе не гвозди. Клади вместе с литерами еще и пробелы, цифры и линейки. Да пошевеливайся, а то мы так до утра не рассортируем, а надо бы сегодня хоть одну страницу сверстать.

– Если уж так быстро надо, пусть и отец Феодосий помогает, – недовольно бурчит Вадим.

– Ты что, в своем уме? – тарашит глаза на Маврина Фома. – Он работодатель, хозяин...

– Ладно, ладно, – примирительно говорит Корнелий. – Я вам помогу, литеры только очень уж маркие. Рук потом, наверное, не отмоешь?

– Да уж известное дело, – подтверждает Фома. – Свинцовая пыль въедлива. У наборщиков ручного набора она на пальцах и даже ладонях на всю жизнь.

– Что вы говорите! – испуганно отдергивает руку от шрифта Корнелий.

– Это когда лет десять поработаешь, – смеется Фома. – А денек-другой никакого следа не оставит. Дня через два-три все сойдет. Тут на них не столько свинцовая пыль, сколько типографская краска. Не новый шрифтик-то, был уже у кого-то в употреблении. Краска, правда, тоже въедлива, но и она отмывается в конце концов.

К одиннадцати часам ночи удастся разложить все типографские знаки по клеткам наборной кассы. В начале двенадцатого Фома приступает к набору первой строки. Он кладет перед собой страницу текста и торжественно берет из кассы букву за буквой, устанавливая их в верстатке.

Авдий молча пропускает мимо себя Дионисия Десницына, внука его Андрея, ректора семинарии отца Арсения и двух неизвестных ему представителей епархии. Чтобы никто из них не споткнулся в темноте, Авдий идет впереди, указывая дорогу. То ли он заблаговременно смазал петли, то ли дверь в подвале вообще не скрипучая – открывается она бесшумно.

Вниз по ступенькам первым снова идет Авдий. Достигнув массивной двери на нижней площадке лестницы, он по знаку Дионисия стучит в нее.

После некоторой паузы слышится голос Вадима:

– Это ты, Авдий?

– Я, Вадим. Отвори, мне отец Феодосий надобен.

Снова пауза. Наконец тяжелая дверь медленно, с противным скрипом, будто кто-то кошке на хвост наступил, отворяется. Слепленный ярким светом Авдий не сразу входит в подвал, давая возможность глазам своих спутников привыкнуть к освещению и оглядеться.

– Чего стал, заходи, – говорит Авдию Вадим. – Вон он, «отец Феодосий».

Авдий шагает к Корнелию, и тогда из темноты выступают фигуры ректора, Дионисия и представителей епархии.

– Гаси свет, Вадим! – не своим голосом кричит Корнелий.

– Нет уж, – спокойно произносит Вадим, отстраняя Фому, – побудь на свету, «отец Феодосий». Покажись своему духовному начальству, каков ты есть.

– Так ты, значит, только прикидывался мертвецом? – пытается броситься на Вадима Корнелий. – А на самом деле на милицию работал, сволочь?

– Да, я был «мертвецом», это верно. Но, как видишь, воскрес, увидев, какими делишками ты собираешься тут, под кровом духовной семинарии, заняться. Вот и держи теперь ответ перед ними, – кивает Вадим на представителей епархиального духовенства...

Спустя две недели Татьяна снова приезжает в Благов. Встречать ее выходит обрадованный и немного растерянный Дионисий. Он в старом, выцветшем от времени подряснике, с засученными, выпачканными мукой рукавами.

– Здравствуйте, дорогая Татьяна Петровна! Извините, что я в таком затрапезном виде, – хлопочу по хозяйству. Очень, очень рад вас видеть! А Андрея, к сожалению...

– Я не к Андрею, я к вам лично, Дионисий Дорофеевич. Приехала пригласить на мою свадьбу.

– О, спасибо, спасибо! И от всей души поздравляю! – Дионисий протягивает руку Татьяне и восклицает полушутя, полусерьезно: – Господи, почему ты не послал мне такую женщину, когда я был молод и верил в тебя?

1973 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРРА ИНКОГНИТА
ПРЕСТУПЛЕНИЕ МАГИСТРА ТРАВИЦКОГО
...ЕСЛИ ДАЖЕ ПРИДЕТСЯ ПОГИБНУТЬ
ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТОМАН

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Приключенческие повести

ИБ № 2907

Ответственный редактор Л. А. Банденок.

Художественный редактор М. Д. Суховцева.

Технический редактор Л. Н. Никитина.

Корректоры Г. В. Давыдова и Е. И. Щербакова.

OCR – Андрей из Архангельска

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Москва, Сушевский вал, 49.

